

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОБЫТИЯ
В ЖИЗНИ КИТАЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Выпуск VII.
Проблемы новой и новейшей истории
Китая

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)
И90

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИКСА РАН*

Рецензенты:

Пляйс Яков Андреевич, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор-исследователь Финансового университета при Правительстве РФ;
Бородич Владимир Федорович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Институт Китая и современной Азии РАН

Редакционная коллегия:

д.и.н. Н.Л. Мамаева (отв. ред.), А.Л. Верченко, Т.Г. Герасимова (отв. секр.),
к.и.н. И.Н. Сотникова

И90 Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск VII. Проблемы новой и новейшей истории Китая / отв. ред., сост. Н.Л. Мамаева. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-8381-0448-9

DOI: 10.48647/IFES.2022.83.66.031

Сборник статей характеризуется участием китайских исследователей, которые развивают тему «Коминтерн и китайская революция» на материалах российских и китайских архивов. Под этой рубрикой находится также исследование о роли в китайской революции известного деятеля Коминтерна Георгия Димитрова, которое в некоторой степени закрывает брешь в историографии роли личностей в истории Коминтерна.

Отличительной чертой сборника является особое внимание к проблемам современного Китая, которое усиливается в связи с приближением созыва осенью 2022 г. XX съезда КПК. В центре внимания исследователей — современная политика КПК, представленная авторами в исторической ретроспективе. Подобный подход усиливает доказательную базу оценок и выводов при освещении проблемы модернизации системы государственного управления, нашедшей в сборнике многостороннее освещение. Авторы приходят к выводу, что успехи в области государственного управления последних лет ассоциируются, прежде всего с именем Генерального секретаря ЦК КПК и лидера КНР товарища Си Цзиньпина, который в своих исследованиях и на практике решительно и убедительно отвергает неадекватные стереотипы и интерпретации реформы государственного управления и делает акцент на выявлении китайской специфики.

В области истории особо отметим статьи о восстановлении исторической картины противостояния воинских соединений Китайской Республики японской агрессии в 1932 — начале 1933 г. и событиях, связанных с антияпонским партизанским движением (1931—1945). На оригинальных источниках рассматриваются малоизученные в РФ проблемы: политика КПК по привлечению капиталов хуацяо в 1950-е — 1960-е годы, становление авторского права и интеллектуальной собственности в КНР, развитие социальных институтов Тайваня, эволюция «тайваньского вопроса», политика китайского руководства по проблеме счастья. Дальнейшее развитие получили источниковедческое и историографическое направления.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Коммунистическая партия Китая (КПК), Коммунистический Интернационал (Коминтерн, КИ), система государственного управления, Китайская Республика (КР), партизанское движение, хуацяо, законодательство, борьба с коррупцией, верховенство права.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением редакционной коллегии.

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)

© Мамаева Н.Л., составление, 2022

© ИКСА РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

ISBN 978-5-8381-0448-9

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State-Funded Institution of Science
Institute of China and Contemporary Asia
(ICCA RAS)

**HISTORIC EVENTS
IN THE LIFE OF CHINA
AND MODERNITY**

Issue VII

*Problems of Modern
and Contemporary History of China*

Moscow
ICCA RAS
2022

*Recommended for publication
by the Academic Council of the ICCA RAS*

Reviewers:

Ya.A. Plyais, Dr.Sc. (History), Dr.Sc. (Political Science),
Prof., V.F. Borodich, Ph.D (Law)

Editorial Board:

N.L. Mamaeva, Dr.Sc. (History), (editor-in-chief), A.L. Verchenko,
T.G. Gerasimova (executive secretary), I.N. Sotnikova, Ph.D. (History)

Historic Events in the Life of China and Modernity. Problems of Modern and Contemporary History of China. Collection of articles. Issue VII / editor-in-chief, comp. N.L. Mamaeva. — M: ICCA RAS, 2022. — 288 p.

The collection of articles is divided into several sections: «Xi Jinping and the problem of modernizing the state governance system», «The Comintern and the Chinese revolution», «The Republic of China and Japan: armed confrontation in the Northeast in the 1930s — 1940s», «China: important historical development in domestic and foreign policy».

The collection of the included articles is marked by the participation of Chinese researchers. They develop the subject of the Comintern and the Chinese Revolution, based on the documents from Russian and Chinese archives. A study of the role of the well-known figure of the Comintern Georgy Dimitrov in the Chinese revolution is also included in this section and to some extent closes the breaches in the historiography of the role of individuals in the history of the Comintern.

A distinctive feature of the collection of articles is a special attention paid to the problems of contemporary China, which is intensifying due to the upcoming 20th CCP Congress (in autumn 2022). The focus of the researchers is the contemporary policy of the CCP, presented by the authors in a historical retrospective. Such an approach enhances the evidence base of assessments and conclusions, it is typical while highlighting the problem of modernizing the state governance system, which has found multilateral coverage in the book. The authors come to the conclusion that the successes in this field are associated, first of all, with the name of the General Secretary of the CCP Central Committee and the leader of the PRC, Comrade Xi Jinping, who, in his research and practice, resolutely and convincingly rejects inadequate stereotypes and interpretations of public administration reform and focuses on Chinese specifics.

In the historical section it should be especially mentioned the restoration of the historical picture of the resistance of the military units of the Republic of China to the Japanese aggression in 1932 — early 1933, and events related to the anti-Japanese guerrilla movement (1931—1945). The little-known in Russia problems are considered on the base of original sources: the policy of the CCP to attract capital of the huaqiao in the 1950s — 1960s, the formation of copyright and intellectual property in the PRC, the development of Taiwan's social institutions, the evolution of the “Taiwan question” and the policy of the Chinese leadership on the problem of happiness. Source studies and historiography have been further developed.

Keywords: Xi Jinping, Chinese Communist Party (CCP), Communist International (Comintern), state governance system, Republic of China (ROC), guerrilla movement, huaqiao, legislation, anti-corruption, rule of law.

The articles reflect the author's point of view, which does not necessarily coincide with the opinion of the editorial board.

© N.L. Mamaeva, compilation, 2022

© ICCA RAS, 2022

© Team of authors, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СИ ЦЗИНЬПИН И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Ершов А.В.* Изучение идей Си Цзиньпина в области государственного строительства и реформирования аппарата государственного управления 9
- Мамаева Н.Л.* К вопросу о модернизации системы государственного управления в КНР: история и современность 22
- Смирнов Д.А.* Идеино-политические и организационные аспекты партийного строительства в КПК на современном этапе 37
- Троцинский П.В.* Правовое обеспечение государственного управления при Си Цзиньпине 48
- Верченко А.Л.* Тема сообщества единой судьбы человечества в выступлениях Си Цзиньпина в 2017—2019 гг. (по материалам третьего тома «О государственном управлении») 57

КОМИНТЕРН И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

- Ван Ци.* Коммунистический Интернационал и китайская революция: исследования китайских ученых 67
- Е Фань.* Военно-политическая академия имени Н.Г. Толмачева и первые высшие военно-политические кадры КПК 85
- Сотникова И.Н.* К вопросу о роли Георгия Димитрова в китайской революции 96

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ЯПОНИЯ: ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ в 1930-х — 1940-х гг.

- Дацзышен В.Г.* Армии Дин Чао и Ли Ду в борьбе с японской агрессией. Из предыстории Второй мировой войны 113
- Верченко А.Л.* Политика Японии по подавлению партизанского движения на Северо-Востоке Китая (1931—1945 гг.) 130

КИТАЙ: ВАЖНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

<i>Пожилков И.Е.</i> Политика КПК по привлечению капиталов хуацяо в 1950—1960-е гг.	151
<i>Анисимцев Н.В.</i> История и современность становления авторского права и интеллектуальной собственности в КНР	167
<i>Семенов А.В.</i> К вопросу о проблеме счастья в Китае	188
<i>Саркисова Г.И.</i> Рапорты селенгинского коменданта В.В. Якоби в Коллегию иностранных дел как источник по истории русско-китайских отношений в 60-е годы XVIII в.	201
<i>Герасимова Т.Г.</i> Внешняя политика Китая (1949—2021) на страницах издания «КНР: политика, экономика, культура»	214
<i>Степанова Е.Н.</i> Социальные институты Тайваня на фоне недавних внутривнутриполитических изменений	247
<i>Волошина А.В.</i> КПК и задача национального воссоединения: «Тайваньский вопрос»	263

CONTENTS

XI JINPING AND THE PROBLEM OF MODERNIZING THE STATE GOVERNANCE SYSTEM

<i>A.V. Ershov.</i> Studying Xi Jinping’s Ideas in the Field of State Building and Public Administration Reforming	9
<i>N.L. Mamaeva.</i> To the Issue of Modernizing the PRC’s State Governance System: the History and the Modernity	22
<i>D.A. Smirnov.</i> Politico-Ideological and Organizational Aspects of the Party Construction at the CCP at the Modern Stage	37
<i>P.V. Troshchinskiy.</i> Legal Protection of Xi Jinping’s Governance of China	48
<i>A.L. Verchenko.</i> Community of a Common Destiny for Mankind in Xi Jinping’s Speeches in 2017—2019 (Based on the Materials of the Third Volume of “Governance of China”)	57

COMINTERN AND THE CHINESE REVOLUTION

<i>Wang Qi.</i> The Relationship between the Comintern and the Chinese Revolution: Chinese Scholars’ Researches	67
<i>Ye Fan.</i> The Tolmachyov Military-Political Academy and the CCP First High-Ranking Military-Political Cardes	85
<i>I.N. Sotnikova.</i> To the Question about the Role of Georgi Dimitrov in the Chinese Revolution	96

REPUBLIC OF CHINA AND JAPAN: ARMED CONFRONTATION IN THE NORTHEAST IN THE 1930’S — 1940’S

<i>V. G. Datsyshen.</i> The Armies of Ding Chao and Li Du in the Fight against Japanese Aggression. From the Prehistory of the Second World War	113
<i>A.L. Verchenko.</i> Japanese Policy Aimed at Suppressing the Partisan Movement in Northeast China (1931—1945)	130

CHINA: IMPORTANT HISTORICAL DEVELOPMENTS IN DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

<i>I.E. Pozhilov.</i> The CCP’s Policies for Capital Raising of Huaqiao in the 1950s-1960s	151
<i>N.V. Anisimtsev.</i> The History and Present State of the Formation of Copyright’s and Intellectual Property Ownership in China	167
<i>A.V. Semenov.</i> The Problem of Happiness in China	188
<i>G.I. Sarkisova.</i> Reports of the Selenga Commandant V.V. Yacobi to the Collegium of Foreign Affairs as a Source of Historical Information on Russian-Chinese Relations in the Sixties of the 18 th Century	201
<i>T.G. Gerasimova.</i> Foreign Policy of China (1949—2021) on the Pages of the Editions of “PRC: Politics, Economy, Culture”	214
<i>E.N. Stepanova.</i> Taiwan Social Institutions at the Background of the Recent Internal Political Changes	247
<i>A.V. Voloshina.</i> The CCP and the Goal of National Reunification: the “Taiwan Issue”	263

СИ ЦЗИНЬПИН И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.48647/IFES.2022.33.78.013

А.В. Ершов

ИЗУЧЕНИЕ ИДЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕФОРМИРОВАНИЯ АППАРАТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются важные для государственного строительства и реформирования системы государственного управления идеи Си Цзиньпина, высказанные в период 2017—2020 гг. Глава КНР подчеркивает важность достигнутой политической стабильности Китая, считает необходимым сохранение и укрепление КПК — системного ядра всей политической системы КНР. История и традиции каждой страны определяют ее институциональное преимущество, формирующее управленческие механизмы. Автор систематизирует и анализирует ряд идей и концепций Си Цзиньпина, необходимых для последующих преобразований системы госуправления КНР.

Ключевые слова: система государственного управления, партийное и государственное строительство, партийное руководство, институциональное преимущество, система функциональных органов.

Автор: Ершов Александр Валерьевич, научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (Москва).

E-mail: alexandre.erшов@gmail.com

A.V. Ershov

STUDYING XI JINPING'S IDEAS IN THE FIELD OF STATE BUILDING AND PUBLIC ADMINISTRATION REFORMING

Abstract. The article discusses Xi Jinping's important ideas for state building and reforming the public administration system, expressed in the period 2017—2020. The head of the People's Republic of China emphasizes the importance of the achieved political stability of China, considers it necessary to preserve and strengthen the CCP, the systemic core of the entire political system of the People's Republic of China. The history and traditions of each country determine its institutional advantage, which forms the governing mechanisms. The author systematizes and analyzes a number of ideas and concepts of Xi Jinping, which are necessary for the subsequent transformation of the PRC public administration system.

Keywords: public administration system, party and state building, party leadership, institutional advantage, system of functional bodies.

Author: Alexander V. Ershov, Researcher of the Center on Modern History of China and History of Chinese-Russian Relations, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).

E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

Реформы в области государственного управления КНР неразрывно связаны с задачами реформы экономической системы и проводятся с начала 1980-х гг. Успешность экономических преобразований во многом была тесно связана с глубиной преобразований системы госуправления, по мере углубления экономических реформ добавлялись новые задачи и цели [Ershov, с. 208].

Происходившие в первом двадцатилетии XXI века события наглядно показали, что существующая мировая экономическая модель впадает в глубокий кризис, и в ближайшем будущем неизбежны крупные потрясения и трансформации¹. Действия Си Цзиньпина с одной стороны были направлены на сохранение и развитие существующего экономического потенциала и производственных мощностей КНР (инициатива «Пояса и пути», поэтапная диверсификация экспорта). В то же время было важным провести теоретическую работу, дать ответы на многие назревшие вопросы (зачем Китаю социализм, КПК, какую роль они играют в настоящем и

¹ Здесь следует заметить следующее. Китай является крайне важной составной частью мировой экономической системы. В ходе проведения политики реформ и открытости сложились определенные отношения взаимозависимости между КНР и США: основной экспортный рынок для КНР с 1980-х гг. — это США, в то время как многие товары для внутреннего рынка США производятся в Китае. Очевидно, что все трудности, переживаемые американской (западной) экономикой, окажут (и оказывают) самое прямое воздействие на Китай.

будущем страны, в какую сторону необходимо развивать политическую, экономическую и социальную системы страны и другие). Си Цзиньпином (и его командой) была проведена и эта работа; она явилась как осмыслением пройденного Китаем с 1949 года пути, так и суммированием много-тысячелетнего опыта китайской цивилизации в области государственного строительства и государственного управления².

Следует особо отметить, что некоторыми исследователями упорно игнорируется факт постоянных теоретических поисков КПК — от прагматичного подхода «черной и белой кошек» Дэн Сяопина [Дэн Сяопин, с. 192] и «трех представительств» Цзян Цзэминя до охватывающих разные аспекты интегральных идей Си Цзиньпина. Этому фактору, как правило, не придают важного значения, в то время как постоянные теоретические поиски помогают КПК не терять *связи с реальностью*, соответствовать духу времени и открытой (в разумной степени) новым веяниям. В важности идеологических разработок мы можем убедиться, посмотрев на историю СССР второй половины XX века³. Советский опыт ошибок очень внимательно изучен и разобран в Китае, и потому, при всех социально-экономических сложностях, которые испытывает Китай, мы не видим застоя мысли в деле партийного и государственного строительства. Напротив, мы наблюдаем постоянные попытки обнаружить новое в старом (опора на культуру и историю), стремление оставаться в постоянном контакте с изменениями эпохи и отвечать на новые вызовы.

В III томе работ Си Цзиньпина «О государственном управлении» затронут целый спектр важных вопросов, имеющих ключевое значение для формирования будущего Китая. Пожалуй, некоторые идеи и концепции не теряют своей актуальности и на российской почве.

Нужно отметить, что в области государственного устройства и государственного управления у Китая имеется исключительно богатое историческое наследие. Фактически, Китай первым в известной нам истории создал современную бюрократическую систему, внедрил административ-

² Разумеется, мы должны понимать, что большинство многочисленных работ Си Цзиньпина по самому широкому кругу вопросов написаны не лично им — глава государства просто не имеет времени на написание столь большого количества работ, а его командой, что нисколько не умаляет огромной важности сформулированных и высказанных Си Цзиньпином идей.

³ После смерти И.В. Сталина, который в последние годы своей жизни пытался провести партийную реформу («без теории нам смерть, смерть»), руководство КПСС декларировало догматический социализм, категорически отказываясь что-либо менять в идеологических конструктах и привносить новые идеи. Результатом стал застой в разработках современной теории социализма, а как следствие, с отказом от собственной идеологии, утрата КПСС роли ядра системы государственной власти и государственного управления и разрушение государства.

ное законодательство, создал стройную систему госслужбы и экзаменационную квалификационную систему (кэцзюй) задолго до того, как появились западноевропейские королевства.

Следует подчеркнуть, что идеи Си Цзиньпина в области государственного управления основаны на *многотысячелетних лучших практиках* истории Китая. В частности, в III томе приводится цитата из философско-политического трактата «Шан-цзюнь-шу»⁴, являющегося одним из древнейших памятников китайской мысли: «чтобы основать государство, нужно иметь четкое представление о его институциональном устройстве». Здесь представляет интерес следующая расшифровка этого понятия: «институциональное преимущество — это самое главное преимущество государства, а межгосударственная конкуренция в конечном счете заключается в *конкуренции между их институциональными системами*» [Си Цзиньпин, с. 178]. Такой подход представляется гораздо более реалистичным, чем тот, что мы зачастую встречаем у западных (американских) коллег, которые так или иначе видят идеалом государственного устройства американскую политическую систему, а все остальные политические системы с их точки зрения «недемократичны» и нуждаются в демонтаже с последующим строительством по образцу американской⁵.

Си Цзиньпин под *институциональным преимуществом* в первую очередь подразумевает:

- 1) традиции и историю общества, формирующего механизмы государственного управления как максимально соответствующие традициям и нуждам этого общества на данном историческом промежутке времени;
- 2) стабильность, баланс и базовый консенсус по магистральному развитию страны различных группировок внутри государственного аппарата⁶.

В рассуждениях Си Цзиньпина мы не видим глобального универсалистского подхода к устройству любого государства и общества, напротив, наблюдаем признание *многообразия* государственного устройства различных типов обществ и политических организмов. «Выбор того или иного государственного строя, той или иной системы государственного управления в отдельно взятой стране зависит от *культурно-исторического базиса, характера общества и уровня экономического развития*»

⁴ «Книга правителя области Шан», IV в. до н.э.

⁵ Что мы наблюдали в 1990-е гг. в России, когда даже Конституция РФ была написана по образцу американской. Разумеется, подоплекой является не установление демократического управления в других странах, а уничтожение геополитических конкурентов и получение их ресурсов.

⁶ Политическая стабильность социума дается дорогой ценой и требует времени. Также она отнюдь не является обязательным следствием государственного строительства (например некоторые режимы Латинской Америки и Африки).

[Си Цзиньпин, с. 179]. Стоит признать, что реалистично мыслящий человек едва ли откажется от такой формулировки.

Опыт Китая, накопленный за последние десятилетия, подвергнут Си Цзиньпином анализу и осмыслению: «незыблемое институциональное устройство является предпосылкой *социальной стабильности* в стране» [Си Цзиньпин, с. 178]. Этот опыт исключает резкий слом системы и ее разрушение, а, напротив, предполагает длительную эволюцию государственной машины. Это, кстати, исключает поведение Китая на международной арене по американскому образцу — через войны, вторжения, насильственную смену правящих режимов (так называемые цветные революции). Данный тезис демонстрируют и реальные действия Китая в тех регионах, где он «плотно» работает. Это отнюдь не идеализация Китая, в данном случае автор хочет сказать, что методы работы китайцев отличаются от американских.

В работах ряда исследователей можно встретить утверждение, что китайская система государственной власти и управления «архаична» и не соответствует реалиям текущего дня⁷. Си Цзиньпин, говоря о демократии и эффективности политического строя, выделяет следующие критерии демократического управления:

- 1) смена руководства в законном порядке и плавным образом;
- 2) осуществление народом управления государственными и общественными делами, экономической и культурной деятельностью в рамках закона;
- 3) беспрепятственные заявления народных масс о своих интересах и потребностях;
- 4) эффективное участие всех членов общества в политической жизни страны;
- 5) принятие государством решений на научной и демократической основе;
- 6) включение одаренных специалистов разного профиля в государственную систему на основе справедливой конкуренции;
- 7) осуществление правящей партией государственного руководства в соответствии с положениями Конституции и законов;
- 8) эффективное сдерживание власти и контроль над ее использованием [Си Цзиньпин, с. 183—184].

Конечно, нельзя сказать, что действующая китайская политическая модель вполне соответствует данным критериям, однако вряд ли где-либо на планете существует полностью соответствующее им государство. Между тем, честным было бы признать, что китайские власти последова-

⁷ Такой вывод во многом закономерен, если исходить из парадигмы «атлантического подхода» — нет демократии, кроме западной, и США пророк ее.

тельно реализуют и совершенствуют свою государственную и общественную системы, безусловно, исходя из собственного культурно-исторического понимания идей равенства и справедливости. Пожалуй, не стоит считать, что механизм частого чередования правящих кабинетов и фигур, их возглавляющих, *сам по себе* способен позитивно повлиять на социально-экономическое развитие страны.

Самым крупным *институциональным преимуществом* Си Цзиньпин называет *партийное руководство*⁸. Партийное руководство «позволяет учитывать создание различных партийных и государственных структур, эффективно согласовывает функции и роль разных структур, совершенствует институциональную систему». Преимущества этой системы заключаются в применении научного подхода при руководстве, обеспечивая тем самым эффективное управление, долговременный порядок и долгосрочную стабильность в стране [Си Цзиньпин, с. 136]. Иными словами, внутрикитайский властный консенсус основан в первую очередь на успешном функционировании КПК. При разрушении этого института с высокой степенью вероятности произойдет и разрушение всего института государства, поскольку не существует другой платформы для достижения договоренностей между различными властными группировками, представляющими разные регионы и секторы экономики Китая. Кроме того, есть еще одно важное обстоятельство: фактически вся *кадровая работа* курируется КПК, обеспечивая тем самым *неукоснительность* выполнения принятых решений и подбор наиболее компетентных специалистов для решения конкретных задач. То есть КПК — это *не партия в западном понимании*, это институт политического консенсуса и вертикаль государственного управления.

Зачастую можно встретить мнение некоторых исследователей (как в России, так и на Западе), что КПК не нужна современному Китаю, который только тогда ждет действительный политический прогресс, когда от власти будет убрана КПК. Они ждут крушения существующей политической системы. Такой подход следует признать или близоруким, или ангажированным. Следует спросить, что является реальным политическим прогрессом? Имплементация чуждых по сути политических институтов в общество иной политической культуры не способно вызвать ничего, кроме хаоса и потери управляемости государством и общественными процессами. Стабильность современного Китая *выстрадана* дорогой ценой и при любом реформировании, тем более политическом, необходим крайне осторожный подход. Опыт Советского Союза об этом свидетельствует весьма красноречиво.

⁸ Как раз то, что западные исследователи, как правило, больше всего критикуют.

В западных странах многопартийный механизм используется для балансирования в противостоянии между различными группировками, кроме того, фактически все властные партии так или иначе находятся на содержании у крупных капиталистов и являются проводниками их интересов. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на историю становления так называемой «западной демократии» за последние 250 лет; современные формы демократических режимов на Западе достигли главного: они очень умело скрывают от народа реальную природу власти — власть капитала. В последнее же время идет фактический демонтаж и институтов представительной демократии, сложившихся после 1945 г., и уничтожение среднего класса. Да, критики правы в одном: в Китае всем управляет партия. Но так ли это плохо, как зачастую представляется? КПК отнюдь не безлика и монолитна, в ее состав входят различные группировки, в задачу которых входит и согласование их интересов, выработка общей позиции по ключевым вопросам. Партия всегда обеспечивала вертикальную мобильность; причиной критики со стороны Си Цзиньпина, направленной на восстановление эгалитаризма в КПК («лаоцзи шимин, бу ван чусинь»⁹) была в том числе и потеря прежней эффективности социальных лифтов. Важным был также подход в оценке работы чиновника, высказанный Си Цзиньпином в январе 2016 года («Три разграничения»), где отмечалось, что необходимо предельно четко отличать ситуацию, где имеет место быть сознательное вредительство и саботаж, от той, где чиновник совершает ошибки из-за отсутствия достаточного опыта.

Система государственного управления КНР с самого начала своего формирования в 1950-х годах была проникнута китайской спецификой, китайским культурным наследием. В процессе формирования Нового Китая ряд управленческих практик и институтов был заимствован у СССР, что отнюдь не исключало существование собственно китайских институтов, учитывающих специфику китайского общества (к примеру, НПКСК). По мере углубления административных реформ в ходе реализации политики реформ и открытости, создания системы госслужбы, на китайскую почву были перенесены лучшие практики наиболее развитых в экономическом отношении стран. Китайский подход к реформированию всегда отличал выбор лучших практик на основе долгосрочного опытного апробирования [Мамаева, с. 153—154]. Так, к примеру, создавалась система государственной службы, принимались важные законы [Кокарев, с. 171—176]. Невозможно увидеть случаи бездумного, механического копирования какой-либо западной практики, института, что,

⁹ «Оставаться верным первоначальной цели, ни на минуту не забывать о своей миссии».

к сожалению, стало порочной практикой на постсоветском пространстве за последние тридцать лет.

Система госуправления с китайской спецификой как никогда определяет жизнеспособность современного Китая. Реформы аппарата государственного управления (1980-е — 2010-е гг.) на всех уровнях власти (от Госсовета до уездных правительств) были не просто перестановкой отдельных административных единиц, упразднением, укрупнением и созданием новых ведомств, но воссозданием системы госуправления (после событий конца 1950-х — середины 1970-х гг.) и последующей поэтапной кардинальной ее перестройкой. Главная цель административных реформ заключалась в *содействии реформе экономической системы*. Без успешности преобразований системы государственного управления не было бы современного, экономически успешного, динамично развивающегося Китая. Создание и развитие действующей системы государственного управления с китайской спецификой далось значительными усилиями, и этой с трудом достигнутой устойчивостью нужно дорожить. Особо стоит отметить, что это не означает закоснелости, отсутствия изменений и инноваций, наоборот, реформирование системы госуправления в Китае продолжается в плотной увязке с экономическими нуждами. В марте 2018 г. на 1-м заседании ВСНП 13-го созыва премьер-министр Ли Кэцян представил новый проект реформы аппарата Госсовета. После реформы количество ведомств Госсовета министерского уровня было сокращено на восемь единиц; общее количество министерств и ведомств составило 26 единиц. В рамках дальнейшего совершенствования системы «больших министерств» происходила оптимизация ряда сфер управления.

В статье «Дальнейшее совершенствование функциональной системы партийных и государственных органов» (июль 2019) отмечается прошедший в ноябре 2013 г. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва, который по своей значимости сравнивают с 11-м пленумом 3-го созыва. На 3-м пленуме 18-го созыва была выдвинута концепция «продолжения модернизации системы и дальнейшее выявление потенциала государственного управления» как общая цель всестороннего углубления реформ» [Си Цзиньпин, с. 167—168]. Там же отмечался значительный вклад в реформирование системы государственного управления, который внесли 18-й и 19-й пленумы ЦК КПК. На этих пленумах была подчеркнута важность и необходимость институционализации системной работы в разных сферах, включая, в первую очередь, систему государственного управления. Отмечалось, что более строгие требования должны предъявляться к системности, целостности, согласованности работы аппаратов управления, законченности институтов управления, их **большей зрелости**; необходима выработка правил и уставов (вместо устных распоряжений). Был также сделан акцент на едином планировании, детализации процесса реформиро-

вания, улучшении кадровой работы, ужесточении дисциплины [Си Цзиньпин, с. 158].

За этими канцелярскими определениями скрывается понимание руководством КНР проблемы функционирования механизмов и институтов управления КНР на глубинном уровне. Как отмечалось выше, в ходе предшествующих десятилетий реформирование системы госуправления шло главным образом по линии содействия задачам экономической реформы. Сейчас рыночные механизмы в целом сложились, система же управления нуждается в структурно-институциональном реформировании, т. е. в создании *самоподдерживающихся* управленческих структур, не испытывающих (или испытывающих в малой степени) степень персонифицированного воздействия. Устойчивость западных институтов управления как раз во многом обуславливается этим фактором — не важно, кто в данный момент у власти, государственный организм продолжает выполнять свои функции. Другое дело, что здесь мы имеем дело с очевидным противоречием: личность, пытающаяся создать такую систему, действует в классической парадигме персонифицированного воздействия. Персонифицированность институтов власти и управления — одна их характерных черт китайской, как, впрочем, и российской политической культуры. Возможно ли сочетание сильной, яркой личности и самоподдерживающейся управленческой структуры — вопрос для широкой дискуссии.

К вопросу о существующих механизмах выработки политических решений. Существует мнение, что решения внутри КПК принимаются узкой группой (Политбюро ЦК КПК). В каких-то вопросах это, безусловно, так. Однако руководство КПК понимает, что при разработке глубинных стратегий дальнего действия необходимо привлекать большое количество специалистов для формирования компетентных решений. В частности, после 19-го пленума 4-го созыва создана рабочая группа по разработке предложений реформирования государственного управления, которая в течение шести месяцев собирала отзывы, проводила опросы как в определенных партийных кругах, так и среди беспартийных, включая руководителей центральных комитетов демократических партий, Всекитайской ассоциации торговцев и предпринимателей.

В «Постановлении ЦК КПК по некоторым важным вопросам» (28 октября 2019) выделяются две части: историческая, подводящая общий итог проведенным преобразованиям, и практическая, нацеленная в настоящее и ближайшее будущее. В частности, были поставлены следующие ключевые на ближайшую пятилетку задачи:

- 1) большая опора на законодательные нормы и правила (институционализация);
- 2) использование научно-технических механизмов, научно-технологических инноваций (создание собственных научных разработок);

3) продовольственная безопасность, развитие сел и сельского хозяйства;

4) внедрение ИИ, Интернета, больших данных, и других современных ИКТ с целью повышения возможностей управления и его модернизации (инструменты институционализации);

5) улучшение системы управления кадрами, повышение ответственности, смелости, инициативности работников аппарата госуправления.

В ходе последней крупной реформы аппарата госуправления КНР, начавшейся в 2018 году, было поставлено несколько ключевых задач, требующих решения: изменение отношений между правительством и госпредприятиями (дальнейший уход правительства от хозяйственных функций), между государством и общественными организациями, между властью и деловым сообществом (контроль и управление). В рамках этой реформы КПК по-прежнему сохраняет роль ядра всей политической системы, при этом осуществляя комплексное, макроуровневое, стратегическое управление. Создание и совершенствование функциональной системы (взаимодействие и координация) различных госорганов в том числе служит цели защиты единого централизованного руководства партии (противодействие расколу партии, подрыву ее авторитета, фракционности и местничества). Кроме центральных органов Госсовета КНР, система функциональных органов была создана на провинциальном, городском и уездном уровнях и полностью увязана на всех уровнях (перераспределение полномочий между органами). Создание единой согласованной системы — большой шаг вперед в деле госуправления; в ходе предшествующих преобразований это не удавалось воплотить в полной мере.

Баланс между партийными и государственными органами на протяжении последних сорока лет был предметом постоянных обсуждений и широких дебатов. На данный момент упор ставится на повышенную слаженность и эффективность партийных и государственных органов при осуществлении их полномочий. («Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам относительно отстаивания и совершенствования социалистического строя, продолжения модернизации управления и потенциала государственного управления», 31 октября 2019 г.).

Продолжением настройки функциональной связности госаппарата стала постановка задачи увеличения **синергетического эффекта** от вовлечения и сопряжения различных сфер политической, хозяйственной и социальной жизни страны. В выступлениях Си Цзиньпина указывается на необходимость «достижения химической реакции» [Си Цзиньпин, с. 159], т. е. глубинных изменений.

Выделяются следующие принципы реформирования:

1) всестороннее придерживаться принципа единства руководства партии;

2) не разрушать старое до появления нового, завершать созидание перед разрушением;

3) оптимизация, согласование полномочий органов и их эффективное взаимодействие;

4) вся работа — единое целое, как партия в шахматы;

5) принцип единства реформ и законности;

6) идейно-политическая работа; подготовка сознательных кадров. Усиление партийного и государственного контроля.

Си Цзиньпин отмечает, что необходимо установление «сфер ответственности», т. е. при едином планировании задач партийных и государственных органов в их взаимодействии проводится разграничение полномочий. Иными словами, каждая из ветвей управления занимается *только своими обязанностями*, вследствие чего удается уйти от традиционной проблемы *пересечения* полномочий. При этом ключевая *роль партии* в проведении реформ должна быть *усилена*. Партийные функциональные органы должны в едином порядке строиться по *отраслевому принципу* и на этой основе выполнять функции координации и управления по отраслям, а также осуществлять *единое планирование* наиболее важных работ в соответствующих отраслях. Все управленческие ведомства работают в соответствии со стандартным регламентом «три определения» (круг полномочий, оргструктуры, состав персонала) [Ершов, с. 193], применяемом при реформировании госорганов на протяжении четверти века [Си Цзиньпин, с. 160]. Перед партийными работниками постоянно ставятся новые цели: центральные партийные и государственные органы должны взять на себя обязанность инструктировать и контролировать подведомственные отрасли и структуры, решения и планы ЦК безоговорочно выполняться местными органами; одновременно с этим партийные органы обязаны проявлять инициативу, новаторски выполнять работу, исходя из местных условий. Такими методами удается поддерживать постоянный мобилизационный тонус партийных органов и их работников.

Особо следует отметить усиление социальной направленности преобразований в ходе последней реформы (концепция целевого сокращения бедности, «цзинчжунь фупин»). Эта работа курируется двумя институциональными органами центрального уровня: Руководящей группой Госсовета по борьбе с бедностью и Центральной руководящей группой по работе в сельской местности (КПК). Данные органы имеют свои структурные подразделения на всех административных уровнях, включая волостно-поселковый.

Отмечается, что при реформировании непроизводственных организаций («шие даньвэй») нужно углублять управленческую реформу через *упразднение функций*, присущих правительственным органам, предприятиям и контрольно-надзорным органам. Учитывая крайнюю чувстви-

тельность этой сферы (предприятия социальной инфраструктуры, НИИ, научные учреждения), значительных подвижек здесь за последние годы не наблюдалось, и в ближайшие несколько лет они едва ли будут.

В III томе собраны работы, вышедшие с осени 2017 г. по январь 2020 г. Многие положения были декларированы в допандемийную эпоху. Значит ли это, что за прошедшее время они утратили свою актуальность? Отнюдь, ведь большинство из целей декларировалось и ранее, в III томе мы видим их дальнейшее развитие. В настоящий момент мы наблюдаем, как весь мир вступает в новую эпоху, и пока видны лишь общие контуры этой эпохи. Вновь стало актуальным выражение «нащупывая камни переходим реку». Каждой крупной державе, реализующей в XXI веке собственный геополитический проект, необходимы в первую очередь свои концептуальные идейные наработки, которые позволят обладать кроме политического и экономического еще и таким важным видом суверенитета как *идеологический*. Утрата КПСС своей лидирующей роли в 1970-х — 1980-х гг. во многом была связана с отказом от *советского идеологического суверенитета*, формирования чуждой системы ценностей, неправильного понимания места и роли своей страны в мире. Еще в конце XX века цивилизационное лидерство стран коллективного Запада было во многом неоспоримо (как и степень их идеологического влияния), ряд развивающихся стран использовал западные идейные наработки. Сейчас это лидерство утрачено, и вопрос выбора новой цивилизационной модели для многих стран стоит как никогда остро. Видимо, таких моделей в XXI веке сложится несколько. В этих теоретических поисках у руководства КНР есть среди прочего одно значительное преимущество: опора на историю Китая делает изыскания в области управления полнее и основательнее.

Библиографический список

Дэн Сяопин. Вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина). Пекин: Издательство «Жэньминь чубаньшэ», Т. II, 1995. 446 с.

Ершов А.В. История органов государственного управления КНР // Исторические события в жизни Китая и современность: Сборник статей. Выпуск VI. К 100-летию Коммунистической партии Китая. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 183—212.

Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. 319 с.

Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М.: Русская Панорама, 2007. 232 с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. 838 с.

References

Deng Xiaoping Wenxuan (Izbrannyye proizvedeniya Den Syaopina) [Selected Works of Deng Xiaoping]. Beijing: Renming Chubanshe Publishing House, Vol. II, 1995. 446 p. (in Russian).

Kokarev K.A. Politicheskiy rezhim i modernizatsiya Kitaya. [Political regime and modernization of China]. Moscow, IFES RAS, 2004. 319 p. (in Russian).

Mamayeva N.L. Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problemy reformy politicheskoy sistemy [Party and Power: The Chinese Communist Party and the Problems of Reforming the Political System]. Moscow, Russkaya Panorama, 2007. 232 p. (in Russian).

Xi Jinping (O gosudarstvennom upravlenii) [On public administration]. Vol. III. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2021. 838 p. (in Russian).

Yershov A.V. Istoriya organov gosudarstvennogo upravleniya KNR // Istoricheskiye sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost': Sbornik statey. Vypusk VI. K 100-letiyu Kommunisticheskoy partii Kitaya. [History of government bodies of the People's Republic of China // Historical events in the life of China and the present: Collection of articles. Issue VI. To the 100th Anniversary of the Communist Party of China]. Moscow, IFES RAS, 2021. P. 183—212 (in Russian).

Н.Л. Мамаева

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КНР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Тема управления всегда привлекала внимание как ученых различных стран, так и политиков. В западной синологии она была сильно политизирована, особенно роль КПК в управлении страной. С приходом к власти в КНР пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином проблема совершенствования политики в сфере управления страной выдвигается на передний план. Статья состоит из двух взаимосвязанных частей. В первой части рассматривается содержание политики государственного управления в период с 1949 г. — до 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (19 ноября 2013 г.), с которого начинается отсчет нового этапа многовекторного изучения этой масштабной темы и внедрения новых практик в сфере управления. В совокупности набор реформаторских тенденций в историческом прошлом в некоторой, хотя и незначительной, степени ориентировал на сближение с западными образцами политической системы, включая систему государственного управления. Содержание второй части статьи выявляет элементы преемственности политики государственного управления, одновременно определяет новые подходы к проблеме создания и функционирования властных структур в современном Китае. Успехи в области государственного управления последних лет ассоциируются прежде всего с именем Генерального секретаря ЦК КПК и лидера КНР товарищем Си Цзиньпином, который решительно и, как свидетельствуют его исследования о государственном управлении, убедительно отвергает неадекватные стереотипы и интерпретации, навеянные западной и англоязычной политологией. Интерес к внедрению новых практик в сфере управления повышается на фоне осознания того факта, что исследования и практика характеризуются как «первопроходство» в такой важной области как строительство государственного управления.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Дэн Сяопин, Коммунистическая партия Китая (КПК), пятое поколение руководителей, система государственного управления, модернизация государственного управления.

Автор: Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: mamaeva_nl@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1258-9046

N.L. Mamaeva

TO THE ISSUE OF MODERNIZING THE PRC'S STATE GOVERNANCE SYSTEM: THE HISTORY AND THE MODERNITY

Abstract: The topic of State Governance has always attracted the attention of both scientists from different countries and politicians. It has been highly politicized in Western Sinology, especially the CCP's role in running the country. With the fifth generation of leaders led by Xi Jinping coming to power in the PRC, the problem of improving the policy in the field of governance of the country based on the formation of a comprehensive systematic approach to the process of modernization in the field of the state governance comes to the forefront. The article consists of two interrelated parts. The first part examines the content of State Governance policy in the period from 1949 to the 3rd Plenary Session of the 18th Central Committee of the CCP (November 19, 2013), from which a new stage of multi-vector study of this large-scale topic and the introduction of new practices in the field of State Governance began. Collectively, the set of reformist tendencies in the historical past, to some, albeit insignificant, extent, was directed towards convergence with the Western models of the political system, including the system of State Governance. The content of the second part of the article reveals the elements of the continuity of the State Governance policy, and at the same time defines new approaches to the problem of the creation and functioning of the power structures in modern China. The successes in the field of State Governance policy in recent years are associated primarily with the name of the General Secretary of the CCP Central Committee and the leader of the PRC, Comrade Xi Jinping, who resolutely and, as his studies on public administration testify, has been convincingly rejecting inadequate stereotypes and interpretations inspired by the Western and English-language political science. Interest in the introduction of new practices in the field of governance is growing amidst awareness of the fact that research and practice are characterized as "pioneers" in such an important area as building State Governance.

Keywords: Xi Jinping, Deng Xiaoping, Chinese Communist Party (CCP), fifth generation of leaders, State Governance System, modernization of State Governance System.

Author: Mamaeva Natalia L., Chief Researcher, Doctor of Historical Sciences. Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: mamaeva_nl@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1258-9046

Идеи Генерального секретаря ЦК КПК, Председателя правительства КНР Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, вошедшие в Устав КПК и получившие правовой статус в Конституции КНР, включают множество важных креативных подходов и концепций. В значительной степени они связаны со сферой (политикой) государственного управления. После XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) (2017 г.) Си Цзиньпин в ходе своей деятельности по руководству государственным управлением опубликовал целый ряд статей и других материалов по различным направлениям формирования и реформирования государственного управления (в том числе, в форме пояснений, докладов, бесед, указаний, замечаний и т. д.). Объединяя в одной книге отдельные выступления и исследования Си Цзиньпина по тематике, связанной с проблемами управления страной, отдел пропаганды ЦК КПК совместно с Институтом истории партии и документации при ЦК КПК и Китайским управлением по изданию и распространению литературы на иностранных языках составили и опубликовали III том трудов Си Цзиньпина «О государственном управлении» (2021 г.), в который вошли публикации за период с 18 октября 2017 г. по 13 января 2020 г. [Си Цзиньпин]. Исследования Си Цзиньпина в сфере государственного управления показывают, что тема управления затрагивает широкий спектр теоретических инноваций и практик, включает сложное взаимодействие различных векторов политики развития.

«Исторический фон» развития политики государственного управления в Китайской Народной Республике

Историческое прошлое политических процессов, включая разработку и складывание политики государственного управления, в значительной степени предопределяло и определяет в настоящее время содержание и объем преобразований в сфере управления. Отметим немаловажное для становления государственной структуры и политической системы обстоятельство создания КНР «революционным путем» [Мамаева, с. 19—20]. Революционное прошлое предопределило перенесение в политическую практику и государственное строительство военно-революционных методов, применявшихся Компартией Китая в “освобожденных районах” страны в 30-е — 40-е годы прошлого века. Однако наибольшее влияние революционного прошлого на современные задачи государственного управления продемонстрировали восстановительный период (1949—1952 гг.) в истории КПК и период «культурной революции». Эмоциональный накал борьбы, сопровождавший противостояние КПК с Гоминьданом, сохранялся длительное время после победы демократической революции в 1949 году, способствовал порой отрицанию и полезного опыта, накопленного в Китайской Рес-

публике, в частности, в области права. Так, партийной директивой от февраля 1949 г. отменялся официальный Свод законов Китайской Республики (Люфа цюаньшу), включающий разделы о конституционном, гражданском, гражданско-процессуальном, уголовном, уголовно-процессуальном, административном праве [Гудошников, с. 83].

Бросая ретроспективный взгляд на «историческое прошлое» партийно-политических преобразований и управленческой политики, заметим, что трудности в этой области, обозначившиеся с приходом КПК к власти в 1949 году, определялись не только слабостью партийного строительства и отсутствием навыков управления, но и более глубокими причинами. Они были связаны со сложностью перехода от традиционного общества к современному и давлением политических стереотипов управленческой практики Гоминьдана. Речь идет о влиянии на формирование модели управления государством гоминьдановских форм управления, значительно более авторитарных, чем были в бывшем Советском Союзе, который в глазах западной политологии являлся чуть ли не главным виновником отдельных неудач в управленческой сфере.

Так или иначе, в «самостоятельное плавание» Компартия вступала, имея определенный опыт партийного строительства революционного периода и весьма недостаточные навыки государственного управления. Сущность преемственности политических институтов и государственности старого и нового Китая определялось прежде всего укоренившимися в политическом сознании авторитарными методами управления страной со стороны Гоминьдана, включая практику прямого подчинения и подотчетности государственных властных структур Центральному Исполнительному Комитету (ЦИК) Гоминьдана. Все эти обстоятельства создавали для КПК, пришедшей к власти под лозунгами «новой демократии» и «единого патриотического фронта», большие трудности при формировании нового политического устройства, государственного строительства и государственного управления в целом.

После принятия в 1954 г. Конституции, написанной по образу и подобию конституций СССР и стран народной демократии того времени, военно-административные и военно-контрольные органы власти постепенно сходили с авансены. Новые реалии требовали существенной реорганизации партии из партии революционного периода в партию правящую, т. е. умеющую управлять государством и обществом в мирное время. Опыт государственного и политического строительства СССР хотя и способствовал разработке общей ориентации новой власти в направлении построения политического механизма и государственной структуры, однако, его значения не следует переоценивать прежде всего в силу специфики партийно-политических и социальных процессов Китая, требовавших конкретных подходов и решений.

Недостаточная ясность в области конкретного содержания руководящей функции Компартии в условиях мирного строительства, отсутствие собственных разработок в области системы управления и определения каналов взаимодействия партии с государственными органами и общественными организациями наряду с другими факторами (ростом бюрократизма, правовой незащищенностью, практически полным отсутствием нормирования административных процессов, нищетой и невежеством в партийных рядах, неразвитостью законодательного процесса, социально экономическими трудностями) поставили страну в 1960-е годы на грань системного кризиса.

В качестве обстоятельств, способствовавших переходу к «культурной революции», отметим неготовность партийной элиты к адекватным решениям в области государственного управления, отставание в сфере создания законодательного базиса. «Культурная революция» прервала процесс формирования управленческих функций партии, которые были намечены на VIII съезде КПК (1956 г.), подорвала и в значительной степени разрушила партийное, политическое и государственное строительство, нарушила необходимый уровень внутрипартийного единства и стабильности в стране. «Культурная революция» предопределила крайне низкую точку отсчета, с которой с конца 1970-х годов начиналось партийно-политическое строительство, учитывающее предыдущие негативы в области управления и вносящее новое качество в «старые» формы государства «советского типа». Таким образом, не следует недооценивать негативное влияние последствий «культурной революции» на содержание и темпы управленческих преобразований, не всегда адекватно представленных в историографии. События и тяжелые для страны результаты «культурной революции» выдвинули категорию стабильности на уровень одного из главных критериев адекватности действующей модели развития и предопределили осторожность китайского руководства в вопросах государственного управления.

Абстрагируясь от западных стереотипов политических реформ и учитывая в первую очередь китайскую специфику, можно констатировать, что инициированные Компартией Китая в 1980-х — 1990-х гг. партийно-политические преобразования в общем и целом вывели страну из-под обломков «культурной революции» и способствовали дальнейшей концентрации усилий в направлении строительства государственного управления, более адекватного вызовам времени.

Несмотря на сложности, совершенствование политики и практики государственного управления в Китайской Народной Республике, по сути, никогда не прерывалось. Оно неразрывно связано с руководящей деятельностью Коммунистической партии Китая как института управления страной. Именно «управленческая» сторона партийной политики была в

центре внимания 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.), который принял специальную резолюцию о необходимости совершенствования способности партии к управлению как процессу сложному и многоаспектному, неразрывно связанному с конкретными реалиями развития китайского общества, прошедшего сложный путь от «культы личности» и правового нигилизма до сознательной целеустремленной политики формирования системы управления на научной основе и в рамках строительства правового государства.

Со второй половины 1990-х годов обозначилась угроза дестабилизации положения в стране, связанная в значительной степени с дефектами в области государственного управления. Они наиболее четко проявились в росте коррупции в партийно-правительственном аппарате и заявили о себе в ходе протестных выступлений населения, направленных против злоупотреблений местных властей. Негативы не носили тотального характера. Они проявлялись на фоне имевших место позитивов, связанных с политикой совершенствования государственного управления в направлении придания ему системного характера.

Основные направления преобразований в области государственного управления в 80-е — 90-е годы XX века базировались на выступлениях и публикациях Дэн Сяопина, особенно — на известном выступлении Дэн Сяопина на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 16 августа 1980 г. — «Перестройка системы руководства партии и государства». Речь шла о разделении функций партии и правительства, административных структур и производственных единиц, о проблемах совмещения отдельными лицами ответственных должностей в партийных и правительственных органах, соотношении властных полномочий центральной и местных властей, омоложении партийного и политического руководства, формировании системы «коллективного руководства», соотношении «коллективного руководства» и личной ответственности руководителей, осуждении «культы личности», о контрольной и кадровой политике.

Нерешенная в свое время Мао Цзэдуном задача перестройки и совершенствования системы руководства партии и государства легла, по словам Дэн Сяопина, «на наши (китайского партийно-политического руководства. — *Н.Л.*) плечи» [Дэн Сяопин, с. 428]. По сути, была запущена политика, разрушавшая систему «пожизненного» занятия руководящих постов, формировавшая систему государственной службы; осуществившая удачные попытки в направлении создания правовой базы формирования и совершенствования системы государственных органов, в области развития отраслей права и усиления законности. Формировалась система новых подходов к партийному и политическому строительству (сбалансированное осуществление партийной реформы, реформы правительства, ВСНП и судебно-прокурорских органов, разработка механизма «воспро-

изводства власти» или «смены созывов» партийно-политического руководства, формирование нового качества процесса принятия решений, включающее расширение внутрипартийной демократии, участие научных экспертов и общественности в обсуждении важных решений и т. д.

Одновременно развивалась тенденция ужесточения внутри- и внепартийного контроля и нового возрождения политики совмещения высоких руководящих постов в партийных и государственных органах, связанная со сложностью переживаемого в КНР периода, характеризующегося необходимостью сохранения высоких темпов экономического роста с одновременным развитием социальной и политической сферы. Вместе с тем, имела место бóльшая, чем в СССР «застойного» времени, готовность партийно-политической элиты к адаптации системы управления страной к новым реалиям. Как показала история, готовность политической элиты к переменам и в целом человеческий фактор, играли более значительную роль в модернизации страны, чем предполагалось ранее.

Упомянутые выше направления, во многом связанные с китайской спецификой, носили не косметический, но принципиальный характер. По сути, они готовили почву для формирования и совершенствования государственного управления в направлении создания системы государственного управления, продвижение к которой четко обозначилось на XVIII и XIX съездах Коммунистической партии Китая.

Усиление коррупции в системе управления и обострение социальных конфликтов на рубеже веков поставили перед правящей партией проблему срочной корректировки модели модернизации, включая партийно-политические процессы и управленческую деятельность партии как их важную составляющую. На фоне формирующейся модели «социалистического гармоничного развития», начало которому было положено XVI съездом КПК (2002 г.), развивались новые подходы к политике управления. Концентрация усилий китайского руководства на оптимизации политики управления была весьма своевременной и демонстрировала готовность партийно-политической элиты к переменам. В партийно-политической среде укреплялась точка зрения о необходимости более энергичной адаптации партии к вызовам времени в области государственного управления.

Весьма показательно, что управление государством со стороны партии интерпретировалось по-разному: помимо прямого управления в перспективе допускалось сосредоточение руководящей функции КПК исключительно в рамках контрольной и воспитательной работы [Мамаева, с. 159—160], получившей в 2004—2005 гг. новое качество. Сложности оптимизации системы управления, достижения реформаторов, как и негативы, связанные в том числе с «первопроходством» руководства КПК в сфере государственного управления, перешагнули в XXI век.

Си Цзиньпин и проблема государственного управления

Тема управления всегда привлекала внимание как ученых различных стран, так и политиков. В западной синологии она была сильно политизирована, особенно роль КПК в управлении страной. В КНР с 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (19 ноября 2013 г.) начался отчет нового этапа многовекторного изучения этой масштабной темы и внедрения новых практик в сфере управления. По сути, речь идет о формировании всеобъемлющего системного подхода к процессу «модернизации и потенциала государственного управления». Если до этого рубежа к числу основных направлений реформы государственного управления принадлежало противодействие практике совмещения отдельными личностями высоких руководящих постов в партийных и государственных органах, которое в свое время активно поддерживал Дэн Сяопин, осуществление политики размежевания функций партийных и государственных органов управления, создание политико-юридической базы деятельности государственных властных структур и, частично, деятельности правящей партии, развитие внутривластной демократии и «коллективности руководства», и на этом широком пути были достигнуты определенные успехи (уже изменение структуры ЦК КПК об этом свидетельствовало), то современные реалии демонстрируют некоторые принципиально важные изменения и дополнения в области формирования политики управления страной.

Успехи в области государственного управления последних лет ассоциируются прежде всего с именем Генерального секретаря ЦК КПК и лидера КНР товарищем Си Цзиньпином, который решительно и, как свидетельствуют его исследования о государственном управлении, убедительно отвергает неадекватные стереотипы и интерпретации, навеянные западной и англосаксонской политологией.

Думается, что при оценке современной ситуации в партийно-политическом строительстве и в сфере государственного управления следует «включить» историческое сознание, т. е. учитывать все условия, в которых в течение длительного исторического периода формировались партийное строительство и политические процессы, исходить в своих оценках из фактов положительной динамики развития общества, прошедшего сложный путь от «культы личности» и правового нигилизма до сознательной целеустремленной политики формирования системы управления на научной основе и в ходе строительства правового государства. Периодическое обращение Си Цзиньпина к историческому прошлому Китая и КНР придает его наблюдениям и выводам по теме исследования еще большую глубину и убедительность.

В качестве основной задачи в развитии управленческой системы автором III тома книги «О государственном управлении» представлено направление совершенствования системы государственного управления.

Модернизация системы управления связывается в первую очередь с усилением роли КПК в государственной управленческой системе. Следует отметить, что в известной степени на практике так было и ранее, и мы отмечали этот факт выше, однако данный тезис в контексте развития социализма с китайской спецификой на новом этапе определяет место КПК в политическом и государственном развитии на порядок выше. До XVIII съезда КПК совершенствование политической системы и системы управления ожидалось главным образом на пути развития внутри и внепартийной демократии, связывалось с более активным привлечением к управлению страной демократических партий, с усилением «коллективного руководства», с введением в повседневную жизнь различного рода свобод и даже заимствованием у «развитых демократий» отдельных качеств государственной структуры. В совокупности набор реформаторских тенденций в некоторой, хотя и незначительной степени ориентировал на сближение с западными образцами политической системы, включая систему государственного управления.

С приходом к власти пятого поколения руководителей тезис усиления руководящей роли КПК несет в себе функцию не только пропагандистской направленности. Усиление руководящих позиций КПК не просто провозглашается, но объявляется существенным признаком и органической составной частью социализма с китайской спецификой новой эпохи, при этом подчеркивается наличие объективной основы для усиления руководящей роли КПК в системе управления страной. Руководящие позиции Коммунистической партии в управленческом процессе закрепляются концептуально, системно и в правовом поле. Подобным образом ставится черта под обсуждениями места и роли КПК в политической системе КНР, имевшими место в политологических дискуссиях, особенно вне Китая.

Фундаментальной основой Коммунистической партии Китая выдвигается укрепление «партийно-политического строительства» (дандэ чжэнчжи цзяньшэ), соответствующего новой эпохе, что обозначено в материалах XIX съезда КПК (2017 г.) и 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (март 2018 г.). Таким образом традиционное партийное строительство, формировавшееся еще в 1920-х гг. под влиянием и с помощью РКП(б)/ВКП(б), раздвигает свои рамки. Политическое строительство партии объявляется важной инновацией в области партийного строительства, подразумевает наличие у членов КПК более широкого кругозора и расширения сферы деятельности, активное участие КПК в политической жизни, предусматривает выработку четкой политической ориентации, углубленное понимание социалистического строительства с китайской спецификой, активизацию деятельности по формированию политической дисциплины и политической ответственности, осуществляемой под руководством авторитетной в КНР Центральной комиссии по проверке дисциплины и др.

Однако в качестве первостепенной задачи партийного политического строительства Си Цзиньпин выдвигает «создание атмосферы поддержки авторитета ЦК КПК и усиление единого централизованного руководства со стороны Политбюро и ЦК КПК» [Си Цзиньпин, с. 141—143]. Обратим внимание на использование терминологии, связанной с проблемами политического и партийного строительства КПК. Если в прошлом веке и в нулевых годах XXI века имело место акцентирование коллективного руководства со стороны ЦК КПК, то в партийных документах и исследованиях Си Цзиньпина, связанных с проблемами государственного управления, подчеркивается первостепенная важность такой функции ЦК КПК, как «централизованное руководство» со стороны ЦК КПК [Си Цзиньпин, с. 143]. Одновременно, как и в былые времена, отмечается значимость соблюдения в деятельности партии на всех уровнях принципов демократического централизма, заимствованных из политической практики РКП(б)/ВКП(б). Отчетливо представленная в III томе тенденция усиления централизации власти в КПК, учитывающая опыт и результаты деятельности Коммунистической партии Китая в течение более 100 лет ее существования, а также новые вызовы времени внутри и вне Китая, находит свое выражение также в положении о необходимости усиления партийного политического строительства в центральных государственных органах [Си Цзиньпин, с. 149—150].

Значительное внимание Генеральный секретарь ЦК КПК уделяет воспитанию у членов КПК высоких нравственных качеств на пути повышения требований к самим себе, а также сохранению в партии сильной жизненной энергии, изначально характерной для китайских коммунистов. Говоря о необходимости соблюдения внутривнутрипартийной дисциплины, Си Цзиньпин обращается к урокам истории, к политической практике Мао Цзэдуна в революционный период истории КПК, продемонстрировавшей преданность партии коммунистическим идеалам и четкое следование коммунистов дисциплинарным нормам.

Особый интерес вызывает тема углубления реформ государственного управления, тем более что в 1980-х — 1990-х годах, а также в нулевые годы XXI века эта тема была весьма актуальной. Имели место некоторые интересные наработки по ряду направлений, к примеру, по вопросам взаимодействия различных властных структур. Выдвигалась идея совместной деятельности и единовременного реформирования в сферах управления партийных органов, Собраний Народных Представителей, правительства, судебно-прокурорской системы, привлечения к участию общественных и неправительственных организаций. Преemptивность и углубление прежних подходов продемонстрировал 3-й пленум ЦК КПК 19-го созыва. Как отмечалось в решениях пленума, «система функций партийных и государственных органов является важной составной частью

социалистического строя с китайской спецификой, а также важной гарантией государственного управления [Коммюнике]. Си Цзиньпин, обращаясь к теме углубления реформ партийных и государственных органов, выдвигает новые задачи. Подчеркивая необходимость достижения координации в работе партийных и государственных управленческих структур, особое внимание Си Цзиньпин уделяет созданию новых специальных координационных органов или структур, регулирующих деятельность и полномочия партийных и государственных органов [Си Цзиньпин. Выступление].

Вновь ставится принципиально важная задача — управления государством на основе законов. Факты свидетельствуют об успешном продвижении вперед по данному направлению. Следует отметить, что стремление к правовому обеспечению управленческой политики характерно для КПК на протяжении всей истории политического и государственного строительства, однако значительное повышение роли механизма правового регулирования в КНР произошло именно при Си Цзиньпине. Законотворческая деятельность, особенно по данному направлению, имела и имеет свою специфику. Центр тяжести в законо- и нормотворчестве приходился, возможно, приходится и в настоящее время, на партийные структуры, которые готовят перенесение важных норм, принятых правящей партией, на уровень государственной политики. Механизм подготовки и принятия законов и нормативных актов находится в стадии совершенствования. Важным шагом в системе правового обеспечения политики государственного управления представляется такая воплощенная в жизнь новая реальность, как создание «относительно совершенной системы внутрипартийных правовых норм» [Си Цзиньпин. Выступление]. Хотя это направление развивается не в рамках государственного законодательства, оно является весомым результатом целенаправленной деятельности партии в области права последних десятилетий, представляется адекватным специфическим характеристикам модернизации системы государственного управления, демонстрирует потенциальные возможности КПК и ее руководителей в создании новых концепций и практик в сфере управления. Си Цзиньпин констатирует также тот факт, что устроение внутрипартийного управления после XVIII съезда КПК и внедрение нормативных предписаний имело положительный эффект в деле государственного управления и продемонстрировало продвижение на пути укрепления единого централизованного партийного руководства. Построение системы внутрипартийных правовых норм, по нашему мнению, свидетельствует о результативности партийно-политического строительства и способствует дальнейшей разработке правовой системы с китайской спецификой как важной части процесса оптимизации системы государственного управления.

Внимание к кадровой политике — одна из важных характеристик системы государственного управления. Подтверждается принцип «партия управляет кадрами». Ставится вопрос о совершенствовании кадровой политики [Си Цзиньпин, с. 174]. Заметим, что в этой области наиболее четко прослеживается тенденция создания законодательной основы в управлении государством. Отметим также, что в текущий период усиление правового статуса управленческой деятельности КПК осуществляется преимущественно в рамках принятых партийных нормативов.

Особое внимание лидера партии и страны Си Цзиньпина к китайским традициям, опыту КПК в революционный период и в эпоху мирного строительства помогает не только адекватно оценить современную ситуацию в системе управления, но и облегчить населению восприятие мероприятий, направленных на модернизацию политики управления государством. Так, Си Цзиньпин приводит высказывание на тему исследования писателя и философа-конфуцианца династии Южная Сун Люй Цзуня: «Если в Поднебесной нет процветания, то наступает упадок; если в Поднебесной не осуществляется должное управление, то наступает регресс» [Си Цзиньпин, с. 169].

Исходя из принципов сохранения национального суверенитета и на основе выборочного подхода китайская сторона строит свою политику в области заимствования опыта в сфере управления у других стран. В книге представлена точка зрения автора об использовании опыта Советского Союза в области государственного управления. Как отмечает Си Цзиньпин, в период социалистического строительства у СССР были заимствованы многие полезные практики для построения государственного строя и системы государственного управления КНР.

Введение Си Цзиньпином в оборот новых понятий и концепций характеризует его исследование по теме государственного управления как новаторское. Обратим внимание на включение в исследование или переосмысление таких понятий как «базовые институты, основные и ключевые» [Си Цзиньпин, с. 179]. Не останавливаясь подробно, отметим, что марксизм наделяется руководящими функциями и получает статус «базового института» в сфере идеологии. В разряд «основных институтов» решениями 4 пленума 19-го созыва вошли «экономическая система совместного развития различных секторов экономики — при доминанте сектора общественной собственности», «система распределения преимущественно по труду при сосуществовании с другими формами распределения, система социалистической рыночной экономики и др.».

Получает новое звучание и содержание определение социалистической правовой системы в современном Китае «как социалистической правовой системы с китайской спецификой», социалистической административной системы — как социалистической административной системы

с китайской спецификой. Подразумевается китайская специфика и в работе системы абсолютного лидерства партии над народной армией, над институциональной системой «Одна страна — два строя», партийно-государственной системой контроля. Развитие этих типов институтов рассматривается Си Цзиньпином под углом зрения формирования институциональных механизмов регулирования во всех областях и в целях модернизации потенциала государственного управления [Си Цзиньпин, с. 190]. Предусматривается развитие вышеназванных институтов под руководством и контролем парткомов всех уровней.

Хотя, как свидетельствуют факты, система государственного управления выдержала проверку временем, однако в деятельности отдельных структур имеют место и негативные явления, которым необходимо давать отпор. Речь идет о внутривластных противоречиях, самоуправстве, отсутствии единых стандартов, неадекватных наказаниях и поощрениях, элементах коррупции и др. В этой связи является специфической и чрезвычайно актуальной проблема создания «всеохватывающей системы контроля над соблюдением норм и правил», которой занимались с полной ответственностью и предшественники Си Цзиньпина.

Принципиальное значение для функционирования системы государственного управления имеет решение о создании новой — контрольной ветви власти, статус которой весьма значительный и соизмерим с другими ветвями власти. Продвигаемая ЦК КПК идея создания контрольной власти как масштабной реформы политической системы имеет свое прошлое, связанное в определенной степени с политическим и духовным наследием Отца нации Сунь Ятсена¹. Напомним, что его перу принадлежит Учение о «трех народных принципах» и конституции пяти властей. Согласно теории Сунь Ятсена, Китай нуждается в пяти ветвях власти. Исполнительная, законодательная и судебная ветви власти дополняются контрольной и экзаменационной ветвями власти. В настоящее время ведется работа по подготовке законов государственного контроля и осуществляется деятельность по внесению поправок в Конституцию [Си Цзиньпин, с. 421—422].

Особо также отметим в качестве специфического момента корректив, предложений и замечаний Си Цзиньпина о развитии системы государственного управления — включение в число наиболее важных практик — повышение уровня нравственности работников, в первую очередь членов КПК. Именно усиление характеристик нравственного порядка напрямую связывается с упрочением силы духа партии, гарантировавшим ее устойчивость в революционный период и в период мирного строительства.

¹ Сунь Ятсен — один из основателей и первый Президент Китайской Республики (с 1 января по 1 апреля 1912 г.), один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей.

В заключение отметим несколько важных моментов:

— Прежде всего, долговременный характер процесса «модернизации системы и потенциала государственного управления». Основы заложены; одновременно реформы в сфере управления нуждаются в дальнейшей проработке, поскольку поставленные задачи являются очень сложными.

— Констатируем факт успешного развития системы государственного управления на обновленной основе.

— Подобно тому, как в 1920-х — 1940-х гг. под руководством Мао Цзэдуна формировалась стратегия национальной революции с китайской спецификой, в настоящее время с успехом формируется система государственного управления с китайской спецификой.

— Центральное звено новых подходов — усиление руководящей роли партии в системе управления как проявление национальной специфики.

— Разрабатывается более полная и по-новому акцентированная система партийного политического строительства, предусматривающая усиление руководящей роли КПК в государственном управлении, укрепление и активация духовного потенциала КПК, наличие которого в революционном прошлом было настолько велико, что в значительной степени гарантировало победу КПК над реакционным Гоминьданом в демократической революции в 1949 г.

— Особое внимание в процессе становления и реформирования системы государственного управления уделяется нравственным качествам членов партии, особенно моральному облику руководящего состава. По сути, провозглашается мессианская роль КПК по широчайшему спектру формирования системы государственного управления и ее взаимодействия с другими системами, в деле повышения благосостояния населения и в создании «сообщества единой судьбы человечества». Большие надежды возлагаются при этом на активацию духовного начала в КПК, которое в полной мере проявилась в революционном прошлом Коммунистической партии Китая 1920-х — 1940-х гг.

Библиографический список

Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А. Эволюция политической системы // КНР 50 лет. Политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2004. 495 с. С. 82—113.

Дэн Сяопин. Перестройка системы руководства партии и государства (16 августа 1980 г.) // Избранное. Т. II. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ. 1995. 553 с. С. 400—428. (In Russian).

Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва. URL: <https://china-uz-friendship.com/?p=1443110> (дата обращения 15.05.2022). (In Chinese).

Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: Русская панорама, 2007. 232 с. С. 19—20.

Си Цзиньпин. Выступление Генерального секретаря ЦК КПК на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. Пекин, 1 июля 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/01/content_5621847.htm (дата обращения 04.01.2022). (In Chinese). (дата обращения 04.01.2022). (In Chinese).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. III. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2021. 838 с. (In Russian).

References

Gudoshnikov L.M., Yemel'yanova T.M., Stepanova G.A. Evolyutsiya politicheskoy sistemy [Evolution of the political system] // KNR 50 let. Politika, ekonomika, kultura. M.: IFES RAS, 2004. 495 p. P.82—113. (In Russian).

D-en Syaopin. Perestroyka sistemy rukovodstva partii i gosudarstva» (16 avgusta 1980 g.) [Deng Xiaoping. Restructuring the Leadership System of the Party and the State” (August 16, 1980)] // Izbrannoye. Т. II. Beijing: Waiwen chubanshe. 1995—553 с. С. 400—428. (In Russian).

Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва. URL: <https://china-uz-friendship.com/?p=1443110> (дата обращения 15.05.2022). (In Chinese).

Si Tszin'pin. Vystupleniye General'nogo sekretarya TSK KPK na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya KPK [Speech by the General Secretary of the CCP Central Committee at the solemn meeting on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the CCP]. Beijing, 01.07.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/01/content_5621847.htm (дата обращения 04.01.2022). (In Chinese).

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii tom III [The Governance of China Volume III]. Beijing. Waiwen chubanshe. Beijing. 846 p. (In Russian).

Д.А. Смирнов

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КПК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья посвящена идейно-политической и организационной работе КПК в 2000-е — 2010-е годы. С 2012 г. работа осуществлялась представителями пятого поколения руководителей партии и страны во главе с генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. Рассматриваются основные направления реализации Компартией Китая своей руководящей роли в стране — в осуществлении стратегического планирования, кадровой политики, функционирования системы первичных партийных организаций, в проведении социальной политики, в борьбе с коррупцией, в воспитании корпуса кадровых работников и в других сферах деятельности. Отмечается явно выраженная тенденция к усилению партийного руководства во всех сферах деятельности КПК по управлению страной, что обусловлено убежденностью партийных лидеров в незыблемости социалистического строя в Китае и в институциональном преимуществе руководства страной со стороны Компартии, доказанном долговременным успешным социально-экономическим развитием КНР вопреки всем внутренним трудностям, противоречиям и внешним препятствиям. Этим обусловлен курс на совершенствование партийной работы, в том числе партийного руководства системой государственного управления КНР на всех уровнях, повышение требований к профессиональному уровню и моральному облику кадровых работников, резкое ужесточение антикоррупционной борьбы. В то же время партия продолжает действовать в рамках закона и повышает требования к соблюдению законодательства в государственном управлении и регулировании экономики и общественной жизни. В идеологическом плане эта политика проводится в русле пропагандируемой с приходом Си Цзиньпина к власти концепции «китайской мечты» и в рамках давно принятого в КПК курса на «китаизацию» марксизма на каждом этапе социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: идейно-политическая работа, партийное строительство, Си Цзиньпин, институциональное строительство, государственное управление, руководство КПК.

Автор: Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: smirnov_da@inbox.ru

D.A. Smirnov

POLITICO-IDEOLOGICAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE PARTY CONSTRUCTION AT THE CCP AT THE MODERN STAGE

Abstract: The article is dedicated to the CCP's politico-ideological and organizational work in the 2000—2010s, first of all, conducted by the fifth generation of the PRC's party/state leadership, which came into power in 2012, headed by the General Secretary of the CC CCP Xi Jinping. In the article, there are considered the main directions of the realization of the PRC CCP's leading role in the state concerning its strategic planning, cadres policy, party primary organizations system functioning, social policy conducting, corruption fighting, cadre workers body training and other spheres of the activity. There is noted some evidently expressed tendency to party management tightening at all spheres of the CCP's activity at the state governance which is stipulated by the party leaders' persuasion of socialist regime in China stability and of the institutional advantage of the CCP's state management which is proved by the PRC long-term social-economic development despite all internal difficulties and contradictions and external obstacles. By this there is stipulated the course for the party work improvement including the improvement of the party management of the PRC governance system at all levels, increase of requirements to professionalism and cadre workers moral make-up, severe tightening of anti-corruption struggle. At the same time the party continues acting in the law frames and increases the requirements to the law observation at the state governance and economic and social life regulation. In the ideological plan this policy is conducted in the frames of the advertized, with Xi Jinping coming to power, conception of "the Chinese dream" and in the frames of the long-ago adopted CCP's course for Maxism "sinicization" at each stage of the socio-economic development of the state.

Keywords: politico-ideological work, party construction, Xi Jinping, institutional construction, state management, the CCP management.

Author: Smirnov Dmitry A., PhD in history, the leading researcher of the Center on Modern History of China and History of Chinese-Russian relations of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Приход к власти в 2012 г. на XVIII съезде Компартии Китая нового, пятого по счету, поколения партийно-государственного руководства КНР во главе с генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином ознаменовал собой наступление нового этапа партийно-государственного строитель-

ства в КНР (неразрывная связь, по сути органическое единство, находящейся у власти с 1949 г. Коммунистической партии и государства представляет собой важнейшую особенность политической системы современного Китая).

Этот этап характеризуется усилением партийного руководства по всем направлениям работы государственного аппарата, ужесточением внутривнутрипартийной дисциплины и резким усилением борьбы с коррупцией, ставшей на рубеже прошедшего и нынешнего веков главной внутренней угрозой сохранению авторитета КПК и ее властных полномочий. Новым руководителем была поставлена стратегическая цель укрепить и в определенной мере обновить партию путем её «возвращения к корням», с тем, чтобы она смогла выполнить задачу перестройки всей системы управления страной на этапе её перехода к новому долгосрочному этапу социально-экономического развития, нацеленному на превращение страны к середине века в первую державу мира, обеспечив её суверенитет, стабильность и процветание.

Задача глубокой перестройки системы управления страной, начиная с ядра политической системы — КПК обусловлена не только, а может, и не столько приходом к власти нового харизматического лидера, оказавшегося способным поставить эту задачу и приступить к её решению, но самой эпохой перехода от достижения первоначальных целей социалистической модернизации к реализации выдвинутого XIX съездом КПК стратегического плана «сделать Китай богатой и могущественной, демократической и цивилизованной, гармоничной и прекрасной модернизированной и могучей социалистической страной к середине нынешнего столетия» [Си Цзиньпин, том III, с. 166—167] путем проведения «пятиединого строительства» «социализма с китайской спецификой» — «экономического, политического, культурного, социального и экоцивилизационного» [Си Цзиньпин, том III, с. 34]. Накопившиеся за первоначальный период проведения политики реформ и открытости социальные противоречия и проблемы, прежде всего разьедавшая изнутри всю систему управления коррупция, рост социального неравенства, демографический кризис, проблемы с экологией объективно требуют кардинального улучшения работы системы управления страной, не говоря уже о задаче стабильного развития экономики на основе, прежде всего, её научно-технологического потенциала и обеспечения её международной конкурентоспособности.

Ключевым моментом здесь является самомобилизация партии на выполнение поставленных задач по улучшению системы управления страной. Здесь следует отметить направления практического руководства страной Компартией Китая.

Прежде всего, именно партия руководит разработкой долгосрочных стратегий развития страны и контролирует их проведение в жизнь, начи-

ная ещё с принятия в начале 1950-х годов Генеральной линии на построение социализма. А на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. был утверждён поворот в деятельности партии на осуществление экономического строительства, что создало политические условия для реализации принятой ещё в 1964 г. программы четырёх модернизаций, не выполненной из-за начавшейся вскоре «культурной революции», из-за чего эту программу пришлось принимать повторно в 1975 году на предстоящие двадцать лет. После успешного выполнения программы четырех модернизаций, на XVI съезде партии в 2002 г. была принята следующая двадцатилетняя программа — «всестороннего построения среднезажиточного общества», которая также была в целом успешно выполнена, после чего страна приступила к выполнению принятой на XIX съезде партии в 2017 г. новой, теперь уже тридцатилетней программы развития, нацеленной на превращение страны к середине века в «могучую модернизированную социалистическую державу».

Выполнение программы четырёх модернизаций, позволившей Китаю выйти на новый количественный и качественный уровень социально-экономического развития, в то же время сопровождалось массовым имущественным расслоением и резкой социальной дифференциацией китайского общества, его серьёзной деидеологизацией в условиях кардинального изменения международной обстановки вследствие исчезновения СССР, оставившего Китай один на один против тогда ещё находившейся в расцвете сил единственной на тот момент сверхдержавы — США. Все эти явления, проходившие на фоне резкого ускорения процессов глобализации и информатизации, потребовали от руководства КПК особое внимание уделить повышению руководящего потенциала партии, чему был специально посвящен проведенный в 2004 г. пленум ЦК КПК, сделавший вывод о том, что в современных условиях КПК превратилась из партии революционного типа в партию управляющего типа, что требует соответствующей перестройки системы партийно-государственного управления, а также системы подготовки кадров государственных служащих современного типа, их профессиональной подготовки, идеологического воспитания и психологии. После пленума был принят ряд партийных постановлений, направленных на укрепление партийной дисциплины при одновременном расширении внутрипартийной демократии. А в 2013 г., сразу после прихода к власти пятого поколения партийно-государственного руководства КНР, его лидер Си Цзиньпин поставил задачу формирования в Китае развитой системы мозговых центров в помощь руководству КПК по управлению страной. Важным нововведением стала активизация созданного ещё Мао Цзэдуном института надведомственных «рабочих групп» по оперативному решению ряда важнейших государственных за-

дач под прямым партийным руководством, в ряде случаев непосредственно под руководством Си Цзиньпина.

Одним из важнейших направлений руководящей деятельности КПК, помимо контроля над страной во всех сферах и на всех уровнях, является кадровая политика, которая проводится через Организационный отдел ЦК КПК и орготделы нижестоящих партийных органов, курирующих все назначения на руководящие должности в партийных и административных органах (возможно, и на крупных государственных предприятиях и в госучреждениях), что позволяет партийному руководству контролировать всю вертикаль власти на всех уровнях. Здесь особое значение придаётся соблюдению должных «критериев отбора лучших кадровых работников», «улучшению состояния и стиля работы при подборе и задействовании кадров» [Си Цзиньпин, том III, с. 11].

Другим важнейшим инструментом осуществления партийного руководства и обеспечения всестороннего контроля является широко разветвлённая система партийных организаций во всех государственных учреждениях и на предприятиях всех форм собственности в городе и в деревне. Ещё в 2000 г. Организационный отдел ЦК КПК опубликовал ряд дополнительных установочных документов о расширении партийной работы во всех типах организаций, предприятий и учреждений на низовом уровне — «Мнение об усилении и улучшении работы по партийному строительству в научно-исследовательских институтах», «Мнение об усилении партийного строительства в общественных объединениях», «Мнение об усилении партийного строительства на индивидуальных и частных предприятиях и в экономических структурах иных необщественных форм собственности (в экспериментальном порядке)» [Чжунхуа, с. 160—161].

По уставу КПК там, где есть три члена партии, они обязаны создать первичную партийную ячейку [Чжунго, с. 43]. Важнейшей фигурой в любом государственном ведомстве или организации сразу после её непосредственного руководителя является секретарь партийной организации. Нередко он становится руководителем учреждения, включая и министров центрального правительства. Ещё в самом начале периода реформ, в 1980 г., Дэн Сяопин поставил задачу разделить партийные, административные и хозяйственные функции, оставив партийным организациям ведение организационно-партийной и идейно-политической работы, при этом не подменяя непосредственных руководителей предприятий и учреждений, тем более на предприятиях негосударственных форм собственности. В то же время первичные партийные организации, формируемые по территориально-производственному принципу и объединяющие более 95 миллионов коммунистов [Китай, с. 22], буквально пронизывают всё китайское общество, включая все административные и хозяйственные структуры (от партийных групп в подразделениях Госсовета КНР и до

партачек в деревнях и на частных предприятиях). Они подчиняются территориальным партийным комитетам соответствующего уровня (уезда, города и так далее) и представляют собой мощный канал осуществления обратной связи для информирования центрального партийного руководства о состоянии дел, являются также инструментом воздействия на практическую ситуацию на местах.

Специфика роли и места КПК как главного института власти в сложившейся в КНР политической системе характеризуется также тем, что опорой и гарантом сохранения власти КПК является армия. Это отражается в принципе партийного руководства вооружёнными силами. Наряду с избираемым депутатами ВСНП Центральным военным советом (ЦВС) КНР во главе с председателем КНР параллельно существует Военный совет ЦК КПК во главе с генеральным секретарем ЦК КПК, причём практически в том же составе, что и ЦВС. «Необходимо без всякого колебания отстаивать абсолютное руководство армией со стороны партии, — подчеркивал Си Цзиньпин в своём выступлении на расширенном заседании Военного Совета ЦК КПК 16 ноября 2012 г., уже на следующий день после его избрания генеральным секретарем ЦК КПК — ... В любой момент, при любых обстоятельствах армия должна решительно подчиняться ЦК КПК и Военному Совету ЦК КПК. Нужно усиливать партийное строительство в армии и гарантировать, чтобы партия крепко овладела армией в идейном, политическом и организационном отношениях» [Си Цзиньпин, с. 296]. Усиление партийного руководства армией проходит в рамках проводимой Си Цзиньпином военной реформы.

Большую роль в сохранении и укреплении руководства КПК в стране играет партийный контроль над идеологической сферой, включая культуру, средства массовой информации, религиозную жизнь китайцев. Партия осуществляет цензуру СМИ (в том числе, естественно, Интернета, по поводу чего был принят специальный закон), в сфере культуры и образования, религиозной деятельности. Си Цзиньпин призывал не ослаблять пропагандистскую работу партии в средствах массовой информации, уделяя особое внимание Интернету, которым пользуется весь народ. Си Цзиньпин призывал партийные органы всех ступеней внимательно изучать представленные в Интернете настроения народа, превратить Интернет в «новую платформу коммуникации с массами», «новый канал принятия контроля со стороны народа», в то же время отстаивал «принцип партийности», заключающийся в партийном руководстве работой со средствами массовой информации и общественным мнением [Си Цзиньпин. Тань чжи го, с. 332, 336].

Важнейшим направлением осуществления руководства КПК является управление и контроль над проведением социально-экономической политики. На этом направлении ещё вышеупомянутый пленум ЦК КПК 2004 г.

поставил задачу повышения руководящего потенциала партии в деле развития социалистической рыночной экономики на основе учета ее объективных законов, выявления преимуществ и роли рыночных механизмов, в деле реализации стратегии «выхода вовне» с целью освоения мировых рынков и мировых ресурсов, что, в конечном счете, направлено на дальнейшее повышение уровня жизни китайского народа и поддержание на этой основе социальной стабильности [Данды, с. 7—11].

В сфере управления государством перед партией была поставлена задача провести институциональное и нормативное обеспечение права народа на демократические выборы, демократическое принятие решений, демократическое управление и демократический контроль, прежде всего в рамках системы собраний народных представителей на всех уровнях [Данды, с. 11—15].

В сфере управления обществом перед партией была поставлена задача мобилизации всех активных факторов на построение «гармоничного общества» (*хэсэ шэжуэй*), уделяя особое внимание способности партии к «социальному строительству и управлению» (*«шэжуэй цзяньшэ хэ гуаньли»*), то есть к социальной инженерии, умению работать со всеми социальными слоями и группами, создавая механизмы согласования их интересов и превентивного предотвращения социальных конфликтов, неизбежно умножающихся в условиях рыночной экономики и порождаемых ею коррупции и социального неравенства [Данды, с. 18—20]. Эта сложная задача сохраняет актуальность, о чём свидетельствует призыв Си Цзиньпина в Отчетном докладе XVIII съезду КПК 18 октября 2017 г. «интенсифицировать создание механизма предупреждения и нейтрализации социальных противоречий, правильно разрешать противоречия внутри народа» [Си Цзиньпин, том III, с. 66].

В сфере международных отношений перед партией была поставлена задача хладнокровно анализировать ситуацию на научной основе, проводя государственную внешнеполитическую стратегию с учетом внутренней ситуации и под углом зрения создания благоприятных международных условий для выполнения задач социально-экономического развития КНР, использовать благоприятные шансы и играть активную роль в деле регулирования международных проблем, исходя из задач реализации собственных государственных интересов, защиты суверенитета и национальной безопасности [Данды, с. 21—24].

Все перечисленные направления повышения руководящего потенциала КПК нашли своё отражение и получили развитие применительно к сегодняшней обстановке и задачам на перспективу в деятельности пятого поколения партийно-государственного руководства КНР во главе с генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. Важнейшими задачами КПК во внутренней политике остаются борьба с коррупцией, националь-

ным (и региональным) сепаратизмом, религиозным экстремизмом и терроризмом, чему посвящена значительная часть его выступлений, подкреплённых принятием соответствующих законов и постановлений партии и правительства. При этом в последнее время всё более заметное место во внутренней политике занимает внедряемая с помощью передовых цифровых технологий система так называемого социального кредита, направленная на укрепление законности и воспитание населения, но весьма спорная как по методике проведения воспитательной работы с помощью тотальной электронной слежки, так и по критериям оценок и способам организации, оставляющим место для сомнений в её всеобщей справедливости и реальной эффективности в деле воспитания народа.

В работе с управленческими кадрами особое значение партийным руководством уделяется борьбе с коррупцией, в которой, подчеркнул в своём докладе на XVIII съезде Си Цзиньпин, «не должно быть запретных зон, необходим полный охват и нулевая толерантность» [Си Цзиньпин, том III, с. 11]. На протяжении уже десяти лет после прихода его к власти впечатляют масштабы практических мер как в плане устройства антикоррупционного законодательства, так и в плане выявления и наказания коррупционеров, чему способствовала проведенная недавно реформа системы партийно-государственного контроля.

Активизируется и воспитательная работа с руководящими кадрами под лозунгами укреплять «четыре сознания» («политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равенния»), «четыре уверенности» («уверенность в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой») и отстаивать «две защиты» («защищать статус генерального секретаря Си Цзиньпина в качестве руководящего ядра ЦК КПК и КПК в целом, защищать авторитет и единое централизованное руководство ЦК КПК») [Си Цзиньпин, том III, с. 97, 132—134].

В плане общего повышения эффективности системы партийно-государственного управления выдвинута идея ускорения институционального строительства, чтобы «создать такую институциональную систему, которая отличалась бы совершенством своих компонентов, научной обоснованностью, нормативностью и эффективным функционированием», исходя из того, что «институциональное преимущество — это самое главное преимущество государства», а «незыблемое институциональное устройство является предпосылкой социальной стабильности в стране», при этом «институт партийного руководства» рассматривается как «базовый руководящий институт» в КНР. Но для этого Коммунистическая партия Китая должна «провести великую самореволюцию» путём повышения внутрипартийной дисциплины и осуществления «строгого внутрипартийного управления» [Си Цзиньпин, том III, с. 107, 111, 178, 188].

Институциональное строительство, как и вся сфера государственного управления, включая экономическую и социальную политику, неразрывно связывается с дальнейшим укреплением законности и формированием правового государства, начало которому было положено решением XV съезда КПК в 1997 г. В рамках проведения этого курса партия обязалась действовать строго в рамках закона (хотя нужно учитывать, что в условиях обладания ею монополией на власть все законы составляются, принимаются и контролируются их соблюдение под ее же (партии — *Д.А.*) безусловным руководством). В изданных в 2014 и 2017 г. первых двух томах сборников выступлений Си Цзиньпина тема построения «государства, руководимого на основе закона», выделена в отдельные разделы, но в третьем томе, вышедшем в свет в 2020 г. (в русском переводе в 2021 г.), упор сделан на отстаивание и укрепление всестороннего партийного руководства, а правовая тематика в основном представлена в разделе, посвященном развитию социалистической политической демократии. Важно также отметить акцент на «всесторонней полной реализации Конституции страны» в деле «всестороннего продвижения управления государством на правовой основе и построения социалистического правового государства» и в целом на «утверждении верховенства закона в условиях социализма». «Важнейшей гарантией» построения социализма с китайской спецификой рассматривается «партийное руководство в управлении государством в соответствии с законом» [Си Цзиньпин, том III, с. 419, 425, 427].

Практически одновременно с приходом к власти пятого поколения партийно-государственного управления КНР была развёрнута широкая пропаганда «китайской мечты», содержание концепции которой включало в себя основные идеи всех руководителей КПК, начиная с Мао Цзэдуна, и ещё раньше — с Сунь Ятсена. «Китайская мечта» стала образным собирательным названием формируемой партийными лидерами Китая своего рода единой общенациональной идеи, призванной сплотить народ на основе общих для всех его социальных слоёв идеалов «возрождения» Китая. По сути, речь идет о достижении всеобщей зажиточности народа и превращении Китая в мировую державу, включает задачу воссоединения Тайваня с материковой частью страны. Образ «китайской мечты» вобрал в себя и представления прогрессивных представителей китайской интеллигенции в 1920—1930-е гг., искавших пути превращения Китая в «богатое и сильное» государство, и программные установки Си Цзиньпина, вскоре после своего избрания на пост генерального секретаря разъяснившего в своём выступлении на выставке «Путь возрождения» Китая 29 ноября 2012 г. суть «китайской мечты». Она состоит, по определению Си Цзиньпина, в последовательном воплощении в жизнь задач построения «социализма с китайской спецификой» как «правильного пути» «великого возрождения китайской нации» [Ван, с. 314]. «Китайская мечта» развернута китайскими пропаган-

дистами и исследователями в особую концепцию, органично соединяющуюся с выдвинутой Си Цзиньпином «теорией социализма с китайской спецификой новой эпохи». Выступления о «китайской мечте» выделены в отдельный раздел в первом томе выступлений Си Цзиньпина, а во втором были объединены в единый раздел о строительстве социализма с китайской спецификой. В третьем томе нет специального раздела, посвященного «китайской мечте», но упоминания о ней присутствуют во многих опубликованных в томе выступлениях в контексте построения среднезажиточного общества и достижения целей построения социализма с китайской спецификой [Си Цзиньпин, том III, с. 15, 501, 602, 671].

Важнейшим принципом партийной идеологии остаётся принцип «китаизации» марксизма, позволяющий постоянно обновлять идейно-политическую платформу КПК применительно к условиям, задачам и вызовам каждого нового периода в развитии страны, при сохранении исторической преемственности в виде признания практической ценности и заслуг каждого поколения партийно-государственного руководства КНР, что было в очередной раз продемонстрировано во время празднования 1 июля 2021 г. 100-летия со дня создания КПК и на ноябрьском пленуме ЦК КПК 2021 г. В принятом на XIX съезде партии Уставе прямо поставлена задача и далее «продвигать китаизацию марксизма». При этом подчеркивается роль Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и всей партии, идеи которого о «социализме с китайской спецификой новой эпохи» стали «новым достижением в китаизации марксизма» [Чжунго, с. 5—6, 19].

Библиографический список

Ван Юйци. Чжунго мэн. Цзотянь, цзиньтянь, минтянь (Китайская мечта: вчера, сегодня, завтра). Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2013.

Данды шилю цзе сы чжун цюаньхуэй «Цзюедин». Сюеси фудао бай вэнь (Решение 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва. Сто вопросов для изучения). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2004.

Китай. 2022. № 1.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Том III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021.

Си Цзиньпин. Тань чжи го ли чжэн (Си Цзиньпин. О государственном управлении). Том II. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2017.

Чжунго гунчаньдан чжанчэн (Устав Коммунистической партии Китая). — Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2017.

Чжунхуа жэньминь гунхэго ши (История Китайской Народной Республики). 1992—2002. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010.

References

Dang de shiliu jie si zhong quanhui “Jueding”. Xuexi fudao baiwen [The “Decision” of the Forth Plenary Session of the 16-th CCP Central Committee. A Hundred questions for study]. Beijing: Renmin chubanshe, 2004.

Kitay (China), 2022. № 1.

Wang Yuqi. Zhongguo meng. Zuo tian, jin tian, ming tian [The Chinese Dream. Yesterday, today, tomorrow]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2013.

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii [Xi Jinping. The Governance of China]. Beijing: Foreign Languages Press, 2014.

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii. III [Xi Jinping. The Governance of China. III]. Beijing: Foreign Languages Press, 2021.

Xi Jinping. Tan zhi guoli zheng. Di er juan [Xi Jinping. The Governance of China. II]. Beijing: Foreign Languages Press, 2017.

Zhongguo gongchandang zhangcheng [The Chinese Communist Party Rules]. Beijing: Renmin chubanshe, 2017.

Zhonghua Renmin gongheguo shi. 1992—2002 [History of the People’s Republic of China. 1992—2002]. Beijing: Renmin chubanshe, 2010.

П.В. Трощинский

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых аспектов содержания третьего тома работы Си Цзиньпина «О государственном управлении». В книге содержатся подразделы, напрямую посвященные вопросам управления государством на основе закона, создания правового государства, верховенства права, строгого соблюдения закона всеми членами китайского общества. Особое внимание уделяется поправкам в Конституцию КНР, созданию контрольных комитетов, соблюдению закона и дисциплины руководящими работниками КПК и правительства. Си Цзиньпин подчеркивает важность права в регулировании общественных отношений, необходимость принятия новых законов для повышения стабильности государства и общества, воспитания граждан в духе уважения действующего законодательства. Правовая проблематика является одной из центральных в третьем томе. Без верховенства права невозможно обеспечить эффективность государственного управления. Усилия Си Цзиньпина последних лет в значительной степени направлены на правовое обеспечение проводимых преобразований в политической и социально-экономической сфере.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, государственное управление, правовое регулирование, социализм, законодательство, борьба с коррупцией, верховенство права

Автор: Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: troshc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8837-1097

P.V. Troshchinskiy

LEGAL PROTECTION OF XI JINPING'S GOVERNANCE OF CHINA

Abstract: The article is devoted to the study of the legal aspects of the content of the third volume of Xi Jinping: "The Governance of China". The book contains subsections devoted to the issues of governing the state on the basis of law,

the rule of law and strict observance of the law by all citizens of Chinese society. Particular attention is paid to the amendments to the PRC Constitution, the creation of oversight commissions, the observance of the law and discipline by the leading workers of the CCP and government. Xi Jinping emphasizes the importance of law in regulating public relations, the need to adopt new laws to improve the stability of the state and society and educate citizens in the spirit of respect for the current legislation. Legal issues are one of the central ones in the third volume. Without the rule of law, it is impossible to ensure the effectiveness of governance of China.

Keywords: China, Xi Jinping, the governance of China, legal regulation, socialism, legislation, fight against corruption, rule of law

Author: Troshchinskiy Pavel V., PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: troshc@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8837-1097

Введение

В работе Си Цзиньпина «О государственном управлении» (том III) [Си Цзиньпин. III, 2021] важное внимание уделяется вопросам правового регулирования современной системы государственного управления, подчеркивается роль Конституции как основного гаранта обеспечения прав и свобод граждан, отмечается необходимость усиления борьбы с коррупцией и в этой связи заявлено о создании на конституционном уровне контрольных комитетов. В тексте представленного тома присутствуют юридические формулировки и правовые категории, некоторые подразделы полностью посвящены правовой проблематике (*«Конституционные гарантии для отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху»; «Неотступно следовать по пути утверждения верховенства закона в условиях социализма с китайской спецификой»; «В сфере прав человека необходимо следовать по пути развития, соответствующему реалиям Китая»; «Творчески выполнять работу в области законотворчества и надзорную деятельность с учетом местных реалий»*).

В основе организации государственной власти в Китайской Народной Республике и государственного управления в целом лежит марксистско-ленинский принцип демократического централизма (民主集中) [Бай Пинцзэ]. Впервые в качестве руководящего принципа он был закреплен в Уставе КПК летом 1927 г. С этого времени демократический централизм стал сопровождать все последующие редакции Устава КПК. Принцип демократического централизма закреплен в действующей Конституции КНР (ч.1 ст. 3) в качестве основы организации и деятельности государст-

венных органов, а также в целом ряде органических (организационных) законов.

Коммунистическая партия Китая всегда во главу угла государственного строительства ставила принцип демократического централизма. Успешность современного Китая напрямую связана с единством государственной власти в центре и на местах, этот принцип исключает противоречия между высшими и местными органами государственной власти и позволяет стране единым фронтом противостоять как внутренним, так и внешним угрозам [Гудошников, с. 78]. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, противопоставляя демократический централизм западным институциональным ценностям, на страницах III тома исследуемой работы подчеркивает, что «осуществляемый нашей партией принцип демократического централизма означает систему, при которой существует и централизм и демократия, и дисциплина и свобода, и единство воли и вольная жизнь индивида, это система тесного единения демократии и централизма» [Си Цзиньпин о государственном... (Том 3), 2020, с. 166].

Обращение к праву и закону

Усиление правовой риторики в содержании III тома «О государственном управлении» не случайно: *именно при китайском лидере роли и месту закона в жизни китайского общества стало уделяться, как никогда прежде, особое повышенное внимание.* С первого дня избрания на пост главы правящей Коммунистической партии Китая (2012 г.), Си Цзиньпин постоянно заявлял о необходимости повышения уровня правовой грамотности населения, всеобщего соблюдения закона членами общества, строгой юридической ответственности за нарушение правовых предписаний, сочетания научного и практического подхода при осуществлении правотворческой работы [Обзор].

Осуществляемая КНР в последние годы внутренняя политика направлена на разрешение целого ряда серьезных проблем, стоящих перед лицом китайского общества, укрепление его стабильности, повышение авторитета КПК в глазах простого народа, усиление позиций Китая на международной арене. Проводимый лидерами китайского государства политический курс неразрывно связан с принятием целого ряда важных для успешного развития страны нормативных правовых актов, внесением изменений в уже действующее законодательство. В настоящее время наметилась устойчивая тенденция усиления роли правового фактора в деле углубления политических реформ и экономических преобразований. *Серьезное обращение к механизму правового регулирования существующих общественных отношений стало особенностью политического курса Си Цзиньпина за последние годы.*

Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин полагает, что без основополагающих законодательных актов, без повышения уровня правосознания и правовой культуры простых граждан невозможно достичь положительных результатов в ходе проведения социалистической модернизации. Юридическая терминология стала неотъемлемой частью его докладов [Си Цзиньпин. Всестороннее]. Знаменательно, что Си Цзиньпин в декабре 2001 г. защитил диссертацию, получив степень доктора права. Правовая специализация, несомненно, оказывает влияние на его постоянное обращение к закону как к важному легитимному регулятору общественных отношений. Практической стороне взаимоотношения государственного управления и правового развития страны в настоящее время лидером КНР уделяется большое внимание.

Политико-правовые доктрины

На страницах III тома нередко является обращение Си Цзиньпина к политико-правовым доктринам: «управление государством на основе закона» (依法治国) и «верховенство закона» (法治), концепция «социалистическая правовая система с китайской спецификой» (中国特色社会主义法律体系). Они буквально «пронизывают» текст работы. Си Цзиньпин постоянно обращается с призывом «неотступно следовать по пути утверждения верховенства закона в условиях социализма с китайской спецификой», «последовательно строить социалистическую правовую систему с китайской спецификой», «строго придерживаться управления государством на конституционной основе и отправления государственной власти на конституционной основе» [Си Цзиньпин. III, 2021, с. 428—429].

Напомним, что доктрина «управление государством на основе закона» была сформулирована на XV съезде КПК, проходившем в Пекине с 12 по 18 сентября 1997 г. В марте 1999 г. термин «управление государством на основе закона» в результате принятых поправок был внесен в действующую Конституцию КНР. В ноябре 2002 г. указанная концепция вошла в качестве одной из задач в деле построения в Китае «общества малого благоденствия». Главным вопросом повестки прошедшего в октябре 2014 г. 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва стала рассматриваемая политико-правовая доктрина. По результатам доклада Си Цзиньпина на Пленуме было принято Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего стимулирования управления государством на основе закона» (中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定) [Постановление, дата обращения 01.05.2022], что предопределило появление в правовой системе КНР ряда новых актов правотворчества, разработку и подготовку к принятию других важных для страны законов в будущем.

Так, именно решением Си Цзиньпина в 2014 г. была поставлена задача принять в 2020 г. первый в истории нового Китая Гражданский кодекс («加强市场法律制度建设, 编纂民法典» — «усилить создание рыночной законодательной системы, составить Гражданский кодекс»). Си Цзиньпин был единственным из лидеров КНР, по инициативе которого ГК КНР был в итоге принят (напомним, что ни при Мао Цзэдуэ, ни при Дэн Сяопине и далее разработанные проекты ГК так и не превратились в кодекс). Работа над проектом ГК при Си Цзиньпине привела к его принятию в мае 2020 г. (вступил в силу 1 января 2021 г.), за принятие ГК проголосовало 99,8 % делегатов ВСНП, 2879 из 2886 присутствующих на сессии.

В 2014 г., как отмечено в подразделе III тома «Конституционные гарантии для отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху», реализуя идеи 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей законодательно определил 4 декабря в качестве Дня Конституции (宪法日), а позже, в 2015 г., — обязательную присягу на Конституции для всех работников государственного аппарата при вступлении в должность (宪法宣誓制度).

Указанные нововведения подтверждают повышение роли Конституции в государственном управлении и общественной жизни. Цель конституционной реформы, по словам Си Цзиньпина, заключается в том, чтобы «Конституция Китая в условиях сохранения конституционной преемственности, стабильности и авторитета лучше отражала волю народа, преимущества социалистического строя с китайской спецификой, лучше адаптировалась к требованиям повышения потенциала долгосрочного отправления государственной власти Коммунистической партией Китая, продвижению верховенства закона и модернизации системы и потенциала государственного управления, предоставляла конституционные гарантии для отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху» [Си Цзиньпин. III, 2021, с. 422—433].

Противодействие коррупции

Особое внимание в III томе Си Цзиньпин уделяет вопросу создания новой конституционной ветви власти — контрольной (надзорной): «углубление реформы системы государственного надзора — это масштабная реформа политической системы, определяемая и продвигаемая ЦК КПК, которая должна внести важные коррективы и усовершенствования в проектирование высшего уровня государственного аппарата, связана с вопросами пересмотра Конституции» [Си Цзиньпин. III, 2021, с. 421]. Контрольные комитеты (监察委员会) становятся главным государственным органом по борьбе с коррупцией при общем руководстве КПК.

Борьба с коррупцией является одним из основных направлений государственной политики и правоохранительной деятельности в КНР. За годы правления Си Цзиньпина в этом направлении достигнуты серьезные результаты как в политической, так и в законодательной сфере. Так, в качестве наглядного примера приведем дело самого крупного в истории КНР коррупционера Лай Сяоминя (赖小民), в отношении которого 29 января 2021 г. была применена смертная казнь, что является редким явлением по данным категориям уголовных преступлений. Согласно следствию, бывший партийный секретарь в период с 2008 по 2018 г. получил взятки на сумму свыше 1 млрд 788 млн юаней, что стало самой крупной суммой коррупционного преступления за все время существования нового Китая.

В ходе проведения широкомасштабной кампании по борьбе с коррупцией Си Цзиньпин инициировал процесс создания в КНР самостоятельной новой конституционной контрольной (надзорной) ветви власти. Уже в начале ноября 2016 г. в Пекине, пров. Шаньси и пров. Чжэцзян в экспериментальном порядке началась работа по созданию самостоятельных органов контроля. В январе 2017 г. в пров. Шаньси был создан первый в КНР контрольный комитет, затем аналогичные комитеты появились в Пекине и пров. Чжэцзян.

В III томе в подразделе «Конституционные гарантии для отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху» Си Цзиньпин накануне мартовской сессии ВСНП подчеркнул: «в настоящее время активно проводится работа по внесению поправок в Конституцию и установлению законов государственного надзора, предлагается в соответствии с правовыми процедурами представить их на рассмотрение Все-китайскому собранию народных представителей 13-го созыва».

В марте 2018 г. по инициативе Си Цзиньпина в действующую Конституцию внесли самые крупные за всю историю конституционного права нового Китая поправки, в результате которых в систему органов государственной власти введены новые органы — *контрольные (в отдельных переводах — надзорные) комитеты* (监察委员会). Произошла институализация механизма противодействия коррупции. Во главе — Государственный контрольный (надзорный) комитет с мега правоохранительными полномочиями и обширным перечнем объектов проверок: от работников системы СНП, прокуратуры и судов до управленцев в системе образования, спорта, здравоохранения, культуры. Были приняты соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность контрольных комитетов и работающих в них сотрудников: Закон КНР о контроле (中华人民共和国监察法) (20.03.2018); Закон КНР о контролерах (中华人民共和国监察官法) (20.08.2021); Правила претворения в жизнь закона КНР о контроле (中华人民共和国监察法实施条例) (20.07.2021).

Принятие конституционных поправок, закона о контроле в марте 2018 г. привело к масштабным преобразованиям государственного аппарата со времени образования КНР, появлению контрольных комитетов, обладающих обширными правоохранительными полномочиями. Контрольные комитеты юридически и фактически независимы от административной (исполнительной), судебной и прокурорской властей, хотя и координируют свою деятельность с ними.

Особо отметим, что коррупцию, как преступное явление, вряд ли удастся полностью искоренить. Однако именно при Си Цзиньпине борьба с ней проводится чрезвычайно решительно. В Китае при Си Цзиньпине осуществляется политика «трех не» (三不):

— «не сметь брать взятку» («不敢贪») (усиление наказания, вплоть до смертной казни);

— «не мочь брать взятку» («不能贪») (контроль за доходами и расходами, включая отчет о членах семьи и родственниках);

— «не хотеть брать взятку» («不想贪») (повышение сознательности).

На первых двух уровнях возникла проблема «бутылочного горлышка», означающая полное истощение законодательных ресурсов по борьбе с коррупцией. Иными словами, число антикоррупционных нормативных правовых актов и партийных документов в стране достигло критической массы, однако коррупция продолжает существовать [Лю Хунянь, с. 117]. Председатель Си Цзиньпин делает упор на повышение сознательности чиновника, формирование нравственных мотивов добровольного отказа лица от взятки («не хотеть брать взятку»).

Кроме регулярных партийных совещаний с обсуждением морально-нравственного облика члена партии, работника государственных органов, запущена крупная кампания на телевидении и в сети Интернет для повышения уровня сознательного соблюдения антикоррупционного законодательства и партийных правил. Особый акцент делается на судебных историях, связанных с привлечением к уголовной ответственности взяточников и коррупционеров из числа работников, занимавших высокие посты в партии и государстве. Наиболее популярными в китайском обществе стали следующие художественные и документальные сериалы, выпущенные при Си Цзиньпине:

«От имени народа» (人民的名义) (художественный сериал) (2017 г.);

«Государственный контроль» («国家监察») (2020 г.) (документальный сериал);

«Антикоррупционная борьба на твоей стороне» («政风反腐就在身边») (2021 г.) (документальный сериал);

«Нулевая терпимость» (零容忍) (2022 г.) (документальный сериал).

Их показ по центральному каналу китайского телевидения вызвал большой позитивный отклик в обществе, повысил доверие к осуществляемой Си Цзиньпином антикоррупционной политике.

Заключение

Содержание третьего тома Си Цзиньпина «О государственном управлении» подтверждает высокую значимость Конституции и закона в регулировании общественных отношений в современном Китае. *Повышение роли механизма правового регулирования в КНР произошло* именно при Си Цзиньпине; в настоящее время проводится комплексная работа по осознанному соблюдению правовых предписаний всеми членами общества. Особые требования лидером Китая предъявляются к чиновникам: они должны неукоснительно соблюдать действующий закон, подавать пример в его уважении гражданам страны. Настоящий обзор завершим словами председателя Си Цзиньпина: «Мы должны крепко взяться за ключевые звенья всестороннего продвижения управления государством на основе закона, совершенствовать законодательную систему и повышать качество законодательства» [Си Цзиньпин. III, 2021, с. 430]. Эти слова в полной мере можно отнести и к Российской Федерации, для которой опыт правового строительства Китая при Си Цзиньпине чрезвычайно актуален в теоретическом и практическом аспекте.

Библиографический список

Бай Пинцзэ. Исследование важнейших высказываний Си Цзиньпина о системе демократического централизма // Теоретические исследования марксизма высшей школы. 2020. № 6(3) (白平则. 习近平关于民主集中制的重要论述研究 // 高校马克思主义理论研究). 2020. № 6(3). С. 73—79 (на кит. яз.).

Гудошников Л.М. Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. Ответственный редактор Лунев А.Е. М.: Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского. Издательство Академии наук СССР, 1958. 188 с.

Лю Хунянь. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 116—121.

Обзор идей Си Цзиньпина о верховенстве права / составлено авторской группой «обзора идей Си Цзиньпина о верховенстве права» (习近平法治思想概论/“习近平法治思想概论”编写组编. 北京: 高等教育出版社, 2021.9). Пекин: Издательство высшего образования, 2021. 326 с. (на кит. яз.).

Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего стимулирования управления государством на основе закона» (中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-10/28/content_2771946.htm (дата обращения: 01.05.2022) (на кит. яз.).

Си Цзиньпин о государственном управлении (Том 3) (习近平谈治国理政 (第三卷)). 北京: 外文出版社, 2020). Пекин: Издательство на иностранных языках, 2020]. 592 с. (на кит. яз.).

Си Цзиньпин. Всестороннее осуществление управления государством на основе закона. Пекин: «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2017 (习近平关于全面依法治国论述摘编; 俄文/习近平著; 中共中央编译局译. 北京: 中央编译出版社, 2017.1). 208 с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. 650 с.

References

Bai Pingze. Xi Jinping guanyu minzhu jizhongzhi de zhongyao lunshu yanjiu [A Study on Discourses of Xi Jinping about Democratic Centralism] // Studies on Marxist Theory in Higher Education. 2020. № 6(3). Pp. 73—79. (in Chinese).

Gudoshikov L.M. Mestnye organy gosudarstvennoj vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Local authorities and public administration of the People's Republic of China]. Moscow, 1958. 188 p. (in Russian).

Liu Hunian. Strategicheskaya transformaciya zakonodatel'stva v sfere protivodejstviya korrupcii v Kitae [Strategic transformation of the anti-corruption legislation in China] // *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2017. № 5. Pp. 116—121. (in Russian).

Xi Jinping fazhi sixiang gailun / “Xi Jinping fazhi sixiang gailun” bianxie zubian [An Introduction to Xi Jinping Thought on the Rule of Law]. Beijing, 2021. 326 p. (in Chinese).

Xi Jinping tan zhiguo lizheng (di san juan) [The Governance of China]. Beijing, 2020. 592 p. III. (in Chinese).

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlennii [The Governance of China]. Volume III. Beijing, 2021. 650 p. (in Russian).

Xi Jinping. Vsestoronnee osushchestvlenie upravleniya gosudarstvom na osnove zakona [Comprehensive rule of law]. Beijing, 2017. 208 p. (in Russian).

Zhonggong zhongyang guanyu quanmian tuijin yifa zhiguo ruogan wenti de jue ding [Decision of the CCP Central Committee on Major Issues Pertaining to Comprehensively Promoting the Rule of Law]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-10/28/content_2771946.htm (in Chinese).

А.Л. Верченко

**ТЕМА СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ
СИ ЦЗИНЬПИНА В 2017—2019 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТРЕТЬЕГО ТОМА
«О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ»)**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Си Цзиньпина по распространению концепции сообщества единой судьбы человечества на основе его выступлений, опубликованных в третьем томе «О государственном регулировании». Теме сообщества единой судьбы человечества посвящен отдельный раздел тома, охватывающий период после XVIII съезда КПК по январь 2019 г. Си Цзиньпин посвящает изложению концепции отдельные выступления, упоминает ее в выступлениях на другие темы. Для продвижения концепции Си Цзиньпин использует как международные форумы, так и внутрикитайские мероприятия. Руководитель КНР подчеркивает, что для успешного поступательного социально-экономического развития Китая и осуществления поставленных к 100-летию КНР целей стране необходима благоприятная внешняя среда, которую может обеспечить реализация в мире концепции единой судьбы человечества. Си Цзиньпин знакомит с концепцией участников многосторонних площадок: ООН, ШОС, БРИКС, РИК, G20, АТЭС, ЕС, Давосского, Боаоского экономических форумов и др.; упоминает ее на двусторонних межгосударственных встречах на высшем уровне, на общественных и культурных форумах. Си Цзиньпин уделяет большое внимание периферийной дипломатии, перед которой стоит задача создания сообщества и поддержания бесконфликтных отношений с ближайшими соседями. Наибольший отклик концепция находит в странах третьего мира (Африка, Латинская Америка), где она имеет экономическое подкрепление в виде реализации проекта «Один пояс — один путь». Китай придает также большое значение созданию общности на основе сотрудничества цивилизаций, о чем свидетельствуют выступления Си Цзиньпина на конференции

«Диалог азиатских цивилизаций», на форумах китайско-африканского сотрудничества.

Продвижению идеи сообщества содействует издание произведений Си Цзиньпина на многих языках мира. Третий том переведен на русский язык.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, КНР, концепция сообщества единой судьбы человечества.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (Москва). E-mail: veailan@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-8718-8338

A.L. Verchenko

COMMUNITY OF A COMMON DESTINY FOR MANKIND IN XI JINPING'S SPEECHES IN 2017—2019 (BASED ON THE MATERIALS OF THE THIRD VOLUME OF “GOVERNANCE OF CHINA”)

Abstract: The article deals with the activities of Xi Jinping aimed at spreading the concept of a community of a common destiny for mankind on the basis of his speeches published in the third volume of “The Governance of China”. A separate section of the volume is devoted to the topic of the community of a common destiny for mankind, covering the period after the 18th Congress of the CCP to January, 2019. Xi Jinping devotes separate speeches to the presentation of the concept and mentions it in some speeches as well. To promote the concept, Xi Jinping uses both international forums and domestic events. The leader of the People's Republic of China emphasizes, that for the successful progressive socio-economic development of China and the implementation of the goals set for the 100th anniversary of the PRC, the country needs a favorable external environment/ It can be ensured by the implementation of the concept of a common with common destiny for mankind in the world. Xi Jinping introduces the concept to the participants in multilateral international platforms: the UNGA, Shanghai organization (SCO), BRICS, RIC, G20, APEC, EU, APEC, Davos, Boao Economic Forums, etc.; he mentions it at several bilateral interstate summits, at public and cultural forums. Xi Jinping pays great attention to peripheral diplomacy, which task is to build a community and maintain conflict-free relations with China's closest neighbors. The concept finds the greatest response in the third world countries (Africa, Latin America), where it has economic support in the frames of the Belt and Road project. China also attaches great importance to the creation of a community based on the cooperation of civilizations, as evidenced by Xi Jinping's speeches at the Conference on Dialogue of Asian Civilizations and at the China-Africa cooperation forums.

The idea of common community is promoted in the world by the publication of Xi Jinping's works in many languages. The third volume has been translated into Russian.

Keywords: Xi Jinping, PRC, community of a common destiny for mankind.

Author: Verchenko Alla L. Senior Researcher of the Center for Contemporary History of China and her Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).

E-mail: veailan@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-8718-8338

Политический лексикон Китайской Народной Республики отличается яркостью образов и четкостью формулировок, которые определяют содержание кампаний или направления работы партии и государства и ассоциируются с именем того или иного китайского лидера. «Большой скачок», «Три красных знамени», «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», «Борьба с четырьмя вредителями», «Открытость внешнему миру», «Научное руководство», «Тройное представительство», «Двойная циркуляция» конкретно указывают на время проведения мероприятий, т. е. на период в истории КНР. В последнее время китайский политический лексикон обогатился огромным количеством новых установок, одной из которых стала идея «сообщества единой судьбы человечества». Она связана с именем Си Цзиньпина [Ломанов, с. 8]. Ему принадлежит инициатива развития и нового толкования этой концепции. Содержание предложенной Ху Цзиньтао идеи сообщества единой судьбы, ориентированной на соотечественников за рубежом, Си Цзиньпин расширил до глобального охвата. Закрепилась формулировка «сообщество единой судьбы человечества в новую эпоху» [Семенов, Сафронова].

О систематической работе, которую проводит Си Цзиньпин по продвижению концепции сообщества, свидетельствуют его выступления на различных внутренних и международных площадках. В 2021 г. вышел третий том выступлений Си Цзиньпина «О государственном управлении», в котором, как и во втором, теме сообщества единой судьбы человечества посвящен отдельный раздел. В нем собраны выступления Си Цзиньпина с конца 2017 г. по июнь 2019 г. Кроме отдельных выступлений, полностью посвященных разъяснению концепции сообщества, тема затрагивалась и в других выступлениях, помещенных в третий том: на открытии импортных ярмарок, по случаю 70-й годовщины образования КНР, 40-летия политики реформ и открытости, на Совете государственной безопасности ЦК КПК, во время встреч с научными работниками.

Си Цзиньпин подчеркивает неразрывную связь концепции сообщества единой судьбы с идеями построения социализма с китайской спецификой, осуществляет увязку успехов внутреннего развития, расширения открытости и неуклонного углубления реформ с состоянием внешней среды. Претворение в жизнь концепции, по убеждению Си Цзиньпина, будет содействовать осуществлению мечты всех китайцев о возрождении китайской нации.

Ху Цзиньтао говорил об активной роли Китая в международных делах и деятельности по установлению справедливой и равноправной системы международных отношений. Си Цзиньпин утверждает, что Китай в качестве великой державы обладает силой, чтобы активно участвовать в реформировании и развитии системы международных отношений. Подобная постановка вопроса свидетельствует об уверенности Китая в своих силах, а политическая практика — о способности влиять на положение в мире.

Концепция стала частью внешнеполитической стратегии Китая, своего рода дорожной картой, которой Китай в настоящее время руководствуется во внешней политике в стремлении построить международные отношения нового типа, добиться их демократизации. В связи с этим Си Цзиньпин ставит перед китайской дипломатией задачу систематически продвигать построение сообщества единой судьбы, участвовать в реформировании системы глобального управления и проявлять в нем ведущую роль [Си Цзиньпин, с. 630].

Председатель КНР предлагает всем странам направить общие усилия на рациональное развитие человечества, превращение нашей планеты в гармоничный дом, установление принципов равенства, равноправного сотрудничества, взаимообогащения, диалога, толерантности.

Собранные в третьем томе выступления Си Цзиньпина показывают, что он продолжает знакомить мир с концепцией на разных международных площадках, самой авторитетной из которых является ООН. Си Цзиньпин представил свою идею из пяти пунктов на юбилейной сессии ГА ООН в 2015 г. и выделил главные направления коллективной работы: политика, экономика, безопасность, экология, культура. Именно по этим направлениям Си Цзиньпин продолжает работу.

По значению и сфере охвата концепцию можно сравнить с проектом «Один пояс — один путь». Как отмечает Си Цзиньпин, строительство «одного пояса — одного пути» является «важнейшей практической платформой для продвижения создания сообщества единой судьбы человечества» [Си Цзиньпин, с. 628]. В концепции усматривается декларированный Китаем общий подход к международным проблемам: установление мирного и справедливого сотрудничества, поддержание открытости и толерантности, взаимного обмена опытом и знаниями, достижение взаимной выгоды и общего выигрыша.

Си Цзиньпин подчеркивает особенности новой концепции, которые состоят в её справедливом, миролюбивом, инклюзивном, комплексном, научном характере. В основе концепции лежит традиционное стремление китайской нации к согласию и гармонии. Она исходит из практики международных отношений и продолжает обогащаться ею, направлена на поддержание интересов всего мирового сообщества. Китайские коммуни-

сты, добывшие победу ценой колоссальных потерь, глубоко осознают ценность мира, поэтому полны решимости защищать его и строить справедливый миропорядок в XXI в.

2017—2019 гг., которые охватывает 3-й том, отмечены новыми усилиями Си Цзиньпина по теоретическому совершенствованию и практической реализации концепции сообщества единой судьбы человечества, новыми инициативами и предложениями по претворению в жизнь данной концепции.

Разъяснения Си Цзиньпин показывают, что сообщество единой судьбы — это общие интересы и общая ответственность. Общие интересы — это экономическая взаимосвязь, дополнение друг друга, учет взаимных интересов. Общая ответственность лежит в сфере политики и безопасности, предусматривает полное политическое доверие.

Си Цзиньпин активно продвигает эти мысли в своих выступлениях на разных форумах: с участием представителей политических партий и международных организаций, на двусторонних и многосторонних, региональных межгосударственных встречах, в сфере культурных обменов. В томе 3 публикуются выступления Си Цзиньпина на саммите «Диалог КПК с миром»; на встречах в рамках ШОС, БРИКС, АТЭС, группы 20-ти; на Китайско-африканском, Китайско-латиноамериканском, Китайско-арабском форумах сотрудничества, китайско-французском форуме по глобальному управлению, на Конференции «Диалог азиатских цивилизаций». Си Цзиньпин обсуждает концепцию на съездах, пленумах партии, рабочих совещаниях и учебе членов ЦК и ПБ ЦК КПК, на встречах с представителями разных профессий. Анализ выступлений показывает, что в каждой аудитории Си Цзиньпин учитывает ее специфику, определяя акценты в своих выступлениях, учитывает изменения в ситуации в мире. Так, в его предложениях объединить усилия появилась тема ковида: профилактические меры и методы лечения, доступность вакцин для всех стран мира, открытость информация по этому вирусу и др. В то время, когда определенные силы в мире считают Китай источником пандемии и требуют от него компенсации, Китай противодействует недружественной риторике, оказывая помощь наиболее пострадавшим странам и регионам, которые сами не в состоянии бороться с COVID-19. Китай в самый острый период оказал развивающимся странам помощь масками, а когда была разработана вакцина — вакцинами, медицинским оборудованием и медицинскими кадрами. В ближайшем регионе — ЮВА Китай оказал значимую помощь Лаосу, Мьянме и Камбодже, наименее развитым странам, что сыграло в пользу укрепления двусторонних отношений с этим странами. С самого начала пандемии Китай оказывает помощь странам Африки. Он отправил большие партии медикаментов и средств защиты, медработников, участвовал в переоборудовании больниц, предоставил

инвестиции для строительства новых медицинских объектов. Си Цзиньпин заявил о готовности его страны обеспечивать доступность и дешевизну вакцин в Африке и совместно вносить большой вклад в преодоление эпидемии в Африке и во всем мире¹. С начала пандемии Китай предоставил более чем 120 странам и организациям 2 млрд доз антиковидной вакцины и в конце 2021 г. заявил о готовности выделить еще 1 млрд вакцин для Африки и 150 млн доз для стран АСЕАН². Это пример объединения усилий, направленных на противодействие вирусу в рамках создания сообщества единой судьбы в здравоохранении, реальное воплощение идеи Си Цзиньпина на практике.

Выступая в МГИМО в 2013 г., он впервые изложил концепцию на международном уровне. Он отметил: «В нашем мире все страны как никогда связаны друг с другом и зависимы друг от друга. Все человечество — население одной планеты Земля — живет в одном времени и пространстве, в котором границы между историей и реальностью постепенно стираются. Человечество из года в год превращается в сообщество единой судьбы»³.

Платформой для продвижения концепции сообщества единой судьбы в мире служат встречи «Диалог КПК с миром» [Верченко, с. 8]. Этот проект предложен Си Цзиньпином и реализуется с 2014 г. Состоявшиеся за прошедшие годы форумы повысили свой уровень до саммитов икратно увеличили число участников, чем продемонстрировали растущую в мире заинтересованность в совместном обсуждении проблем мироустройства. Си Цзиньпин выступал на всех саммитах. В 2017 г. он указал на важность ответственности и сотрудничества политических партий в деле установления справедливого миропорядка в новую эпоху, подчеркнул, что разница в идеологиях не означает противостояние. Он привел известную китайскую формулу о поисках общего при сохранении различий, что дает основу для достижения договоренностей и сотрудничества при наличии определенных несовпадений в позициях. В меняющемся мире, по мнению Си Цзиньпина, политические партии разных стран должны укреплять доверие, тесно взаимодействовать, формировать отношения нового типа. Си Цзиньпин постоянно подчеркивает, что КПК является политической

¹ Ван И. Китайские вакцины для Африки преодолют горы и моря, чтобы одержать победу над вирусом. URL: http://russian.news.cn/2021-12/01/c_1310344934.htm (дата обращения: 10.01.2022).

² Ван И: гаоцзюй жэньлэй минъюнь гунтунти цичжи кобу цяньсин [Двигаться вперед, высоко неся знамя сообщества единой судьбы человечества]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2022-01/02/content_5666074.htm (дата обращения: 12.12.2021).

³ Гоцзя чжуси си цзиньпин цзай моськэ гоцзи гуаньси сюэюань дэ яньцзын [Выступление председателя КНР СИ Цзиньпина в МГИМО]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (дата обращения: 01.11.2021).

партией, которая борется не только за счастье китайского народа, но и за прогресс всего человечества. Си Цзиньпин не устает подчеркивать, что ценностями китайской нации на протяжении всей её пяти тысячелетней истории были понятия «мир, согласие и гармония», в крови китайской нации нет генов захватчиков и гегемонов; китайский народ никогда не третирует, не угнетал и не поработал народы других стран, не делает этого в настоящее время, не будет делать так и в будущем⁴.

Си Цзиньпин подчеркивает, что на длинном пути не избежать трудностей, поэтому необходимы общие усилия в направлении реформирования и улучшения системы глобального управления, создания справедливого экономического и политического порядка, создания условий для международного сотрудничества, стимулирования совместного развития и процветания всех стран мира.

На заседаниях Совета глав государств — членов ШОС, деловых саммитах БРИКС Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что Китай выступает за конструктивное партнерство в борьбе за безопасность и стабильность, против традиционных и нетрадиционных угроз, за взаимодействие и взаимную выгоду, равенство и совместные консультации, за уважение к многообразию культур и обеспечение условий для всеобщего развития. Большое внимание уделяется охране окружающей среды и т.н. «зеленого развития». Для стран — членов ШОС приоритетными являются задачи по развитию доверительного сотрудничества и взаимодействия, решительному противостоянию терроризму, сепаратизму и экстремизму для обеспечения мира, созданию мощных драйверов для успешного совместного развития, укреплению гуманитарных связей, расширению рамок сотрудничества. Си Цзиньпин рассматривает ШОС и БРИКС как организации, которые придерживаются «Шанхайского духа» и «общего духа БРИКС», они могут сыграть конструктивную роль в формировании международных отношений нового типа и построении сообщества единой судьбы человечества [Си Цзиньпин, с. 657].

В региональном контексте идея сообщества единой судьбы наиболее показательно реализуется в отношениях с африканским континентом. Си Цзиньпин выразил надежду на то, что создание сообщества единой судьбы Китая и стран Африки может стать примером для всего мира [Си Цзиньпин, с. 662]. Руководитель КНР выделил обстоятельства, которые особенно сближают Китай и Африку: это принадлежность к развивающимся экономикам и древнейшим цивилизациям. Тема «сообщества единой судьбы» входит в круг вопросов, обсуждаемых на форумах китайско-

⁴ Си Цзиньпин. Цзай цинчжу чжунго гунчаньдан чэнли 100 чжоуянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия КПК]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-07/15/c_1127658385.htm (на кит. яз.) (дата обращения: 02.02.2022).

африканского сотрудничества, самый представительный из которых состоялся в 2018 г. в Пекине. Выступая на форуме, Си Цзиньпин развернуто говорил о путях движения к сообществу единой судьбы с Африкой: об углублении политического диалога на разных уровнях; достижении взаимопонимания по вопросам, касающимся коренных интересов и важнейших озабоченностей сторон (бедность и коррупция); обеспечении общих интересов развивающихся стран; развитии экономического сотрудничества с обеспечением взаимного выигрыша; повышении благосостояния народа африканских стран и совместном развитии культур.

Китай продемонстрировал возможность преодоления бедности на собственном примере. После выдвижения задачи «целенаправленной ликвидации бедности» на рабочем совещании по экономическим вопросам в декабре 2014 г. партия последовательно руководила работой в этом направлении. В год 100-летия КПК было объявлено о ликвидации в основном бедности в Китае, о достижении уровня средней зажиточности. Накопленный опыт может быть использован в странах Африки с учетом местных особенностей.

Африке может пригодиться и опыт КНР в борьбе с коррупцией, которой нынешнее руководство объявило настоящий «крестовый поход». В Китае связи, семейная порука, подкуп, дорогие подарки, изобретательно замаскированные взятки веками были не просто традицией и основой общественной жизни, но незыблемым правилом делового общения. Несмотря на это, лидер КПК развернул кампанию борьбы с коррупцией, невзирая на чины и родственные связи, начав с чистки в партии. За период крупномасштабной кампании за коррупционные нарушения наказали более 1,5 млн членов КПК⁵. Китай готов делиться своим опытом с другими странами, не навязывая его другим странам, что Си Цзиньпин постоянно подчеркивает в свои выступлениях.

Китай заявил, что готов играть конструктивную роль в деле содействия поддержанию мира и стабильности на африканском континенте. Построение китайско-африканского сообщества единой судьбы на саммите 2018 г. признано определяющей стратегией для развития отношений Китая с Африканским континентом.

Важной инициативой Си Цзиньпина для осуществления равноправного диалога, развития культурной многополярности и многовекторности стало проведение в 2019 г. в Пекине конференции «Диалог азиатских цивилизаций». Конференция собрала 2000 делегатов из 47 государств Азии и других стран за пределами региона. Председатель КПК ранее неоднократно подчеркивал, что движущей силой развития человечества являют-

⁵ В Китае рассказали, как борются с коррупцией. URL: <https://ria.ru/20181209/1547679964.html> (дата обращения: 01.02.2022).

ся обмена и диалоги между разными цивилизациями, которые призваны стать мостами для укрепления дружбы между народами и создания благоприятной среды для развития государств. На конференции Си Цзиньпин подчеркнул, что углубление гуманитарных обменов и взаимозаимствований — это важный путь для устранения отчужденности и недоразумений, содействия взаимопониманию и сближению народов, создания сообщества единой судьбы. Конференция имела важное значение в свете реализации задач «периферийной дипломатии», направленных на поддержание дружественных отношений с ближайшими соседями путем установления сообщества единой судьбы.

О необходимости совместных действий по установлению справедливой и эффективной системы глобального экономического управления, отвечающей требованиям эпохи, Си Цзиньпин неустанно говорит на международных экономических встречах с участием стран Запада. Он отмечает, что все страны «являются звеньями глобальной цепи сотрудничества и постепенно формируют сообщество интересов и сообщество единой судьбы» [Си Цзиньпин, с. 673] и предлагает «строить равноправные и сбалансированные глобальные отношения партнерства в области развития» [Си Цзиньпин, с. 675].

Представленные в томе 3 выступления Си Цзиньпина, касающиеся концепции сообщества единой судьбы человечества, показывают, что руководитель КНР настойчиво продолжает работу по ознакомлению мира со своей идеей, развивает и обновляет ее положения в соответствии с изменениями в мире и требованиями реальной ситуации, конкретизирует и выделяет отдельные положения концепции с учетом платформы, на которой выступает. Си Цзиньпин продолжает теоретически совершенствовать концепцию, излагает ее понятным языком, четко формулирует задачи, ставит ясные цели. Во всех выступлениях Си Цзиньпина проявляется его ответственность за судьбы планеты, за мирное будущее всего человечества, за судьбы будущих поколений.

Библиографический список

Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 1. С. 6—18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001.

Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // *Азия и Африка*. 2017. № 12. С. 8—18.

Сафронова Е. И. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы» // *Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений* / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 45—54.

Семенов А., Цвык А. Концепция “общего будущего человечества” во внешнеполитической стратегии Китая // *Мировая экономика и международные отношения*, 2019. Т. 63, № 8. С. 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 3. Пекин: Вайвэнь чубань-шэ. 2021. 846 с.

References

Verchenko A.L. (2020). Prodvizheniye Kitayem idei «soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva» [China's Promotion of the Idea of “Community of Common Destiny for Mankind”] // *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 1:6—18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001. (In Russian).

Lomanov A.V. (2017). Novyye kontseptsii kitayskoy vneshney politiki [New Concepts of Chinese Foreign Policy]. *Aziya i Afrika segodnya*, 12: 8—18. (In Russian).

Semenov A., Tsvyk A. (2019). Kontseptsiya “obshchego budushchego chelovechestva” vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya [The “Community of a Shared Future for Humankind” Concept in China’s Foreign Policy] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 8: 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81. (In Russian).

Safronova Ye. I. K voprosu o traktovke “soobshchestva yedinoy sud'by” [On the Question of Interpretation of the Chinese Concept of “a Community of Common destiny”] // *Resheniya XIX s"yezda KPK i perspektivy rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [The 19th CCP Congress’s Decisions and the Prospects for Russian-Chinese Relations / A.O. Vinogradov (Ed.). Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS, 2018. 112 p. (In Russian).

Xi Jinping (2021). O gosudarstvennom upravlenii tom III [The Governance of China Volume III]. Beijing. Waiwen chubanshe. Beijing. 846 p. (In Russian).

КОМИНТЕРН И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

DOI: 10.48647/IFES.2022.37.30.019

Ван Ци

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ¹

Аннотация. Проблема взаимосвязи между Коммунистическим Интернационалом и китайской революцией является важной темой, затрагивающей историю Коммунистической партии Китая, историю китайской революции, историю китайско-советских отношений, историю международного коммунистического движения и историю международных отношений. После начала политики реформ и открытости в конце 1970-х гг. китайские ученые преодолели запреты в академической науке, напряженно работали над этой темой и получили значимые результаты. В год 100-летия Коммунистической партии Китая и 20-летия подписания китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве автор провела систематический анализ итогов работы китайских ученых по теме «Коминтерн и китайская революция» на основе китайской научной базы ЧЖИВАН, в которой собраны академические статьи из самых авторитетных научных журналов. Автор проанализировала статьи, написанные на основе подлинных архивных документов, с целью внести большую ясность в исследование отношений Комин-

¹ Продолжение. Начало см.: Ван Ци. Коммунистический Интернационал и китайская революция: исследование китайских ученых // Исторические события в жизни Китая и современность. К 100-летию Коммунистической партии Китая / Сборник статей / Выпуск VI / сост., отв. ред. Н.Л. Мамаева. Москва: ИДВ РАН. 2021. Том VI. С. 11—21.

терна и китайской революции. Результаты исследования автор представила в четырех частях: 1) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на начальном этапе (1919—1927); 2) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на втором этапе (1927—1935); 3) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на заключительном этапе (1935—1943); 4) обзор тематических исследований китайских ученых об учреждениях Коммунистического Интернационала по Китаю и деятельности представителей Коммунистического Интернационала в Китае. Цель исследования состоит в усвоении исторических знаний, содействии продвижению всестороннего стратегического сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху. Если Китай и Россия будут вместе, они будут выполнять взятую на себя священную миссию быть стабилизирующим фактором мира и развития на планете.

Ключевые слова: Коминтерн, РКП(б), ВКП(б), китайская революция, научные исторические исследования

Автор: Ван Ци (Ph.D), профессор Цинхуа, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией (ИССКР), Университет Цинхуа, Пекин, КНР. E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Wang Qi

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMINTERN AND THE CHINESE REVOLUTION: CHINESE SCHOLARS' RESEARCHES

Abstract: The relationship between the Comintern and the Chinese Revolution is an important subject affecting the history of the Communist Party of China, the history of the Chinese revolution, the history of Sino-Soviet relations, the history of the international communist movement and the history of international relations. After Reform and Opening policy start in the late 1970s Chinese scholars overcame the ban in the academic science and achieved meaningful academic results through skills and hard work in this field. On the occasion of the 100th anniversary of the Communist Party of China foundation and the 20th anniversary of the signing of the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation, the author conducted a systematic analysis of Chinese scholars research results of the relationship between “the Comintern and the Chinese Revolution” based on the Chinese scientific base ZHIWANG, which presents the collection of academic articles from the most authoritative scientific journals. The author analyzed the articles written on the basis of the original archival documents to clarify many historical issues thus promoting the process of scientific research of the problems of the Comintern and the Chinese Revolution relationship. The author presented the research results in four parts: 1) the review of research results of the Comintern and

the Chinese Revolution relationship at the initial stage (March 1919- July 1925); 2) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the second stage (July 1927-July 1935); 3) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the final stage (July 1935- May 1943); 4) the review of conducted by the Chinese scientists case studies of the Comintern institutions and the Comintern representatives activity in China. The purpose of this research is to master the historical knowledge and promote the relationship of China-Russia comprehensive strategic partnership in the new era. As long as China and Russia work closely together, they will fulfill the sacred mission of being a stabilizing factor for world peace and development.

Keywords: Comintern, the R.P.S.U.(B), the C.P.S.U.(B.), Chinese Revolution, scientific historical research

Author: Wang Qi, Ph.D., Senior Professor at Tsinghua University, Executive Director of the Institute of China-Russia Strategic Cooperation at Tsinghua University, Beijing, China. E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Исследования китайскими учеными деятельности Коминтерна в 1927—1935 гг.

Как указывается на новостном сайте КПК, взаимосвязь китайской революции и Коминтерна в течение 24 лет его существования Мао Цзэдун оценивал как «хорошую в начале и в конце, плохую в середине»². Формулировка «плохая в середине» относится ко второму этапу существования Коминтерна (1927—1935), однако Мао Цзэдун уточнял: «Плохая в середине не значит, что абсолютно неправильная»³.

Китайские ученые объективно оценивают вклад, который внес Коминтерн в руководство китайской революцией на этом этапе, и выделяют два исторических момента.

С Августовского совещания⁴ до VI съезда КПК в Москве в июне-июле 1928 г. оценки Коминтерна в отношении китайской революции в основном были правильными. Например, Коминтерн тогда положительно оценивал основные решения КПК: выработанный Августовским совещанием генеральный курс на развертывание аграрной революции и организацию вооруженного отпора кровавому наступлению гоминьдановской реакции; определение VI съездом КПК характера китайской революции

² 中国共产党新闻网 [Новостной сайт КПК]. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2019/1101/c85037-31432006.html>

³ Данная фраза Мао Цзэдуна на новостном сайте КПК полностью приведена следующим образом: «Хорошая в начале и в конце, плохая в середине. Хорошая в начале и в конце, но при этом всё равно с некоторыми проблемами; плохая в середине, но при этом не значит, что абсолютно неправильная».

⁴ Августовское совещание — чрезвычайного совещания ЦК КПК 7 августа 1927 г. в Ханькоу (пров. Хубэй).

как по-прежнему буржуазно-демократической и признание того, что аграрная революция составляет основное содержание переживаемого Китаем революционного этапа. При этом Коминтерн заявлял о поддержке возглавляемой Коммунистической партией Китая независимо от позиции других политических партий борьбы за осуществление аграрной революции.

Результаты исследований, относящихся к данной теме, в основном представлены следующими работами.

Сюй Пэн. «Руководство и влияние: анализ отношения Коминтерна к VI съезду КПК» [许鹏: 指导与影响: 共产国际与六大关系探析]; Гэн Сяньцзя. «Историческое исследование взаимосвязи советской власти в Китае и Коминтерна» [耿显家: 中国苏维埃政权与共产国际关系的历史考察]; Янь Лисянь. «От концепции «город — центр революционной борьбы» к концепции «деревня — центр революционной борьбы» — смещение акцента работы Коминтерна с КПК в начале 1930-х годов» [严立贤: 从“城市中心论”到“农村中心论”1930年代初期共产国际和中共工作重心的转]; У Сяожун. «Коминтерн, ВКП(б) и принятие КПК программы аграрной революции» [吴晓荣: 共产国际、联共(布)与中共土地革命正纲的确立]; Лин Буцзи. «Финансовая и материальная помощь Коминтерна и ВКП(б) советской революции в Китае» [凌步机: 共产国际、联共(布)对中国苏维埃革命的经费与物资援助]; Ван Минцянь. «О руководстве Коминтерном и ВКП(б) проводимой КПК аграрной революцией» [王明前: 试论共产国际、联共(布)对中共土地革命的指导]; Чжан Тао, Лэй Цунцун. «Уточнение времени начала работы делегации КПК в Коминтерне» [张涛, 雷丛丛: 中共驻共产国际代表团成立时间考]; Ян Цин. «Коминтерн, ЦК ВКП(б) и создание революционных рабоче-крестьянских вооруженных сил в Китае» [杨青: 共产国际、联共(布)中央与中国工农革命武装的建立]; Ван Синьшэн. «Еще одно исследование помощи ВКП(б) и Коминтерна VI съезду КПК в определении характера китайской революции» [王新生: 对联共(布)、共产国际帮助中共六大确定中国革命性质问题再研究]; Ли Юнчан. «Радиообмен между ЦК КПК и Коминтерном» [李永昌: 中共中央与共产国际电讯联系].

2. С начала 1933 г., когда к власти в Германии пришел Гитлер, до VII Конгресса Коминтерна (лето 1935 г.) в условиях усиления политической напряженности в Европе Коминтерн и ВКП(б) выступили с критикой сектантства, разрабатывали тактику борьбы единым антифашистским фронтом, что в значительной степени способствовало формированию в КПК целостной тактики единого национального антияпонского фронта. После VII Конгресса Коминтерн стал меньше вмешиваться в дела коммунистических партий. Данное обстоятельство в значительной мере способствовало осуществлению Коммунистической партией Китая независимо

го и самостоятельного руководства китайской революцией, открыло путь для революции китайского типа.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Чжоу Цзябинь. «Эволюция представлений КПК о едином антиимпериалистическом фронте (1931—1937), или теоретические истоки единого национального антияпонского фронта» [周家彬: 中共对反帝统一战线认识演变(1931—1937)——兼论抗日民族统一战线的理论来源]; Чжан Ваньцзе. «Димитров и изменение политики Коминтерна в 1935 году» [张万杰: 季米特洛夫与1935年共产国际政策的转变]; Тань Жуй. «Анализ влияния новой стратегии VII Конгресса Коминтерна на утверждение идей КПК о едином национальном антияпонском фронте» [谭锐: 共产国际“七大”新战略对中共抗日民族统一战线思想确立的影响探析]; Цюй Чанлэй. «Благоприятный момент для выдвижения идеи «китаизации марксизма» — новый тактический курс VII Конгресса Коминтерна» [屈昌雷: “马克思主义中国化”提出的有利契机-共产国际“七大”制定的新策略方针]; Чжан Фувэнь. «Димитров и возникновение темы китаизации марксизма» [富文: 季米特洛夫与马克思主义中国化命题的提出]; Хоу Бо, Чжан Сидэ. «История постановки вопроса о китаизации марксизма и VII Конгресс Коминтерна» [侯波、张喜德: 马克思主义中国化命题提出的历史过程与共产国际七大]; Ли Дань. «Исследование причин изменения внешней политики Коминтерна на VII Конгрессе Коминтерна» [李丹: 共产国际七大对外政策转变探因]; Кан Пэйчжу, Чжэн Цзянь. «Влияние Конгресса Коминтерна на исторический процесс китаизации марксизма» [康沛竹、郑建: 共产国际七大在马克思主义中国化历史进程中的影响]; Хуа Пу (пер. и ред.). «Дневник Димитрова» [华谱编译: 季米特洛夫日记]; Фан Гуаншунь. «Ленин и тактика единого антифашистского фронта Коминтерна» [房广顺: 列宁与共产国际反法西斯统一战线策略]; Сун Хунсюнь. «Два случая изменения тактики в истории Коминтерна» [宋洪训: 共产国际历史上的两次策略转变]; Чэнь Шиин, Ван Шуи. «Сектанство после «инцидента 18 сентября» и Коминтерн» [陈世英、王叔宣: 九一八事变后的关门主义和共产国际]; Чэнь Цзайфань. «VII Конгресс Коминтерна и единый национальный антияпонский фронт в Китае» [陈再凡: 共产国际七大和中国抗日民族统一战线]; Е Мэйся, Сюй Сяолин, «Декларация 1 августа»⁵ — продукт соединения идей VII Конгресса Коминтерна с китайской практикой» [叶美霞、徐晓林: “八一宣言”是共产

⁵ «Декларация 1-го августа» — подготовленное 1 августа 1935 г. делегацией КПК в Коминтерне «Письмо Китайского советского правительства и ЦК КПК ко всем соотечественникам во имя отпора Японии и спасения родины» “[中国苏维埃政府、中国共产党中央为抗日救国告全体同胞书]». Опубликовано 1 октября 1935 г. в издававшейся в Париже газете «Цзюго бао» [救国报] от имени Центрального правительства Китайской советской республики и ЦК КПК.

国际“七大”思想与中国实际相结合的产物]; Ян Юньжо. «Краткий анализ дискуссии по вопросу о взаимосвязи тактики единого национального антияпонского фронта КПК и VII Конгресса Коминтерна» [杨云若: 简析党的抗日民族统一战线策略与共产国际七大关系问题的争论]; Ван Цилань. «VII Конгресс Коминтерна и китайский единый национальный антияпонский фронт» [王绮兰: 共产国际第七次代表大会与中国的抗日民族统一战线]; Лэй Чжэньян. «Некоторые мнения в вопросе оценки VII Конгресса Коминтерна» [雷振扬: 对共产国际七大评价问题的几点看法].

Китайские ученые указывают, что в период борьбы за осуществление аграрной революции Коминтерн оказывал китайской революции большую безвозмездную, бескорыстную финансовую и материальную помощь. Данное обстоятельство сыграло важную роль в развитии и укреплении Коммунистической партии Китая, в обеспечении безопасности и нормальной работы руководящих органов ЦК КПК в условиях белого террора, в освобождении арестованных товарищей и поддержки семей павших революционеров, в помощи советским районам в их борьбе.

Вместе с тем китайские ученые обращают внимание на такое из ряда вон выходящее явление, как ярко выраженная интернационалистская окрашенность Устава КПК, неоднократно редактированного и в итоге принятого на VI съезде КПК. Объясняется это главным образом организационными принципами Коминтерна, тем, что VI съезд КПК проходил в Москве под непосредственным руководством и сильным влиянием Коминтерна. Ярко выраженная интернациональная окрашенность утвержденного на VI съезде Устава КПК оказала определенное негативное влияние на китайскую революцию и даже причинила ей серьезный ущерб. Вот почему, объективно оценивая имевшие место в то время проблемы в руководящей работе Коминтерна, китайские ученые выделяют два исторических момента.

1. Политический курс, выработанный VI съездом КПК (июнь—июль 1928 г.), и «теория третьего периода» непосредственно и глубоко повлияли на возникновение левого уклона в Коммунистической партии Китая.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Мо Цинхун, Тан Чжэнман. «Ярко выраженная интернациональная окрашенность утвержденного на VI съезде КПК Устава партии и анализ причин этого» [莫庆红、唐正芒: 中共六大党章的浓厚国际色彩及其原因探析]; Ду Чжичжан. «Экскурс в теорию: варианты развития марксизма на Востоке» [杜志章: 理论旅行: 马克思主义在东方的发展变异]; У Минган. «Обзор по теме «Руководство со стороны Коминтерна развитием Центрального советского района» [吴明刚: 共产国际对中央苏区发展指导述评]; Чэнь Сюэхун. «Взаимосвязь между «левоуклонистскими» идеями Ван Мина и Коминтерном» [陈学红: 王明“左”倾思想与共产国际的关系];

Ван Синьшэн. «Попытка исследования ответных мер ВКП(б) и Коминтерна и влияния ВКП(б) и Коминтерна на Коммунистическую партию Китая после «инцидента 18 сентября» [王新生: 试探九一八事变后联共(布)、共产国际的对策及对对中国共产党的影响]; Цзян Цзяньнун. «Исследование по теме «Ван Мин и единый национальный антияпонский фронт» [蒋建农: 王明与抗日民族统一战线问题研究]; Се Иньмин, Чэнь Лихун. «Различное влияние Коминтерна на китайскую революцию — сравнительное исследование периода 1920-х — начала 30-х г.г.» [谢荫明、陈丽红: 共产国际对中国革命的不同影响 — 20 世纪 20 年代与 30 年代前期之比较研究]; Чжэн Вэй. «Историческое изучение взаимоотношений Ван Мина и Коминтерна» [郑伟: 王明与共产国际关系的历史考察]; Чэнь И, Чэнь Юньфэй. «Влияние Коминтерна на три «левоуклонистские» ошибки в период войны КПК за проведение аграрной революции» [陈毅、陈云飞: 共产国际对我党土地革命战争时期三次“左”倾错误的影响]; Лю Баоминь. «Возникновение и эволюция догматизма Ван Мина» [刘保民: 王明教条主义的产生和演变]; Ли Дунлан. «Коротко об «интернационалистской изнанке» Ван Мина» [李东朗: 简论王明的“国际背景”]; Ся Сяомин. «Взаимосвязь правоуклонистских капитулянтских ошибок Ван Мина с Коминтерном и СССР» [夏晓鸣: 王明右倾投降错误和共产国际、苏联的关系]; Чжао Сюэлинь. «Исторический анализ по теме «Коминтерн и три «левоуклонистские» ошибки КПК в период аграрной революции» [赵学琳: 共产国际与党在土地革命时期三次“左”倾错误的历史考析]; Хо Сюй, «О взаимосвязи Коминтерна с возникновением и развитием трех «левоуклонистских» ошибок КПК» [霍旭: 论中国共产党三次“左”倾错误的发生、发展同共产国际的关系]; Ли Янь. «Анализ идей Ван Мина в период его деятельности представителем КПК в Коминтерне» [李妍: 驻共产国际时期的王明细想探析]; Цзинь Чунци. «Сравнительное исследование трех «левоуклонистских» ошибок КПК в период революции» [金冲及: 中国共产党在革命时期三次“左”倾错误的比较研究]; Чжу Пэйминь. «Коминтерн и борьба с уклонами в КПК» [朱培民: 共产国际与中共党内反倾向斗争]; Ван Цзокунь. «Взаимосвязь Коминтерна с тремя «левоуклонистскими» ошибками Коммунистической партии Китая в период войны за осуществление аграрной революции» [王作坤: 土地革命战争时期共产国际与中国共产党三次“左”倾错误的关系]; Ши Чжифу. «Общий анализ по вопросу взаимосвязи Коминтерна и «левоуклонистского» курса Ван Мина при выработке ЦК КПК тактики национальной антияпонской борьбы» [石志夫: 浅析共产国际和王明“左”倾路线中央关于制定抗日民族斗争策略的关系问题].

Выявив взаимосвязь провозглашенной VII Конгрессом Коминтерна «теории третьего периода» с «левоуклонистскими» авантюристическими ошибками Ли Лисаня, проанализировав взаимосвязь Коминтерна с тремя «левоуклонистскими» ошибками КПК в период войны за осуществление

аграрной революции, китайские ученые подчеркнули следующее: анализ Ван Мина основных вопросов китайской революции стал наиболее значимым проявлением его левоуклонистских идей. Процесс возникновения, развития и заката этих идей был непосредственно связан с Коминтерном. Теория и указания Коминтерна заложили теоретическую базу левоуклонистских идей Ван Мина, тем самым китайской революции был нанесен огромный урон.

2. Догматизация марксизма, проявившаяся в левоуклонистской линии VI съезда КПК, и тенденция к абсолютизации советского опыта и приоритета интересов СССР нанесли ущерб китайской революции.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Цзэн Сяолин, Чжан Ли. «Обзор по теме «Делегация КПК в Коминтерне и вооруженная борьба КПК» [曾小林、张力：中共驻共产国际代表团与中共武装斗争述论]; Гэн Сяньцзя. «Коминтерн и практика реализации правящей роли Коммунистической партии Китая в ранний советский период» [耿显家：共产国际与中国共产党早期苏维埃政权的执政实践]; Кан Пэйчжу, Цзя Ихан. «Два «октябрьских письма» и изменение руководящего курса Коминтерна» [康沛竹、贾一航：两次“十月来信”与共产国际指导方针的转变]; Чжан Тао, Ци Вэйпин. «От «защиты СССР» к «единому национальному антияпонскому фронту»: исследование подробностей появления «Декларации 1-го августа» [张涛、齐卫平：从“保卫苏联”到“抗日民族统一战线”：（八一宣言）形成过程探微]; Вэнь Цзюньбао. «О четырех важных аспектах влияния Коминтерна на центральном этапе его существования на китайскую революцию» [闻君宝：论共产国际中期影响中国革命的四重维度]; Юй Болю. «Советская революция КПК в поле зрения Коминтерна» [余伯流：共产国际视野下的中共苏维埃革命]; Лю Байян. «Мобилизация и отклик на нее — о движении «против империализма, за СССР» в Центральном советском районе» [刘白杨：动员与回应 — 论中央苏区的反帝拥苏运动]; Ло Чжунъи, Лю Чэнцзин. «Промахи, допущенные при руководстве Коминтерном переходом КПК к установлению советской власти» [罗重一、刘成婧：共产国际指导中共转向建立苏维埃政权中的失误]; Ли Бинь. «Советская Россия», Коминтерн и политика Коммунистической партии Китая «против империализма, за аннулирование неравноправных договоров» в 20—30-х годах XX века [李斌：苏俄”、共产国际与二十世纪二三十年代中国共产党的反帝废约政策]; Жэнь Фубин, Го Цян. «Влияние Коминтерна на руководство Коммунистической партией Китая военно-вооруженной работой» [任福兵、郭强：共产国际对中国共产党领导军事武装工作的影响]; Юй Болю. «Успехи и неудачи руководства Коминтерном и ВКП(б) советским движением в Китае» [余伯流：共产国际、联共（布）指导中国苏维埃运动的功过]; Хуа Цян, Жуань Синь. «Руководство Коминтерна в отношении линии

КПК в военном вопросе в период войны за проведение аграрной революции» [华强、阮鑫：土地革命战争时期共产国际对中共军事路线的指导]; Тан Тао. «Влияние Коминтерна и ВКП(б) на партстроительство в КПК на начальном этапе аграрной революции» [汤涛：共产国际、联共（布）对土地革命初期中共自身建设的影响]; Цао Цзянькунь. «Поиск Коминтерном пути китайской революции — анализ архивных материалов Коминтерна за 1927—1931 годы» [曹建坤：共产国际对于中国革命道路的探索 — 1927—1931 年共产国际档案资料评析]; Ван Яодун, Ди Цзоцзюнь. «Влияние «левоуклонистских» ошибок Коминтерна и СССР на китайскую революцию» [王耀东、翟作君：共产国际、苏联的“左”倾错误对中国革命的影响]; Му Сянбинь. «Влияние тактики Коминтерна на китайскую революцию в ходе инцидента на КВЖД» [慕向斌：“中东路事件中共产国际的策略对中国革命的影响”]; Бэнь Фань. «Историческое исследование лозунга Коминтерна «защищать Советский Союз» [本范：对共产国际“保卫苏联“口号的历史考察]; Ван Гинкэ. «Противоречие между концепцией Коминтерна «в центре — интересы СССР» и интересами китайской революции» [王廷科：“共产国际的”苏联利益中心“与中国革命利益的矛盾”]; Сунь Уся. «Ошибки в руководящих идеях Коминтерна с точки зрения пагубности догматизма» [孙武霞：从教条主义危害看共产国际指导思想上的失误]; Чжоу Шучжэнь. «Попытка рассказать о руководстве Коминтерном китайской революцией после «инцидента 18 сентября» [周淑真：试论“九一八”事变后共产国际对中国革命的指导].

В своем анализе китайские ученые выделяют несколько аспектов влияния Коминтерна на втором этапе его существования на китайскую революцию: Коминтерн исходил из того, что теоретическим критерием китайской революции должно быть следование революционной теории и практике Советской России; ценностным ориентиром китайской революции Коминтерн называл защиту практических интересов Советского государства и советского народа; модель руководства китайской революцией Коминтерн понимал как насаждение своего собственного абсолютного авторитета.

Возобновление изучения аспектов влияния Коминтерна на втором этапе его существования на китайскую революцию имеет важное значение для развития таких тем, как китаизация марксизма.

Исследования китайскими учеными деятельности Коминтерна в 1935—1943 гг.

Прежде всего, китайские ученые положительно оценивают взаимосвязь китайской революции и Коминтерна на заключительном этапе его существования, указывая на активную роль Коминтерна в ходе антияпонской войны в Китае. Как и ранее, в ходе «великой революции», активная роль Коминтерна в ходе антияпонской войны выражалась в том, что он

вновь существенно помог китайскому народу, оказывая ему моральную поддержку и материальную помощь. При этом китайские ученые выделяют два исторических момента.

1. В августе 1935 г. VII Конгресс Коминтерна инициировал организацию всемирного единого антифашистского фронта и единого антияпонского фронта в Китае. Тем самым Коминтерн внес важный вклад в становление второго сотрудничества Гоминьдана и КПК, в создание единого национального антияпонского фронта и в развертывание войны сопротивления Японии в масштабах всего Китая.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Янь Фанфан. «Активная роль политики единого национального антияпонского фронта КПК в мирном разрешении «Сианьского инцидента» — под углом зрения взаимодействия Коминтерна и КПК» [尧芳芳: 中共抗日民族统一战线政策对西安事变和平解决的推动作用-以共产国际与中共的双向互动为视角]; Сюй Юйфэн. «Еще одно исследование по теме «Коминтерн и тактика единого национального антияпонского фронта КПК на начальном этапе войны сопротивления» [徐玉凤: 抗战初期共产国际与中共抗日民族统一战线策略再研究]; Чжан Юньхун, Ли Лянмин. «О влиянии и воздействии Коминтерна на КПК в вопросе китаизации марксизма — на примере формирования и развития тактики единого национального фронта» [张运洪、李良明: 论共产国际对中国共产党推行马克思中国化的影响及启示-以民族统一战线策略的形成和发展为例]; Тань Хува, Чэнь Шаокан. «Активная роль Коминтерна в китаизации марксизма на заключительном этапе его существования» [谭虎娃、陈少康: “共产国际后期对马克思主义中国化的积极作用”]; Сунь Цзянь, «Активное влияние ВКП(б) на процесс китаизации марксизма в период войны сопротивления» [孙健: 抗战时期苏共对马克思主义中国化进程的积极影响]; Хуан Ибин. «Делегация КПК в Коминтерне и антияпонская война в Китае — на примере исследования формирования и развития единого национального антияпонского фронта» [黄一兵: 中共驻共产国际代表团与中国抗日战争 — 以抗日民族统一战线的形成和发展为线索]; Ян Куйсун. «Формирование Коммунистической партией Китая политики единого национального антияпонского фронта и Коминтерн» [杨奎松: 中国共产党抗日民族统一战线政策的形成与共产国际].

2. С началом войны сопротивления Японии СССР активно поддерживал Китай морально, выступал с заявлениями в поддержку Китая, предоставлял Китаю разную помощь.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Чжан Цзяньхуа. «Воссоздавая образ Советского Союза: помощь советских ВВС Китаю на начальном этапе войны сопротивления и значение

этой помощи» [张建华：再造苏联形象：抗战初期苏联空军援华及其影响]; Лю Сяохуа, Тан Чжихуаю. «Влияние советского фактора на процесс популяризации марксизма в период антияпонской войны» [刘晓华、汤志华：抗日战争时期马克思主义大众化进程中的苏联因素影响]; Ван Шу-линь. «Коминтерн, СССР и создание базы Китайской рабоче-крестьянской красной армии после завершения Великого похода» [王树林：共产国际、苏联与中国工农红军长征落脚点的确立]; Сюэ Чэн. «О некоторых вопросах, связанных с исследовательской группой Коминтерна по китайскому вопросу в период войны сопротивления» [薛承：抗战时期共产国际中国问题研究小组若干问题述论]; Ло Чжунъи, Чжан Нань. «Помощь Коминтерна войне сопротивления под руководством КПК» [罗重一、张楠：共产国际对中共领导的抗战的援助]; Ли Чжэ. «СССР, Коминтерн и стратегия Коммунистической партии Китая по налаживанию международных связей — на основе изучения конкретного периода с 1935 года до конца 1936 года, до начала войны сопротивления» [李喆：苏联和共产国际与中国共产党的打通国际通道战略---基于抗战之前 1935 至 1936 底的特定时期]; Ли Гэжуй. «Секретная международная «красная» транспортная линия» между Яньбяню и Москвой» [李戈瑞：延安与莫斯科间的神秘红色国际交通线]; Чжан Цзэюй. «Исследование помощи СССР и Коминтерна КПК в период полномасштабной войны сопротивления» [张泽宇：全面抗战时期苏联和共产国际对中共的援助研究]; Чжан Цзэюй. «Об учебе членов КПК в СССР в 1930-е годы» [张泽宇：二十世纪三十年代中共党员留学苏联述论]; Чжао Гуанцзюнь. «Боевое искусство советских летчиков-добровольцев в период войны сопротивления Японии» [赵广军：抗战时期苏联援华志愿飞行员对日作战战术]; Ян Куйсун. «Пример советской широкомасштабной помощи Китайской красной армии» [杨奎松：苏联大规模援助中国红军的一次尝试]; Чжан Цзин. «Коминтерн и антияпонская война китайского народа» [张静：共产国际和中国人民抗日战争]; Ли Хунвэнь. «Коминтерн, СССР и антияпонская борьба в Северо-Восточном Китае после «инцидента у моста Лугоуцяо» [李鸿文：卢沟桥事变后，共产国际、苏联和东北抗日斗争].

Китайские ученые отмечают, что, поддерживая Национальное правительство Китая в войне сопротивления Японии, Коминтерн при этом оказывал помощь КПК и руководимым ею вооруженным силам. Это выразилось, в том числе в предоставлении КПК в порядке финансовой помощи более 1 млн 400 тыс. долл. в счет поставок вооружения и техники, в повышении уровня медико-санитарного обеспечения КПК за счет открытия госпиталей, в поставках медикаментов первой необходимости, в направлении в СССР на лечение кадровых работников, в создании на территории СССР и в Синьцзяне политических и военных учебных заведений для подготовки кадров КПК и т. д. Все это имело важное значение для дос-

тижения победы в войне сопротивления и для развития Коммунистической партии Китая.

Вместе с тем китайские ученые объективно проанализировали проблемы, имевшие место в то время в руководстве Коминтерном китайской революцией, выделив при этом два момента в истории.

1. После VII Конгресса Коминтерн и СССР повторили свои правоуклонистские ошибки периода «великой революции», когда они всеми силами пытались привлечь Чан Кайши на свою сторону, защищали его. От левоуклонистских ошибок, состоявших в курсе на тотальную борьбу против буржуазии, отрицании объединения с ней, Коминтерн и СССР пришли к правоуклонистским ошибкам тотального объединения с буржуазией, отрицания борьбы с ней, стремились использовать войну сопротивления в Китае для сковывания Японии, связывая с Чан Кайши и Гоминьданом свои надежды на то, что скованная войной в Китае Япония не сможет напасть на СССР.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Янь Лэй, Хэ Юньбань. «Изменение взаимоотношений Коммунистической партии Китая и Коминтерна в результате «инцидента в Южной Аньхуэй» [闫磊、何云庵：皖南事变前后中国共产党与共产国际关系的变化]; У Юньфэн. «Формирование тактики КПК по организации военной обороны от Гоминьдана, политического контрнаступления на Гоминьдан после «инцидента в Южной Аньхуэй» — на основе телеграмм, которыми обменивались Коминтерн и Мао Цзэдун» [吴云峰：皖南事变后中共对国民党军事守势、政治反政策略的形成 — 以共产国际与毛泽东来往电报为中心]; Сунь Гога, Лу Ян. «Западная колонна Китайской красной армии, «Сианьский инцидент» и Чжан Готао в свете политики СССР по объединению с Чан Кайши» [孙果达、陆旸：苏联联蒋政策下的西路军、西安事变与张国焘批判]; Чжан Ваньцзе, «Димитров и формирование политики единого национального антияпонского фронта КПК — исследование трех изменений курса КПК в отношении Чан Кайши» [张万杰：季米特洛夫与中共抗日民族统一战线政策的形成 — 围绕中共对蒋介石方针三次转变的考察]; Ван Хуэйюй. «Изменение политики СССР в отношении Гоминьдана и КПК в связи с «Сианьским инцидентом» [王惠宇：“西安事变前后苏联对国共两党政策的转变”]; Чжан И. «Снова о Коминтерне и «Сианьском инциденте» [张翼：共产国际与西安事变新论]; Чжэн Дэжун, Син Хуа. Анализ роли Коминтерна в период двух сотрудничеств КПК и Гоминьдана» [郑德荣、邢华：共产国际在两次国共合作中的作用评析]; Цуй Дэфэн. «О взаимоотношениях Коминтерна и Коммунистической партии Китая в период войны сопротивления» [崔德芬：论抗战时期共产国际和中国共产党的关系]; Фань Миньхуа, Сунь Сипин. «О позиции Коминтерна и СССР в отношении «Сианьского инцидента» [范敏华、孙锡平：论

共产国际及苏联对西安事变的态度]; Ци Бяо. «Китайская стратегия СССР и трения между Гоминьданом и КПК в период войны сопротивления» [齐彪: 抗战时期苏联对华战略与国共摩擦].

2. После начала советско-германской войны в указаниях Коминтерна коммунистическим партиям снова зазвучали слова о защите СССР. «Вооруженная защита СССР» стала центральной задачей всех коммунистических партий.

Результаты исследований по данной теме в основном представлены следующими работами.

Ляо Сяоцзюнь. «Трижды выдвигавшееся указание «вооруженной защиты СССР» и поиск КПК независимого и самостоятельного пути» [廖晓君: 三次“武装保卫苏联”与中共独立自主道路的探索]; Чжан Чжицзян. «Трудный исторический путь китаизации марксизма — с точки зрения изменения представлений Коммунистической партии Китая об интернационализме до и после завершения Великого похода» 张治江: [马克思主义中国化的艰难历程 -长征前后中国共产党国际主义观念变迁为视角]; Линь Цзяньху. «Логика Коминтерна с точки зрения осуществления мировой революции» [林建华: 世界革命视域下共产国际的实践逻辑].

Анализ китайских ученых свидетельствует о том, что в ноябре 1937 г. Ван Мин по указанию Коминтерна возвратился в Китай, выдвинул правоуклонистский лозунг «все через единый фронт, все подчинить единому фронту» и за полгода своей деятельности в Китае нанес урон китайской революции. Вот почему Исполком Коминтерна принял организационное решение поддержать Мао Цзэдуна как лидера Коммунистической партии Китая.

При этом китайские ученые подчеркивают, что оценка взаимоотношений КПК и Коминтерна на заключительном этапе его существования неотделима от исторической конкретики того времени. Во-первых, согласно общепринятым международным нормам СССР, поддерживая официальные дипломатические отношения с китайским правительством, имел право оказывать помощь только ему и не имел права непосредственно помогать никаким партиям и группировкам в обход правительства Китая. Во-вторых, помощь Советского Союза и Коминтерна антияпонской войне в Китае была активной и искренней; до начала советско-германской войны СССР предоставил Китаю кредиты на сумму 450 млн долларов. Китайскому народу в войне сопротивления оказывали помощь более 2 тысяч советских пилотов-добровольцев, десятки тысяч специалистов и технических сотрудников. В-третьих, ЦК КПК имел расхождения с Коминтерном по ряду вопросов, однако в принципе это не препятствовало взаимоотношениям между КПК и Коминтерном. Кроме того, Коминтерн вел себя уже не так, как прежде, высказывал свое мнение спокойно и даже поддерживал Мао Цзэдуна по ряду ключевых вопросов. Все это по-

зволяет в основном положительно оценить взаимоотношения КПК и Коминтерна на заключительном этапе его существования.

Как указывают китайские исследователи, со времени создания в Китае первых коммунистических групп до официального образования КПК и в процессе ее последующей деятельности Коминтерн осуществлял непосредственное руководство китайскими коммунистами, организовывал их и помогал им, используя для этого свои различные структуры, занимавшиеся китайской проблематикой. Однако наряду со значительным вкладом, который внесли в дело китайской революции Коминтерн и его структуры, занимавшиеся китайской проблематикой, левоуклонистские и правоуклонистские ошибки, совершенные при их участии, причинили определенный ущерб китайской революции. История свидетельствует о том, что китайская революция была неразрывно связана с руководящей теорией марксизма-ленинизма. Однако история свидетельствует и о том, что теория марксизма-ленинизма должна соединяться с конкретной практикой китайской революции, только в этом залог ее окончательной победы.

Отдельные исследования китайских ученых касаются взаимоотношений Мао Цзэдуна и Коминтерна

Результаты исследований китайских ученых были опубликованы в следующих статьях.

У Вэй. «Как же все-таки Коминтерн относился к Мао Цзэдуну?» [吴炜: 共产国际究竟如何看待毛泽东?]; Гун Юйтао. «Мао Цзэдун, Коминтерн и начало китаизации марксизма» [宫玉涛: 毛泽东、共产国际与早期马克思主义中国化], Ян Цзюнь. «Мао Цзэдун о взаимосвязи Коминтерна и китайской революции» [杨俊: 毛泽东论共产国际与中国革命的联系]; Чжоу Чжибинь. «Разногласия между Мао Цзэдуном и Коминтерном по поводу пути, стратегии, тактики китайской революции и углубление этих разногласий» [周治滨: 毛泽东与共产国际关于中国革命道路和战略策略的分歧及其启示]; Оуян Ци. «О том, как менялось понимание Коминтерном Мао Цзэдуна и его идей» [欧阳奇: 论共产国际对毛泽东及其思想的认识轨迹]; Ли Цзе, Го Инин. «Коминтерн и формирование независимых и самостоятельных идей Мао Цзэдуна» [李洁、郭一宁: 共产国际与毛泽东独立自主思想的形成]; Сюй Юаньгун. «Анализ причин того, почему Коминтерн поддержал Мао Цзэдуна как вождя КПК» [徐元宫: 共产国际支持毛泽东为中共领袖原因探析]; Чжан Сидэ. «Стимулирующая роль Коминтерна в формировании Мао Цзэдуном теории «деревня окружает город» [张喜德: 共产国际对毛泽东农村包围城市道路理论形成的促进作用]; Сян Чэньгунан. «Влияние Коминтерна на формирование некоторых положений «теории новой демократии», или комментариев по поводу глубинных причин ревизии Мао Цзэдуном «теории новой демократии»

[项晨光: 共产国际对“新民主主义论”中几个观点形成的影响- 兼评毛泽东对“新民主主义论”进行修正的根源]; Ло Цзунжун, Гун Цзыдэ, Цзян Хуньин. «Коминтерн и выступления Мао Цзэдуна «против книгопочтения» Мао Цзэдуна» [罗宗荣、龚自德、江红英: 共产国际与毛泽东的“反对本本主义”; Ян Юньжо, Ли Лянчжи. «Сравнительное исследование по теме «Коминтерн и тактический курс Мао Цзэдуна в отношении единого национального антияпонского фронта в Китае» [杨云若、李良志: 共产国际和毛泽东关于中国抗日民族统一战线策略方针的比较研究]; Тянь Кэцинъ, Дун Шимин. «Коминтерн и формирование независимых и самостоятельных идей Мао Цзэдуна» [田克勤、董世明: 共产国际与毛泽东独立自主思想的形成]; Кун Юнсун. «Поговорим о связи формирования и развития идей Мао Цзэдуна с Коминтерном» [孔永松: 试论毛泽东思想的形成发展与共产国际的关系].

Китайские ученые выделяют следующие положения Мао Цзэдуна по поводу руководства Коминтерном китайской революцией.

Во-первых. Почему КПК необходимо руководство и помощь со стороны Коминтерна? Потому что, по словам Мао Цзэдуна, «созданный В.И. Лениным» Коминтерн «нацелен на освобождение рабочего класса во всем мире» [Мао Цзэдун, т. 3, с. 19] и «является центральным органом, который руководит мировой революцией» [Синь минь, с. 132]. Сталин «наполнил деятельность Коминтерна ясным, конкретным, жизненным смыслом, каковым является целостная теория создания революционного фронта, свержения империализма, свержения капитализма, построения социалистического общества», «смысл деятельности [Коминтерна Сталин] видит в практике». [Мао Цзэдун, 1939, № 95]. Мао Цзэдун неоднократно говорил о «единстве интересов СССР и интересов человечества», подчеркивал, что КПК необходимо руководство со стороны Коминтерна, что необходимо сохранять руководящую роль Коминтерна.

Во-вторых. На чем основывается руководство Коминтерном китайской революцией? Мао Цзэдун подчеркивал: «В целом Советский Союз хороший. У СССР четыре положительных момента: ленинизм, Октябрьская революция, то, что он является главной силой, и то, что он осуществил индустриализацию» [Мао Цзэдун, т. 7, с. 126]. На этих «четыре положительных моментах» основывается руководство Коминтерном китайской революцией.

В-третьих. Как оценивать историческое значение руководства Коминтерном китайской революцией? Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал: в том, что Коминтерн «помог китайскому пролетариату создать Коммунистическую партию Китая..., «заключается большая помощь Коминтерна китайскому пролетариату, китайскому народу..., состоит большая заслуга Коминтерна». [Мао Цзэдун, т. 3, с. 418]. «Без помощи Коминтерна КПК сегодня не существовала бы». [Мао Цзэдун. 1939, № 95].

В-четвертых. Как оценивать некоторые «несстыковки» в руководстве Коминтерном китайской революцией? Оценивая руководство Коминтерном китайской революцией, Мао Цзэдун отмечал: «На начальном и заключительном этапах было неплохо, в середине был продолжительный этап, когда было плохо». [Мао Цзэдун, т. 7, с. 120]. Однако, добавлял Мао Цзэдун, «успехов было больше, чем неудач». Кроме того, он неоднократно подчеркивал: «Успехи — это главное, ошибки — второстепенное» [Мао Цзэдун, т. 7, с. 65].

В-пятых. Каким образом анализировать суть, причины ошибок и упущений Коминтерна? Мао Цзэдун полагал, что ошибки, упущения Коминтерна своими корнями уходят в его субъективизм и в догматизм китайских товарищей, однако главная причина ошибок, полагал Мао Цзэдун, «в нас самих». Мао Цзэдун подчеркивал: «Повсеместное распространение правды марксизма должно соединяться с конкретной практикой стран. Иностраный опыт, неважно какой именно страны, может быть лишь подспорьем» [Мао Цзэдун, т. 8, с. 338—339].

Особое внимание Мао Цзэдун обращал на необходимость научного анализа ошибок Коминтерна, на проведение такого анализа с точки зрения истории, конкретики, практики. Мао Цзэдун также указывал, что целью анализа причин ошибок Коминтерна, целью раскрытия содержания данных ошибок является обобщение уроков, вынесенных из ошибок, учебы на них, является понимание того, как избежать повторения подобного, а не простая констатация, что было успешно и что не получилось.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что китайские ученые значительно продвинулись в исследовании взаимосвязи китайской революции и Коминтерна на начальном этапе его существования, которому посвящено больше всего научных работ.

Китайские ученые демонстрируют относительное единство мнений по поводу взаимосвязи трех «левоуклонистских» ошибок Коминтерна на втором этапе существования, в период войны за осуществление аграрной революции в Китае.

Третий этап существования Коминтерна, с начала антияпонской войны до роспуска Коминтерна, исследован сравнительно слабо.

Результаты исследований китайских ученых по этой теме характеризуются следующими особенностями.

Первое. Достигнуты хорошие результаты по выявлению, систематизации, переводу исторических материалов. Вышел в свет 21-томный «Сборник архивных материалов «Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция». Тем не менее, работа в этом направлении далека от завершения. Так, все еще ждут дальнейшей переводческо-редакционной обработки, систематизации и публикации архивные документы, которые СССР в 1956 г. передал в дар Китайскому центральному архиву.

Второе. Опираясь на архивные документы, китайские ученые сумели установить истину по многим историческим вопросам. Растет количество проводимых исследований, выполненных на высоком уровне, идет процесс постепенного углубления исследований, сформирована система взаимосвязи Коминтерна и китайской революции, расширилось содержание исследований по истории КПК, истории китайской революции, истории китайско-советских отношений, истории международного коммунистического движения, истории международных отношений.

Третье. Происходит непрерывное укрепление рядов китайских исследователей, молодые и талантливые ученые делают первые успешные шаги на исследовательском поприще, налицо преемственность в исследовании взаимосвязи Коминтерна и китайской революции.

Системное рассмотрение результатов исследований китайских ученых по вопросам взаимосвязи Коминтерна и китайской революции, нацеленность на постижение исторической мудрости является вкладом ученых в развитие китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху.

Библиографический список

Мао Цзэдун вэньцзи. 8 цзюань. Ди ба цзюань. [*Мао Цзэдун*. Сочинения. В 8 т. Т. 8]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 1999. 381 с.

Мао Цзэдун вэньцзи. 8 цзюань. Ди сань цзюань. [*Мао Цзэдун*. Сочинения. В 8 т. Т. 3.]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 1996. 456 с.

Мао Цзэдун вэньцзи. 8 цзюань. Ди ци цзюань. [*Мао Цзэдун*. Сочинения. В 8 т. Т. 7]. Пекин: Жэньминь чубаньшэю 1999. 465 с.

Мао Цзэдун цзай яньбань гэцзе цинчжу сыдалинь люши шоучэнь хуэй шан дэ цзянхуа[毛泽东在延安各界庆祝斯大林六十寿辰会上的讲话. Выступление Мао Цзэдуна в Яньани перед общественностью по случаю 60-летия Сталина] // Цзефан. 1939. № 95.

Синь минь сюэхуэй цзыляо [新民学会资料. Материалы Общества «Обновление народа»]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1980. 618 с.

References

Mao Tzedun ven'tszi. 8 t. T. 3. Mao Zedong wenjuan, 8 juan. Di 3 juan [*Mao Zedong*. Works, 8 vol., vol. 3], Beijing: Renmin chubanshe, 1996. 456 p.

Mao Tzedun ven'tszi. 8 t. T. 7. [Mao Zedong wenjuan, 8 juan. Di 7 juan] [*Mao Zedong*. Works, 8 vol., vol. 7]. Beijing: Renmin chubanshe, 1996. 465 p.

Mao Tszedun ven'tszi. 8 t. T. 8 [Mao Zedong wenjuan, 8 juan. Di 8 juan]. [*Mao Zedong*. Works, 8 vol., vol. 8], Beijing: Renmin chubanshe, 1996. 381 p.

Mao Tszedun. Vystupleniye Mao TSzeduna v Yan'ani pered obshchestvennost'yu po sluchayu 60-letiya Stalina [Mao Zedong's speech in Yanan on the occasion of Stalin's 60th birthday anniversary] // *Jiefang bao*. 1939. № . 95.

Sin' min' syuekhuey tszylyao. Materialy Obshchestva «Obnovleniye naroda. [Materials of the New People Society], Beijing: Renmin chubanshe, 1980. 618 p.

Е Фань

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМ. Н.Г. ТОЛМАЧЕВА И ПЕРВЫЕ ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАДРЫ КПК¹

Аннотация. В конце 1920-х годов, в самый тяжелый период китайской революции, когда ей больше всего не хватало революционных кадров, советская Военно-политическая академия имени Н.Г. Толмачева (ВПАТ) подготовила более 40 высших военно-политических специалистов, многие из которых в последующем заняли высокие должности в органах КПК, в ее вооруженных силах, а после образования КНР и в различных государственных органах. Тем самым это советское военное учебное заведение навечно внесло свой вклад в дело становления и укрепления народной армии Китая, в дело окончательной победы китайской революции и освобождения китайского народа. Тем не менее, в Китае и за его пределами об этом учебном заведении известно не столько, сколько оно того заслуживает; недостаточно системных исследований о контингенте китайских курсантов и об отдельных китайских курсантах, обучавшихся в ВПАТ. Обращаясь к этой «красной истории» в канун 100-летия образования КПК, открывая яркие страницы истории российско-китайской дружбы, мы отдаем дань памяти павшим борцам революции, «перебрасываем мостки» из прошлого в будущее российско-китайских отношений и действительно способствуем их непрерывному поступательному развитию. Спустя почти столетие исторические материалы в российских архивах хранят свидетельства пребывания китайских курсантов в этом советском военном учебном заведении. Взяв за основу недавно обнаруженные материалы Российского государственного архива социально-

¹ Продолжение. Начало см.: Исторические события в жизни Китая и современность. Вып. VI. К 100-летию Коммунистической партии Китая: сборник статей/ сост., отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 102—111. Настоящая статья представляет собой одну из этапных работ в рамках реализации молодежного проекта Китайского государственного фонда общественных наук «Исследования о подготовке военных кадров для КПК в Советском Союзе в 20-е годы XX века». [Код проекта 19CDJ018].

политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного военного архива (РГВА), дополнив их мемуарами китайских курсантов, автор настоящей статьи попытался всесторонне и системно восстановить историю учебы и жизни китайских курсантов в ВПАТ в конце 1920-х годов и таким образом в той или иной степени заполнить «белые пятна» в сфере научных исследований о китайцах, обучавшихся в СССР. Кроме того, статья представляется полезной в плане изучения персоналий в истории КПК.

Ключевые слова: СССР, Китай, военно-политические кадры, Военно-политическая академия им. Н.Г. Толмачева, китайские курсанты.

Автор: Е Фань, кандидат исторических наук, профессор-ассистент, научный руководитель аспирантов Института марксизма Пекинского университета, КНР. E-mail: ye5125172@mail.ru

Ye Fan

THE TOLMACHYOV MILITARY-POLITICAL ACADEMY AND THE CCP FIRST HIGH-RANKING MILITARY-POLITICAL CARDES

Abstract: In the late 1920s during the hardest period of the Chinese revolution in the situation of a serious shortage of the revolutionary cadres the N.G.Tolmachev Soviet Military-Political Academy (TMPA) trained more than 40 well-prepared military-political specialists many of which later became high-ranked cadres in the CCP apparatus, in its military forces, and after the PRC formation in the various state organs as well. Thus, this Soviet military educational institution for ever contributed to the formation and strengthening of the People's Liberation Army, to the cause of the Chinese revolution final victory and the Chinese people liberation. Nevertheless, inside and out of China this educational institution isn't as popular as it deserves; there is some certain lack of systematic research of the Chinese cadets contingent and individual cadets who studied at the TMPA. Turning to this "red history" on the eve of the 100th anniversary of the CCP's formation, opening the bright pages of the Russia-China friendship history we pay tribute to the fallen heroes of the revolution, "throw bridges" from the past to the future of the Russia-China relationship thus promoting its continuous progressive development hereafter. Almost a century later historic materials in the Russian archives preserve the evidence of the Chinese cadets' stay at this Soviet military educational institution. Having taken as a basis the recently discovered materials of the Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH) and Russian State Military Archive (RSMA) and having supplemented them with the Chinese cadets' memoirs the author of the present article tried to reconstruct comprehensively and systematically the history of the Chinese cadets' training and life at the TMPA at the end of the 1920s, thus, fulfilling, to some extent, the history "white spots" at the sphere of the scientific research of the Chinese who studied in the USSR. Besides, this article appears useful for the research of personalities in the CCP history.

Keywords: the USSR, China, military-political cadres, the Tolmachev Military-Political Academy, Chinese cadets.

Author: YE Fan, Ph.D (History), Assistant professor of the Institute of Marxism of Peking University, China. E-mail: ye5125172@mail.ru

Политическое образование

С момента образования в 1927 г. Народно-освободительной армии Китая (НОАК), основанной и руководимой КПК, политическая работа в войсках была для КПК «жизненно важной», поскольку позволяла обеспечивать безусловное партийное руководство вооруженными силами. Именно этим народная армия в принципе и отличалась от армии старого типа. В ходе утверждения в НОАК политического курса решающим фактором становятся кадры.

Подготовку китайских курсантов в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева (ВПАТ) отличало следующее: 1) высокие требования, которые предъявлялись к подготовке китайских курсантов не только непосредственно в стенах Академии, но и со стороны соответствующих советских органов и органов КПК; 2) высокий профессионализм кадров политработников, которых готовила Академия (В этом смысле, в плане высокого профессионализма выпускников, ВПАТ и Военная Академия РККА им. М.В. Фрунзе дополняли друг друга.); 3) учебная программа подготовки китайских курсантов ВПАТ была целенаправленно построена в тесной «привязке» к ситуации в Китае. На начальном этапе обучения основной упор делался на общественные науки и на вопросы политической работы, а на завершающем этапе обучения учебный процесс строился в соответствии с революционной обстановкой в Китае и сопровождался введением в учебный процесс большого количества военно-тактических дисциплин; 4) учебная программа подготовки китайских курсантов отличалась обширностью, большим количеством учебных часов, высокой интенсивностью.

Учебная программа строилась по трем направлениям: «общественные науки», «военное дело», «политическая работа», что позволяло на высоком уровне готовить кадры красных политработников, идейно вооруженных и владеющих методологией марксизма, освоивших теорию и практику военного дела и политической работы. Ежегодно 1200 учебных часов теоретических занятий дополнялись военно-практическими занятиями в летних лагерях. Это позволяло китайским курсантам в короткий срок быстро овладеть необходимыми знаниями; 5) разнообразие форм обучения. В зимний период с китайскими курсантами проводились теоретические занятия, в летний период они выезжали на практику, а во внеучебное время — на экскурсии. В аудиториях китайские курсанты слушали лекции, занимались на семинарах, во время самоподготовки работали с тек-

стовыми материалами и выполняли задания преподавателей. Все эти формы обучения были эффективны и соответствовали уровню военно-политического образования 1920-х годов прошлого века.

Подготовка в ВПАТ военно-политических кадров для КПК осуществлялась в рамках помощи Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерна Коммунистической партии Китая для вооруженной борьбы с гоминьдановской реакцией.

Организационные вопросы

С осени 1927 г. до февраля 1929 г. у китайских курсантов ВПАТ не было своей партийной ячейки, в связи с чем возникало немало проблем, например: противоречия между курсантами различных годов обучения, недостаточная сплоченность курсантов, взаимное недопонимание между курсантами, недостаточный охват курсантов партийно-воспитательной работой. Кроме того хромала партийная и воинская дисциплина курсантов.

Для усиления военно-политической работы и разрешения имевшихся проблем, для всестороннего повышения роли парторганизации, укрепления партийного воспитания и усиления влияния партии в отношении китайских курсантов УВУЗ РККА² в феврале 1929 г. приняло решение создать партийную ячейку особой группы китайских курсантов ВПАТ. Управление определило конкретные требования к такой партийной ячейке: 1) в деятельности партийной ячейки особой группы китайских курсантов ВПАТ должны принимать участие члены парторганизации ВКП(б) Академии; 2) деятельность партийной ячейки должна осуществляться в полном соответствии с общими положениями о ячейках ВКП(б) в РККА; 3) в состав партийной ячейки особой группы китайских курсантов должны входить китайские курсанты-члены ВКП(б) и китайские курсанты — кандидаты в члены ВКП(б), а также китайские курсанты-члены и кандидаты в члены КПК. Членство китайских курсантов в КПК подтверждается документами, присланными в ВПАТ из учебных заведений, где эти курсанты обучались ранее, либо документами Делегации КПК в ИККИ и Восточного лендсерекретариата ИККИ; 4) организационные принципы и руководящие методы деятельности президиума и бюро партийной ячейки особой группы китайских курсантов ВПАТ аналогичны используемым в ВКП(б); 5) вся без исключения корреспонденция партийной ячейки особой группы китайских курсантов Академии осуществляется через уполномоченных, либо через соответствующие органы; 6) руководство деятельностью партийной ячейки китайских курсантов осуществляют Делегация КПК в ИККИ через Исполком Коминтерна, военные и политические органы IV [Разведывательного] Управления Штаба РККА, УВУЗ

² Управление военно-учебных заведений Рабоче-крестьянской Красной Армии.

РККА, политуправление военного округа, Политуправление Реввоенсовета СССР); 7) перевод членов КПК и кандидатов в члены КПК в члены ВКП(б) или в кандидаты в члены ВКП(б) осуществляется согласно положениям уведомлений ЦК ВКП(б) № 6 и № 27 от 1925 г. [РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 8. Л. 35 об.].

Многие курсанты не согласились с этими требованиями к партийной ячейке особой группы, полагая, что это приведет к изоляции китайцев от советских товарищей, а в такой ситуации «сложно будет работать по-большевистски». Китайские курсанты, несогласные с идеей создания отдельной партийной ячейки группы, были против сведения китайцев в отдельные группы, против «китаизации» учебного процесса. Они стремились учиться вместе с советскими товарищами и получать точно такие же знания, которые получают они. Их требования и доводы поставили куратора китайских курсантов, начальника кафедры всеобщей истории ВПАТ М.С. Годеса в затруднительное положение. Проанализировав возражения, он пришел к выводу, что за исключением довода о нежелании обучаться раздельно с советскими товарищами все остальные доводы китайских курсантов диктуются непониманием важности создания партийной ячейки китайских курсантов в ВПАТ и опасениями, что парторбота может негативно сказаться на учебном процессе.

По мере проведения разъяснительной работы противников создания отдельной партийной ячейки особой группы ВПАТ среди китайских курсантов становилось все меньше. В марте 1929 г. партийная ячейка особой группы была создана и зажила обычной жизнью низовой парторганизации. По понедельникам в 16 час. проводились собрания постоянной комиссии ячейки, а по средам тоже в 16 час. — общие собрания ячейки. Секретарями партийной ячейки особой группы китайских курсантов поочередно являлись курсант Ли Тэ и курсант Лю Минсянь. В ячейку входили и советские товарищи, которые отвечали за особую группу китайских курсантов. Роль партийной ячейки особой группы китайских курсантов сводилась к пяти задачам: 1) сплотить курсантов, преодолеть разобщенность между ними; 2) четко распределить обязанности среди курсантов; 3) организовать учебу курсантов так, чтобы повышать уровень их знаний; 4) решить организационные вопросы, связанные с вступлением в партию, с переходом из членов КПК в ряды ВКП(б); 5) обсуждать и решать учебно-бытовые вопросы, принимать резолюции по важным вопросам и событиям, включая партийные «чистки».

В июне 1929 г. волна широкомасштабной «чистки» партийных рядов в СССР докатилась и до ВПАТ, в связи с чем командование Академии провело серьезную проверку в отношении китайских курсантов-членов ВКП(б) и китайских курсантов-кандидатов в члены ВКП(б). Примечательно, что в отношении довольно многочисленных китайских курсантов,

членов и кандидатов в члены КПК, проверка не проводилась, хотя командование Академии считало, что «партийная чистка имеет важное воспитательное значение, а сопутствующие ей проверки необходимо распространить и на членов КПК» [РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 8. Л. 103 об.]. Четких указаний по этому поводу от IV Управления Штаба РККА не поступало. Управление ограничилось заявлением о том, что партийную чистку следует проводить в первую очередь в отношении членов и кандидатов в члены ВКП(б). На тот момент членов ВКП(б) среди китайских курсантов было немного. Именно поэтому партийная чистка в отношении китайских курсантов не приняла такого значительного и трагического характера, как в других учебных заведениях, и не сказалась серьезно на их учебе.

Завершение учебы и возвращение в Китай

В сентябре 1929 г. Восточный лендерсекретариат ИККИ, исходя из насущных потребностей КПК в военно-политических кадрах, принял решение больше не принимать на учебу в ВПАТ китайских курсантов. В решении указывалось на необходимость «сократить сроки обучения китайских слушателей, обучающихся в настоящее время, сократить их учебную программу с тем, чтобы они завершили учебу в предстоящем зимнем периоде и убыли из Академии на партийную работу». Восточный лендерсекретариат ИККИ также требовал, чтобы ВПАТ целенаправленно готовила китайских курсантов на должности «командиров партизанских отрядов и партийных подпольных работников» [РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 8. Л. 191]. УВУЗ РККА потребовало, чтобы китайские курсанты всех трех курсов ВПАТ завершили обучение до 15 августа 1930 г. В соответствии с этим требованием Управление серьезно откорректировало учебную программу для китайских курсантов подготовительного курса, потребовав сократить количество учебных часов по дисциплинам «политэкономия», «экономическая политика», «исторический материализм», «всемирная история» и другим общественно-научным дисциплинам. Была поставлена задача сосредоточить усилия на изучении классово-борьбы в Китае и ключевых исторических проблем истории КПК, базовых организационных вопросов, стратегии и ближайших задач ВКП(б) и Коминтерна, основ ленинизма и проблем китайской революции, политической и экономической ситуации в Китае.

Главными для китайских курсантов всех трех курсов стали пять дисциплин: «вооруженные восстания в городах», «партизанское движение в сельской местности», «техника подполья», «вопросы о ситуации в Китае», «политическая, экономическая, военная география Китая». Целью произведенных изменений являлось ускорение учебной подготовки китайских курсантов и ее соответствие реалиям Китая.

С октября 1929 г. до июня 1930 г. китайские курсанты один за другим покинули Академию. Большинство курсантов возвращались в Китай через Москву³, но часть курсантов, например, Хэ Шэньян, были откомандированы в распоряжение Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и участвовали в разрешении инцидента на КВЖД⁴. И, наконец, совсем небольшая группа курсантов (Цзян Цзинго⁵, Чжу Ушань, Цзо Ши) по ряду причин осталась работать в СССР. Откомандировав китайского курсанта на родину, советская сторона в первую очередь принимала во внимание его политическую стойкость и преданность делу партии; во-вторых, учитывалось наличие у него практического опыта революционной деятельности и, в-третьих, обращалось внимание на успехи в учебе. Командование ВПАТ давало служебную характеристику на каждого китайского выпускника, в которой помимо общих сведений содержались его персональная и политическая характеристики, сведения об обучении, сведения о наличии революционного опыта, предложения по его использованию на практической работе. Эти служебные характеристики представляют собой важные документы, позволяющие понять, как китайские курсанты проявили себя в период обучения, и чем они занимались после окончания ВПАТ⁶. Рамки настоящей статьи не дают возможности поместить служебные характеристики всех курсантов. Приведем в качестве примера лишь некоторые из них.

Служебная характеристика курсанта Сяо Цзингуана

«Псевдоним «Загорский», родился в 1903 г. в провинции Хунань, сын учителя⁷. Интеллигент, получил высшее военно-политическое образование. С 1922 г. член КПК, с 1927 г. — член ВКП(б). Имеет удовлетворительную общеобразовательную и политическую подготовку (получил среднее образование в Китае, высшее образование — в КУТВ⁸). Полити-

³ До 1934 г. ВПАТ находилась в Ленинграде.

⁴ Имеется в виду советско-китайский вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г., когда Чжан Сюэлян захватил контроль над КВЖД, являвшейся совместным советско-китайским предприятием.

⁵ Цзян Цзинго — старший сын Чан Кайши. Впоследствии в 1978—1988 гг. — президент Китайской Республики (Тайвань).

⁶ Следует отметить, что по ходу обучения китайских курсантов командование Академии периодически давало на них текущие служебные характеристики. Для более полного представления о том, как характеризовались китайские курсанты командованием ВПАТ, мы объединили сведения из трех служебных характеристик, соответственно подготовленных в 1929—1930 гг. Характеристики приводятся с небольшими сокращениями [РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 8. Л. 79; Там же. Д. 10. Л. 25 об.].

⁷ «Сын учителя» — это ошибка, согласно «Мемуарам Сяо Цзингуана» [Сяо Цзингуан] его родители занимались текстильным ремеслом.

⁸ КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (Москва). Существовал с 1921 по 1938 г.

чески сознателен... имеет опыт военно-политической работы, два года проходил военную службу в Национально-революционной армии (НРА) на политических должностях. Успеваемость в Академии удовлетворительная. Дисциплинирован. В общественной и партийной работе активен. Лучше использовать [его] по военной линии командиром полка»⁹.

Служебная характеристика курсанта Фу Чжуна

«Псевдоним «Диваков», родился в 1903 г. в провинции Сычуань, сын учителя. Интеллигент, получил высшее военно-политическое образование. В 1923 г. во Франции вступил в КПК¹⁰, с 1926 г. — член ВКП(б). Имеет удовлетворительную общеобразовательную и политическую подготовку (получил среднее образование в Китае, высшее образование — в КУТВ, 5 лет учился и работал во Франции). Политически сознателен. Не имеет военной подготовки. Успеваемость в Академии удовлетворительная, слаб по русскому языку. В общественной и партийной работе мало собственной инициативы и активности, но поручаемые задачи выполняет добросовестно (работает по связи со школой летчиков). Около десяти лет оторван от жизни в Китае. Можно использовать на организационной работе на уездном уровне, а также комиссаром небольшого отряда».

Служебная характеристик курсанта Цзян Цзинго

«Псевдоним «Елизаров», родился в 1909 г. в провинции Чжэцзян, его отец — генерал, главарь китайской контрреволюции. Интеллигент, получил высшее военно-политическое образование. С 1925 г. — член Комсомола СССР¹¹, с 1930 г. — кандидат в члены ВКП(б). Имеет достаточную общеобразовательную и политическую подготовку (получил среднее образование в Китае, высшее образование — в УТК в Москве). Политически развит хорошо. В армии не служил. Молодой, очень способный, успеваемость в Академии отличная — лучший слушатель. Хорошо дисциплинирован, выдержан. В политическом отношении до поступления в ВПАТ болел левизной, примыкая к различного рода оппозиционным течениям, но все это было результатом прошлого и объяснялось его возрастом (1909 г. р.). Активно занимается общественной и партийной работой. Связь со своим прошлым и со своим отцом порвал окончательно. По

⁹ Командование ВПАТ видело в нем полкового командира регулярной РККА, что по китайским реалиям соответствовало тогда понятию «военный кадровый работник КПК провинциального уровня».

¹⁰ Вероятно, что время вступления Фу Чжуна в КПК — 1923 г. — в архивных документах указано неточно. В автобиографии Фу Чжун написал, что вступил в КПК в декабре 1924 г. Бывший студент УТК (Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (Москва) Дэн Сяопин в «Плане по критике членов КПК в УТК» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д.1 251. Л.14] также указывал, что Фу Чжун вступил в КПК в 1924 г.

¹¹ Российский коммунистический союз молодёжи (РКСМ) им. В.И. Ленина.

окончании Академии из товарища Елизарова выйдет очень ценный работник, но в силу молодости, отсутствия опыта практической работы и социального происхождения посылать [его] сразу на работу в Китай нецелесообразно — лучше использовать на преподавательской работе в военных школах или оставить адъюнктом в Академии». В служебной характеристике 1930 г. написано по-другому: «Желательно послать его на год на производство».

Командование ВПАТ разделило китайских выпускников на три категории в зависимости от успехов в учебе, а также в соответствии с установками Комиссии по чистке партии ЦК ВКП(б). К первой категории были отнесены те, кого сразу откомандировали в Китай в качестве партийных работников. В их число вошло большинство китайских курсантов, считавшихся преданными партии товарищами, такие как: Сяо Цзингуан, Фу Чжун, Ли Цзюньцзе, Лю Минсянь, Ли Тэ, Лю Боцзянь и др. Ко второй категории были отнесены те, кто должен был быть откомандирован в Китай после проверки работой в массах в СССР в течение определенного времени. В их число вошли очень немногие, такие как Цзян Цзинго. К третьей категории были отнесены единицы китайских курсантов, которым при откомандировании не сообщались явочные адреса в Китае. Эти люди считались не вполне преданными партии, так сказать «обывателями», которым вряд ли можно доверить ответственную работу.

Возвращение китайских курсантов на родину было строго засекречено. Даже в день получения китайскими выпускниками приказа об убытии из ВПАТ командование Академии не сообщало им о том, что они откомандировываются в Китай, говорилось только, что они уезжают в Москву и в Академию больше не вернуться. О месте откомандирования, о характере дальнейшей службы китайские курсанты-выпускники узнавали только тогда, когда с личными вещами и документами прибывали на московский сборный пункт в артиллерийской школе. Командование артиллерийской школы выдавало им гражданскую одежду, деньги на дорожные расходы, изымало все документы и лишние вещи и отправляло поездом на Дальний Восток. Учеба и жизнь в Советском Союзе оставались позади.

Военная подготовка кадров в СССР была чрезвычайно важной составляющей деятельности КПК, направившей в Советский Союз своих молодых людей для получения ими военного образования. По неполным данным, из более чем 40 китайских курсантов, обучавшихся в ВПАТ, около 20 сложили головы на своем революционном пути, отдав жизни за дело освобождения китайского народа. 6 человек из числа этих 40 с лишним курсантов после образования Китайской Народной Республики в 1949 г. стали высокопоставленными кадровыми работниками в КПК, заняли высокие и высшие должности в китайском правительстве, в воору-

женных силах Китая и внесли важный вклад в дело национальной обороны и социалистического строительства КНР. То, что вот эти почти 50 % из числа китайских курсантов ВПАТ оказались, если можно так сказать, сверхрезультативными, в полной мере свидетельствует о правильности и дальновидности политики КПК на начальном этапе ее руководящей деятельности в отношении народной армии, включая практику отбора кандидатов для учебы в СССР.

Помощь ВКП(б) и Коминтерна Коммунистической партии Китая в подготовке в ВПАТ целой группы кадров китайских специалистов, обладавших стойкими политическими убеждениями, владевших передовыми военно-политическими знаниями и навыками, была не менее важна для КПК, чем материальная помощь.

ВПАТ приложила колоссальные усилия и на высоком уровне подготовила для КПК несколько десятков кадровых работников, способных вести военно-политическую работу в войсках на провинциальном и на уездном уровне. Тем самым это советское военное учебное заведение навечно внесло свой вклад в дело становления и укрепления народной армии Китая, в дело окончательной победы китайской революции. Спустя почти столетие, исторические материалы в российских архивах хранят свидетельства пребывания китайских курсантов в этом советском военном учебном заведении.

Библиографический список

РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 550. Оп. 1. Д. 1, 8, 10; Ф. 514. Оп. 1. Д. 372; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1251.

Сяо Цзингуан. Сяо Цзингуан хуэйи лу [Мемуары Сяо Цзингуана]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1987. 458 с. (на кит.яз.)

Чжунхуа миньго люй э тунсюэ хуэй. Люши няньлай чжунго люй э сюэшэн чжи фэншуан чоли [Ассоциация студентов, учившихся в России, «Китайская Республика». Сила духа студентов, учившихся в России: 60 лет после возвращения]. Тайбэй: Чжунхуа вэньхуа цзицзинь хуэй, 1988. 661 с. (на кит.яз.)

Цзян Цзинго. Цзян Цзинго цзышу [Автобиография Цзян Цзинго]. Хунань жэньминь чубаньшэ, 1988. 386 с. (на кит.яз.)

References

RGASPI (Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Social and Political History]. Fond 550, opis' 1, delo 1, 8, 10; 514, opis' 1, delo 372. Fond 495, opis' 225, delo 1251. (In Russian).

Xiao Jinguang. Xiao Jinguang huiyilu [Memoirs of Xiao Jinguang]. Beijing: People's Liberation Army Publishing House, 1987. 458 p. (In Chinese).

Zhonghua minguo liu e tongxue hui. Liushi nianlai zhongguo liu e xuesheng zhi fengshuang chuoli [“Republic of China” Association of Soviet Graduates. The strength of mind of the students who studied in Russia: 60 years after returning. Sixty years, during which the Chinese students studied in Russia have been violent]. Taipei Chinese Cultural Foundation, 1988. 661 p. (In Chinese).

Jiang Jinguo. Jiang Jinguo zishu [Autobiography of Jiang Jinguo]. Hunan People's Publishing House, 1988. 386 p. (In Chinese).

И.Н. Сотникова

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА В КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выяснению влияния генерального секретаря Коминтерна (1935—1943 гг.) Г. Димитрова на события в Китае периода антияпонской войны. На протяжении ряда лет в Исполкоме Коминтерна Димитров не только являлся ведущим деятелем Коминтерна, но и непосредственно отвечал за контакты с Компартией Китая, состоял в постоянной и активной переписке с руководителями ЦК КПК. Это обстоятельство вызвало в китайской научной среде устойчивое представление о значительной роли Димитрова в китайской революции, в частности, в организации единого национального антияпонского фронта, в помощи Китайской Красной армии и материальной помощи КПК. Кроме того, высокую оценку деятельности Димитрова, хотя уже задним числом, в 1954 г., дал председатель КНР Мао Цзэдун. Однако изучение архивных документов и материалов, а также механизма принятия решений в ИККИ позволяет утверждать, что подобная оценка не вполне справедлива. Решения Исполкома Коминтерна, его рекомендации по вопросам стратегии и тактики партии и финансовые вливания в деятельность КПК принимались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждались лично И.В. Сталиным. Именно он был инициатором многих скольконибудь значимых мер и рекомендаций для КПК, главной инстанцией, определяющей размеры финансовой и военной помощи КПК. Решающее влияние Сталина не уменьшилось даже с началом Великой отечественной войны СССР, он лишь перестал по понятным причинам вникать в детали китайской действительности. Тем не менее, Димитров, эвакуированный в 1941 г. вместе с ИККИ в Уфу, по-прежнему отсылал в Москву Сталину запросы о его мнении по важным вопросам политики Коминтерна в отношении КПК, а также стратегии и тактики Китайской компартии.

Ключевые слова: Г. Димитров, Коминтерн, Компартия Китая, И.В. Сталин, Мао Цзэдун, национальный антияпонский единый фронт.

Автор: Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва).

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

I.N. Sotnikova

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF GEORGI DIMITROV IN THE CHINESE REVOLUTION

Abstract: This article clarifies the influence of the General Secretary of the Comintern G.Dimitrov (1935—1943) on events in China during its war with Japan. For many years Dimitrov was not only the leading figure in the Executive Committee of the Comintern, but was also the principle contact with the Chinese Communist Party and was in constant and active correspondence with the leaders of the CCP Central Committee. This fact caused in the Chinese scientific community a strong concept of a significant Dimitrov's role in the Chinese revolution, particularly, in organising a united national anti-Japanese front, in helping the Chinese Red Army and in providing financial assistance to the CCP. In addition, the activities of Dimitrov, although much later, not before 1954, were highly appreciated by the Chairman of the PRC, Mao Zedong. However, the study of archival documents and materials, as well as analysis of the decision-making mechanism in the ECCI, suggests that such an assessment is not fully justified. Decisions of the Comintern Executive Committee, its recommendations with regards to the strategy and tactics of the party as well as with regards to the financial support of the CCP's activities were made at the meetings of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (VKP(b)) and were personally approved by J.V. Stalin. It was he who was the initiator of many significant measures and recommendations for the CCP and who was a supreme authority to determine the amount of financial and military assistance to the CCP. Stalin's decisive influence did not decrease even after the beginning of the Great Patriotic War of the USSR. He only ceased, for obvious reasons, to delve into the details of Chinese reality. Nevertheless, Dimitrov, evacuated in 1941 together with the ECCI to Ufa, was still sending letters to Stalin in Moscow asking for his opinion on important issues of the Comintern's policy towards the CCP, as well as on the strategy and tactics of the Chinese Communist Party.

Keywords: G. Dimitrov, Comintern, Chinese Communist Party, J.V. Stalin, Mao Zedong, national anti-Japanese United Front.

Author: Sotnikova Irina N., PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

Личность Г. Димитрова даже спустя более 70 лет после его смерти привлекает внимание как китайских, так и отечественных историков, несмотря на то, что на родине, в Болгарии, в последние десятилетия о нем предпочитают не вспоминать. Среди китайских историков общепризнанным мнением является признание значительного влияния Димитрова на китайскую революцию.

Здесь следует вспомнить, кто собственно такой Димитров.

Георгий Михайлович Димитров (наст. — Георги Димитров Михайлов) (1882—1949) — болгарский коммунист и деятель международного коммунистического движения, получивший широкую известность после Лейпцигского процесса сентября-декабря 1933 г. В ходе судебного процесса Димитров из обвиняемого в поджоге Рейхстага превратился в обвинителя нацистов и был оправдан. Его выступления на суде в дальнейшем стали символом противостояния фашизму и были широко использованы советской пропагандой. Димитрову было предоставлено советское гражданство, и в 1934 г. он приехал в СССР. С 1935 г. до 1945 г. он жил и работал в СССР, с 1935 г. и вплоть до самороспуска Коминтерна в 1943 г. являлся генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. Должность генерального секретаря ИККИ была создана специально для Димитрова, хотя еще в 1926 г. после снятия Г.Е. Зиновьева должность председателя ИККИ была упразднена, а коллективным руководящим органом признавался Исполком. Кандидатура Димитрова, получившего известность в мире, как нельзя лучше подходила на должность руководителя международной организации коммунистов.

В оценке роли Димитрова в китайской революции историки Китая ориентируются на неоднократные публичные похвалы Димитрову, произнесенные Мао Цзэдуном в 1950-е годы [Ян Куйсун, с. 47], а также на небольшую и малоизвестную публикацию Мао Цзэдуна «Г. Димитров и китайский народ». Заметка была опубликована по поводу издания в Болгарии в 1954 г. сборника статей о жизни и деятельности болгарского коммуниста. Из заслуг Димитрова Мао Цзэдун отмечал его неоднократные обращения от имени Коминтерна к мировому рабочему классу с призывом оказать всемерную поддержку китайскому народу в войне против Японии, в ответ на которые «рабочий класс разных стран выразил большое сочувствие и оказал неоценимую помощь китайскому народу и китайской армии, сопротивлявшейся агрессии Японии».

По мнению Мао Цзэдуна, своевременные выводы Димитрова о необходимости «борьбы с «левым» сектантством и правым оппортунизмом» в процессе создания национального единого фронта оказали большую помощь китайским коммунистам в правильном осуществлении этой тактики в Китае.

И, наконец, Мао Цзэдун отмечал важную роль заключительного доклада Димитрова на VII конгрессе Коминтерна в части о кадровой политике компартий и необходимости ведения понятной пропагандистской работы. Критериями «правильного» выдвижения руководящих кадров Димитров считал верность партии, проверенной в боях, в тюрьмах, на суде — перед лицом классового врага; теснейшую связь с массами, популярность и авторитет выдвигаемых кадров в массах; умение самостоятельно ориентироваться в обстановке и не бояться ответственности за

решения; дисциплинированность и непримиримость ко всем уклонам от линии большевизма [Димитров, с. 115—121].

Эти критерии, как вспоминал Мао Цзэдун, сыграли «важную роль в 1942 г., когда Коммунистическая партия Китая проводила кампанию по своему идеологическому перевооружению». Неудивительно, что Мао Цзэдун вспомнил это высказывание Димитрова, использование которого в период наибольшего обострения внутривнутрипартийной борьбы в КПК помогло Мао одержать победу «над коминтерновским функционером» Ван Мином и другими «посланцами Коминтерна», претендовавшими на руководящие роли в компартии.

Еще одним упреком в адрес Ван Мина, принимавшего участие в составлении рекомендаций Коминтерна для КПК, была отсылка Мао Цзэдуна к словам Димитрова о пропагандистской работе. Так, на XVII съезде ВКП(б) Димитров, цитируя выступление Сталина, указывал, что недостаточно выработать правильную линию партии, изложить ее в виде общих тезисов и резолюций, а важно уметь сделать решения Коминтерна решениями самих широких масс, «отказаться от заученных и отвлеченных формул», «говорить просто, конкретно, образами, близкими и понятными массам» [Димитров, с. 111—113].

Китайские исследователи при определении роли Димитрова в китайской революции ставят ему в заслугу многолетнее внимание к китайской революции и ее поддержку; правильную трактовку тактики национально-антияпонского единого фронта; выдвижение Мао Цзэдуна в лидеры КПК; глубокое понимание значения и перспектив китайской революции и веру в ее победу; финансовую поддержку КПК [Чжан Ваньцзе. 2011, с. 93].

Заинтересованность Димитрова китайскими проблемами истории КНР относят к 1921 г. только на том основании, что он в качестве представителя Болгарской компартии «виделся с первыми членами Коммунистической партии Китая Чжан Тайлэем и Цюй Цюбо в Советской России», когда они участвовали в Москве в мероприятиях Коминтерна. На самом деле Димитров вплотную начал заниматься проблемами Китая не ранее 1935 г., когда его избрали генеральным секретарем вновь образованного Секретариата ИККИ. В дневнике Димитрова имеется запись о том, что он «начал серьезно заниматься непосредственно китайскими делами» с 1935 г. [The Diary, p. 290]. Секретариат Димитрова курировал Компартию Китая и отвечал за контакты с ней на протяжении 8 лет. При этом нельзя забывать, что при ИККИ работала Делегация КПК, которая готовила для секретариата Димитрова и Исполкома Коминтерна предложения для китайской партии.

Неудивительно, что Димитров, выступая на международной арене как лидер Коминтерна, как пропагандист большевизма и защитник всех

национально-освободительных сил, поддерживал китайскую революцию и добивался выступлений трудящихся всего мира, солидарных с борьбой китайского народа за свое освобождение. Практика воззваний к международному коммунистическому движению пролетариата всех стран в защиту Китая, как и других стран, широко использовалась в ходе агитационно-пропагандистской работы Коминтерна.

Что касается истоков тактики национального антияпонского единого фронта, то этот вопрос далеко неоднозначен. Идея единого рабочего фронта разрабатывалась в Коминтерне с 20-х годов XX в. После начала японской оккупации Маньчжурии 18 сентября 1931 г. член Центрального бюро КПК Бо Гу, в тот момент генеральный секретарь ЦК КПК, подготовил «Обращение ЦК КПК к народу по поводу маньчжурских событий 18 сентября 1931 г.», в котором появился лозунг «национально-революционной войны вооруженного народа против японского империализма в защиту национальной независимости, государственного единства и территориальной целостности Китая» [Мэн, с. 199]. На протяжении ряда лет в русле политических установок Коминтерна члены Делегации КПК в Коминтерне Ван Мин, О.В. Куусинен, Окано и др. продолжили разработку политики антияпонского единого фронта, о чем свидетельствуют материалы XII (1932 г.) и XIII (1933 г.) пленумов ИККИ. Появилась тактика так называемого единого фронта «снизу», которая предполагала объединение рабочего класса, крестьянства и городской бедноты «против Японии, против Чан Кайши». По существу, при такой, как говорили в то время, «сектантской» замкнутости этот лозунг способствовал объединению национальных сил и расширению социальной базы антияпонского движения. В качестве практической меры новая тактика была рекомендована Ван Мином антияпонским партизанским отрядам, Северо-Восточной армии и всем антияпонским силам в Маньчжурии. В Маньчжурский комитет КПК была направлена директива в виде письма от Политбюро ЦК КПК [Мэн, с. 200]. Осенью 1933 — весной 1934 г. формулировка единого фронта «снизу» постепенно сдвигалась в сторону широкого антияпонского единого фронта «с известной частью национальной буржуазии», что несомненно было заслугой совместной работы Делегации КПК в ИККИ и ЦК КПК. Существенный сдвиг в понимании новой тактики произошел к 1934 г. в период подготовки к VII конгрессу Коминтерна, проведенному летом 1935 г., когда лозунг борьбы против партии Гоминьдан был снят с повестки дня КПК. Известно, что в это время Димитров по поручению Сталина занимался подготовкой серьезной реорганизации структуры Коминтерна [РГАСПИ]. Вероятно поэтому в дневнике Димитрова с конца января 1935 г. до середины августа 1936 г. есть пауза.

В ходе работы VII конгресса центр деятельности Коминтерна переместился в Секретариат ИККИ. Каждый из секретарей ИККИ имел свой

секретариат и был «ответственен за обработку вопросов группы стран». В секретариате Димитрова, курировавший КПК, входил представитель КПК при ИККИ. Секретариат работал в тесном контакте не только с Делегацией КПК при ИККИ, во главе которой в это время находился Ван Мин [Сотникова, с. 200], но и в постоянном взаимодействии с советскими спецслужбами. У Димитрова также были обширные контакты со Сталиным и другими влиятельными фигурами в Политбюро ЦК ВКП(б), и он сообщал Сталину о планах предстоящих мероприятий.

Исполком поручил Димитрову сделать на VII конгрессе центральный доклад о наступлении фашизма и задачах Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса против фашизма в Европе. Материалы для доклада по разделам по своим странам готовили представители компартий в ИККИ. В докладе Димитрова прозвучала критика сектантства единого фронта «снизу». Была сформулирована концепция создания единого фронта всех (не только коммунистических и социалистических, но и буржуазных — умеренных, либеральных и консервативных) партий Европы для борьбы с фашизмом. В отношении Компартии Китая Димитров одобрил инициативу КПК в выдвигании задачи создания «самого широкого антиимпериалистического единого фронта против японского империализма и его китайских агентов со всеми теми организованными силами, существующими на территории Китая, которые готовы действительно вести борьбу за спасение своей страны и своего народа» [Димитров, с. 68]. В то же время Димитров подчеркивал руководящую роль пролетариата в едином фронте, исключая из широкого единого фронта и Гоминьдан, и Нанкинское правительство, что признается и китайскими историками [Ян. Мао, с. 48]. Следует учитывать, что разработка новой политической ориентации КПК на тактику широкого единого антияпонского фронта проходила на фоне двухлетнего отсутствия связи с ЦК КПК (до июля 1936 г.). Новая тактика родилась на основе сотрудничества Делегации КПК в ИККИ и Секретариата ИККИ. Так, авторство известной «Декларации 1 августа» 1935 г., призывавшей от имени Китайского советского правительства и ЦК КПК всех соотечественников к борьбе против Японии во имя спасения родины путем создания общенационального единого антияпонского фронта [Мэн, с. 205—208], о которой говорил Димитров, принадлежит Ван Мину. Перу Ван Мина как главы Делегации КПК в Коминтерне принадлежат и другие основополагающие документы и инициативы ЦК КПК по установлению единого антияпонского национального единого фронта с партией Гоминьдан. Именно к Ван Мину в это время много раз обращался Мао Цзэдун с просьбой дать «указания Коминтерна... по наиболее трудным для нас вопросам» [ВКП(б), Т.IV, с. 1057].

В связи с этим нельзя согласиться с утверждением доцента кафедры востоковедения МГИМО В.А. Корсуна о том, что в Коминтерне в 1930—

1943 г. «практически не было дискуссий как по теоретическим, так и по другим китайским вопросам, а споры по проблемам реализации курса на длительное сотрудничество КПК и Гоминьдана и тактике КПК в едином фронте велись лишь внутри руководства КПК». Безусловно, в условиях создания административно-командной системы управления Коминтерном дискуссии по китайскому вопросу не выносились на форумы Коминтерна, но продолжались в секретариате Димитрова. Опубликованные архивные документы показывают, что вследствие недостаточного знания Димитровым китайской тематики по его инициативе для разработки конкретных мер помощи КПК создавались временные комиссии из членов Секретариата ИККИ, членов ЦК КПК, находившихся в Москве, а также крупных военных специалистов. Разведывательные и другие военные ведомства и структуры СССР были на связи с Димитровым, направляли ему информацию по Китаю и консультировали по конкретным вопросам. Документы свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун неоднократно обращался к самому Димитрову с просьбой «дать инструкции как можно скорее» по военной ситуации в Китае или «срочно сообщить ваше мнение о целесообразности наших шагов» [Лю Жэнь, с. 24, 25]. Как правило, для консультации и изучения важных вопросов секретариат Димитрова создавал небольшие комиссии и «бригады», которые разрабатывали советы по военным операциям армий компартии, составляли планы для лучшей их реализации.

Димитров осознавал необычайную трудность задач единого фронта для сознания китайских коммунистов, которые в течение 10 лет противостояли армиям Гоминьдана. Понятна озабоченность Димитрова при принятии новой политики, сформулированной как «объединение на демократической основе сил китайского народа против японской агрессии» [ВКП(б), Т.V, с. 65]. Тем более, что первый опыт единого фронта с Гоминьданом закончился в 1927 г. истреблением коммунистов, а карательные походы Чан Кайши на советские районы и преследование армий китайских коммунистов привели к вынужденному отступлению коммунистов из южного Китая на север в труднодоступные горные районы в Шэньси (Яньань).

С другой стороны, следует учитывать, что направленность политики Коминтерна всегда коррелировалась с внешней политикой СССР. В свете реальной угрозы усиления Японии на дальневосточных рубежах Советский Союз был весьма заинтересован в организации в Китае эффективно отпора японским оккупантам, в создании и сохранении единого антияпонского фронта, оттягивающего японские войска от советских границ. Глава советского государства настаивал на непременно установлении единого антияпонского фронта.

К 1936 г. началось сближение позиций КПК и Гоминьдана относительно совместного противостояния агрессии Японии. Чан Кайши поручил военному атташе в СССР Дэн Вэньи вступить в переговоры с Ван Мином о сотрудничестве перед лицом японской угрозы. ЦК КПК со своей стороны выступила с обращениями к Гоминьдану с предложением прекратить военные действия и договориться о мире, чтобы создать единый антияпонский фронт и общими силами дать отпор японской агрессии.

В июле 1936 г. на заседании Секретариата ИККИ Димитров в своем выступлении особо подчеркнул задачу объединения всех сил Китая перед лицом агрессии Японии. Застрельщиком и инициатором этого должны были стать КПК и Красная армия. «Все остальное нужно подчинить этой основной задаче» [ВКП(б), Т. IV, с. 162].

По просьбе китайских коммунистов в конце мая 1937 г. в ИККИ была создана бригада по изучению и разработке материалов и документов для КПК во главе со старшим референтом Отдела кадров ИККИ, бывшим сотрудником внешней разведки, Г.И. Мордвиновым [ВКП(б), Т. V, с. 188, 191—192]. Такая же «маленькая», по выражению Димитрова, комиссия во главе с Ван Мином была организована для составления «Программы борьбы против японской агрессии за спасение родины» из 10 пунктов. Она была заслушана на заседании Секретариата ИККИ 10 августа 1937 г. с участием членов Политбюро ЦК КПК Ван Мина, Ван Цзянсяна и Дэн Фа.

Таким образом, как военное взаимодействие КПК и Гоминьдана «второй единый фронт» официально сложился после начала широкомасштабных боевых действий Японии на территории Китая осенью 1937 г., когда ЦК КПК опубликовал «Декларацию о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК», а Чан Кайши признал законность статуса Китайской компартии. В результате этих заявлений из частей китайской Красной Армии были сформированы Новый 4-й корпус и 8-я армия Национально-революционной армии. Члены Делегации КПК при ИККИ Ван Мин и Кан Шэн были направлены в Китай для помощи КПК в проведении новой политики. Перед отъездом 11 ноября 1937 г. они получили от Сталина «советы насчет целого ряда важнейших вопросов». Руководитель СССР поставил основную задачу для КПК: «влиться в общенациональную войну и занять руководящее участие» [ВКП(б), Т. V, с. 74]. С этого момента дальнейшие шаги в выработке политики широкого единого антияпонского фронта проходили в основном в Китае, но под контролем Коминтерна.

Значение объединения всех сил китайского народа против японской агрессии трудно переоценить. ВКП(б) и Коминтерн в лице Димитрова даже в моменты кризисных ситуаций в отношениях КПК с Гоминьданом, открытой борьбы Чан Кайши против коммунистов, стояли за сохранение единого фронта. Вплоть до роспуска Коминтерна Димитров озвучивал

рекомендации для КПК «не допускать разрыва антияпонского фронта». Этому есть несколько примеров.

Так произошло при разрешении Сианьского инцидента, когда 12 декабря 1936 г. генералы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали главкома Гоминьдана Чан Кайши и его генералов в г. Сиань, а Делегация КПК в ИККИ это поддержала. Только после прямого вмешательства Сталина Димитров направил в ЦК КПК телеграмму с рекомендацией решительно выступить «за мирное решение конфликта» [ВКП(б), Т. IV, с. 1086]. Так было и в январе 1941 г., когда националисты Гоминьдана совершили вероломное нападение на Новую 4-ю армию. В результате этих событий, известных в исторической литературе под названием «инцидента с Новой 4-й армией» («Южно-Аньхуэйский инцидент»), была расформирована штабная колонна Новой 4-й армии в Центральном Китае и возникла угроза распада единого национального фронта. Димитров созвал несколько заседаний Секретариата ИККИ по Китаю, чтобы изучить возможность избежать распада единого фронта и нового всплеска гражданской войны. 4 февраля 1941 г. он срочно телеграфировал в Яньань: «Мы считаем, что разрыв [единого фронта] не является неизбежным, ... надо сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны [ВКП(б), Т. V, с. 485]. Под давлением и при посредничестве Москвы весной 1941 г. состоялась встреча Чжоу Эньлая и Чан Кайши. Стороны подтвердили решимость сохранить единый фронт для борьбы с Японией. Позже, 15 июня 1942 г., при обострении ситуации на переговорах представителя КПК Чжоу Эньлая с Чан Кайши, в телеграмме Мао Цзэдуну Димитров указывал: «Нынешнее положение повелительно диктует, чтобы Китайская компартия предпринимала все от нее зависящее для возможного улучшения взаимоотношений с Чан Кайши и укрепления единого фронта Китая в борьбе против японцев» [Дневник, с. 213].

Что касается заслуги Димитрова в выдвижении Мао Цзэдуна на руководящую роль в КПК, то его поддержка началась еще до появления Димитрова в Коминтерне. Известный исследователь биографии Мао Цзэдуна А.В. Панцов убедительно доказал, что еще с конца 1920-х — начала 1930-х гг. именно Москва и прежде всего Сталин активно способствовали выдвижению Мао и вставали на его защиту во время конфликтов с руководящими деятелями КПК. На основе архивных документов А.В. Панцов показал, что еще летом 1930 г. именно Москва в лице своего Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна (Шанхай) инициировало поддержку Мао при выдвижении его на должность политкомиссара 1-й армейской группы войск Красной армии Китая, затем в члены Бюро ЦК советских районов, а позже — на пост председателя Реввоенсовета. По настоянию Москвы Мао Цзэдун как авторитетный руководитель из со-

ветского района был переведен из кандидатов в члены Политбюро на V пленуме ЦК КПК в январе 1934 г. На VII конгрессе Коминтерна Мао Цзэдун был объявлен одним из «знаменосцев» мирового коммунистического движения наряду с генеральным секретарем ИККИ Димитровым. Вскоре на совещании Делегации КПК в ИККИ Ван Мин заявил, что Делегация должна «поднять авторитет товарищей Мао Цзэдуна и Чжу Дэ». В начале июля 1938 г. Димитров передал решение руководства ИККИ собиравшемуся на родину и.о. главы Делегации КПК в ИККИ Ван Цзясяну: «Вы должны передать всем, что необходимо поддержать Мао Цзэдуна как вождя Компартии Китая. Он закален в практической борьбе. Таким людям, как Ван Мин, не надо бороться за руководство». Это напутствие стало решающим для Политбюро ЦК КПК при избрании Мао Цзэдуна генеральным секретарем ЦК. Главного противника Мао в партийной борьбе Ван Мина, недавнего главу Делегации КПК в ИККИ, с которым у Димитрова за время совместной работы сложились хорошие отношения, Москва не поддержала. Без санкции Сталина Димитров не мог самостоятельно ничего предпринять ни в расстановке сил, ни в выборе кандидатов на избрание в руководство ЦК КПК.

В заслугу Димитрову китайские исследователи ставят активное участие в предоставлении финансовой и материальной помощи Китаю: «Димитров активно вел переговоры и координировал свои действия, чтобы заручиться финансовой и материальной помощью Москвы Китаю. Его активное участие в обсуждениях и принятии решений, в переговорах по заявкам, встречах, исследованиях и других мероприятиях сыграло очень важную роль в получении ценной финансовой и материальной помощи для Китая во время войны» [Чжан Ваньцзе. 2011, с. 90].

Известно, что Коминтерн существовал на деньги СССР, его бюджет определялся отдельной строкой бюджета [Сотникова, с. 217—286]. Соответственно, КПК с самого своего образования, и это признается китайскими историками, могла функционировать в течение чуть менее 15 лет, только опираясь на помощь Москвы в размере не менее 30 тыс. долл. в месяц. Начиная с 1934 г., когда армии коммунистов и ЦК КПК начали передислокацию на Север, ежемесячное финансирование КПК прервалось. Кроме того, к VII конгрессу Коминтерна после ряда ревизий, проведенных ИККИ за рубежом и показавших неэффективность выделения огромных средств компартиям, с 1935 г. Советский Союз прекратил регулярное субсидирование зарубежных компартий. Сталин разочаровался в способности Коминтерна подтолкнуть мировую революцию, когда «люди сидят в офисах и придумывают разные вещи» [The Diary, p. 67]. Целевое выделение финансовых средств проходило теперь по конкретным запросам компартий. Надо понимать, что решение о выделении средств не входило в компетенцию Димитрова. С каждой просьбой КПК о помощи

Димитров обращался непосредственно к Сталину. Только он определял размер суммы и сроки предоставления помощи. Деньги передавались партиям, как правило, через НКВД, минуя Коминтерн. Так, в июне 1936 г., после восстановления радиосвязи с Китайской компартией, ЦК КПК направил в Москву несколько телеграмм, содержащих просьбу к Коминтерну об оказании ежемесячной помощи в размере 3 млн долл. Кроме этого, ЦК надеялся «получить самолеты, тяжелую артиллерию, снаряды, пехотные винтовки, зенитные пулеметы, понтоны... и т. д.» [ВКП(б), Т. IV, с. 1057]. Просьбу поддержала Делегация КПК в ИККИ. Димитров передал Сталину содержание телеграммы, и вопрос о предоставлении материальной помощи Красной армии Китая и КПК был решен положительно, но не в виде ежемесячных субсидий, а отдельными суммами.

11 сентября 1936 г. последовало решение руководства СССР об оказании помощи КПК оружием, поставками 15—20 000 винтовок, 8 пушек, 10 минометов и боеприпасов. Помимо этого, Димитров просил Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) выделить китайским коммунистам 2 млн рублей. 18 октября Димитров сообщил в ЦК КПК о готовности СССР оказать частями значительную финансовую помощь коммунистам для закупки необходимого вооружения на месте. 2 декабря Наркомат финансов отправил в дополнение к уже выделенным деньгам еще 500 тыс. долл. [The Diary, p. 73]. 150 тыс. долл. из этой суммы предназначались для выплаты за заказанные ранее самолеты иностранного производства.

2 марта 1937 г. Димитров уведомил телеграммой ЦК КПК о принятом решении увеличить финансовую помощь КПК: «Мы выделили вам более 80000 ам. долларов, деньги будут вам посланы...». Вместе с полученными до этого ЦК КПК суммами размер выделенной помощи приближался к 2 млн долл.

С началом 7 июля 1937 г. полномасштабной антияпонской агрессии на территории Китая советское правительство в рамках договоренностей с правительством Чан Кайши о помощи Китайской Республике оговорило негласное условие: прекращение борьбы Гоминьдана с коммунистами и предоставление 20—25 % от будущих поставок оружия и сумм на содержание армий КПК [Ван Мин, с. 221].

2 февраля 1938 г. в Яньани во время беседы с представителем Разведуправления РККА в Особом районе Китая В.В. Андриановым заведующий Орготделом ЦК КПК Кан Шэн напомнил об обещанных Коминтерном 1,5 млн долл.: «Нам необходимы средства на увеличение нашей армии, покупку вооружения, строительство своей оборонной промышленности...» [ВКП(б), Т. V, с. 86].

В первой половине 1939 г. ЦК КПК неоднократно напоминал Москве, что выделенные ранее деньги закончились. Димитров обратился к нарко-

му обороны СССР К.Е. Ворошилову с просьбой дать указания для переброски в Особый район Китая для нужд 8-й армии 15 тонн материалов военно-культурного значения. Ворошилов с согласия Сталина, «чтобы не осложнять отношения с Чан Кайши» отказал в предоставлении военной помощи. Однако просьбы КПК возымели действие: 22 июля 1939 г. Димитров сообщил в ЦК КПК, что по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1939 г., китайским коммунистам решено предоставить в 1939 г. золотых рублей из общей выделенной суммы в 2 млн золотых рублей [The Diary, p. 112]. Бригада Мордвинова 19 августа также предложила «оказать значительную денежную помощь КПК на перестройку партийной работы и подготовку кадров», поскольку из 600 тыс. китайских долларов, отпускаемых Чан Кайши на содержание 8-й армии, и 130 тыс. китайских долларов — на Новую 4-ю, 250 тыс. китайских долларов расходуется на партийную работу [ВКП(б), Т. V, с. 309].

В июле того же года Димитров уведомил ЦК КПК о том, что в Китай послана через Разведуправление Генштаба РККА «ценная посылка». По тому же каналу аналогичная «ценная посылка» была отправлена 20 сентября [ВКП(б), Т. V, с. 320].

В феврале 1940 г. Димитров представил Сталину подробный бюджет партийных и военных расходов КПК, составленный ЦК КПК. На партийную часть бюджета ежемесячно требовалось 707 960 китайских долларов (101 137 долл.), а на военную — 4200 тыс. китайских долларов (600 тыс. долл.). На деле же ежемесячный доход партии составлял 300 тыс. китайских долларов, а доход армии — 1300 тыс. китайских долларов. В соответствии с представленным документом, ежемесячный дефицит бюджета Китайской компартии составлял 58 280 долл. по партийным расходам и 300 тыс. долл. — по военным. Димитров просил Сталина, если тот «найдет возможным, дать указание соответствующим органам об ассигновании в таком или другом размере денежной помощи Компартии Китая» в размере 350 тыс. долл. на 1940 г. [ВКП(б), Т. V, с. 404—406]. 25 февраля 1940 г. Сталин посоветовал ИККИ самостоятельно решить вопрос о финансировании китайских коммунистов, указав, что СССР предоставит КПК помощь в размере 300 тыс. долл.

В связи с тем, что с января 1941 г. финансирование КПК со стороны Гоминьдана в рамках оговоренных ранее 20—25 % было прекращено, ЦК КПК 16 мая 1941 г. вновь телеграфировал Димитрову о большом денежном затруднении партии и «просил разрешить выдачу» 1 млн долл. на текущий год [ВКП(б), Т. V, с. 531].

Нападение Германии и начало Великой Отечественной войны советского народа изменило ситуацию в Советском Союзе и в Коминтерне, а борьба Китая против Японии на дальневосточных границах страны приобрела новое значение. В этой ситуации 3 июля 1941 г. в самые тяжелые

дни войны СССР Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «отпустить ИККИ один миллион американских долларов для оказания финансовой помощи ЦК Компартии Китая» [ВКП(б), Т. V, с. 540]. О решении Политбюро ЦК ВКП(б) 7 июля Димитров сообщил Мао Цзэдуну [Дневник, с. 44]. В сентябре 1941 г. ЦК КПК вновь попросил Димитрова выделить ни много ни мало 500 тыс. долл., а также оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и 60 комплектов для радиостанций» [ВКП(б), Т. V, с. 567].

Всего за 1937—1941 гг., по подсчетам составителя и автора Предисловия V тома сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» доктора исторических наук А.И. Картуновой, на основе данных, содержащихся в томе, КПК получила финансовую помощь в размере 3 852 394 \$» [ВКП(б), Т. V, с. 52], включая суммы по государственной линии от помощи китайскому правительству. По подсчетам китайского историка Ян Куйсуна она составила 3,5 млн долл. [Чжунъэ, с. 232, 264, 265, 266]. Каждый раз просьбы КПК и решения Москвы проходили через Димитрова. Именно к нему обращался ЦК китайской партии, не имея возможности обратиться в ЦК ВКП(б) напрямую. Понимая, что сам Коминтерн не обладает ни такими средствами, ни такими возможностями, а все решения принимаются и осуществляются Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б), Мао Цзэдун в письмах Димитрову просил передавать его просьбы высшему руководству СССР и Государственному комитету обороны.

Высокая оценка роли Димитрова сложилась у китайских исследователей от недопонимания устройства Коминтерна после реорганизации 1935 г., когда была упразднена всякая коллегиальность, прекратили работу Политсекретариат и лендерсекретариаты ИККИ как «не оправдавшие себя в практической работе». Качественно новая, по сути, структура Коминтерна сосредоточила всю полноту власти в руках его генерального секретаря и Секретариата под всеобъемлющим контролем Сталина. Именно за ним было последнее слово в решении любых вопросов китайской политики ИККИ. Выстроенная вертикаль и механизм принятия решений ИККИ не допускали какого-либо самостоятельного решения Димитрова по ключевым вопросам. Решения принимались таким образом: КПК запрашивала Димитрова о помощи, о совете или вооружении. Секретариат Димитрова с привлечением Делегации КПК и представителей профильных ведомств готовили предложение для Секретариата ИККИ. Стенограммы заседаний Секретариата направлялись Сталину, который единолично решал вопросы политики КПК. Так, например, 26 ноября 1936 г. на встрече в Кремле Сталин говорил Димитрову о необходимости изменить «...нашу позицию по китайским делам... Сформируйте национально-революционное правительство, правительство национальной обороны, защиты независимости китайского народа. Советы — только в городах, но не как органы власти, а как организация масс. Без конфискации.

Придумайте черновик...», или в период Сианьского кризиса: «Посоветуйте им занять независимую позицию, выступить против внутренних междоусобных распрей, настаивать на мирном разрешении конфликта [The Diary, p. 36, 41]. В дневнике Димитрова содержатся многочисленные подтверждения тому, что указания Сталина были определяющими. Его решения утверждались на заседаниях Политбюро, а Димитров телеграфировал их содержание в ЦК КПК. Иногда Сталин, ссылаясь на занятость, отмахивался: «Мы сейчас очень заняты. Решите эти проблемы самостоятельно или «Решайте сами. Помощь дадим» [The Diary, p. 105].

Определяющее влияние Сталина на Коминтерн не уменьшилось даже с началом Великой отечественной войны СССР, когда он по понятным причинам лишь перестал вникать в детали китайской действительности. Тем не менее, Димитров, эвакуированный в 1941 г. вместе с ИККИ в г. Уфу, по-прежнему отсылал в Москву Сталину запросы о его мнении по важным вопросам политики КПК. Когда 19 марта 1942 г. Димитров вернулся в Москву из эвакуации, его влияние в Коминтерне постоянно снижалось, он все больше вовлекался в болгарские дела.

Подводя итоги можно сказать, что Димитров сыграл определенную положительную роль в истории Китая в основном как организатор работы китайского звена Коминтерна в 1935—1943 гг. Внимание и поддержка Китайской компартии, общение с представителями КПК в Москве и погруженность в китайские реалии, превратило Димитрова в единственную инстанцию, куда руководство КПК могло обратиться за помощью и советом. Он заслужил уважение руководства ЦК КПК своей вовлеченностью в китайские дела и сопереживанием с судьбой китайской революции, ходатайством перед Сталиным по поводу просьб китайских коммунистов. Однако он не был ни идеологом, ни инициатором собственных теоретических решений в формулировании политической линии КПК, в формировании ее руководства, не мог самостоятельно принять серьезные решения. Все предложения или рекомендации своего секретариата он отправлял на утверждение Сталина, фактически являясь передаточным звеном между ним и руководством КПК. В условиях жесткой регламентации в Коминтерне Димитров не сыграл, да и не мог сыграть какой-либо значимой роли в китайской революции.

Библиографический список

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М.: Политиздат, 1975. 311 с.

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. 1937 — май 1943 / Ред. М.Л. Титаренко, М. Лейтнер. М.: РОССПЭН, 2007. 752 с.

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931—1937. В 2-х частях/ Ред. М.Л. Титаренко, М. Лейтнер. М.: РОССПЭН, 2007. Ч. 2. 1232 с.

Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма // VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад и заключительное слово. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 140 с.

Дневник Георгия Димитрова (1941—1945) / Отв. сост. Т.Г. Зазерская. М.: Кучково поле, 2020. С. 213. 640 с.

Корсун В.А. Сталин и Китай в годы войны. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/37/bafb8e536bb4d00b307e60b6a3b5ea8d1f343d8b.pdf> (дата обращения: 14.02.2022). С. 64—81.

Мэн Циншу. Чэнь Шаоюй — Ван Мин. Биография. Воспоминания/Перевод с кит. яз. и ред. Ван Даньчжи. М.: БФ «Онтопсихология», 2011. 970 с.

РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 1. Д. 3162. Л. 2—3.

Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна. Организационные структуры, кадровая и финансовая политика. М.: Восточная литература, 2015. 407 с.

The Diary of Georgi Dimitrov 1933—1949. New Haven: Yale University Press, 2003. 560 p.

刘仁. 全面抗战时期毛泽东与季米特洛夫互动沟通 [Лю Жэнь. Интерактивное общение Мао Цзэдуна и Димитрова] // Дан ши болань 2018, № 8. С. 23—28.

张万杰. 季米特洛夫与 1935 年共产国际政策的转变 [Чжан Ваньцзе. Димитров и сдвиг в политике Коминтерна в 1935 г.] // 当代世界与社会主义 [Современный мир и социализм], вып. 5, 2016. С. 76—85.

张万杰. 季米特洛夫与现代中国革命 [Чжан Ваньцзе. Димитров и современная китайская революция] / 发展史思想政治理论教育新探索 [Новое исследование идеологической и политической теории образования истории марксизма]. 杭州: 浙江工商大学出版社 [Ханчжоу: Издательство университета Чжэцзян Гуншан], 2011 г. С. 80—93.

张万杰. 季米特洛夫与中共抗日民族统一战线的维持和发展都 [Чжан Ваньцзе. Димитров и поддержание, и развитие Антияпонского национального единого фронта КПК] // 中共杭州市委党校学报 [Журнал партийной школы Ханчжоуского городского комитета Коммунистической партии Китая, 2018, № 3. С. 20—25.

中俄关系: 历史与现代性 [Китайско-российские отношения: история и современность] / 编. 栾景和 [Под ред. Луань Цзинхэ]. Издательство Хэнаньского университета, 2004. 855 с.

杨奎松. 毛泽东与莫斯科的恩恩怨怨 [Ян Куйсун. Разногласия между Мао Цзэдуном и Москвой]. 南昌: 江西人民出版社 [Наньчан: Народное издательство Цзянси], 2008. 582 с.

References

Van Min. Polveka KPK i predatel'stvo Mao Tszeduna [Half a century of the CCP and the betrayal of Mao Zedong]. M.: Politizdat, 1975. 311 p.

VKP(b), Komintern i Kitay: Dokumenty [VKP(b), Comintern and China: Documents]. Vol.V.: 1937 — May 1943 / Ed. M.L. Titarenko, M. Leitner. M.: ROSSPEN, 2007. 752 p.

VKP(b), Komintern i Kitay: Dokumenty. T. IV. [VKP(b), Comintern and China: Documents. Vol. IV [VKP(b), the Comintern and the Soviet movement in China. 1931—1937]. In 2 parts / Ed. M.L. Titarenko, M. Leitner. M.: ROSSPEN, 2007. Part 2. 1232 p.

G. *Dimitrov*. Nastupleniye fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internatsionala v bor'be za yedinstvo rabocheho klassa, protiv fashizma //VII Vsemirnyy kongress Kommunisticheskogo Internatsionala. Doklad i zaklyuchitel'noye slovo [G. Dimitrov. The offensive of fascism and the tasks of the Communist International in the struggle for the unity of the working class, against fascism // VII World Congress of the Communist International. Report and final word, M.: Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1935. 140 p.

Dnevnik Georgiya Dimitrova (1941—1945) /Otv. sost. T.G. Zazerskaya [Diary of Georgy Dimitrov (1941—1945) / Responsible. comp. T.G. Zazerskaya]. M.: Publishing house «Kuchkovo pole», 2020. 640 p.

Korsun V.A. Stalin i Kitay v gody voyny [Korsun V.A. Stalin and China during the war]. URL: [<https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/37/bafb8e536bb4d00b307e60b6a3b5ea8d1f343d8b.pdf>] (accessed 14.02.2022). p. 64—81.

Men Tsinsu. Chen' Shaoyuy — Van Min. Biografiya. Vospominaniya [Chen Shaoyu — Wang Ming. Biography. Memoirs / Translation from Chinese. lang. and ed. Wang Danzhi. M.: BF "Ontopsychology", 2011. 970 p.

RGASPI (Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii). RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 558. Op.1. D. 3162. L. 2—3. F. 558. Reg. 1. Mat. 3162. Sh. 2—3.

Sotnikova I.N. Kitayskiy sektor Kominterna. Organizatsionnyye struktury, kadrovaya i finansovaya politika [Chinese segment of the Comintern [Organizational structures, personnel and financial policy]. M.: Vostochnaya literature [Eastern Literature], 2015. 407 p.

The Diary of Georgi Dimitrov 1933—1949. New Haven: Yale University Press, 2003. 560 p.

刘仁。全面抗战时期毛泽东与季米特洛夫互动沟通 [Liu Ren. Interactive communication between Mao Zedong and Dimitrov during the all-out Anti-Japanese War]// 党史博览 2018. 8. p. 23—28.

张万杰。季米特洛夫与 1935 年共产国际政策的转变 [Zhang Wanjie. Dimitrov and the Comintern Policy Shift in 1935]// 当代世界与社会主义 [Contemporary World and Socialism], 2016, No. 5. 76—85.

张万杰。季米特洛夫与现代中国革命 [Zhang Wanjie. Dimitrov and the Modern Chinese Revolution] // 发展史思想政治理论教育新探索 [New exploration of ideological and political theory education in the history of development] 杭州: 浙江工商大学出版社 [Hangzhou: Zhejiang Gongshang University Press. 2011, pp. 80—93.

张万杰。季米特洛夫与中共抗日民族统一战线的维持和发展都 [Zhang Wanjie. Dimitrov and the maintenance and development of the Chinese Communist Party's Anti-Japanese National United Front]// 中共杭州市委党校学报 [Journal of the Party School of the Hangzhou Municipal Committee of the Communist Party of China] 2018-05-28, pp. 20—25.

中俄关系：历史与现代性 [Sino-Russian Relations: History and Modernity / 编。栾景和。河南 [ed. Luan Jinghe. Henan University Press, 2004 edition, 855 p.

杨奎松。毛泽东与莫斯科的恩恩怨怨 [Yang Kuisong. The grievances between Mao Zedong and Moscow]. 南昌: 江西人民出版社 [Nanchang: Jiangxi People's Publishing House], 2008. 582 p.

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ЯПОНИЯ: ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В 1930-х — 1940-х гг.

DOI: 10.48647/IFES.2022.79.27.022

В.Г. Дацышен

АРМИИ ДИН ЧАО И ЛИ ДУ В БОРЬБЕ С ЯПОНСКОЙ АГРЕССИЕЙ. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории первого этапа борьбы китайского народа против японской агрессии в Северо-Восточном Китае в начале 1930-х гг. Впервые в отечественной исторической науке и китаеведении предметом специального исследования становятся действия патристически и антияпонски настроенных китайских армий в провинции Цзилинь, противостоявших японской Квантунской армии и союзным этой армии китайским войскам в 1932 г. События происходили в приграничных с Советским Союзом районах Маньчжурии и были тесно связаны с проблемами советско-китайских отношений. Исследование выполнено на основе документов из фондов Государственного архива новейшей истории Иркутской области с привлечением материалов из фондов других архивов и опубликованных документов. В 1931 г. началась японская агрессия в Северо-Восточном Китае, и часть китайских войск и генералов поддержали планы японцев по созданию отдельного государства в Маньчжурии. Однако значительная часть войск не признала власти агрессоров и их китайских союзников. Самыми высокопоставленными и авторитетными в провинции Цзилинь генералами, не признавшими новой власти, стали Дин Чао и Ли Ду. Возглавив оборону Харбина в начале 1932 г., они объединили патристически настроен-

ные войска на правобережье Сунгари. Ровно год эти войска вели борьбу с агрессорами и их союзниками, но были разбиты. В конечном итоге Дин Чао согласился сдаться и принять условия агрессора, а Ли Ду, как и ряд других патриотически настроенных генералов, отступил через границу в Советский Союз. Вернувшись в 1933 г. через Европу на родину, генерал Ли Ду продолжил борьбу с японской агрессией.

Ключевые слова: Китайская армия, Маньчжурия, японская агрессия, Ли Ду, Дин Чао.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН); ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Красноярск. E-mail: dazishen@mail.ru

V.G. Datsyshen

THE ARMIES OF DING CHAO AND LI DU IN THE FIGHT AGAINST JAPANESE AGGRESSION. FROM THE PREHISTORY OF THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the first stage of the struggle of the Chinese people against Japanese aggression in Northeast China in the early 1930s. For the first time in Russian historical science and Chinese studies, the actions of patriotic and anti-Japanese-minded Chinese armies in Jilin province that opposed the Japanese Kwantung army and the Chinese troops allied to this army in 1932 became the subject of special research. The events took place in the areas bordering the Soviet Union in Manchuria, and were closely connected with problems of Soviet-Chinese relations. The research was carried out on the basis of documents from the funds of the State Archive of the Modern History of the Irkutsk Region with the involvement of materials from the funds of other archives and published documents. In 1931, Japanese aggression began in Northeast China, and some Chinese troops and generals supported the Japanese plans to create a separate state in Manchuria. However, a significant part of the troops did not recognize the power of the aggressors and their Chinese allies. The most senior and authoritative generals in Jilin Province who did not recognize the new government were Ding Chao and Li Du. Having led the defense of Harbin in early 1932, they united patriotic troops on the right bank of the Sungari. For exactly a year, these troops fought the aggressors and their allies, but were defeated. In the end, Ding Chao agreed to surrender and accept the aggressor's conditions, and Li Du, like a number of other patriotic generals, retreated across the border into the Soviet Union. Returning to his homeland through Europe in 1933, General Li Du continued the fight against Japanese aggression.

Keywords: Chinese Army, Manchuria, Japanese aggression, Li Du, Ding Chao.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (FSSC RAS), Leading researcher at the Institute of Oriental Studies, RAS, Krasnoyarsk. E-mail: dazishen@mail.ru

В современной историографии существует точка зрения, что начало Второй мировой войны следует отнести к событиям 1937 г. Хотя японская агрессия против Китая началась в 1931 г., но тогда власти Китайской Республики не стали защищать подвергнутые агрессии провинции Северо-Востока, а многие зарубежные страны де-факто признали созданное в результате японской агрессии государство Маньчжоу-го. Одним из решающих факторов, приостановивших в тот период развитие событий в направлении мировой войны, стало поражение китайских армий, не получивших реальной помощи из центра и из зарубежных стран. Героическая борьба против агрессии патриотически настроенных китайских генералов стала ярким примером верности присяге и любви к родине.

Периодом наиболее активного сопротивления японским агрессорам в Маньчжурии стал 1932 г. Патриотические настроенные китайские войска под руководством генералов Ли Ду, Дин Чао, Су Бинвэня и др. пытались не допустить установления японской власти в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян, долгое время оказывавших вооруженное сопротивление японцам и перешедшим на их сторону китайским войскам, а затем большей частью отступившим на территорию Советского Союза. В силу политических причин и труднодоступности источников до настоящего времени российское общество очень мало знает об этих событиях. В советской историографии недостаточно внимания уделялось истории анти-японского сопротивления китайских армий в Маньчжурии. Армия Ли Ду упоминается в работах советских историков еще в первой половине XX в. В публикации 1940 г. отмечалось: «Чжан Сюе-лян запретил своим войскам даже оказывать сопротивление... Только отдельные генералы (например: известный генерал Ма Чжань-шань, Ли Ду и др.) в течение долгого времени вели вооруженную борьбу против агрессии» [Ефимов, с. 196]. В обобщающей работе дальневосточных историков утверждалось: «3 января 1932 г. ... японские войска завершили оккупацию всей территории Маньчжурии и приступили к ее освоению» [История Северо-Восточного, с. 114], а Ли Ду упоминается в контексте «партизанского движения» «под руководством коммунистов» [История Северо-Восточного, с. 123]. В работе Р.А. Мировицкой также упоминается Ли Ду, но ошибочно говорится, что его армия «перешла советско-китайскую границу в районе Отпора» [Мировицкая, с.127]. В новейшей обобщающей работе по истории Китая история борьбы китайских армий против японских

агрессоров в Маньчжурии в 1932 г. ограничивается одним предложением: «Попытки китайской армии под командованием генерала Ма Чжаньшаня сдержать японцев не имели успеха» [История Китая, с. 275]. В последние годы появились первые исследования, посвященные проблемам отступления китайских армий из провинции Цзилинь в Советский Союз в 1933 г. [Дацзышен, Силонов]. Мы не ставим цели рассмотреть китайскую историографию вопроса, лишь отмечаем, что в современной китайской исторической литературе уделяется особое внимание антияпонскому сопротивлению под руководством КПК; не остались забытыми и имена гоминьдановских генералов, оказавших сопротивление японской агрессии в Северо-Восточном Китае [Ли].

В настоящей работе восстанавливается историческая картина событий противостояния китайских воинских соединений японской агрессии в 1932 — начале 1933 гг. События эти рассматриваются в связи и через призму советско-китайских отношений. Антияпонское сопротивление в 1932 г. имело место на территории всех трех провинций Северо-Восточного Китая, и наибольшую известность получило восстание армии Су Бинвэня в западной части провинции Хэйлуньцзян. В данной работе рассматриваются события, происходившие на территории провинции Цзилинь в границах того времени. Исследование построено на архивных документах советского происхождения. Важнейшим источником для данной работы послужили сообщения находившего в Иркутске Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (ПП ОГПУ по ВСК), предназначенные для высшего партийного и советского руководства сибирских регионов, и материалы Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине, хранящиеся в фондах Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Кроме того, для исследования привлечены различные материалы из фондов Государственного архива Приморского края (ГАПК), а также документы, опубликованные в специальных тематических сборниках.

Поводом к началу японской агрессии в Северо-Восточном Китае стал так называемый «Мукденский инцидент» 18 сентября 1931 г. Региональные власти Китайской Республики во главе с Чжан Сюэляном не смогли организовать эффективного сопротивления агрессору и эвакуировались из Шэньяня в Цзиньчжоу, а затем и вообще покинули Северо-Восточный Китай. Лидер Китайской Республики Чан Кайши считал «необходимым в первую очередь добиться внутреннего умиротворения как предпосылки успешного отпора внешней агрессии» [Цзян, с. 83].

В среде офицеров и генералов китайских войск в условиях японской агрессии и слабости центральной власти Китайской Республики произошел раскол. Одни военачальники пошли на сотрудничество с японцами, другие начали борьбу с оккупантами, а большинство сначала проводили

непоследовательную политику, пытались сохранить своеобразный «нейтралитет».

В конце 1931 г. значительная часть элиты Северо-Восточного Китая подчинилась новой власти. В их числе был и командующий китайскими войсками в провинции Цзилинь, представитель бывшей маньчжурской правящей фамилии Си Ця (熙洽.1883—1950). Часть военачальников, в том числе китайские генералы Дин Чао (丁超 1883—?) и Ли Ду (李杜, 1880—1956), не признали новой власти. Китайские историки пишут, что когда Си Ця «сдался врагу», Ли Ду, находясь в Илане, обратился с призывом к населению 13 уездов и войскам, расположенным в низовьях Сунгари, сопротивляться японской агрессии [Ли, с. 31]. К войскам Дин Чао и Ли Ду присоединился полк цзилиньской армии во главе с Фэн Чжанхаем (冯占海, 1899—1963). Китайские войска, сохранившие в провинции Цзилинь (Гирин) верность Китайской Республике, стали называть «старо-гиринцами». Тогда же в провинции Цзилинь поднял восстание против японцев Ван Дэлинь. Современники событий писали: «Армия спасения родины» зародилась в октябре 1931 г. Ядром ее явился 3-й батальон 7-го полка 13-й бригады регулярной китайской армии, расквартированной в провинции Гирин. Этот батальон восстал, объединившись с полицейскими сторожевыми и партизанскими отрядами, расположенными в районе Яньди (провинция Гирин). Главкомандующим «Армией спасения Родины» был назначен Ван Де-лин. Его заместителем стал Кун Сян-ин. Командующим авангардными войсками был назначен У И-чен, а начальником штаба Ли Янь-лу» [Сунь, с. 12].

Советские официальные представители и работники спецслужб внимательно следили за событиями в Северо-Восточном Китае. Из их донесений можно узнать о начале антияпонской борьбы китайских генералов. В «Календаре событий за 1932 год, составленном полпредом СССР в Японии», перечислялось: «25 (января). В Харбине началось восстание части войск Тин-чао, направленное против Гиринов... 29 (января). Харбин в полной власти анти-гириновских войск Тин-чао»¹.

Новые прояпонские власти Маньчжурии попытались предотвратить противостояние с патриотически настроенными генералами. Китайские историки показывают какие формы и методы давления, подкупа, запугивания генерала Ли Ду и его родственников использовал Си Ця для того, чтобы заставить генерала подчиниться новой власти. Отправив свою семью в Тяньцзинь и отказавшись от своего имущества, Ли Ду стал неуязвим для противника.

В начале 1932 г. расквартированные в бывшей полосе отчуждения КВЖД «старо-гириновцы» попытались сохранить за собой Харбин. Войска

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 25. Оп. 6. Д. 2. Л. 2—23.

перешедших на сторону Японии главы Специального административного района Харбин Чжан Цзинхуэй (张景惠) и бывшего командира кавалерийской дивизии Северо-Восточной армии Юй Чэня (于琛) в конце января 1932 г. попытались занять Харбин. Утром 27 января произошел первый бой между солдатами Фэн Чжанхая и Юй Чэня. А во второй половине дня войска Ли Ду сбили японский самолет и окружили наступавший отряд противника. На следующий день прояпонские силы вынуждены были отступить от Харбина. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 2 февраля 1932 г. говорилось: «28-го января войска при поддержке японских самолетов повели наступление на Харбин, но были отбиты и отступили. Силы Старо-Гиринецов во главе с Динчао насчитывают в Харбине 8—10 тысяч человек...»².

Первая победа патриотически настроенных китайских войск сплотила их силы. В Харбине было создано «Главное командование Армии самообороны Цзилиня» (吉林自卫军总司令部). Главнокомандующим этой армии был назначен Ли Ду.

Сторонники новой власти объединили свои силы и направили их к Харбину. Сражение за город возобновилось 1 февраля. Наступавшие заняли пригороды Харбина и 3 февраля подошли к городским окраинам. В это время часть военачальников, защищавших Харбин, перешли на сторону японцев, другие начали самовольное отступление.

3 февраля японская авиация вновь бомбила ряд районов Харбина. 5 февраля 1932 г. в 8 часов вечера японские войска стали входить в Харбин. Таким образом, японским войскам и союзным им «ново-гиринским» войскам потребовалось больше месяца для того, чтобы нанести поражение защищавшим Харбин войскам генералов Дин Чао и Ли Ду.

Китайские войска в боях за Харбин понесли серьезные потери. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК 14 февраля 1932 г. говорилось: «Японская газета Харбин «Ници-Ници» сообщает — в боях в Харбине со стороны китайских войск погибло 1300 человек, в Шуанченпу — 600, число раненых не учтено»³. Однако антияпонские силы не были уничтожены, а организованно отступили. ПП ОГПУ по ВСК 9 февраля 1932 г. информировало: «По сообщению прессы Старо-Гиринские войска продолжают отход к северу, части Ли Ду намерены расквартироваться в Сансене, части Дин Чао направляются в сторону Амура. Японские бомбовозы преследуют. Сегодня генерал Ли Ду опубликовал сообщение, в котором заявляет — его войска отступают в Сансин-Сахалян, где будут реорганизованы, подготовлены к военному выступлению в марте»⁴.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 74.

³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 31.

⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 41.

«Старо-гиринские» войска отступили. Войска Ли Ду отошли на восток, подчинявшийся ему Фэн Чжанхай организовал сопротивление южнее Восточной линии КВЖД, а позднее был вынужден отступить на юго-запад, в провинцию Жэхэ. Армия Дин Чао после поражения в Харбине ушла вниз по реке Сунгари. Правда, 27 февраля 1932 г. ПП ОГПУ по ВСК сообщило: «Участок Уцзимихе — Яблоня на Восточной линии КВЖД продолжает заниматься Старо-Гиринскими войсками генерала Дин Чао. В железно-дорожной работе станции Старо-Гиринские войска не мешают»⁵. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 29 февраля говорилось: ««Харбинское Время» продолжает кампанию сообщений, якобы об угрозе японским резидентам на восточной линии КВЖД со стороны Старо-Гиринских войск, в частности в Имяньпо, однако не приводится ни одного факта конкретного ущерба японским резидентам, ни одной фамилии якобы пострадавших японцев, газета требует немедленной отправки японских войск», переходит к угрозам»⁶.

Весной 1932 г. антияпонское сопротивление в провинции Цзилинь набрало силу. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 5 апреля говорилось: «Начиная с 31-го марта в районе Тунбина северо-восточнее Имяньпо происходят бои Японских войск, Ново-Гиринцев с одной стороны со Старо-Гиринцами и партизанами с другой. Потери японских войск достигают четырехста человек...»⁷. В другом сообщении отмечалось: «Харбин 5. — Бой Японских войск со Старо-Гиринцами, также с партизанскими частями в районе Фанчжэна по тракту на Сансин... продолжается. По сообщению Харбинской «Дуншенбао» направившийся в Тяньшин Японский аэроплан был сбит Старо-Гиринцами частями»⁸.

В восточной части провинции Цзилинь оставшиеся верными Китайской Республике части «старо-цзилиньцев» действовали совместно с сформированной здесь армией Ван Дэлиня (王德林, 1875—1938) и другими отрядами и соединениями, также сформированными из остатков китайской армии в провинции Цзилинь. ПП ОГПУ по ВСК 30 апреля сообщило: «24-го Апреля 1932 года. Положение на Восточном участке: весь район Пограничной до Имяньпо занят Старо-Гиринцами — войсками Ванделлина, Люкуайтуй... Старо-Гиринцами на этот участок брошены силы, имеется артиллерия, бронепоезд. Железнодорожное движение с Харбином прервано»⁹.

Японцы активно действовали против сил генералов Дин Чао и Ли Ду. При этом ставка делалась не только на военный разгром. Японские агрес-

⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 17.

⁶ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 15.

⁷ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 86.

⁸ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 129.

⁹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 125.

соры и их союзники всеми способами пытались купить китайских военачальников, привлечь на свою сторону, найти компромиссы. Японские оккупанты использовали не только силовые методы, но и пытались склонить китайских командиров к сотрудничеству. Еще 29 февраля 1932 г. ПП ОГПУ по ВСК сообщило: «Пред.ревизкомитета КВЖД Чжаншу по поручению Гирина выезжает в Имяньпо для переговоров со Старо-Гиринцами в частности с Дынчао мирно урегулировать конфликт»¹⁰. ПП ОГПУ по ВСК сообщало: «В Интервью Харбинским газетам, вернувшийся из Восточной экспедиции Начдив. Там он сообщил: «Район Фанжена полностью очищен от мятежных элементов, дальнейшая ликвидация в районе Сансина проводится непосредственно Маньчжурскими войсками... Войска Лиду находятся в Сансине, части Дынчао между Фанженом и Сансином, местонахождение лично Дынчао неизвестно, хотя его представители часто приезжают для мирных переговоров. Лично полагаю — желательно привлечение Дынчао на сторону нового правительства. В некоторых районах Восточной линии КВЖД в частности Хайлин-Вейтахе и примыкающих к КВЖД ветках создалась угрожающая обстановка в связи с новыми выступлениями Старо-Гиринцев, ликвидации их должны выполнять Ново-Гиринские войска, Японские войска участвовать не будут. Но если Старо-Гиринцы не пойдут на мирные переговоры, либо Маньчжурские войска не смогут их ликвидировать, то Японские войска вынуждены будут предпринять новую экспедицию»¹¹.

Деятельность по нейтрализации «старо-гиринских» войск весной 1932 г. имела некоторый успех. Советские спецслужбы сообщали: «В Уцзимихе, Имяньпо наблюдается скопление значительных частей Старо-Гиринцев, перешедших под контроль Японского командования, которое эшелонами отправляет их в Харбин. В Японских кругах указывают, что с Дынчао достигнута полная договоренность, генерал Лиду также склоняется к соглашению. Нынешнее выступление Старо-Гиринцев возглавляется полковником Вын бывшим начальником конвойного полка Чжанцзочана»¹². Ярким примером попыток «мирно подавить» сопротивление было опубликованное в газетах «Объявление Гиринского департамента по военным делам» о «порядке приема анти-правительственных войск» в котором говорилось: «наш департамент, решив пойти навстречу провинившимся, выработал... Порядок для принятия вышеупомянутых лиц в ряды своих войск... после расследования их дела, оно будет передано на рассмотрение и утверждение губернатору провинции, и сами они будут прощены...»¹³.

¹⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198а. Л. 16.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 127.

¹² ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 86.

¹³ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012. Л. 77об.

Несмотря на военное превосходство японцев и успехи в пропагандистской работе, направленной на привлечение «старо-гиринцев» на свою сторону, умиротворить Цзилинь весной 1932 г. не удавалось. Антияпонское сопротивление поддерживалось самыми широкими слоями местного населения, в союзе с гоминьдановскими армиями действовали партизанские отряды. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 5 апреля говорилось: «Участок Муданцзян, Имяньпо наводнен отрядами хунхузов, нападающих на поселки, станции КВЖД. Отряд хунхузов до трех тысяч человек, при двух пулеметах, оттеснил охранные войска на станцию Шицзаохецзы, захватил поселок, зажег с двух сторон, забрал в плен триста китайцев. Огнем уничтожено более трех тысяч домов. При перестрелке случайно пострадали двое детей Совграждан...»¹⁴.

В апреле 1932 г. антияпонским войскам удалось сохранить за собой значительную часть территории Цзилинь. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 5 апреля говорилось: «Весь район по Восточной линии КВЖД от станции Шинцзаухецзы до Пограничной находится в руках Старо-Гиринцев»¹⁵. В конце апреля 1932 г. войска генерала Ли Ду были подготовлены для нового наступления на Харбин. Однако японские войска неожиданно заняли район Иланя, где базировалось руководство восставших. Силы антияпонского сопротивления в провинции Цзилинь сохранили боеспособность и даже предпринимали попытки наступать на Харбин. В «Материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине» говорилось: «28/V — ночью 3000 солдат Яна внезапно повели наступление на А-чэн, оборонявшийся ново-гиринскими охранными войсками. Ново-гиринские войска оказали упорное сопротивление и отбили атаку. Однако, ночью 29/V старо-гиринцы вторично пошли в атаку»¹⁶.

В середине июня 1932 г. газеты сообщали: «Некий военный орган в Харбине получил донесение из А-чэна о том, что вокруг А-чэна, радиусом в 15—20 ли, расположились крупные старо-гиринские части, которые выжидают благоприятный момент для атаки»¹⁷. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК от 16 июня 1932 г. говорилось: «Японская пресса сообщает — отступившие из Харбина Старо-Гиринцы находились под командой Гунчанхайя в район деревни Хошуантун, в 20-ти километрах от Харбина. Части Гуанчанхайя оказали упорное сопротивление в пятичасовом бою японским войскам, с обеих сторон большие потери. Гунчанхайю удалось сохранить основные части, отступающие в порядке в направлении Ашихэ, куда со стороны Биньсяня подходят — стягивающиеся части Фыншанхайя... из Харбина, Чаньчуня частично с восточной линии в районе Аши-

¹⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 86.

¹⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 126.

¹⁶ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012. Л. 19об.

¹⁷ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012. Л. 32об.

хэ стягиваются Японские отряды»¹⁸. В докладах из Харбина указывалось: «Японская пресса сообщает — хорошо вооружённый карательный Ново-Гиринский отряд в районе Ашихэ, Биньсян перешел на сторону Гунчанхайя, по сообщению Японской прессы — Ново-Гиринский пулеметный желдоротряд находившийся на охране района моста Сунгари 2 — перешел на сторону Старо-Гиринцев»¹⁹.

Летом 1932 г. бои между японскими войсками и «старо-гиринцами» шли с переменным успехом, китайские генералы саботировали предложения японцев. В сообщении ПП ОГПУ по ВСК приводилось заявление представителя японской военной миссии в Харбине: «К югу от Харбина сосредоточены крупные части старо-гиринцев, хунхузов, находится Японский гарнизон, может разыграться большой бой, имеем сведения на Восточной линии Японские войска заняли станцию Эхо, начали продвижение дальше, на всех крупных станциях Восточной линии находятся Японские гарнизоны... сведений о переговорах с Динчао Лиду нет»²⁰. В сообщении ПП ОГПУ ВСК от 22 июля со ссылкой на харбинские газеты говорилось: «Сообщают, что в результате самовольных действий старогиринцев занявших Ханьдаохэцзы произошло большое крушение двух воинских эшелонов, шедших навстречу друг другу... Администрация станции доносит, что хунхузы не дают послать вспомогательный поезд на место крушения..., Японская часть 8/VII около Дун-Хуа имела жестокий бой с отрядом личной гвардии Ма 1000 чел. Подробных данных о потерях противника нет, они огромны. Японцы потеряли 10 убитых, 40 раненых. 7/VII в районе Ке-Шаня Япчасти разбили мятежный отряд 300 чел. бежавшие оставили 50 трупов»²¹.

В конечном итоге, генералам Ли Ду и Дин Чао не удалось организовать успешного наступления на Харбин. В дальнейшем у армии Ли Ду уже не было перспектив наступательных действий, однако антияпонская борьба в Цзилине не утихала.

В состав «старо-гиринских» войск вливались и корейские отряды. В «Материалах Информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине» от 20 августа говорилось: ««Дайрен Симбун» сообщает, что корейский партизанский отряд разделен на 2 самостоятельных группы. Первая группа закреплена под командованием Ван Дэ-линя, а вторая — Дин-Чао. Первая группа находится на восточной линии, а вторая — в районе Нингута и частью в Фугдине»²².

¹⁸ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 122.

¹⁹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 123.

²⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 120—121.

²¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 92—93.

²² ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 7об.

Антаяпонское сопротивление поддерживали советские служащие КВЖД. В харбинской прессе отмечалось: «Сообщается о... действиях ревизора движения восточной линии Белоколенова и Начальника станции Ханьдао-хэцзы Иванов, а чинящих препятствия самоохране, в то же время благосклонно смотрящих на появление на линии дороги хунхузов»²³. Китайские коммунисты также были в числе организаторов антияпонской борьбы, в документах отмечается: «по слухам «Северо-Маньчжурская коммунистическая партия» организовала в районе Ханьдаохэцзы и Хайлин коммунистический отряд 1000 человек готовящихся нести дезорганизационную работу в тылу Японских войск»²⁴. Однако, китайские коммунисты в Северо-Восточном Китае призывали не только бороться с агрессорами, но и «ликвидировать остатки правительства Чжан-Сюэ-Ляна, создать Советское правительство»²⁵.

Советские коммунисты не считали китайских генералов своими союзниками. В письме главы Тихоокеанский секретариат Профинтерна во Владивостоке Г.Н. Войтинского от 11 июня 1932 г. говорилось: «Старогиринские генералы вынуждены считаться с революционным настроением широких масс... Их поведение отличается от поведения армии Чан Кайши и других гоминдановцев в Северном Китае. Это конечно не свидетельствует о какой-либо иной социальной природе старогиринов по сравнению с новогиринцами или гоминдановскими генералами... » [ВКП(б), с. 161]. В июле 1932 г. В.М. Молотов и Л.М. Каганович сообщили И.В. Сталину о том, что прибывшие во Владивосток представители Дин Чао и Ли Ду обратились к советскому руководству за помощью. Лидеры большевиков дали предписание: «не вступая в переговоры, немедленно отправлять их обратно» [Сталин, с. 228].

Летом 1932 г. постоянными были случаи мятежей в «новогиринских» войсках. Газеты сообщали: «В уезде Хуай-дэ, гиринской пров. в Сань-цзя-цзы-цунь, находящимся на расстоянии 50 ли к западу от уездного города, 31/V произошло восстание в расположенном там кавалерийском эскадроне. Командир эскадрона, Ма Дэ-шань, покинул Сань-цзя-цзы-цунь, уведя с собой свой эскадрон»²⁶. В сообщениях японских газет указывалось, что солдаты китайских войск, командиры которых признали японскую власть, продолжали антияпонскую борьбу: «Пресса отмечает — в связи с огромным дезертирством Ново-Гиринцев переходящих на сторону Старо-Гиринцев, их решено изолировать из мятежных районов...

²³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 106.

²⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 112.

²⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 131.

²⁶ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012. Л. 19об.

Ново-Гиринские гарнизоны на станциях в железнодорожных поселениях переходят на сторону партизан»²⁷.

В целом к середине 1932 г. по оценкам средств массовой информации Маньчжоу-го антияпонские силы насчитывали не менее ста тысяч человек. В маньчжурской газете «Дабэй синьбао» была представлена следующая картина расположения и численности «старо-гиринских» войск и их союзников: «Дин-чао 28-я бригада — в районе Тун-биня и Чжу-хэ. Ли-ду 24-я бригада Са Сянь-чжана — в районе Ся-чэн-цзы. Син-Чжань-цин 26-ая бригада — в районе Сяо-чэн-цзы. Фын Чжань-хай Возле Ла-линя. Гун Чан-хай Там-же. Ван Дэ-линь В районе Мулина. Лью Вань-куй Там-же. Гуань Цин-лу 21-ая бригада — в районе Суй-фына»²⁸.

Несмотря на внушительную численность, участвовавшие в сопротивлении вооруженные силы уступали противнику в главном — в военной выучке и техническом оснащении. Так, вооружение частей Ли Ду в основном состояло из винтовок, часть из которых нуждалась в ремонте, нескольких пулеметов и нескольких скорострельных орудий²⁹. В составленной позже, в начале 1933 г. справка о вооружении, сданном войсками Ли Ду, говорилось: «а) оружие в чрезвычайно запущенном состоянии и большей частью требует ремонта; б) автомобили и мотоциклы, за исключением двух, неисправны; в) радиостанции совершенно негодные» [Мировицкая, с.218]. Существенной проблемой было отсутствие единого командования силами сопротивления и распри между отдельными военачальниками.

В течение декабря 1932 г. японские войска провели подготовку для генерального наступления в провинции Цзилинь. В начале января 1933 г. подразделения 10-й и 14-й японских дивизий при поддержке бронепоезда и авиации нанесли удар по повстанческим силам. Ряд генералов, в том числе и Дин Чао, предпочли пойти на переговоры с японцами и решить вопрос о почетной сдаче в плен.

В это время китайские генералы, не желавшие сдаваться, отошли к самой границе. Советские спецслужбы докладывали: «Прибывший 3-го января на Пограничную Ван-де-лин привлек на свою сторону часть войск Гуаня, с которыми намерен оказывать сопротивление японцам... В случае поражения ВАН со своим штабом и войсками намерен интернироваться в СССР. Такая же тенденция существует у генералов ЛИ-ДУ и ЛЮ-ВЕН-КУЯ... 1 января занят Хуачуань, ведется наступление на поселок Лицзя-бопу (25 километров от Ник. Уссурийска). Местный генерал ЛЮ-МУ-ФЫ 1-го января командировал группу офицеров на прииск Тайпиньгоу... В случае наступления япвойск ЛЮ также намерен интернироваться в

²⁷ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 123.

²⁸ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1012. Л. 32об.

²⁹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 113.

СССР»³⁰. 5 января 1933 г. части 10-й японской дивизии без боя заняли станцию Пограничная.

Генерал Дин Чао в начале января 1933 г. сдался в плен японским войскам, «изъявил глубокое раскаяние» и выразил желание «загладить вину службой у Маньчжоу-Го». В феврале 1933 г. он был «амнистирован» властями Маньчжоу-Го, а военный министр Маньчжоу-Го назначил его своим советником.

Войска Ли Ду не последовали примеру Дин Чао, но отступали под давлением превосходящих сил противника. При этом возникали противоречия и путаница внутри сил антияпонского сопротивления. Советские спецслужбы докладывали: «Войска Ли-Ду отступают в Хулин. Два полка Ван-Де-Лина и Пи-Кай-Чи сосредоточились на ст. Бадахедзе, подготавливаются к бою. Отдельные мелкие группы войск Ван-Де-Лина уходят в направлении Санчагоу и к северу от железной дороги. Охрана туннеля ушла в разные стороны. 2 января в 5—6 километрах западнее Личучжэня произошел бой между японцами и войсками Лю-Вен-Куя. Последние отступили в Циняньчжень с намерением двигаться в Мишань. Ли-Ду, опасаясь приближения Лю-Вен-Куя выбросили из Мишаня части 9-й бригады с целью заставить Лю прекратить отступление»³¹. Ли Ду не желал сдаваться японцам, и в то же время, прижатый к советской границе, он не решался «переходить границу, опасаясь быть выданным соввластями японцам»³². Однако в начале 1933 г. у генерала Ли Ду, разместившегося вместе со своим штабом в расположенном севернее озера Ханко приграничном с городом Хулинь, уже не осталось выбора.

В январе 1932 г. антияпонское сопротивление в провинции Цзилинь пережило рубежный этап, обусловленный отступлением китайских войск из провинции Цзилинь на советскую территорию. Это было самое массовое интернирование китайских армий в СССР в истории двухсторонних отношений. Первые солдаты армии Ли Ду, около ста человек, бежали в СССР еще в разгар антияпонского сопротивления, в мае 1932 г. Но в январе 1933 г. границу перешла уже вся армия Ли Ду и его соратника генерала Син Чжанцина (邢占清).

9 января 1933 г. в 14 часов японский отряд атаковал последнюю базу Ли Ду — городок Хулинь. После слабой попытки оказать сопротивление китайцы «общей численностью 156 человек в составе 33 офицеров, в том числе Ли Ду со своим штабом, 96 унтер-офицеров и рядовых и 27 членов семей», перешли на советскую территорию в районе Имана и сдали оружие³³. В этот же день в 20 часов в районе советской погранзаставы «Фи-

³⁰ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 533. Л. 14.

³¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394. Л. 13.

³² ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 533. Л. 18—19.

³³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394. Л. 64.

лиал» перешли границу части 26-й бригады в составе трех генералов, 128 офицеров и 766 унтер-офицеров и рядовых. В «Календаре событий и документах по Маньчжурии информационного бюро Генерального консульства СССР в Харбине» за 1933 г. 9-м января датированы были следующие сообщения: «Японские войска заняли Хулинь. Антиманьчжурские войска Ли-ду во главе с самим Ли-ду бежали на совтерриторию в Имане, где были разоружены и интернированы»; «Харбинская пресса сообщает, что антиманьчжурские войска Син-Чжан-Цина и Ин Чжань-у бежали на совтерриторию в Эржэньбане на восточной Маньчжуро-Советской границе»; «Сегодня в районе Турьего Рога и города Иман на совтерриторию прорвались отдельные отряды и группы китсолдат, разбитых япвойсками»³⁴.

Переход частей армии Ли Ду продолжился 10 января. Всего перешло границу в районе Турьего Рога около 3 тыс. чел., около 150 чел. в районе Имана. Всего на Мишаньском направлении, на участке границы от Турьего Рога до заставы «Филиал», за два дня были интернированы 3000 китайских военнослужащих из состава армии генерала Ли Ду³⁵. 11 января в 15 часов генерал Ли Ду был направлен в Хабаровск³⁶.

После того, как китайскую территорию покинула армия Ли Ду, начался переход советской границы в районе Уссурийска и войск Ван Дэ-линя. В разведсводке 4-го отдела штаба ОКДВА от 19 января была представлена противоречивая и путанная информация: «На 16.01. всего интернировано 4096 человек, из них генералов 12, офицеров 685, рядовых 3120 и членов семей 279. Основные силы Ли Ду и Ван Делина разгромлены. Остатки старогиринских войск в различных районах приграничной полосы пытаются переходить на нашу территорию. В районе западнее Барабашево — Левада непосредственно к нашей границе находится группа войск Ли Ду около 3000 человек, в районе Комиссаровской около 800 человек и севернее Ханки до 1000 человек. В районе Боли находится отряд Ли Ду, насчитывающий до 5000 человек. По данным харбинской прессы, возможна капитуляция их перед Маньчжу-го»³⁷.

По данным на 14 января 1933 г., которыми располагало Полномочное представительство (ПП) ОГПУ Восточно-Сибирского края, на территорию Советского Приморья перешли более пяти с половиной тысяч китайцев³⁸. Отдельные отступающие группы военнослужащих «старогиринских» армий продолжали выходить на советскую территорию и в последующие дни.

³⁴ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021. Л. 2.

³⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394. Л. 64.

³⁶ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 533. Л. 15.

³⁷ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394. Л. 50.

³⁸ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 533. Л. 15.

Интернировавшиеся части в обязательном порядке разоружались, солдат, офицеров и генералов отправляли в Хабаровск. Первые группы солдат и офицеров прибыли в город днем 12 января 1933 г. Затем интернированные китайские армии были направлены на запад. По результатам переговоров по прямому проводу представителей военного ведомства и ОГПУ было принято решение первую партию интернированных разместить в городе Ачинске на попечении командира красноярской дивизии, «продовольствие выдавать с продскладов по нормам, установленным для интернированных. Вторую партию... задержать [в] вагонах, а затем разместить в Ачинске взамен ушедших на работы»³⁹. Оставшиеся солдаты и офицеры, отправленные из Хабаровска на запад, некоторое время жили в вагонах на станции Красноярск.

Весной 1933 г. интернированные солдаты и офицеры были отправлены через Казахстан в Синьцзян. Генерал Ли Ду «выразил пожелание вместе с солдатами бывших его частей направиться в Синьцзян» [Документы, с.133]. Но в конце марта 1933 г. Ли Ду вместе с Ван Дэлином получили разрешение на выезд на родину через Европу. В документах НКВД было указано, что «китайские генералы были переданы на польскую территорию» 19 апреля 1933 г. [Русско-китайские, с. 147]. 4 июня 1933 г. генерал Ли Ду был уже в Шанхае [Ли, с. 133].

После возвращения на родину генерал Ли Ду продолжил борьбу с японской агрессией. В 1934—1935 гг. занимал пост члена Подготовительного комитета Всекитайского совета вооруженной самообороны. В записке китайских представителей в Коминтерне Ван Мина и Кан Шэна о едином антияпонском фронте от 16 апреля 1936 г. говорилось: «Генералы Ли Ду и Ван Дэлинь до сих пор поддерживают связь с КПК и готовы сотрудничать с нами» [ВКП(б), с. 1028—1029]. В 1936—1942 гг. генерал Ли Ду был командующим Объединенной антияпонской армией Северо-Восточного Китая. В последние годы история генерала Ли Ду становится все более популярной, а имя Дин Чао почти забыто, и уже невозможно найти информацию о его жизни после отказа от борьбы за независимость Китая.

Библиографический список

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. 1931—1937/ ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931—1937. В 2 частях. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2003. 856 с.

³⁹ ГАНИИО. Ф. 123. О. 1. Д. 533. Л. 12.

Дацышен В.Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы истории китайской миграции в России // Восток (Oriens), 2010. № 4. С. 45—58.

Документы внешней политики СССР. Т. 16. М.: Изд-во Политической литературы, 1970. 919 с.

Ефимов Г.В. История Китая в эпоху империализма // Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под ред. Акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 170—206.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912—1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: Наука — Вост. лит., 2013. 863 с.

История Северо-Восточного Китая. XVII-XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917—1949 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 350 с.

Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20—30-е годы). М.: Наука, 1990. 234 с.

Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 г.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. 861 с.

Силонов С.М. Интернирование в Советском Союзе китайских армий Ли Ду и Ван Дэлиня // Россия и АТР. 2011. № 4 (7). С. 76—80.

Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 199 с.

Сталин и Коганович. Переписка. 1931—1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.

Сунь Цзе. Партизанская борьба в Маньчжурии / пер. с кит. М.: Воениздат, 1939. 88 с.

Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 83.

Ли Ду ю Хаэрбинь баовэй чжань [Ли Ду и оборона Харбина] // Хэйлунцзян минжэнь. Че Цзихунь чжубянь [Знаменитые люди Хэйлунцзяна / под ред. Че Цзихунь]. Хаэрбинь: Хэйлунцзян чубаньше, 2006. Р. 129—135.

References

VKP(b), Komintern i Kitaj: Dokumenty`. Т. IV. 1931—1937/ VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931—1937. V 2-x chastyax. Ch. 1. М.: ROSSPE`N, 2003. 856 s.

Dacyshen V.G. Internirovanny`e, deportirovanny`e i voennoplenny`e: neizvestny`e stranicu istorii kitajskoj migracii v Rossii // Vostok (Oriens). 2010. № 4. S.45—58.

Dokumenty` vneshnej politiki SSSR. Т. 16. М.: Izd-vo Politicheskoy literatury`, 1970. 919 s.

Efimov G.V. Istoriya Kitaya v e'poxu imperializma // Kitaj. Istoriya, e'konomika, kul'tura, geroicheskaya bor'ba za nacional'nuyu nezavisimost'. Sbornik statej pod red. Akad. V. M. Alekseeva, L. I. Dumana i A. A. Petrova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. S. 170—206.

Istoriya Kitaya s drevnejshix vremen do nachala XXI veka: v 10 t. / gl. red. S.L. Tixvinskij. T. VII: Kitajskaya Respublika (1912—1949) / otv. red. N.L. Mamaeva. M.: Nauka — Vost. lit., 2013. 863 s.

Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya. XVII-XX vv. Kn. 2. Severo-Vostochny'j Kitaj. 1917—1949 gg. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 350 s.

Miroviczkaya R.A. Sovetskij Soyuz v strategii gomin'dana (20—30- e gody'). M.: Nauka, 1990. 234 s.

Russko-kitajskie otnosheniya v XX v. T. III: Sovetsko-kitajskie otnosheniya (sentyabr' 1931 — sentyabr' 1937 gg.) / Otv. red. S.L. Tixvinskij. M., 2010. 861 s.

Silov S.M. Internirovanie v Sovetskom Soyuze kitajskix armij Li Du i Van De'liny // Rossiya i ATR. 2011. № 4 (7). S. 76—80.

Silov S.M. Internirovanny'e kitajcy v Sibiri (1930-e gody'). Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2015. 199 s.

Stalin i Koganovich. Peregovory. 1931—1936 gg. M.: ROSSPE'N, 2001. 798 s.

Sun` Czze. Partizanskaya bor'ba v Man'chzhurii. Per. s kit. M.: Voenizdat, 1939. 88 s.

Czzyan Chzhunchzhe`n (Chan Kajshi). Sovetskaya Rossiya v Kitae. Vospominaniya i razmy'shleniya v 70 let. M., 2009. S. 83.

Li Du yu Xae`rbin' baove'j chzhan' [Li Du i oborona Xarbina] // Xe'jlunczzyan minzhe`n'. Che Czzixun' chzhubyany' [Znamenity'e lyudi Xe'jlunczzyana. Pod red. Che Czzixun]. Xae`rbin': Xe'jlunczzyan chuban'she, 2006. R. 129—135.

А.Л. Верченко

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ ПО ПОДАВЛЕНИЮ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ (1931—1945 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются мероприятия японских военных властей по упрочению своего колониального режима на территории Северо-Востока Китая в период японо-китайской войны 1931—1945 гг. От подавления разрозненных выступлений патриотов в первые годы японцы с 1933 г. перешли к планомерному уничтожению партизанского движения, которое стало главной силой, противостоящей оккупантам.

Автор ставит целью на основе архивных документов показать формы борьбы японско-маньчжурских властей с партизанами: карательные походы, в ходе которых истреблялись не только партизаны, но и мирные жители по принципу «трех дочиста»; разложение партизанских отрядов изнутри путем внедрения в них шпионов и псевдопартизан; поощрение предательства и создания фашистских антиреволюционных групп; закрепление системы коллективной ответственности «баоцзя», установление контроля над связями партизан, особенно над контактами с советской стороной; создание провокационных продовольственных баз; пропаганда покорности и бессмысленности сопротивления.

Сопротивлявшимся «приведению к покорности» ожидали наказания (пытки, казни, тюремное заключение, пожизненная или длительная каторга), превосходившие по жестокости действия немецких фашистов. Несмотря на все предпринятые меры, японцам не удалось сломить народное сопротивление и ликвидировать партизанское движение. В статье использованы оригинальные документы Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ и публикации на русском, английском и китайском языках.

Ключевые слова: история, Китай, Северо-Восток Китая, антияпонская война, подавление партизанского движения.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва).

E-mail: veailan@yahoo.com

A.L. Verchenko

JAPANESE POLICY AIMED AT SUPPRESSING THE PARTISAN MOVEMENT IN NORTHEAST CHINA (1931—1945)

Abstract: The article examines the measures taken by the Japanese military authorities to consolidate their colonial regime in the Northeast China during the Japanese-Chinese war of 1931—1945. As from 1933 the Japanese moved from the suppression of scattered patriotic actions of the early years onto systematic destruction of the partisan movement, which became the main force opposing the occupants.

The author's aim is on the archival documents and other original materials to reveal main forms of fight of the Japanese-Manchu authorities against the partisans: punitive "Crusade" campaigns, during which not only the partisans, but also civilians were exterminated according to the "three clean-ups" principle; disintegration of the partisan detachments from within by introducing spies and pseudo-partisans into them; encouraging betrayal and creation of fascist anti-revolutionary groups; consolidation of the "Baojia" system of collective responsibility, establishment of control over the connections of the partisans, especially over contacts with the Soviet side; creation of provocative food bases; propaganda of obedience and meaningless of the resistance.

Those who resisted the "bringing to obedience" were awaited by tortures, that surpassed the Nazis in cruelty, executions, imprisonment, penal servitude for life or prolonged hard labor. However, despite all the measures taken, the Japanese failed to break down the people's resistance and complete destruction of the partisans.

The author used the original documents of Russian State Archive of Social Political History, Russian State Military Archive, Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation and various publications in Russian, English and Chinese.

Keywords: history, China, Anti-Japanese war, Northeast China, suppression of the partisan movement.

Author: Verchenko Alla L., Senior Researcher, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).

E-mail: veailan@yahoo.com

Политика Японии в Маньчжурии¹ после «инцидента 18 сентября» 1931 г., положившего начало открытой вооруженной интервенции Японии в Китае, многократно являлась предметом исследований в Советском Союзе/России и с самого начала характеризовалась как акт агрессии со стороны Японии. Такие издания, как «Пропагандист-агитатор», «Большевик», «Коммунистический интернационал», «Правда», «Известия», первыми начали знакомить советских людей с положением на Северо-Востоке Китая, с выступлениями Советского Союза в защиту суверенитета Китая на международной арене, особенно после вступления в Лигу Наций в 1934 г. Символично, что это произошло в день годовщины начала японской агрессии — 18 сентября.

Накопление большого фактического материала дало возможность перейти к этапу аналитического осмысления событий. В 1930—1940-е гг. были опубликованы научные работы, в которых исследовались формы и методы японской экспансии в Маньчжурии (Г.Н. Войтинский, Н. Федоров², Г.С. Кара-Мурза). Авторы показали роль Маньчжурии в континентальной политике Японии как «колонии нового типа», проанализировали возможные последствия японского присутствия для социально-экономического развития Китая. Тема господства Японии на Северо-Востоке Китая затрагивалась в работах китаеведов более позднего периода: С.Л. Тихвинского, А.В. Меликсетова, М.И. Сладковского, О. Борисова, А.М. Ледовского, Б.Г. Сапожникова, Н.П. Гридиной, Б.Н. Славинского, а также в работах общего характера по истории Китая, Кореи, Японии, войны на Тихом океане, Второй мировой войны, Великой отечественной войны и в специальных исследованиях военных историков (М.А. Гареева, В.П. Зимонина, А.В. Шишова). Следует отметить, что основное внимание в этих изданиях сосредоточено на социально-экономической и военной сторонах японской политики, которая в целом определяется стремлением японского агрессора к превращению Дунбэя в военно-стратегический плацдарм для завоевания новых территорий, как на Севере, так и на Юге с целью установления «нового порядка» в Азии.

Достаточно полно процесс японского экономического закабаления и милитаризации Маньчжурии, а также политико-административные мероприятия, идеологический прессинг и другие методы упрочения власти Японии на разных этапах войны освещает Г.Ф. Захарова³. Из доступных

¹ Маньчжурия — историческое название Северо-Востока Китая, по-китайски Дунбэй.

² Н. Федоров — псевдоним известного советского журналиста-китаиста В.Н. Рогова (1906—1988).

³ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932—1945. На титуле, вероятно, ошибочно указаны 1932—1945 гг., в «выходных данных» — 1931—1945, что соответствует годам антияпонской войны.

работ последнего времени можно упомянуть диссертацию В.М. Фоменко «Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-го (1932—1945 гг.)», в которой анализируется идеологическая платформа геостратегических планов Японии, направленных на завоевание китайских земель.

Менее исследованной осталась тема подавления японцами сопротивления со стороны населения региона. Обращение к ранее не введенным в научный оборот архивным материалам РГАСПИ, РГВО, ФСБ РФ, а также работам китайских авторов стали главным мотивом написания данной статьи.

Вторым фактором, оказавшим влияние на исследование взаимоотношений японских властей с местным населением, стали продолжающиеся попытки искажения истории этого периода, стремление отдельных авторов приукрасить достижения Японии на Северо-Востоке (в плане развития экономики, культурного проникновения), возвысить их над другими направлениями политики Японии, предать забвению зверства японских военных в отношении китайского народа, подчеркнуть дружественные отношения между китайцами и японцами. В последнее время отдельные ученые, особенно японские, демонстрируют избирательность исторической памяти. Делаются попытки провести тезис о Японии как пострадавшей стороне (к 1941 г. она понесла в Китае самые большие для страны потери в XX в. — 190 тыс. убитыми⁴). При этом японская сторона избегает упоминаний о китайских жертвах, об оккупации чужой территории, установлении на ней тотального японского политического, административного и военно-полицейского контроля, о зверствах в отношении китайского мирного населения, о бактериологических испытательных лабораториях, о карательных походах и др.

Подлинные архивные документы, в достоверности которых невозможно усомниться, доказывают, что все это имело место в действительности и не подлежит забвению. Через десятки лет после окончания антияпонской войны китайского народа и Второй мировой войны отставание исторической правды остается важной частью работы и долгом историков.

В конце 1920-х гг. премьер Японии Танака Гиити декларировал: «Если политические лидеры Маньчжурии будут уважать специальные интересы Японии..., то японское правительство будет оказывать им всяческую поддержку», а если они будут нарушены, то Япония «примет решительные меры, чтобы оградить свои права и интересы» [Захарова, с. 24]. Именно защита «прав и интересов» доминировала в политике Японии в Маньчжурии в 1931—45 гг., а оккупация в немалой степени оправдыва-

⁴ Seminar on the Second Sino-Japanese War Hosted by the Japan Institute of International Affairs. (2018). URL: https://www.jiia-jic.jp/en/resource/library/pdf/Summary_the_Second_Sino-Japanese_War_English.pdf (обращение 27.08. 2020). (In English).

лось спекуляциями на тему антикоммунистической и антикоминтерновской миссии Японии, якобы защищавшей мир от опасности, исходившей от КПК и поддержавшего ее СССР. Коминтерн в Директиве Политсекретариата в 1935 г. оценивал действия Японии как «самую позорную и самую хитрую тактику по антияпонскому движению в Маньчжурии» [РГАСПИ, д. 701, л. 5].

Открытая агрессия Японии на Северо-Востоке Китая, начавшаяся с «инцидента 18 сентября» 1931 г. в Мукдене (в н. вр. Шэньян) вызвала подъем патриотического движения населения. Командующий китайскими войсками в Дунбэе Чжан Сюэлян (张学良) получил указание не оказывать сопротивления японскому вторжению, хотя численный перевес был на стороне китайской армии [Федоров, с. 3]. Он прислал из Бэйпина⁵ приказ войскам оставаться в казармах. 20 сентября Чжан Сюэлян заявил: «Япония начала войну, но Китай не имеет намерения выступить в качестве ее вооруженного противника» [РГАСПИ, д. 773, л. 5]. В сентябре также из Бэйпина он призывал войска терпеть и не сопротивляться, чтобы избежать неприятностей [Фэн Сяокай]. Более того, был введен запрет на любые антияпонские выступления.

В условиях бездействия армии началось стихийное создание антияпонских отрядов. В них вошли представители разных национальностей: ханьцы, корейцы, монголы, маньчжуры, дунгане и др., и разных социальных слоев населения: военные, крестьяне, мелкая буржуазия, рабочие, студенты, школьники, интеллигенция, члены отрядов народного ополчения (миньтуани) и тайных обществ («Красные пики», «Большие ножи» и др.), хунхузы⁶. В 1931 г. были организованы Армия национального спасения (救国军) Ван Дэлиня (王德林), Армия самообороны (自卫军) Ли Ду (李杜), горно-лесные отряды (山林队): «За мир», «За Китай», «За счастье Маньчжурии», «Долой японских разбойников» [Сунь-цзе, с. 14]. Сопротивление оказывали также отряды старых армий Ма Чжаньшаня (马占山), Су Бинвэня (苏炳文) и др. По официальным японским данным, в начале 1932 г. партизан насчитывалось 30 тыс. чел., а к концу года уже 360 тыс. [Оккупация, с. 120]. По китайским оценкам — около 300 тыс. чел. [Чжу Шусюань].

Партизаны составляли самую массовую силу, противодействующую агрессии. В борьбе с сопротивлением народа японские власти сместили всех губернаторов и начальников уездов, пытавшихся провозгласить независимость своих территорий, на лояльных Японии администраторов; увеличили число административных единиц для более строгого контроля над населением. В 1932 г. были распущены все политические партии и

⁵ Бэйпин — название Пекина в 1927—49 гг.

⁶ Хунхузы — организованные в банды разбойники на Северо-Востоке Китая.

организации, закрыты китайские газеты, закреплена система круговой поруки, население лишили свободы передвижения. Повсеместно вводилась монополия японского капитала. В это время были приняты законы «О наказании бунтовщиков», «О наказании хунхузов», «Об охране общественного порядка» и т.п. После начала Тихоокеанской войны к ним добавились законы «О борьбе со шпионажем и сохранении государственной тайны», а также «О государственной обороне и поддержании спокойствия и порядка», в соответствии с которыми нарушителям грозила смертная казнь или каторжные работы [Кара-Мурза, с. 5—8]. Эти документы подвели «правовую» базу под репрессии в отношении как сил сопротивления, так и собственно мирного населения. В данном случае, как представляется, пригодился опыт Тайваня, где после 1895 г., в период укрепления своего господства, японские власти принимали удобные им законы, а потом уже на «законной основе» требовали неукоснительного их соблюдения местным населением, беспощадно карали за их невыполнение. В связи с этим уместно напомнить, что японцы больше 10 лет усмиряли сопротивление жителей острова, пытавшихся партизанскими методами противостоять колонизации. Д.Г. Янчевецкий, который был в Маньчжурии в качестве военного корреспондента во время восстания ихэтуаней, видел, как китайцы боялись японцев, молва о жестокости которых сохранилась со времен японо-китайской войны 1894—95 гг. Китайских крестьян, противившихся выполнению приказов японцев, убивали на месте. Янчевецкий отмечал, что японцы умели хозяйничать в чужой стране [Янчевецкий, с. 224, 226].

После провозглашения 1 марта 1932 г. псевдогосударства Маньчжоу-го японская администрация на основе принятых ею законов развернула необъявленную войну против китайских патриотов.

Центральное правительство по-прежнему занимало позицию «сначала усмирение внутри, потом отпор внешнему врагу» [Чжу Ханьго, с. 4], использовало армию для борьбы с коммунистами, а не с японскими агрессорами. В этой ситуации только правительство Центрального советского района, самой крупной революционной базы под контролем КПК, 14 апреля 1932 г. объявило войну Японии и мобилизацию. ЦК КПК направило на северо-восток многочисленные кадры партии для организации сопротивления.

В первые годы силы японской администрации были направлены на борьбу с военными отрядами старых армий, подавление забастовок, солдатских бунтов в армии Маньчжоу-го, стихийных крестьянских выступлений, а также на защиту строившихся военно-стратегических и гражданских объектов, военных поселений японских резервистов. С лета 1933 г. японская и маньчжурская армии, специально организованная лесная полиция основные силы направляют на противодействие партизанским ата-

кам на отдельные населенные пункты, нападениям на японские военные поселения, комендатуры и штабы, промышленные объекты и шахты, транспортные коммуникации и линии связи, продовольственные склады и арсеналы с оружием и боеприпасами.

Целенаправленное уничтожение партизан осуществлялось в процессе **карательных походов**, которые рассматривались японской стороной в качестве наиболее эффективной формы борьбы с сопротивлением. Их цель состояла в обнаружении, окружении и ликвидации партизан. В одном из приказов японским солдатам предписывалось в доказательство убийства для получения вознаграждения доставлять в штаб отрезанное ухо партизана. В течение только одного 1932 г. было проведено три крупномасштабных карательных похода, охвативших значительную территорию восточной Маньчжурии. Они сопровождались массовыми убийствами мирного населения. Блокированный на земле отряд нередко подвергался атаке с воздуха, при этом уничтожалось все живое. За первый год оккупации число убитых и казненных приблизилось к 58 тыс. чел. [Федоров, с. 37]. В ноябре 1932 г. командиры нескольких добровольческих отрядов обратились к Лиге Наций с телеграммой, в которой заявили, что будут продолжать кампанию против японцев: «либо наши силы иссякнут, либо японцы должны будут уйти» [РГАСПИ, д. 773, л. 50/об]. На основании закона «О наказании бунтовщиков» попавшим в плен партизанам грозила смертная казнь или пожизненное заключение за подрыв «государственной власти». С сентября 1931 г. по сентябрь 1934 г. было проведено в общей сложности 1850 карательных операций [Федоров, с. 39].

В последующие годы давление на партизан росло. Следует отметить, что в Дунбэе против партизан вела регулярную войну профессиональная, хорошо подготовленная и оснащенная современными видами вооружения (самолетами, артиллерией, бронепоездами) Квантунская группировка. Антияпонские силы, имевшие в своем распоряжении в лучшем случае винтовки, ручные и тяжелые пулеметы, мелкокалиберные пушки, несли значительные потери. К 1935 г., по японским сведениям, число партизан сократилось до 20 тыс. [Федоров, с. 39].

В ходе карательных походов проводилась политика «трех дочиста»: «выжигай дочиста», «убивай всех дочиста», «грабь дочиста». Это означало, что замеченную в симпатиях к партизанам или «провинившуюся» отказом платить налоги, идти служить в наемную армию и т. д. деревню сжигали до основания с постройками и жителями, предварительно полностью разграбив. С одной стороны, это был акт устрашения, с другой, по убеждению японских командиров, это помогало воспитанию в подчиненных, наследниках самураев, духа «бусидо». На практике же все оборачивалось невиданной жестокостью и неоправданной бесчеловечностью,

которые были опробованы на Северо-Востоке, а с особым цинизмом проявились позже во время Нанкинской резни в 1937 г.

Одновременно с проведением карательных операций японские власти разработали и осуществили комплекс других мер по ликвидации партизанского движения.

Создание лжепартизанских отрядов

Действовавшая на территории Маньчжурии японская разведка внедряла в ряды партизан группы провокаторов. Пользуясь неоднородностью состава партизанских отрядов, она выделяла колеблющихся, неопределившихся или поддавшихся на обещание материальных подачек лиц и создавала из них ложные революционные организации и псевдопартизанские группы. Возглавляли такие отряды обычно китайцы, служившие в армии или полиции Маньчжоу-го. Их задача заключалась в том, чтобы, не вызвав подозрений, влиться в действующий партизанский отряд для разложения его изнутри, создавать капитулянтские настроения, призывать отказываться от сопротивления на том основании, что китайцы и японцы принадлежат к одной культуре, что у них много общего, и все пять национальностей Северо-Востока (ханьцы, корейцы, маньчжуры, монголы и японцы) могут жить в гармонии. Лжепартизаны дискредитировали партизанское движение в глазах населения, выдавали японцам боевые планы отрядов, поощряли предательство. Например, по показаниям разоблаченных агентов, в январе 1940 г. японская разведка сформировала в г. Фуцзинь⁷ лжепартизанский отряд численностью около 100 человек для совершения провокационных действий. Отряд состоял из местных жителей, которые согласились вступить в него за 40 гоби⁸ в месяц, одежду и питание [Органы, 1993, т.1, кн. 1, с. 260]. Японские власти испытывали трудности с формированием подобных отрядов, так как далеко не все крестьяне даже в тяжелейших материальных условиях соглашались работать на врага. Например, в районе Цзямусы японцы организовали отряд из солдат Армии спокойствия, захваченных в ходе карательного похода, и использовали их в своих целях, так как солдаты хорошо знали район и особенности местных условий. Имели место попытки создавать подобные отряды и в других районах.

В 1940 г. японская разведка разработала план влить лжепартизанский отряд, состоявший из членов корейской молодежной фашистской организации, в ряды 7-го корпуса Дунбэйской объединенной антияпонской армии (ДАОАЯ). Выбор был не случайным. Этот корпус под командованием корейца Цуй Юнцзяня (崔庸健, кор.: Цой Ен Ген.) действовал в районе

⁷ Фуцзинь 富锦, город в пров. Хэйлунцзян в 140 км от Цзямусы.

⁸ Гоби, или маньчжурский юань — денежная единица Маньчжоу-го.

советской границы и имел устойчивые контакты с советским военным командованием. Лжеотряд прошел специальную подготовку, был экипирован соответствующим образом и заброшен в лесную местность, где присоединился к настоящим партизанам. Для того, чтобы обеспечить чистую биографию подобным псевдопартизанам, японцы подвергали репрессиям их родственников (арестовывали, пытали, избивали), создавали легенду успешных боевых действий: подстраивали победные налеты на полицейские посты, продовольственные базы и принимали меры, чтобы об этом стало известно партизанским командирам. Кроме того, ложные партизанские отряды совершали провокации, с помощью которых японцы рассчитывали получать факты, «уличающие» Советский Союз в нарушении положений Пакта о нейтралитете, и таким образом иметь «основания» для осложнения отношений с Советским государством на дипломатической почве или для прямого военного выступления [Органы, т. 2, кн. 1, с. 233], которое было в планах Квантунской армии.

Тактика создания ложных партизанских отрядов, с одной стороны, содействовала разложению партизанских отрядов, снижению эффективности их боевых операций и, как следствие, — уменьшению ущерба, наносимого партизанами японской армии и гражданским объектам под японским управлением. С другой стороны, эта тактика способствовала проникновению японской агентуры на территорию СССР через интернированных на советской территории партизан. Ярче всего эта проблема высветилась во время подготовки к формированию на Дальнем Востоке 88-й бригады⁹. Тогда советским чекистам пришлось проделать грандиозную работу, чтобы очистить ряды вновь создаваемого подразделения советской армии от враждебных элементов. Эта работа осложнялась отсутствием достоверных данных на участников партизанского движения. (Так, в 1938 г. на советской территории были ошибочно арестованы партизанские командиры Чжао Шанчжи и Дай Хунбинь, которые провели под арестом почти 1,5 года).

Внедрение агентов в партизанские отряды

Одной из форм борьбы с партизанами, помимо создания ложных отрядов, было внедрение в их ряды провокаторов и шпионов, которых вербовали из числа бывших партизан (захваченных в плен, дезертиров, колеблющихся и т.п.), а также членов их семей, полицейских, чинов армии Маньчжоу-го. Так, в 1938 г. в ходе карательной экспедиции попал в плен, был «приведен к покорности» и завербован редактор газеты

⁹ 88-я стрелковая бригада была сформирована в 1942 г. под Хабаровском из перешедших на советскую территорию китайских партизан и советских военнослужащих.

7-го корпуса ДООАЯ кореец Ким Шен Бай¹⁰. Завербовать начальника штаба 7-го корпуса пытались через попавшую в плен его жену. По показаниям арестованных в СССР двух японских агентов Пан Ман Ена и Сю Гон Хо, за два года они завербовали и внедрили в партизанские отряды более 40 человек [Органы, 1993, т.1, кн. 1, с. 263.]. Японцам часто приходилось применять угрозы и шантаж, провокации, а также использовать физическую силу, чтобы заставить людей пойти на сотрудничество. Влившись в ряды партизан, агенты должны были завоевать авторитет и доверие, войти в круг руководства, совершать покушения на опытных партизанских командиров.

Эти агенты получали более глубокие знания и военные навыки, чем простые диверсанты, что должно было гарантировать успешность проникновения на командные посты у партизан. Для подготовки высококвалифицированных агентов при штабе Квантунской армии в Синьцзине¹¹ в 1940 г. были организованы специальные курсы. Через таких людей японцы пытались пресечь контакты партизан с советской стороной.

Отдельным направлением деятельности японских разведывательных органов была организация физического устранения ответственных работников и командиров. Эти функции возлагались на самых квалифицированных, хорошо подготовленных опытных агентов, которых подбирали из числа высших полицейских и военнослужащих, прошедших специальную подготовку. Они под разными личинами проникали к партизанам.

В 1936 г. японский агент (китаец) готовил покушение на командующего 1-м корпусом ДООАЯ Ян Цзинъюя (杨靖宇). Заговор раскрыли за три часа до запланированного исполнения. Избежав нескольких покушений, Ян Цзинъюй погиб от пули офицера-предателя в феврале 1940 г. Весной 1937 г. была совершена попытка покушения на командира 7-го корпуса ДООАЯ Чэнь Жунцзю (陈荣久). Как и другие командиры-выпускники КУТК, КУТВ и академии им. М.В. Фрунзе, боровшиеся с врагом, он находился под особым надзором у японцев.

Японские агенты неоднократно пытались убить одного из организаторов партизанского движения Чжао Шанчжи (赵尚志). Уместно напомнить, что командование Дальневосточной армией в конце 1930-х гг. считало его главным руководителем партизанского движения в Маньчжурии и намеревалось через него передавать указания антияпонскому сопротивлению. Об этом было заявлено на состоявшемся в Хабаровске 30 мая 1939 г. совещании командующего 2-й Отдельной Краснознаменной армией (ОКА) И.С. Конева и члена Военного совета 2-й ОКА корпусного комиссара Н.И. Бирюкова с партизанскими командирами Чжао Шанчжи,

¹⁰ Написание корейских имен воспроизводится по тексту документов.

¹¹ Синьцзин — в переводе «новая столица», название Чанчуня в период существования Маньчжоу-го.

Дай Хунбином (戴鸿宾) и Ци Чжичжуном (祁致中). Советское руководство в одной из директив на имя Чжао Шанчжи писало: «Самому Вам лично руководить нападениями не следует. Не забывайте, что Вы руководитель партизанского движения, а не командир отряда. Вы должны организовывать разгром всей системы, а не отдельных отрядов и групп. Вам нельзя рисковать по любому случаю» [Горбунов]. Авторитет Чжао Шанчжи в партизанском движении и его контакты с СССР не могли не раздражать японскую разведку. Его устранение поручали самым опытным агентам, например, Чжоу Куанья. Он пришел в отряд с хорошо подготовленной легендой, благодаря чему смог быстро подняться до работника штаба, получил доступ к важной информации, которую передавал своим хозяевам. Однако этот человек не выполнил свою главную задачу, хотя успел совершить покушение на начальника службы снабжения отряда, украл 2 тыс. долл и бежал в Харбин. В другой раз в отряд вражеский агент проник под видом врача.

Японские и маньчжурские власти материально поощряли предательство, выплачивали вознаграждение за сведения о разыскиваемых партизанах и за их поимку, в первую очередь, о самых видных партизанских командирах. Так, в 1940 г. была объявлена награда в 10 000 юаней за поимку Чжао Шанчжи. Жизнь командующего ДООАЯ, будущего командира 88-й бригады Чжоу Баочжуна (周保中) оценивалась в 100 тыс. юаней. Позже цена была повышена: за каждый лян¹² его веса обещали один лян золота [Чжоу Баочжун].

Иногда японцы отпускали попавших в плен партизан, вынуждая их работать на себя и поставлять сведения о планах отрядов. Предательство было одной из серьезных проблем партизанского движения. Показательна история командира дивизии 1-го корпуса армии Чэн Биня (程斌), одного из ближайших соратников Ян Цзинъюя. В 1938 г. он и 115 бойцов перешли на сторону противника. Обладая полной информацией об армии Ян Цзинъюя, секретных базах снабжения продовольствием и боеприпасами, Чэн Бинь передал эти сведения японцам, принял непосредственное участие в планомерном уничтожении и изматывании сил партизан. Посаженная на голодный паек армия в зимних условиях не могла вести эффективные боевые действия. В одном из оборонительных боев погиб сам Ян Цзинъюй. Японцы вскрыли его тело и обнаружили в желудке только корни травы, кору дерева и вату из одежды. В 1939 г. из-за наступившего голода японцам сдался командир 8-й бригады Объединенной антияпонской армии Се Вэньдун (谢文东).

В одной из обращенных к партизанам листовке под заголовком «К горным братьям» говорилось: «Дорогие братья! Быстрее спускайтесь с

¹² Лян- традиционная китайская мера веса, 37,301 г

гор, вас ждут отцы, матери, братья и сестры! В горах вы страдаете, у вас нет ни хлеба, ни жилья, ни одежды. Вы подвергаете свою жизнь опасности. Не бойтесь, спускайтесь с гор в населенные пункты, и вы будете обеспечены всеми благами. Вам будет предоставлена работа с хорошей оплатой. Ранее спустившиеся с гор партизаны уже давно живут спокойной и радостной жизнью, и они призывают вас последовать их примеру» [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 265]. Несомненно, что среди отсталой части партизан и населения эти обращения сыграли свою роль, что видно по отдельным случаям перехода партизан на сторону японцев.

Представители Квантунской армии предпринимали попытки вступить в переговоры с руководителями отрядов сопротивления, особенно на начальном этапе борьбы (например, с Ма Чжаньшанем). Предательство в своих рядах серьезно ослабляло партизанское движение.

Установление каналов связи

Японская разведка в Маньчжурии работала очень квалифицированно, она имела четкое представление о том, что дунбэйские партизаны тесно связаны с Советским Союзом и всячески препятствовали укреплению этих контактов. Следует отметить, что внедренные в партизанские отряды агенты и провокаторы стали каналом для заброски японской агентуры в СССР, куда они проникали под видом интернированных китайских партизан. Органы НКВД на Дальнем Востоке вели большую работу по выявлению и нейтрализации подобных элементов.

С целью нащупать, перехватить и подавить каналы связи маньчжурских партизан с СССР японские военные власти, разведывательное управление штаба Квантунской армии и его местные филиалы (японские военные миссии) предпринимали шаги по заброске на советскую территорию своих агентов. Они получали задания внедряться в центры по связи с партизанским движением в Маньчжурии, устанавливать контакты с находившимися на советской территории китайцами, склонять их к работе на японцев, захватывать партизан, возвращавшихся из СССР. Так, в 1938 г. по пути из Советского Союза попал в устроенную по информации предателя засаду Чжоу Баочжун, в то время командир 2-го корпуса ДООАЯ, секретарь Восточно-Цзилиньского комитета КПК. В аналогичной ситуации оказалась группа Чэнь Ляя (陈雷) в 1942 г.: она была окружена, как только пересекла границу по пути из СССР. Японцы использовали всевозможные агентурные нити, чтобы заранее выявить время появления на китайской территории групп из состава 88-й бригады. Захватив подобную группу, с одной стороны, они предотвращали выполнение группой разведывательно-диверсионных целей (нападение на японскую и марионеточную армию, уничтожение важных железнодорожных линий или военных объектов; разведка состояния стратегически важных дорог,

рек, их проходимости для военной техники и железнодорожного транспорта). С другой, теоретически они могли под пытками у пленных получать сведения о каналах связи с Советским Союзом. Многие бойцы погибли и остались безвестными, а их оружие и радики до сих пор находят в лесах Северо-Востока.

Японские власти предпринимали активнейшие шаги по внедрению своей агентуры в органы, обеспечивавшие в Красной армии сотрудничество с китайскими партизанами. Для этого нередко использовали проживавших в Маньчжурии русских, выходцев с Дальнего Востока, китайцев или полукровок, имевших родственников в Советском Союзе. Русская харбинка Л.Н. Ли рассказывала со слов старшего брата, что японцы использовали тех жителей, у которых была семья, для засылки на советскую территорию с целью сбора разведывательных сведений, зная точно, что к родным этот человек обязательно вернется [Забияко, с. 218].

Японцы направляли в СССР шпионов под видом революционеров, коммунистов-подпольщиков или участников партизанского движения, используя для этого китайцев, в той или иной степени знакомых с советской территорией, выходивших на советскую территорию, например, в целях контрабандного промысла. В условиях массового перехода китайцами границы после начала японской агрессии пограничникам и работникам органов НКВД было чрезвычайно сложно отделить истинных патриотов от ложных. Только за один 1940 г. было задержано 1111 перебежчиков, из которых партизанами оказались лишь 267 чел. [Органы, 1995, т. 1, кн. 2, с. 36]. В первой половине 1941 г. из 1118 нарушителей границы из Маньчжурии 330 разоблачены как японские агенты [Органы, 2003, т. 3, кн.1, с. 347]. В 1943 г. такими оказались 170 из 762 задержанных [Органы, 2003, т. 4, кн. 1, с. 14]. Перебежчики приводили такие оправдания: «спасался от преследований властей по политическим убеждениям», «убил японца», «искал лучшей доли», «сбил с дороги в поисках партизан», «разыскивал родственников», «сбежал из Маньчжурии вследствие враждебного настроения к японским оккупантам и желания поехать в Китай для борьбы против японской военщины вместе со всем китайским народом» и др. Завербованные японской разведкой агенты утверждали, что они порвали с японскими хозяевами, дескать, стремятся воевать на стороне партизан, а для этого хотят научиться военному делу в СССР. Аргумент в пользу того, что они ратуют за повышение уровня боевой и политической подготовки китайских партизан, являвшегося в то время одним из направлений советской помощи антияпонскому сопротивлению, должен был сработать, не вызывая подозрений у советской стороны. Предполагалось, что после завершения обучения эти агенты будут направлены в партизанские отряды и займут руководящие должности, обозначат каналы связи с советской стороной, своими действиями будут наносить

урон партизанскому движению, для которого подобное «руководство» обернется военными поражениями, потерями в личном составе.

Так, выявленный советскими органами госбезопасности в сентябре 1940 г. японский агент Ло Ин Гын оказался членом корейской, якобы «революционной», организации и был направлен в СССР на учебу, чтобы потом в Маньчжурии работать среди партизан. Подобные агенты легко проникали в партизанские отряды, испытывавшие недостаток квалифицированных и грамотных кадров. Один из раскрытых в СССР агентов утверждал: «Существующим партизанским отрядам я буду всячески содействовать и помогать как в смысле руководства, так и в смысле материальной помощи. Сейчас партизаны с винтовкой в руках на горных местностях героически борются, но они еще не понимают, как бить врага с тыла. По организации партизанского движения я разверну активную работу» [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 262]. Совершенно очевидно, в чью пользу была бы эта «работа».

Изоляция партизан от местного населения

Весьма эффективным методом разобщения местного населения и партизан было создание т.н. называемых «поселений» (归屯并户), или укрупненных деревень (大屯), куда насильно переселяли крестьян. Особое распространение эти формы приобрели в местах наибольшего размаха партизанского движения. Эти «поселения» были огорожены рвами, каменными стенами со смотровыми башнями и ружейными бойницами, колючей проволокой. В образовавшемся замкнутом пространстве, «круге», устанавливался жесткий военно-полицейский режим. Это, по существу, были концлагеря [Канлянь]. К середине 1937 г. в более чем 2 тыс. таких деревень содержалось примерно 5—6 млн жителей [Захарова, с. 51] из 30-миллионного населения Маньчжурии. Эта мера была направлена на то, чтобы сломить сопротивление местного населения и изолировать его от партизан.

Установлению контроля над связями местного населения с партизанами помогала традиционная китайская система круговой поруки «баоцзя» (保甲), которая была закреплена в Маньчжурии в самом начале 1934 г. Система солидарной ответственности помогала властям выявлять случаи симпатий к партизанам, оказания им финансовой и продовольственной помощи. Японцы доходили до того, что проверяли запасы продовольствия и если замечали излишний расход (подозревая в поставках партизанам), налагали наказания, при выявлении серьезных нарушений расстреливали глав провинившихся семей. Жизнь китайца не имела никакой ценности. При возникновении достаточных подозрений применялись пытки «третьей степени»: в рот и нос лили керосин и раствор перца, подвешивали обвиняемого к столбу, сдавливали бревнами, избивали плетью,

палили кожу огнем. К партизанам относились с еще большей жестокостью, нередко сжигали заживо.

В «крайних случаях» деревни в принудительном порядке организовывались в «отряды самообороны» для борьбы с партизанами. В пограничных районах в обязанности таких отрядов входило наблюдение за границей, предотвращение переходов китайских граждан на советскую территорию и вообще любых пересечений границы [Кара-Мурза, с. 14].

Японские власти насильственно насаждали японскую идеологию (закон «Об исправлении идеологии» 1943 г.) и образ жизни через пропаганду и систему образования. В ней были преимущественно заняты японские специалисты, распространявшие японский язык и культуру. Например, была введена церемония поклона в сторону нахождения японского императора. Новые учебные программы ставили целью воспитать молодежь в духе антикоммунизма и антисоветизма, дружбы с японским народом. Всячески доказывалось, что Маньчжурия является отдельной, географически и исторически обособленной территорией, для которой присутствие Японии и сотрудничество с ней несут экономические выгоды и пользу в плане всестороннего развития. Таким способом предпринималась попытка выработать у населения сомнения в необходимости антияпонского сопротивления и партизанского движения.

Эту цель преследовали т.н. «успокоительные отряды», которые вели прояпонскую пропаганду, а также кампании по созданию «образцовых деревень», в которых методами подкупа, предоставления денежных ссуд, снижения налогов, обещания выделения земли японские власти пытались если не обеспечить себе поддержку населения, то хотя бы его благонадежность.

Принятый в 1941 г. закон о борьбе со шпионажем стал поводом к усилению репрессий в отношении населения, особенно заподозренного в антияпонских настроениях. Власти усиливали надзор за молодежью, стремясь предотвратить ее связи с антияпонскими силами. В конце 1942 г. в Синьцзине (Чанчуне) была раскрыта нелегальная студенческая организация «Общество книжного чтения», которая существовала вопреки официальному запрету. Одновременно были произведены аресты 2700 преподавателей, студентов и школьников. Едва ли все арестованные имели прямое отношение к партизанскому движению, но обрушившиеся на них наказания (смертная казнь, каторга, длительные сроки заключения) свидетельствовали о размахе полицейских репрессий японских властей против мирного населения.

Японские власти поддерживали провокационные и фашистские организации, созданные для подавления антияпонского движения, «приведения к покорности» антияпонских элементов. Через эти организации велась пропаганда среди населения, внушались мысли о бесполезности

движения сопротивления, шла агитация за возвращение членов семей из партизанских отрядов, распространялись листовки, воззвания и различного рода обращения капитулянтского содержания к партизанам и населению в целом. К этому периоду относится начало внедрения в умы местного населения мысли о неизбежности войны против СССР [Органы, 2003, т. 3, кн. 1, с. 346].

Так, например, особый отдел японской военной миссии в г. Фуцзине выпустил обращение к китайским военнослужащим и полицейским, в котором сказано следующее: «Сейчас партизаны истощены, у них нет ни патронов, ни продовольствия, и, если вы им не будете помогать, они должны погибнуть, и тогда восторжествует хорошая жизнь, которую несут с собой японцы» [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 265].

Создание искусственных баз снабжения

Снабжение партизанских отрядов продовольствием оставалось серьезной проблемой на протяжении всей войны. Стабильных поставок не было. Постоянные карательные походы японской и маньчжурской армий не позволяли партизанам долгое время оставаться на одном месте, заставляли маневрировать, покидать базы, где они размещались временно, чтобы избежать окружения и уничтожения. Нередко партизаны для временных стоянок использовали оставленные работавшими в мирное время лесорубами дома. Лишь в очень редких случаях создавались стационарные партизанские базы, где можно было бы выращивать что-то в течение полного сезона, хранить заготовленные в летнее время дары леса или полученные от крестьян продукты. Как отмечали китайские командиры на одном из хабаровских совещаний, партизаны не могли отбирать последнее у бедных крестьян и восстанавливать их против себя. В отдельных случаях патриотически настроенные состоятельные граждане поставляли в отряды продовольствие, одежду, медикаменты, но в условиях тотальной слежки делать это было сложно. Во время успешных операций против японской и марионеточной армий партизанам удавалось, помимо оружия, захватывать продовольственные обозы. Голод и холод были факторами, вынуждавшими партизан в зимнее время пересекать границу, чтобы подкрепиться и подлечиться на советской территории.

Японцы, учитывая остроту продовольственной проблемы, создавали подконтрольные базы снабжения. На японские деньги завербованные крестьяне открывали фирмы для снабжения партизан продуктами и одеждой, устанавливали связи с отрядами, чем помогали выявлять места расположения партизан, внедрять в отряды агентуру. Подобные мероприятия проводились в плановом порядке по заданию штаба Квантунской армии.

Один из крупных деятелей японской разведки, задержанный во Владивостоке, заявил, что в его намерения входило оказание помощи партизанскому движению как в смысле руководства, так и в плане материальной помощи. Он утверждал следующее: «Сейчас партизаны ощущают острый недостаток в продовольствии. Я буду изучать способы, как их снабжать продовольствием» [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 262]. Японцы специально вербовали китайцев, расселяли их в районах действий партизан и нацеливали на установление связи с партизанами и снабжение продовольствием. Разумеется, все это делалось для установления контроля над партизанами. В конце 1939 г. в граничащем с СССР уезде Лобэй (罗北, пров. Хэйлунцзян) японская военная миссия завербовала китайца Ван Хуатина, который на полученные от японцев деньги открыл продуктовую лавку и должен был снабжать партизан продовольствием, войти к ним в доверие и передавать японцам сведения о планах партизан [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 262].

В других случаях японцы арестовывали действительно оказывавших помощь партизанам крестьян, вербовали их и вынуждали работать на себя. Так произошло в феврале 1940 г. с крестьянином по имени Цзо Баошань из уезда Жаохэ (饶河), пров. Хэйлунцзян, в районе советско-китайской границы. В результате канал связи с партизанами оказался под контролем оккупационных властей. Японцы арестовывали приходивших за продуктами партизан, выбивали из них сведения о местах расположения, перемещениях и планах военных операций отрядов, а также о связях с советской стороной [Органы, 1995, т. 1, кн. 1, с. 263].

Вышеперечисленные мероприятия японских оккупационных властей, постоянно усиливавших военное давление на силы сопротивления и полицейской контроль над местным населением, привели к тому, что партизанское движение на Северо-Востоке в определенный момент оказалось в крайне тяжелом положении. В 1932—42 гг. было убито 869 командиров, потери среди бойцов сопротивления и мирного населения исчислялись миллионами. С конца сентября 1941 г. Япония держала на Северо-Востоке группировку в 800 тыс. чел., а вместе с войсками Маньчжоу-го армия составляла около 1 млн человек [Органы, 2000, т. 2, кн. 2, с. 113]. Партизаны были оттеснены в районы северного Хэйлунцзяна и китайско-корейской границы. ДООАЯ потеряла возможность вести активные боевые действия, избегала прямых столкновений с противником, наносила удары только по слабым местам врага, в основном с целью пополнения запасов продовольствия и боеприпасов. Китайские командиры оценивали ситуацию как временное поражение партизанского движения [РГВО, л. 18].

Тем не менее, полностью покончить с партизанским движением японцам не удалось. В результате переговоров китайских командиров с

командованием Дальневосточного фронта (1940—1941 гг.) была достигнута договоренность о перемещении основной части сохранившихся партизанских армий численностью немногим более 1 тыс. чел. на советскую территорию с целью переформирования и накопления сил для продолжения борьбы. Партизаны вошли в состав сформированной в 1942 г. под Хабаровском 88-й стрелковой бригады, ставшей подразделением советской Красной армии. Оставшиеся на китайской территории силы сопротивления были крайне малочисленны и не могли вести активных боевых действий вплоть до августа 1945 г. Во время Маньчжурской операции советской Красной армии солдаты и офицеры 88-й бригады, как и разведчики, проводники, переводчики вместе с оставшимися в Дунбэ подпольщиками внесли свой вклад в разгром японских милитаристов и достижение полной и безоговорочной победы над японским агрессором.

Библиографический список

Горбунов Е. Наши партизаны в Маньчжурии. Независимая газета. 20.01.2006.
Забяко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жун. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Вып. 12. Благовещенск: Амурский университет. 2018. 377 с. С.212—229.

Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932—1945 гг. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры. 1990. 262 с.

Кара-Мурза Г.С. Колониальный режим в Маньчжоу-го. Чита: без издательства. 1944. 29 с.

Оккупация Маньчжурии и борьба китайского народа. М.: Соцэкгиз. 1937. 148 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т.1. Накануне. Кн. 1. (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: А/О «Книга и бизнес». 1995. 470 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т.1. Накануне. Кн. 2. (1 января — 21 июня 1941 г.). М.: А/О «Книга и бизнес». 1995. 406 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т. 2. Начало. Кн. 1. (22 июня — 31 августа 1941 г.). М.: Издательство «Русь». 2000. 724 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т. 2. Начало. Кн. 2. (1 сентября — 31 декабря 1941 года). М.: Издательство «Русь». 2000. 699 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т. 3. Кн. 1. Книга 1. «Крушение блицкрига» (1 января — 30 июня 1942 г.). М.: Издательство «Русь». 2003. 706 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т. 4. Кн. 1. «Секреты операции “Цитадель”» (1 января — 30 июня 1943). М.: Издательство «Русь». 2003. 796 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 701. Л. 5—14.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 773. Л. 1—110.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 839. Л. 1—17.

Российский государственный военный архив (РГВО). Ф. 34725. Оп.1. Д. 146. Л. 1—67.

Сунь-цзе. Партизанская борьба в Маньчжурии. М.: Воениздат. 1939. 87 с.

Федоров Н. Героическая борьба маньчжурских партизан. Гос. Соц.-эконом. Изд-во. 1937. 61с.

Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая. Дневник русского корреспондента. М.: Вече. 2019. 336 с.

Канлянь юйхуэй [Воспоминания об Антияпонской армии]. *Бэйцзин жибао*. 14.01. 2014.

Фэн Сяокай. «Будиканчжуи» цзай тань [Еще раз о «несопротивлении»]. *Канжи чжаньчжэн яньцзю*. 1996. № 7. С. 35—55.

Чжоу Баочжун цзянь дань цинь синь цичжун сяохань [Благородный, мужественный и бесстрашный Чжоу Баочжун] // *Хэйлунцзян жибао*. 11.08.2015.

Чжу Ханьго. Ши лунь минцзюэ «ши сы нянь канчжань» гайнянь дэ ии [Попробуем разобраться в смысле понятия «14-летняя война сопротивления»] // *Ши-сюэ цзяосюэ*. 2017. No.03. С. 3—5.

Чжу Шусюань. Чжунчжи чэнчэн дэ дунбэй июнцзюнь [Великая сила — Дунбэйская добровольческая армия] // *Яньхуа чуньцзю*. 05.02.2019. С 55—58.

References

Gorbunov Ye. Nashi partizany v Man'chzhurii [Our partisans in Manchuria]. Nezavisimaya Newspaper. January, 20, 2006. (In Russian).

Zabiyako A.A., Zinenko YA.V., Zhang Ruyang. Besedy s russkoy kharbinkoy: Lyubov' Nikolayevna Li // Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitaye: opyt iskhoda. Vyp. 12. [Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyan. Conversations with a Russian Harbinka: Lyubov Nikolaevna Li // Russia and China on the Far Eastern Frontiers. Russian emigration in China: the experience of the exodus]. Issue 12. Blagoveshchensk: Amur University. 2018. 377 p. P. 212—229. (In Russian).

Zakharova G.F. Politika Yaponii v Man'chzhurii. 1932—1945 gg. [Japan's policy in Manchuria. 1932—1945]. М.: Science. Eastern Literature Publishing House. 1990. 262 p. (In Russian).

Kara-Murza G.S. Kolonial'nyy rezhim v Man'chzhou-go. [Colonial regime in Manchu-kuo]. Chita: no Publishing House. 1944. 29 p. (In Russian).

Okkupatsiya Man'chzhurii i bor'ba kitayskogo naroda (1937). [The occupation of Manchuria and the struggle of the Chinese people]. M.: Social-Economic Publishing House. 148 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol.1. The Day before. Book. 1. (November 1938 — December 1940). M.: A / O «Book and Business». 1995. 470 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol. 1. The Day before. Book. 2. (1 January 1—21 June, 1941) — M.: A / O «Book and Business». 1995. 406 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol. 2. Beginning. Book. 1. (22 June — 31 August, 1941). M.: Publishing House «Rus». 2000. 724 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol. 2. Beginning. Book. 2. (1 September — 31 December, 1941). M.: Publishing house «Rus». 2000. 699 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol. 3. Book 1. Crash of the Blitzkrieg. (1 January — 30 June, 1942). M.: Publishing house «Rus». 2003. 706 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. [State Security Agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. 8 vol. Vol. 4. Book. 1. Secrets of “Citadel” Operation (1 January — 30 June, 1943). M.: Publishing house «Rus». 2003. 796 p. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 514. Op. 1. D. 701. L. 5—14. [Fund 514, Inventory 1, File 701, P. 5—14.]. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 514. Op.1. D. 773, L. 1—110. [Fund 514, Inventory 1, File 773, P. 1—110.]. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 514. Op.1. D. 839, L. 1—17. [Fund 514, Inventory 1, File 839, P. 1—17.]. (In Russian).

Sun'-tsze. Partizanskaya bor'ba v Man'chzhurii. [Guerrilla warfare in Manchuria]. M.: Voenizdat. 1939. 87 p. (In Russian).

Fedorov N. Geroicheskaya bor'ba man'chzhurskikh partisan. [The heroic struggle of the Manchu partisans]. M: State socio-econom. Publishing House. 1937. 61 p. (In Russian).

Yanchevetskiy D.G. U sten nedvizhnogo Kitaya. Dnevnik russkogo korrespondenta [At the walls of immovable China. Diary of a Russian correspondent.]. Moscow: Veche Publishing house. 2019. 336 p. (In Russian).

Kanglian yuhui [Memoirs of Anti-Japanese War]. *Beijing Ribao* [Beijing Daily]. 14 January, 2014. (In Chinese).

Feng Xiaocai. “Budikangzhuyi” zai tan [Revisiting “Non-resistance”]. // *Kangri zhazheng yanjiu* [Anti-Japanese War Research]. 1996. No 7. P. 35—55.

Zhou baozhong jian dan qin xin qizhong xiaohan courageous (2015) [Generous, Courageous and Fearless Zhou Baozhong]. // *Heilongjiang Ribao* [Heilongjiang Daily]. 11 August. (In Chinese).

Zhu Hanguo. Shi lun mingque “shisi nian kangzhan” gainian yiyi Чжу Ханьго [On clarifying the meaning of the concept of “Fourteen Years of Anti-Japanese War”]. *Shixue jiaoxue* [History Teaching]. 2017. No.03. P. 3—5. (In Chinese).

Zhu Shuxian. Zhongzhi chengcheng de dongbei yiyong jun: [Great Power — The Northeast Volunteer Army] // *Yanhua chungqiu.* 2019, February. С 55—58. (In Chinese).

Список сокращений

ДАЯОА — Дунбэйская антияпонская объединенная армия

КУТК — Коммунистический университет трудящихся Китая

Коминтерн — Коммунистический интернационал

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока

КУТК — Коммунистический университет трудящихся Китая

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГВО — Российский государственный военный архив

ФСБ РФ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

КИТАЙ: ВАЖНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.48647/IFES.2022.13.34.024

И.Е. Пожилов

ПОЛИТИКА КПК ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ КАПИТАЛОВ ХУАЦЯО В 1950—1960-е гг.

Аннотация. Образование КНР вызвало в китайской диаспоре за рубежом чувства радости и оптимизма. По восстановлении национальной экономики и с началом масштабного хозяйственного строительства Новый Китай остро нуждался в крупных инвестициях, и многие хуацяо и хуажэнь¹ в Сянгане и частично в странах Юго-Восточной Азии начали вкладывать свои капиталы в экономическое развитие отечества. КПК, идя навстречу потребностям строительства и в стремлении консолидировать соотечественников вокруг идеи «возрождения Поднебесной», наметила целый комплекс поощрительных мер по привлечению их средств и обеспечению прозрачности и удобств в организации инвестиционных проектов, впоследствии оформленных законодательными актами и постановлениями правительства.

В статье, основанной на ряде впервые вводимых в научный оборот отечественной историографии источников и документов (прежде не доступных исследователям), исследуются основные этапы, содержание и метаморфозы политики сотрудничества освобожденного Китая с инвесторами-хуацяо: от многообещающих истоков и планов, реальных достижений к «непрямой национализации» и волонтаристским нарушениям прежних договоренностей, а в конечном итоге — под влиянием левацких взглядов верхов на природу и характер социализма, а также утверждений о первичности политических на-

¹ Хуацяо (华侨) — китайские эмигранты за границей, хуажэнь (华人) — зарубежные этнические китайцы независимо от происхождения и гражданства. Далее по тексту, во избежание излишней детализации, будет использоваться только понятие «хуацяо».

чал в деятельности диаспоры — к утрате доверия зарубежных партнеров китайского происхождения к контрагентам на родине, появлению настроений разочарования, сокращению объемов инвестиций и закономерному свертыванию всех контактов в этой важной для страны сферы в годы «культурной революции».

Ключевые слова: победа КПК и хуацяо, зигзаги государственной политики поощрения репатриации капиталов соотечественников, генеральная линия, возобладание левацких взглядов в руководстве КНР, «культурная революция», свертывание сотрудничества с диаспорой

Автор: Пожилов Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Igor E. Pozhilov

THE CCP'S POLICIES TO ATTRACT HUAQIAO' CAPITAL IN THE 1950s-1960s

Abstract: The formation of the PRC aroused feelings of joy and optimism in the Chinese diaspora abroad. After the restoration of the national economy and the beginning of large-scale economic construction, New China was in dire need of huge investments, and many huaqiao and huaren in Hong Kong and partly in the countries of Southeast Asia began to invest their capital in the economic development of their homeland. The CCP, meeting the needs of construction and in an effort to consolidate compatriots around the idea of “reviving the Celestial Empire”, outlined a whole range of incentive measures to attract their funds and ensure transparency and convenience in the organization of investment projects, subsequently formalized by legislative acts and government decrees.

The paper, based on the sources and documents introduced into scientific circulation for the first time in Russian historiography (previously not available to researchers), examines the main stages, content and metamorphoses of the policy of cooperation between liberated China and huaqiao investors: from promising start and plans, real achievements to “indirect nationalization” and voluntarist violation of previous agreements, and ultimately — under the influence of leftist views of the Party’s top on the nature and character of socialism, as well as statements about the primacy of political principles in the activities of the diaspora — to the loss of confidence of foreign partners of Chinese origin in counter partners at home, the appearance of disappointment, reduction in investment and the logical curtailment of all contacts in this important sphere for the country during the “cultural revolution”.

Keywords: the victory of the CCP and huaqiao, zigzags of the state policies to encourage the repatriation of compatriots’ capital, “general line”, the prevalence of leftist views in the leadership of the PRC, “cultural revolution”, curtailment of cooperation with the diaspora

Author: Pozhilov Igor E., PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: pozhilov1@yandex.ru

В научных кругах Китая внимание к соотечественникам за рубежом и их связям с этнической родиной прослеживается с конца XIX в. В период Китайской Республики (1912—1949 гг.) интерес к хуацяо, правда, не отличался постоянством. После образования КНР исследования феномена по идейно-политическим соображениям приобрели в основном закрытый характер, а в 1960-е гг. были практически свернуты. И только с началом реформ и политики открытости его всестороннее изучение осуществляется на перманентной основе, причем не только учеными, но и государственными органами, а также общественными структурами. Наконец, снятие грифа «Для внутреннего распространения» с части касающихся хуацяо временных документов и аналитических выкладок позволяет взглянуть на то, как проходил процесс становления взаимоотношений пришедшей к власти в стране КПК и ее антагонистов, «горячо любивших родину недобитых буржуев», в 1950-е — 1960-е гг., о чем до последнего времени было практически ничего неизвестно [Стровский, с. 65; Линь Цзиньчжи, с. 34].

Психологическая грань преодоления коммунистами «синдрома враждебности» к социально чуждому элементу, подпиравшая едва ли не всю их политику по отношению к «бывшим владельцам Поднебесной и их сомнительным капиталам, созданным чужим трудом» на протяжении первых полутора десятков лет и закономерно (преодолеть непреодолимое оказалось тогда невозможным) приведший к разрыву «сердечной дружбы на почве родственных чувств, скрепленных деловым интересом» [Хэ Сяннин, с. 514], разумеется, вызывает наибольший интерес во всей затрагиваемой теме. Однако в документах он освещен довольно скудно, замещающаяся событийным нарративом, и, увы, не может занять сколько-нибудь важное место в настоящей работе². В связи с этим остается лишь следовать в русле констатации предлагаемого источниками фактографического контента и небольших дополнений в виде комментариев к нему.

* * *

Как известно, с момента провозглашения КНР компартия активно пропагандировала тезис о единстве китайской нации и не раз публично заявляла о том, что будет всячески защищать надлежащие права и интересы соотечественников за рубежом, что нашло отражение в ст. 98 Кон-

² В ныне открытых источниках порой отсутствуют даже необходимые для создания целостной исторической картины финансово-экономического сотрудничества КПК и хуацяо в 1950—1960-е гг. факты, в контексте конкретных примеров иллюстрирующие те или иные стороны исследуемого предмета.

ституции страны 1954 г. Именно культурно-политический аспект, а не какой-то другой, доминировал в партийной линии в отношении хуацяо в первый год существования Народного Китая. Вопросы экономического сотрудничества находились в тени. Более того, ЦК КПК считал, что «в настоящее время призывать соотечественников к инвестированию в экономику КНР преждевременно, так как внутренние условия для капиталовложений еще не созрели, и государство к этому не готово; лучшим способом помочь отечеству являются пока денежные переводы» [1949—1956 январь, с. 56—57].

И тем не менее, несмотря на неготовность властей к организации инвестиционных проектов, в праздник *чуньцзе* 1950 г. иновещание КНР передало обращение к соотечественникам за границей. В нем, в частности, отмечалось, что «в будущем становление отраслей промышленного строительства Нового Китая непременно ускорится; вместе с развитием промышленности появятся благоприятные возможности для развития внутренней и внешней торговли. В своем большинстве хуацяо занимаются именно торговым предпринимательством и, как правило, их капитал есть капитал торговый; до тех пор, пока инвестиции хуацяо не будут встречать каких-либо препятствий, им предстоит сыграть свою роль в возрождении родины и ее индустрии» [Хэ Сяннин, с. 528].

В начале 1951 г., несмотря на то, что КПК еще не выработала целостную политику поощрения инвестиций диаспоры, Хэ Сяннин³, председатель Центральной комиссии по делам китайских эмигрантов⁴ (ЦКДКЭ), на встрече с вернувшимися на родину соотечественниками заявила, что «хуацяо в недалеком будущем смогут вкладывать свои деньги и передавать технологии в любые сферы экономики страны». На ее взгляд, это произойдет неизбежно, поскольку «после образования Нового Китая уровень материальной и культурной жизни народа обязательно повысится, возрастет покупательная способность населения, увеличатся объемы потребления товаров повседневного спроса. ...Снабжение народа сахаром и бумагой, например, в нашей стране пока неудовлетворительное, но культивирование тростника и сахарная промышленность, посадки бамбука и производство бумажных изделий имеют большие перспективы. Шаньдун, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун обладают огромным потенциалом по лову рыбы и солеварению; Фуцзянь, Юньнань, Чжэцзян способны выращивать все известные миру сорта чая. Если наладить массовое производство и сбыт этой продукции за рубежом, можно будет рассчитывать на значи-

³ Хэ Сяннин (1878—1972) — соратница Сунь Ятсена, общественный деятель, известная художница, искусствовед, вдова Ляо Чжункая. Публиковалась под псевдонимом Шуан Цин.

⁴ Официальное название организации (основана 1 ноября 1949 г.) — Комиссия по делам китайских эмигрантов при Центральном народном правительстве КНР.

тельные поступления в бюджет иностранной валюты. То же самое касается и многих других товаров и сырья» [Хэ Сяннин, с. 572].

Оптимистический прогноз ведущего куратора отношений с хуацяо начал сбываться к середине года: экономическое положение страны заметно улучшилось, стабилизировались цены, ликвидирован финансовый дефицит, сформирован бюджет с профицитом в 1,6 % и, главное, в основном сложились условия для активного инвестирования средств диаспоры в народное хозяйство; государственная политика поощрения репатриации ее капиталов в своих краеугольных параметрах наконец приобрела зримые очертания. На расширенном заседании ЦКДКЭ в июне 1951 г. эти параметры были приняты в качестве «долгосрочного курса партии». Они предусматривали следующее: 1) инвестиции хуацяо находятся под управлением владельцев, если они вложены в частные или совместные государственно-частные компании; в настоящее время инвестиции в частные фирмы ограничиваются одной провинцией или муниципальным образованием во избежание рассеивания средств; частный сектор не подвергается каким-либо рестрикциям, но находится под ведомственным контролем соответствующих правительственных финансовых органов; 2) в отношении сфер инвестирования владельцы капиталов наделяются полной свободой выбора и ориентируются — независимо от размера инвестиций и уровня технологий — на скорейшее извлечение прибыли; 3) льготы и привилегии инвесторам обуславливаются единственным критерием — повышением уровня благосостояния народа. После совещания Государственный административный совет (ГАС) учредил Комитет по инвестициям хуацяо, находившийся под совместным руководством ЦКДКЭ, а также Финансово-экономической комиссии ГАС (ФЭК) как органа оперативного планирования правительства, призванный поощрять и направлять инвестиции хуацяо, руководствуясь взаимными интересами сторон [Дун Чжикай, с. 19]⁵.

Столь скорый поворот от временного моратория на инвестиции хуацяо к режиму наибольшего благоприятствования, а также формулирование в сжатые сроки основ сотрудничества с диаспорой объясняются не столько экономическими мотивами, сколько своей пропагандистской составляющей. С самого начала КПК рассматривала политический фактор привлечения капиталов хуацяо намного важнее его экономического значения, а конечной целью совместного проекта считалось «создание широкого единого патриотического фронта соотечественников за рубежом с

⁵ Тогда же, в 1951 г., в Гуандуне и Фуцзяни были основаны провинциальные корпорации по инвестициям хуацяо. Корпорации занимались капиталовложениями в строительство новых заводов, модернизацию действующих промышленных и сельскохозяйственных предприятий, в благоустройство районов проживания репатриантов и т. д. [1949—1956 нянь, с. 69—70].

тем, чтобы вся диаспора сплотилась вокруг своей большой родины», не больше не меньше. Собственно, и все последующие действия и меры КПК в области инвестиций этнических китайцев в 1950-е — 1960-е гг. определялись в первую очередь внутренними и внешними политико-идеологическими интересами Пекина, какими бы ничтожными порой они ни казались [Дун Чжикай, с. 19—20]⁶.

Обсудив вопрос об инвестиционных направлениях денежных потоков хуацяо, ФЭК ГАС пришла к выводу, что основным объектом их вложений должна стать промышленность, из чего следует заключение о наличии у целого ряда инвесторов значительных капиталов. В связи с этим в первый период существования Нового Китая инвесторы-хуацяо естественным образом разделились на две группы. Одна надеялась, вкладывая деньги в бизнес на родине, участвовать в управлении вложениями и получать соответствующую прибыль; вторую группу составила мелкая буржуазия, которая, владея небольшими средствами, уповала разве что на то, чтобы они «не пропали даром» (совокупный капитал этой группы, тем не менее, был достаточно велик). Группа «малых инвесторов» не имела опыта вложения средств в крупные производственные проекты и по старинке не желала создавать совместные с другими вкладчиками компании. Поэтому ФЭК постановила «уравнять положение» обеих групп и «проявлять одинаковую заботу что к «денежным мешкам», что к скромным вкладчикам. А Центральное народное правительство даже позволило приехать на родину представителям второй группы и на месте принимать участие в операциях со своими инвестициями. Это во-первых. Во-вторых, ГАС — дабы не сталкиваться впредь с подобным диспаритетом, — установил банковские гарантии сохранения первоначально вложенного капитала хуацяо, учредив Центральную консультативную комиссию для разрешения «спорных вопросов», а также ввел трастовую систему управления финансовыми средствами, задействованными в совместных стартапах. В-третьих, консультативные комиссии учреждались и на провинциальном уровне⁷ [Чжао Ивэнь, с. 64—65].

В результате предпринятых правительственными органами КНР мер поток инвестиций хуацяо на родину стал постепенно расти, а сами вкладчики все больше убеждались в правильности выбора. С другой стороны,

⁶ Так, в первой половине 1952 г. в связи с развернувшимся в стране движением «против пяти зол» организационная работа государственных органов КНР по инвестициям хуацяо была приостановлена, ибо никоим образом не сопрягалась с целями кампании. И только после большой серии межведомственных консультаций спустя полгода курс на привлечение инвестиций диаспоры был продолжен. Примерно такая же ситуация сложилась и во время движения «против трех зол» в том же 1952 г. [Линь Цзиньчжи, с. 115—116].

⁷ Эти органы на местах так и не были созданы.

практике инвестирования и рецепции капиталов, в отличие от более-менее разумной законодательной базы и подзаконных актов, было все еще свойственно огромное количество нерешенных проблем. В частности, в целом ряде правительственных и провинциальных ведомств иностранные инвестиции превратились в кормушку для удовлетворения своих корпоративных интересов; царила постоянная путаница в аутентификации вложений и направлении их по необходимому запросу владельца; нередко поступившие денежные средства разбазаривались на местах; не прекращались споры и конфликты между субъектами совместных оферт и сделок; из-за постоянных локапов держатели активов не имели возможности выйти из позиции; из рук вон плохо функционировали финансовые инструменты как в центре, так и в провинциальном звене, в связи с чем инвесторы по сути не имели кредитного плеча; сплошь и рядом местные власти настаивали на немалых ценовых дисконтах на отпускаемую с предприятий хуацяо продукцию; и т.п. [Буцзиньдэ, с. 88—89].

Оставалась и, мало того, поднималась во весь рост и нерешаемая проблема — антагонистическое противоречие между частнокапиталистическим характером инвестиционных программ хуацяо (вопреки распространенным в литературе декламациям об их лояльном, к примеру, отношении к СП с государственным участием, такого явления не наблюдалось) и день ото дня наращивающим мускулы сектором общественной собственности, равно как и усилившимся идеологическим наступлением на «отживающий свой век капитализм». С обнаружением ЦК КПК генеральной линии на переходный период⁸ «этот антагонизм становится непреодолимым и в конечном счете обрекшим перспективное экономическое сотрудничество диаспоры с родиной на неминуемый крах» [Хэ Сянин, с. 592]. Не случайно инвесторов-хуацяо более всего насторожило и

⁸ Как известно, Мао Цзэдун, задумывая планы ускоренного продвижения к социализму, утверждал, что период новодемократического строительства продлится от 10 до 15 лет, и только тогда произойдет окончательное огосударствление частнокапиталистической промышленности и торговли, а также будет осуществлено кооперирование крестьянства. Однако уже в сентябре 1952 г., выступая на Секретариате ЦК КПК, Мао Цзэдун заявил, что «следует осуществлять социализм в основном в течение 10—15 лет, а не начинать переход к нему спустя 10 лет». В сентябре 1953 г. эта линия, преломившись в «генеральную», была доведена до сведения партии и народа. В Тезисах для изучения и пропаганды генеральной линии партии на переходный период» говорилось: «Период, начиная с образования Китайской Народной Республики до завершения в основном социалистических преобразований, является переходным. Генеральная линия и генеральная задача партии в этот переходный период состоит в том, чтобы в течение 10—15 лет или немногим более завершить в основном индустриализацию страны и социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли» [Чжунго, с. 291—292].

испугало утверждение официальной пропаганды, согласно которому сущность линии формулировалась тезисом, что «система социалистической собственности на средства производства станет единственной экономической основой нашего государства» [Цзяньго, с. 702].

Для того, чтобы успокоить и воодушевить хуацяо, пришлось в срочном порядке, т. е. в ноябре 1953 г., созывать второе расширенное заседание ЦКДКЭ, на котором Хэ Сяннин без экивоков заявила: «Индустриализация может идти двумя путями — капиталистическим и социалистическим. Социалистический путь выводит нашу страну на дорогу к мирной, наполненной мечтами и счастьем жизни народа. У нас есть только этот путь. Что до инвесторов-хуацяо, у них тоже есть светлые перспективы двигаться вперед, руководствуясь генеральной линией, по тому же пути, что и вся страна» [Хэ Сяннин, с. 659—660].

На практике курс по отношению к инвестициям хуацяо (фактически, направленный на «непрямую национализацию»), «принятый на этом совещании, заслуживает большего внимания, чем это имеет место в современных официальных оценках и в историографии. Если ранее власти поощряли образование частных и смешанных государственно-частных компаний, то отныне привлечение капиталов соотечественников и управление ими передавалось в руки правительства; инвесторы-хуацяо, желавшие участвовать в экономическом строительстве на родине, перво-наперво должны были размещать свои вклады в госбанке КНР (Банк Китая), где принималось решение, куда направить полученные средства⁹. Наконец, что было неприемлемо для менталитета предпринимателей, к какой бы нации они ни принадлежали, партия призвала их китайскую когорту «ставить во главу угла своей работы пользу государству и народу, отказавшись от стремления к наживе». Как бы наперед предупреждая инвесторов о «грядущих терниях на пути к успеху», новая политика гласила, что родина «пока не способна обеспечить инвесторам относительно благоприятных условий для вложения средств» [Буцзиньдэ, с. 123—124]¹⁰.

⁹ Деньги вкладчиков-хуацяо месяцами лежали в банке либо «беспользным балластом», либо использовались не по прямому назначению; примеров их разумного, эффективного применения практически не найти [1949—1956 нянь, с. 98—99].

¹⁰ Политика различных дискриминационных манипуляций, за исключением непродолжительного периода в самом начале 1950-х гг., проводилась властями КНР и в отношении родственников хуацяо, проживавших на родине. Особенно ярко она проявилась в годы земельной реформы, когда сплошь и рядом нарушались права собственников земли из их числа, получавших наделы «по классовому принципу». С родни «богатеев-эмигрантов» требовали за это немалых денег, которые переводились на счета крестьянских союзов. В результате члены семей хуацяо в Китае стали просить их не высылать денег на родину вообще или в самых минимальных размерах.

Несмотря на недовольство хуацяо этими новациями, их определенная часть продолжала надеяться на лучший исход, полагая, что инвестированные активы, несмотря на тотальное огосударствление экономики, «останутся в деле и будут задействованы по прямому назначению, как и прежде», превратятся в своего рода *terra inviolabilis*, а проще говоря, «неприкасаемые островки в море бесхозяйственности, характерной для экономической сфере Китая тех лет. Их надежды питал хотя бы тот факт, что «родина, к 1955 г. с благодарностью приняв «120 порочных капиталистических миллиардов юаней, будет всегда помнить об этом»¹¹. И все же подавляющее большинство серьезных инвесторов-хуацяо обреченно взирало на «грандиозный эксперимент» и уверовало в то, что «своих денег и прибыли они никогда больше не увидят». С января по сентябрь 1954 г. в сравнении с соответствующим периодом 1953 г. инвестиции диаспоры в экономику Китая составили всего лишь 77,1 %, в то время как в банках Сянгана общая сумма эмигрантских капиталов достигла 2 млрд гонконгских долларов [Хэ Сяннин, с. 638].

«Ухватившись за политику как основное звено», чего бы она ни касалась, власти КНР в привлечении капиталов хуацяо в первую очередь рассматривали их политическую ценность, не обращая особого внимания на экономическую выгоду как вкладчиков, так и государства¹². А эта ценность для китайских коммунистов была крайне важна, поскольку «демонстрировала США и прочим западным державам, что их политика изоляции Народного Китая терпит фиаско, коли буржуазия за рубежом, пусть этнически идентичная, несмотря ни на что вкладывает свои средства в социалистическое строительство на родине, при этом наращивая сплоченность на почве горячей любви к отечеству» [Буцзиньдэ, с. 253—254].

Дабы снизить ожидаемое разочарование в среде хуацяо от ближайшей перспективы национализации их активов, в 1955 г. в ходе Бандунгской конференции КНР и Индонезия подписали соглашение о двойном гражданстве этнических китайцев, что позволило начать выстраивать новые отношения с заинтересованными странами Юго-Восточной Азии, в частности, элиминировать застарелую проблему зыбкости положения хуацяо на территории государств фактического проживания. С этого мо-

В 1955 г. в ряде районов страны реэмигрантов и членов семей хуацяо принуждали вступать в кооперативы, тем самым нарушая их законные права. Недовольство этой категории соотечественников, разумеется, транслировались за рубеж, усугубляя «раздражение инвесторов непредсказуемой линией КПК» [Дун Чжикай, с. 22].

¹¹ По подсчетам Минфина КНР, сумма составляла лишь «мизерную долю совокупных авуаров эмигрантов» [Ян Можу, с. 28].

¹² Транзакции хуацяо в общем объеме денежных вложений из-за рубежа были сравнительно невелики, ибо основные средства КНР получала от СССР и стран народной демократии.

мента в диаспоре происходят кардинальные изменения: большинство ее членов вступают в подданство принимающей страны, сохраняя при этом гражданство Китая. На первый взгляд, такой поворот КПК от поощрения реэмиграции (на заре сотрудничества) к призыву «прочно натурализоваться на “второй родине”» отличался внутренним противоречием. КПК так не считала, полагая, что предоставляет соотечественникам-предпринимателям альтернативный вариант вложения капиталов, если в стране проживания таковых не окажется. Кроме того, в Пекине считали, что хуацяо следует больше внимания уделять мировому рынку, не забывая, конечно, об интересах Поднебесной [Буцзиньдэ, с. 230]. Иными словами, чем больше денег они заработают, причем неважно где, тем лучше для заглавной страны-реципиента.

Безусловно, любопытным, о чем выше не упоминалось, предстает вопрос о том, какой величины «нажива» гнала хуацяо вкладываться в проекты на родине даже в те времена, когда уже шла ~~непрямая~~ национализация их инвестиций, а в недалеком будущем планировалось полное обобществление всего их бизнеса? В начальный период экономической кооперации диаспоры с родиной инвесторы получали практически всю прибыль минус издержки с инвестированного в частные предприятия капитала; акционеры совместных компаний — дивиденды, размеры которых устанавливались правлением и общим собранием держателей паев. С принятием генеральной линии и переходом к социалистическим преобразованиям — независимо от формы собственности (частной либо акционерной) — осуществлялся переход к выплате всем инвесторам фиксированных дивидендов, величину которых устанавливало правительство: вкладчикам с капиталом в пределах 100 млн юаней — 10 %, свыше 100 млн — 8 % годовых. Чуть позднее ЦКДКЭ предложила унифицировать выплаты, и Госсовет утвердил их в размере 8 % для обеих категорий¹³. Для тех вкладчиков, которые формально не подписывали инвестиционных соглашений, но принимали активное участие в управлении капиталом и строительстве предприятий на местах, устанавливалась заработная плата «согласно квалификации» [1949—1956 нянь, с. 536—537]. В целом, прибыли инвесторов-хуацяо в Китае следует считать достаточно высокими, учитывая — в силу низкой компетенции персонала — в среднем малую доходность созданных компаний.

В 1956 г. социалистические преобразования промышленности и торговли набрали полный ход, а государство продолжало стимулировать (по преимуществу вербально) и приветствовать инвестиции хуацяо. Однако возникал вопрос, каким образом свести к минимуму потери инвесторов

¹³ Обеспечивать такие дивиденды было крайне затруднительно, и, как правило, недостающие суммы компенсировались из государственных источников.

по мере реализации социалистических преобразований? Для этого ЦКДКЭ, проведя перерегистрацию компаний¹⁴, ревизию вложений зарубежных резидентов и, проанализировав работу в этой сфере, пришла к заключению, что «в прошлом в работе с хуацяо отсутствовал системный подход и потому допускались серьезные ошибки, в связи с чем целый ряд насущных проблем инвесторов не могли быть своевременно разрешены». Для преодоления узких мест Комиссия предложила «все вопросы, связанные с капиталовложениями хуацяо, решать исключительно исходя ... из интересов государственного планирования и в тесной увязке с национальными хозяйственными интересами». С этой целью Комиссия выступила с предложением «превратить большинство инвестиционных компаний в государственные, оставив в числе действующих только часть государственно-частных фирм и создать проекты на кооперативных началах, позволить отдельным частным компаниям вкладывать средства в строительство предприятий местной промышленности с тем, чтобы постепенно и в плановом порядке преобразовывать их в социалистические». В то время, когда соответствующие преобразования экономики еще не были завершены, правительство не запрещало деятельности частных компаний, принадлежавших хуацяо; с другой стороны, предупреждало, что с завершением переходного периода их деятельность будет не предусмотрена [Ян Можу, с. 31—32; 1949—1956 нянь, с. 583, 585].

Отметим, что в среде инвесторов-хуацяо с небольшими капиталами все еще пребывало определенное количество лиц, веривших в то, что «родина крайне заинтересована в их помощи, и что бы сегодня ни исходило из уст представителей официальных инстанций, на самом деле читится во благо, а не в ущерб» [Буцзиньдэ, с. 266].

И, действительно, несмотря на форсированные темпы огосударствления частной промышленности в течение 1955—1956 гг., правительство не только на словах, но и на деле проводило «особую политику поддержки инвесторов-хуацяо». К примеру, предпринимались меры по сохранению технологических, логистических и прочих связующих цепочек их предприятий с зарубежными компаниями, сложившихся в предшествующий период; по-прежнему твердо гарантировались выплаты дивидендов в прежнем размере (8 %); строго в соответствии с действующим законодательством составлялись трудовые соглашения, разрешались споры и конфликты между хозяйствующими субъектами; если владелец акций предприятия намеревался выйти из состава учредителей и основать собственное производство, предусматривалось проведение независимого аудита с

¹⁴ Перерегистрация предприятий, принадлежавших хуацяо, в сущности предполагала их значительное сокращение, поскольку, если владелец или его представитель физически не могли участвовать в процедуре, а таковых оказалось очень много, предприятие переходило в собственность государства [Дун Чжайкай, с. 24].

целью справедливого раздела средств производства и имущества; если акционер, проживавший за рубежом, принимал решение отказаться от участия в строительстве объекта, его акции размещались на фондовой бирже для продажи с последующей выплатой полагающейся маржи бывшему вкладчику; в случае желания акционера сменить сферу приложения капитала в ряде провинций Южного Китая (Юньнани, Гуандуне, Фуцзяни и др.) учреждались компании по выращиванию тропических культур — табака, чая, каучуконосков, фруктов и т.п. В обеспечение подобных проектов в 1955 г. Государственный совет издал постановление «Об использовании хуацяо принадлежащих государству земельных пустошей», допускавшее самые разные формы владения собственностью, включая частную. Документ сыграл в целом положительную роль. Только в Гуандуне хуацяо арендовали под сельскохозяйственные фермы около 100 тыс. му земли, и это был далеко не предел [Ян Можу, с. 34]. Однако после 1956 г. в политике Центра и местных властей стал неумолимо превалировать левый уклон, что выразилось в повальном нарушении прав фермеров и покушениях на их собственность, а в конечном счете остановило поступательный характер процесса освоения «прежде никому не нужных земельных угодий» [Линь Цзиньчжи, с. 481—484].

Между тем наступление государства на частновладельческие prerogatives хуацяо продолжалось. Так, в 1955 г. по инициативе правительства была основана Всекитайская компания по инвестициям китайских эмигрантов (ВКИКЭ). Компания находилась под государственным управлением и имела трастовый характер. В ее компетенцию входило не только привлечение и аккумулирование иностранных инвестиций, но и эмиссия ценных бумаг, а также централизованные биржевые операции с опционами. ВКИКЭ обладала правом привлечения денежных средств членов семей хуацяо и реэмигрантов. Основание компании ознаменовало радикально новый этап в сфере инвестирования капитала соотечественников в бизнес на родине. Отныне этот капитал (без всяких изъятий) переходил под прямой и непосредственный контроль государства, равно как и средства производства в виде предприятий и прилагаемого имущества. Изменялся и порядок расчета дивидендов, который уподоблялся начислению процентов на банковские вклады рядового населения страны [Линь Цзиньчжи, с. 486].

В ответ на массовое недовольство хуацяо «скверным новшеством» ПК ВСНП в августе 1957 г. утвердил еще один документ, дабы сбить волну «неприемлемых настроений» среди инвесторов. Бумага называлась «О льготах для хуацяо, вкладывающих капитал во Всекитайскую компанию по инвестициям китайских эмигрантов». Какими же льготами власти пытались остановить нараставший отток капиталов соотечественников? Во-первых, предусматривалось, что инвестированный во ВКИКЭ капитал

хуацяо остается в собственности вкладчика и «после завершения строительства социализма»; спустя 12 лет использования вложенных средств они (по желанию) могут быть возвращены владельцу в *жэньминьби* (ранее — в инвалюте); во-вторых, вместо процентов по вкладу осуществляется возврат к выплате дивидендов в размере 8 % годовых, но опять же в юанях; в-третьих, часть дивидендов, но не более половины, может быть переведена держателю в инвалюте с разрешения руководства ВКИКЭ; в-четвертых, инвесторам предоставляется преимущество при устройстве на работу в структурах, имеющих отношение к их бизнесу. С вступлением в силу документа филиалы ВКИКЭ открылись в Гуанси, Юньнани, Шаньдуне, Ляонине, Шанхае, Тяньцзине, Ухани и Нанкине. Консолидированный капитал этих филиалов превысил на 1957 г. 200 млн юаней; среди них только гуандунский и фуцзяньский филиалы оперировали депозитами на сумму свыше 70 млн юаней [Дун Чжикай, с. 24—25].

Паллиативы властей, разумеется, не вызвали никакой позитивной реакции инвесторов-хуацяо, считавших, что «их капиталы отныне превратились в фикцию, а предлагаемые правительством льготы — в чепуху». Вкладчики настаивали на дифференциации в начислении дивидендов, причем «только и лишь только в инвалюте с переводом прибыли на их счета в заграничных отделениях Банка Китая и возможностью проведения с ними любых финансовых операций, включая овердрафт». Эти минимальные запросы подкреплялись общим требованием — «вернуться к инвестиционной практике начала 1950-х гг.». Правительство же, ссылаясь на «постулаты генеральной линии», отвечало, что «все претензии партнеров следует считать запоздавшими», пригрозив вдобавок отменой выплат дивидендов, которые «как явление само по себе противоречит основам социализма и замедляет социалистические преобразования в стране» [Буцзиньдэ, с. 378].

Угрозы, правда, оказались пока не реализованными. Несмотря на серьезные экономические трудности конца 1950-х — начала 1960-х гг., правительство продолжало выплачивать хуацяо установленные дивиденды, включая инвалюту (в пределах 20 % суммы), а также осуществляло поставки импортного оборудования и сырья для нужд их предприятий [Хэ Сяннин, с. 658].

Зигзаги государственной политики в работе с инвестициями соотечественников в рассматриваемый отрезок времени объяснялись довольно просто. В высшем руководстве не сложилось единого мнения касательно тактического курса и даже общей стратегии в «правильном разрешении» этой крайне противоречивой проблемы. Не выдал своего решающего слова и Мао Цзэдун. В беседе с представителями Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев (ВАПТ) вскоре после VIII съезда КПК он, в частности, заявил, что в отношении буржуазии нужно проводить

«дифференцированную, нешаблонную линию», и что «в течение 20 или 100 лет построенные ею заводы и учрежденные инвестиционные компании не будут подлежать национализации». Как нерадостно посмеивались хуацяо, его высказывание по своей сути означало: «Можно уничтожить капитализм, можно и заниматься капитализмом. Поди-ка разберись» [Буцзиньдэ, с. 379, 380].

Как бы то ни было, чуть позднее развернувшаяся борьба с «правыми» поставила жирную точку в дискуссии о судьбах капитализма в стране. В ходе этой схватки молниеносной кавалерийской атакой все рудименты былых свобод хуацяо в обращении с собственным капиталом были ликвидированы. И хотя дивиденды выборочно и спорадически выплачивались формальным держателям капитала, их право на отзыв своих средств из экономических проектов на родине утратило силу. А разразившейся «культурной революции» оставалось лишь «подчистить упущения да перелицевать вчерашних патриотов в “буржуазных реакционеров”» [Линь Цзиньчжи, с. 495]¹⁵.

* * *

Вместо заключения следует сказать, что современные китайские авторы много и вдохновенно пишут о том, насколько «прямолинейными и догматическими» являлись тогдашние представления КПК о природе социализма, единственным экономическим критерием которого считалась общественная собственность на средства производства. Распространена точка зрения, что именно из-за этой «болезни левизны» так драматически и закончился период взаимно плодотворного сотрудничества встававшего на ноги молодого Народного Китая и диаспоры соотечественников за рубежом. С такими утверждениями трудно согласиться: социализм как общественно-экономическую формацию, прописанную в анналах марксизма-ленинизма, китайские товарищи понимали абсолютно верно и, устремляясь к его победе, действовали строго в рамке, прочерченной классиками пролетарской идеологии. Субстанции социализма и капитализма смешают в одной пробирке гораздо позже.

¹⁵ Особенно болезненно крах инвестиционной политики из источников хуацяо восприняли на местах, где в силу внедренной плановой системы ведения хозяйства (не подлежащей какой-либо текущей коррекции) власти испытывали крайнюю нужду в оборотных средствах и не могли, как ни старалась, например, «выбить трансферты» для пусковых работ на построенных хуацяо заводах и фабриках, в продукции которых остро нуждалось население (сахар, ткани, товары первой необходимости и т. д.). Многие предприятия того же рода, будучи недостроенными, оказались еще в более плачевном положении, постепенно разрушаясь и приходя в негодность [Буцзиньдэ, с. 386—388].

Что же касается немалой пользы и выгоды, полученной сторонами в ходе сотрудничества, что также подчеркивается в исторической периодике КНР, то сомневаться в этом не приходится. Достаточно сказать, что за счет инвестиций хуацяо в 1950-е — 1960-е гг. на родине было построено более 50 новых промышленных предприятий различного масштаба и отраслевой принадлежности, безусловно внесших свой вклад в повышение уровня жизни китайского народа.

Библиографический список

1949—1956 нянь Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинци данъань цзыляо сюаньбянь [Избранные архивные материалы по экономике КНР в 1949—1956 гг.]. Пекин: Чжунго чэнши цзинци шэхуэй чубаньшэ, 1989. 623 с.

Буцзиньдэ сынянь [Неисчерпаемые воспоминания]. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1987. 414 с.

Дун Чжикай. Цзяньго чуцидэ хуацяо хуэйго тоуцзы [Репатриация капиталов хуацяо в начальный период строительства государства] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 1990. № 1. С. 18—26.

Жэньминь жибао 70 нянь цзопинь цзинсюань [Избранные публикации газеты «Жэньминь жибао» за 70 лет]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2020. 515 с.

Линь Цзиньчжи. Хуацяо хуажэнь юй Чжунго гэмин хэ цзяньшэ [Хуацяо, хуажэнь и революция и строительство в Китае]. Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1993. 556 с.

Синь Чжунго уши нянь [50 лет Новому Китаю]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1999. 766 с.

Стровский Л.Е., Цзян Цин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Известия УргЭУ. 2010. № 1. С. 64—72.

Хэ Сянини. Шуанцин вэньцзи [Сочинения Шуанцин]. Т. 2. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1985. 715 с.

Цзяньго илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь [Важнейшие избранные документы с основания государства]. Т. 4. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1993. 345 с.

Чжао Ивэнь. Синь Чжунго дэ гунъе [Промышленность Нового Китая]. Пекин: Тунци чубаньшэ, 1957. 228 с.

Чжунго гунчаньдан дэ циши нянь [70 лет КПК]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1991. 343 с.

Ян Можу. Хуацяо хуажэнь шиэ юй вого цзинци фачжань фанши чжуаньбяньдэ сянху цзююн [Взаимовлияние предпринимательства хуацяо, хуажэнь и национальной экономики в изменении форм развития хозяйства] // Яньцзю юй таньтао. 2013. № 6. С. 27—35.

References

1949—1956 nian Zhonghua renmin gongheguo jingji dangan ziliao xuanbian [Selected archival materials on the PRC economy in 1949—1956]. Beijing: Zhongguo x'yib jingji shehui chubanshe, 1989. 523 p. (In Chinese.)

Bujinde sinian [Inexhaustible memories]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1987. 414 p. (In Chinese.)

Dong Zhikai. Jianguo chuqide huaqiao huiguo touzi [Repatriation of huaqiao capital in the initial period of state building] // Huaqiao huaren lishi yanjiu. 1990. No. 1. P. 18—26. (In Chinese.)

He Xiangning. Shuangqing wenji [Works of Shuangqing]. Vol. 2. Beijing: Renmin chubanshe, 1985. 715 p. (In Chinese.)

Jian guo yilai zhongyao wenxian xuanbian [Important selected documents from the founding of the state]. Vol. 4. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1993. 345 p. (In Chinese.)

Lin Jinzhi. Huaqiao huaren yu Zhongguo geming he jianshe [Huaqiao huaren and the revolution and construction in China]. Fuzhou: Fujian renmin chubanshe, 1993. 556 p. (In Chinese.)

Renmin ribao 70 nian zuopin jingxuan [Selected publications of the People's Daily for 70 years]. Beijing: Renmin chubanshe, 2020. 515 p. (In Chinese.)

Strovsij L.E., Czian Cin. Rol' huacyao v razvitii kitajskoj ekonomiki [The role of huaqiao in the development of the Chinese economy] // Izvestiya UrGEU. 2010. № 1. S. 64—72. (In Russian.)

Xin Zhongguo wushi nian [50 years of New China]. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 1999. 766 p.

Yang Moru. Huaqiao huaren shiye yu woguo jingji fazhan fangshi zhuanbiande xianghu zuoyong [Mutual influence of huaqiao huaren business undertaking and the national economy in changing the forms of economic development] // Yanjiu yu tantao. 2013. No. 6. P. 27—35. (In Chinese.)

Zhao Yiwen. Xin Zhongguo de gongye [The industry of New China]. Beijing: Tongji chubanshe, 1957. 228 p. (In Chinese.)

Zhongguo gongchandang de qishi nian [70 years of the CCP]. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 1991. 343 p. (In Chinese.)

Н.В. Анисимцев

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КНР

Аннотация. Последние сорок лет в КНР под руководством Компартии Китая успешно развивается институт интеллектуальной собственности и, в частности, авторское право. Процесс формирования современной системы прав интеллектуальной собственности и авторского права прошел три основных периода: начальный период (1980—1991 гг.); второй период (1991—2001 гг.); и третий период (с 2001 г. —) — время, когда КНР вступила в ВТО и приступила к строительству современной инновационной экономики.

В эти годы была сформирована развитая система административного управления всеми вопросами, связанными с регистрацией, использованием, охраной авторских прав, международным сотрудничеством в данной сфере. Важнейшее значение имело учреждение Национальной администрации копирайтов Китая (National Copyright Administration of China, NCAC).

Была сформирована нормативно-правовая система авторского права. Основополагающее значение имел принятый в 1990 г. Закон об авторских правах. Он претерпел изменения 27-го октября 2001 г., когда была принята новая редакция закона. Промежуточная редакция Закона имела место в феврале 2010 г. И последняя, третья, редакция состоялась в ноябре 2020 года, действует с июня 2021 г.

Развитие авторского права в КНР суммарно демонстрирует две основных тенденции. Во-первых, происходит углубление и детализация правового регулирования в данной области, приближение норм к реальной жизни. Во-вторых, развитие авторского права в КНР осуществляется в значительной степени на рельсах социалистической политики и идеологии, права авторов часто ограничиваются в пользу интересов государства и общества.

В целом, законодательство по авторскому праву в КНР прошло под руководством КПК длинный путь успешного развития, создана правовая сис-

тема с китайскими характеристиками для защиты авторских копирайтов, она эффективно внедряется в жизнь.

Ключевые слова: КНР, КПК, ВОИС, право интеллектуальной собственности, авторское право, смежные права, нарушение прав, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность.

Автор: Анисимцев Николай Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: nickans1@mail.ru.; Web-site: anisimnik.ru

N.V. Anisimtsev

THE HISTORY AND PRESENT STATE OF THE FORMATION OF COPYRIGHT'S AND INTELLECTUAL PROPERTY OWNERSHIP IN CHINA

Abstract. Over the past forty years, the institution of intellectual property and, in particular, copyright has been successfully developing in China under the leadership of the Communist Party of China. The process of formation of the modern system of intellectual property rights, especially copyright, went through three main periods: the initial period (1980—1991); the second period (1991—2001); and the third period (since 2001—) — the time when the PRC joined the WTO and began building a modern innovative economy.

During those years, a developed system of administrative management of all issues related to registration, use, copyright protection, and international cooperation in this field was formed. The establishment of the National Copyright Administration of China (NCAC) was of crucial importance.

A regulatory legal system of copyright was formed. The Copyright Law adopted in 1990 was of fundamental importance. It underwent changes on October 27, 2001, when a new version of the Law was adopted, an interim version of the Law took place in February 2010. And the last third edition was held in November 2020, valid from June 2021.

The development of copyright in the People's Republic of China shows two main trends in general. Firstly, there is a deepening and detailing of legal regulation in this area. Secondly, the development of copyright in the PRC is carried out largely on the rails of socialist politics and ideology, the rights of authors are often limited in favor of the rights of the State and society.

In general, copyright legislation in the People's Republic of China has passed a long way of successful development under the leadership of the CPC, a legal system with Chinese characteristics has been created to protect copyrights, it is being effectively implemented.

Keywords: PRC, CPC, WIPO, intellectual property law, copyright, related rights, infringement of rights, civil liability, administrative liability, criminal liability.

Author: Anisimtsev Nikolay V., PhD (Hist.), Senior Research Fellow at Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: nickans1@mail.ru; Website: anisimnik.ru

Современное мировое развитие во все большей степени определяется прогрессом в сфере науки, техники и технологий. Их прогресс пронизывает все сферы жизнедеятельности человечества — экономику и общественную жизнь, культуру, международные отношения, и т. д. Прогресс вызывает к жизни и направляет становление институтов регистрации, использования, охраны прав «интеллектуальной собственности», в частности, по выражению В.А. Дозорцева, «исключительных интеллектуальных прав», в том числе, авторских прав («копирайтов») и прав «промышленной собственности» (патентного права, права торговых марок и географических наименований).

Важнейшее значение в мировом научно-техническом прогрессе и связанном с ним развитии институтов правового регулирования исключительных прав приобретает Китайская Народная Республика, являющаяся одним из лидеров в сфере глобальной экономики, торговли, научных и технологических инноваций, международного сотрудничества.

Целостную картину масштабов и достижений в становлении авторского права, управления копирайтами в КНР позволяют представить приводимые здесь (ниже) цифры относительно количества работ, регулируемых авторским правом [Copyrights].

Общее число зарегистрированных в КНР копирайтов в 2021 г. составило 6.264.378, прирост общего числа по сравнению с 2020 г. — 24,3 %.

В числе авторских произведений в 2021 г. зарегистрировано 3 983 943 новых работ, прирост по сравнению с предшествующим годом — 20,13 %. Основные вкладчики, зарегистрированные в управлениях копирайтов по всем регионам и находящиеся под управлением Центрального правительства, продемонстрировали такие цифры роста — Пекин (1 025 511 регистраций, 25,74 % от общего по стране), провинция Цзянсу (371 776, т. е. 9,33 %), Шанхай (345.583, т. е. 8,67 %), Шаньдун (230 814, 5,79 %), Гуйчжоу (200 929, 5,04 %). В КНР отдельно учитываются копирайты, зарегистрированные не под эгидой Центрального правительства, а под системой Центра защиты копирайтов Китая (далее — ЦЗКК. Copyright Protection Center of China/CPCC) — их было зарегистрировано 527 432, что составило 13.24 %. Все вышеперечисленные региональные субъекты суммарно дали 67,82 % от общей суммы регистрации в стране в 2021 г.

Что касается показателей годового прироста в процентах за 2021 г. по отдельным регионам, то прирост регистраций в северо-восточном Китае — 79 %, в западном Китае — 55 %, центральный Китай — 31 %, вос-

точный Китай — 25 %. По провинциям, в Гуандуне — 270.000 рег. (11,8 % от общего числа). Отдельные провинции и города центрального подчинения (по убыванию численности) — Гуандун, Шанхай, Цзянсу, Пекин, Чжэцзян, Сычуань, Шаньдун, Хубэй, Фуцзянь, Шаньси.

Если смотреть по категориям работ, то произведений искусств зарегистрировано 1.670.092 работ (41,92 %), фоторабот — 1.553.318 (38,99 %), авторских текстовых произведений — 295.729 (7,42 %), фильмов и телевизионных произведений — 244.538 (6,14 %), звукозаписи — 58.048 (1,46 %), музыкальных произведений — 50.851 (1,28 %), графических произведений — 25.152 (0,63 %), видеозаписи — 21.558 (0,54 %). И, суммарно, моделей, драматических произведений, произведений народного искусства, архитектурных работ — 64.657 (1,62 %).

В КНР активно прогрессирует регистрация продуктов программного обеспечения. По данным ЦЗКК, в 2021 г. по всей стране было зарегистрировано 2.280.063 компьютерных программных разработок, прирост за год 32,34 %. В этом числе 1.44 млн регистраций, или 63,1 % приходится на регион восточного Китая.

Индустрия копирайтов (в литературе и искусствах, прессе и публикациях, радио, фильмах, телевидение, культура и развлечения, искусства и ремесла, ОМП программы и информационные сети) превратилась в точку роста и новый движитель национальной экономики, опору новой экономики.

Вклад индустрии копирайтов в национальную экономику, по данным Национальной администрации копирайтов Китая (*далее, — НАКК*), с 2006 г. по 2014 г. вырос с 1,35 трлн юаней до 4,63 трлн, рост по 17 % в год. Вклад ее в ВВП страны расширился с 6,39 % до 7,28 %.

Любопытно отметить, что копирайты используются и в качестве залогов в деловых оборотах. Согласно данным ЦЗКК, в 2021 г. было зарегистрировано по стране 372 залога авторскими правами в обеспечение сумм на 4,330 млрд юаней, 340 копирайтов программного обеспечения в залог сумм на 4,099 млрд юаней.

Развивается и международная торговля копирайтами.

Приведенные здесь достижения китайского народа, руководимого Коммунистической партией Китая, имели свою долгую предысторию.

До начала курса «реформ и открытости» в КНР практически не существовало института интеллектуальной собственности и системы его защиты. Собственность, тем более интеллектуальная, в силу известных исторических обстоятельств считалась пережитком прошлого.

Руководство КНР до 1970-х годов крайне слабо представляло себе проблемы защиты интеллектуальной собственности (*далее — ИС*). Но масштабные преобразования всех сторон жизни КНР, начатые по инициативе Дэн Сяопина в 1978 г., потребовали новых подходов к пробле-

мам интеллектуальной собственности. Без решения проблем защиты прав интеллектуальной собственности было бы невозможно ни наладить международное экономическое и научно-техническое сотрудничество, ни раскрепостить творческий потенциал китайского народа, ни привлечь солидные инвестиции капиталов.

Поэтому уже в 1970-х годах руководство КНР дальновидно начало ознакомительные контакты и первые пробные шаги к модернизации Китая в данной области.

Поскольку Китай, практически говоря, имел крайне бедный собственный опыт в данной сфере, интеграция КНР в мировую систему присвоения, эксплуатации, охраны исключительных прав протекала в значительной степени в форме подключения к уже существующим международным организациям и соглашениям. Особенно важную роль в этом процессе имели отношения КНР с США, мировым лидером.

Первый официальный контакт руководства КНР со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС / WIPO) состоялся в 1973 г., это был ознакомительный визит в штаб-квартиру организации премьер-министра Чжоу Эньлая и директора по правовым вопросам Китайского совета содействию международной торговли (ССПИТ, China Council for the Promotion of International Trade).

За ним последовали первые осторожные практические шаги. В 1974 году правительство КНР подписало с правительством Австралии путем обмена нотами договоренность о регистрации торговых марок. А в 1979 году было подписано соглашение о торговле между КНР и США — так называемое Соглашение 1979 г. — согласно обязательствам, принятым по договору, в КНР признаются и защищаются права интеллектуальной собственности. С этого момента может отсчитываться история защиты прав ИС в КНР.

Подготовительный процесс увенчался вступлением КНР в 1980 году в ВОИС, КНР стала 90-м членом этой организации. А в 1981 г. директор ВОИС Арпад Богш посетил офис Китайского совета по содействию международной торговле в Пекине, где вручил китайской стороне учебные материалы по патентному праву.

С 1980 года КНР является членом ВОИС. И с этого момента дальнейший процесс модернизации политики КНР в сфере охраны авторского права отчетливо подразделяется на три этапа [Исследователь].

В *начальный период (1980—1991 гг.)* Китай энергично предпринимает шаги по формированию целостной системы защиты прав ИС, закладывая основы будущей всеобъемлющей системы. Формирование системы права идет одновременно как путем присоединения к действующим международным соглашениям и организациям, так и путем разработки и принятия своего национального законодательства.

Начав со вступления в ВОИС в 1980 г., 14 мая 1984 г. КНР присоединилась к Парижской конвенции о защите промышленной собственности (Paris Convention for the Protection of Industrial Property. Полноправное членство — с 19 марта 1985 г.). Китай принял Парижскую конвенцию в редакции 1883 г.

В июне 1989 г. Китай присоединился к Мадридскому соглашению о международной регистрации торговых марок (Madrid Agreement for the International Registration of Trademarks), разработанному еще в 1891 году. Также в 1989 г. был принят Протокол к Мадридскому соглашению (вступивший в силу с 1996 г.).

В 1989 году Китай подписал Конвенцию об охране интеллектуальной собственности интегральных схем, принятую государствами-членами ВОИС.

Параллельно велась и разработка собственного национального законодательства.

В 1986 г. принимается для регулирования гражданско-правовой сферы закон общего характера «Общие положения гражданского права» (General Principles of Civil Law 民法通则). Раздел V, глава 3 «Интеллектуальная собственность» содержит четыре статьи (94—97), закладывающие базовые принципы авторского права в КНР [Общие, с. 19—44].

Чуть ранее, в марте 1984 г. ВСНП КНР был принят первый в истории Китая Закон о патентах (The Patent Law of the PRC 中华人民共和国专利法), открыв тем самым новую страницу в деле защиты прав «промышленной собственности». К нему были добавлены Положения о применении Патентного закона (Implementing Regulations of the Patent Law of the PRC), разъясняющие практические вопросы применения.

Разворачивалась и организационная строительная работа. С 1980 г. вопросами защиты прав ИС ведала Канцелярия патентов КНР. В 1985 г. на ее основе было учреждено Патентное бюро КНР (State Intellectual Property Office — SIPO). Бюро несло ответственность за работу с патентами и общую координацию работы в сфере ИС, отношений с иностранными лицами.

Второй период в формировании системы управления и защиты ИС в КНР простирается на период 1991—2001 гг. Это было время, когда КНР сделала новые шаги в развитии и упрочении социалистической рыночной экономики. Эти меры требовали и прогресса в сфере прав ИС. Продолжалась адаптация КНР к международной правовой системе охраны ИС, разрабатывалось национальное законодательство. Особенностью периода явилось то, что временами возникали и обострялись проблемы в сфере международных связей по поводу защиты прав ИС, главным образом в сфере китайско-американских отношений.

Реагируя на требования США, в 1990 г. в КНР оперативно принимается и вводится в действие Закон об авторских правах/ о копирайтах (Copyright Law of the PRC 中华人民共和国著作权法), а также, Регламент реализации авторского права (Implementing Rules for the Copyright Law of the PRC 著作权法实施条例). Регламент реализации был принят в 1991 г. (позднее был ревизован в 2002). Как правило, в КНР срок действия авторского права — 50 лет после смерти автора. Но на произведения кинематографа и фотоискусства, а также на интеллектуальную собственность компаний и организаций — 50 лет после первой публикации.

В 1992 г. КНР присоединяется к Бернской конвенции о защите литературных и художественных произведений (Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works).

В 1992 г. для реализации Бернской конвенции и Международной конвенции о копирайтах (Universal copyright convention), двухсторонних соглашений КНР с иностранными государствами, Госсовет (правительство) КНР принял Положения о применении Международных договоров о копирайтах (The Regulations on Implementation of International Copyright Treaties. 1992), — данные договоры и регулирующие положения призваны обеспечить правовую защиту иностранным правообладателям в КНР.

Бернская конвенция не требует регистрации авторского копирайта на территории КНР, но регистрация права в стране (она стоила около 300 юаней) позволяет избежать в дальнейшем правовых споров.

К Бернской конвенции примыкают два важных документа для защиты авторских прав разработчиков на компьютерное программное обеспечение. Ранее права разработчиков компьютерного софта не охранялись законом. В мае 1991 г. Госсовет принял Правила защиты компьютерного программного обеспечения (The Computer Software Protection Rules) и Меры для регистрации копирайтов компьютерного программного обеспечения (The Measures for Computer Software Copyright Registration). Эти документы обеспечили правовую защиту соответствующих копирайтов, их регистрацию, проверку, утверждение.

Бернская конвенция и данные два документа обеспечивают защиту программного обеспечения в КНР.

В 1993 г. КНР присоединилась к Договору ВОИС по охране смежных копирайтов — исполнительских произведений и фонограмм.

Включение КНР в международную систему охраны прав ИС протекало не в безмятежной академической обстановке, но в атмосфере серьезных международных коллизий, которые часто и выступали стимулом для модернизации права КНР. Подобные конфликтные вопросы отражались прежде всего в сфере китайско-американских отношений.

По требованию американского бизнеса еще в 1989 г. администрация США зачислила Китай в «список приоритетного наблюдения» за соблю-

дением прав ИС. КНР учитывала подобную критику и реагировала. Примеры тому — в 1990 г. в КНР был принят вышеупомянутый Закон о копирайтах и правила его применения. Отдельно в 1991 г. были приняты вышеупомянутые «Регламент» и «Меры» для защиты собственности на программное обеспечение. А в 1992 г., когда отношения предельно накалились, и две страны стояли на пороге введения санкций и начала торговой войны, стороны все-таки уладили конфликт, подписав «Меморандум о взаимопонимании» (MoU), или «Меморандум- 1992».

Но конфликтные проблемы не были исчерпаны. В 1994 г. власти США вновь включили КНР в список так называемых Приоритетных иностранных государств и тут же инициировали 301 расследование против Китая. В 1995 г. они пришли к выводу, что промышленность США только на краже копирайтов потеряла 850 млн долларов. С целью урегулирования конфликта в 1995 г. было подписано «Соглашение 1995 г.».

В этот период КНР пополняет свое национальное законодательство важными правовыми актами, играющими роль в охране авторских прав, обеспечивающих реализацию прав ИС и направленных против нечестной конкуренции.

В 1993 г. принят «Закон против нечестной конкуренции в КНР» (The Law Against Unfair Competition of the PRC). Закон поставил под запрет подделку зарегистрированных торговых марок, нарушение коммерческих секретов, незаконное использование известных наименований товаров и имен людей, и прочие обманные мошеннические действия.

В 1994 г. одобрен и введен Закон о рекламе (The Advertising Law of the PRC), воспреещающий нечестную, вводящую в заблуждение рекламу в сфере обращения патентов и рекламе в целом.

В 1995 г. приняты Положения о таможенной защите прав интеллектуальной собственности (The Regulations on Customs Protection of Intellectual Property Rights).

Данные законы касались не только прав «промышленной собственности», но и в той или иной степени авторских прав.

В период после 1996 г. Китай активно занимается практическими мероприятиями по реализации задачи защиты прав ИС, создает и укрепляет администрацию, отлаживает инструменты судебной защиты авторских прав.

Третий период в модернизации прав ИС в Китае начинается в 2001 г., когда Китай в результате 15-летнего переговорного процесса вступает в ВТО.

В 2001 г. Китай подписал важнейший документ — Соглашение о защите интеллектуальной собственности в связи с торговлей (TRIPS). Это международное соглашение, управляемое ВТО, оно устанавливает минимальные стандарты для регулирования разных форм ИС.

В мае 2014 г. был опубликован разработанный по заданию 18-го съезда КПК План содействия реализации стратегии национальной интеллектуальной собственности (The Promotion plan for the Implementation of the National Intellectual Property Strategy).

Китайские власти, в соответствии международными соглашениями КНР, осуществляют защиту и авторских прав иностранцев, основываясь на предоставлении им национального статуса и статуса наибольшего благоприятствования.

КНР сотрудничает в охране ИС и с международным сообществом — Организацией Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, с ЕС, США, Россией, Францией.

В июле 2014 года Генеральный директор ВОИС Фрэнсис Гарри посетил Пекин, и в знак признания достижений КНР и во имя совершенствования механизмов сотрудничества открыл Пекинский офис ВОИС, один из четырех в мире.

Таким образом, Китайская Народная Республика за рассмотренный исторический период прошла длительный и успешный путь формирования институтов интеллектуальной собственности, авторского права.

Каково же современное состояние организации, документации, практической работы в данной области?

В целом, политикой в сфере регистрации и защиты копирайтов руководит Госсовет КНР (Правительство). Его политика в настоящем определяется важнейшими документами программного характера.

В июне 2008 г. Госсовет представил документ «Обзор стратегии национальной интеллектуальной собственности». В мае 2014 года был опубликован вышеупомянутый разработанный по заданию 18-го съезда КПК План содействия реализации стратегии национальной интеллектуальной собственности (The Promotion plan for the Implementation of the National Intellectual Property Strategy). В декабре 2015 г. Госсовет выпустил «Некоторые мнения об ускорении строительства страны с мощной интеллектуальной собственностью в новых условиях». В них определена стратегия развития и поддержки системы авторского права.

Для реализации политики государства в стране создана разветвленная административная организация, которая постоянно обновляется и совершенствуется. Все ее органы учреждены и функционируют под эгидой Госсовета и именуются «Управления/Администрации, находящиеся в непосредственном подчинении Государственного Совета».

Правами интеллектуальной собственности ранее занималось Государственное управление по делам интеллектуальной собственности (State Intellectual Property Office, SIPO). В тот период в целом работа с интеллектуальной собственностью («промышленной») отличалась сильной децентрализацией. Организации в этой сфере были крайне многочислен-

ны. Патентами ведало Государственное управление по делам интеллектуальной собственности (SIPO), торговыми марками занималось Государственное управление промышленности и торговли (State Administration for Industry and Commerce). «Географическими наименованиями» (как разновидностью торговых наименований) ведало Общее управление надзора за качеством, инспекцией и карантинном (General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine of PRC, AQSIQ).

3 сентября 2018 г. было объявлено о его реорганизации — Государственное управление по делам интеллектуальной собственности (SIPO) превратилось в «Управление национальной интеллектуальной собственности Китая (УНИСК, China National Intellectual Property Administration, CNIPA)». Теперь работа по управлению интеллектуальной («промышленной») собственностью оказалась сосредоточенной в едином центре. Здесь производится регистрация всех ее видов — патентов, торговых марок, географических наименований продукции, отсюда руководят защитой прав и формированием системы охраны прав промышленной интеллектуальной собственности. Данное Управление руководит и разными видами использования прав интеллектуальной собственности (сделками с правами, передачей прав, выдачей принудительных лицензий, и проч.).

В отличие от прав интеллектуальной промышленной собственности, управление копирайтами, или авторскими правами, осуществляет другой орган власти. Органом государственного руководства всеми делами, вопросами, связанными с авторским правом в КНР, ведает так наз. Национальная администрация копирайтов Китая (НАКК, National Copyright Administration of China, 国家版权局, NCAC, www.ncac.gov.cn).

Данный административный орган начал формироваться в 1985 году. Он также прошел извилистый путь формирования.

В январе 1987 г. Госсовет учредил Главное государственное управление по делам печати, издательств (State Administration for Press and Publication / Press and Publication Administration). Его возглавлял Директор. А 25 июля 1987 г. Госсовет переучредил этот орган одновременно и как Национальную администрацию копирайтов Китая, руководитель ее именовался Комиссаром. Таким образом, один орган управления получил два наименования, и его руководитель также получил два титула — Директор и/или Комиссар.

В 2001 г. данный орган был повышен в ранге до Министерства, но его титул сохранен в нынешнем виде — Главное государственное управление по делам печати, издательств (General Administration for Press and Publication — National Copyright Administration of China).

В 2013 г. Главное государственное управление по делам печати, издательств было слито с Государственным управлением радиовещания, кинематографии и телевидения и переименовано в Государственное

управление по делам печати, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения (State Administration for Press, Publication, Radio, Film and Television/ SAPPRFT). При этом Национальная администрация копирайтов Китая (National Copyright Administration of China, NCAC) остается одним органом с ним. Таким образом, орган имеет два названия. Непосредственно проблематикой копирайтов управляет НАКК.

Для претворения в жизнь политического курса Коммунистической партии и государства в области авторского права в КНР создана развитая правовая система.

Нормативная система авторского права в стране в целом состоит из законов, административных указов, регламентов административных властей, нормативных документов и местных правил, а также из юридических толкований, международных соглашений, и т. д. Система создана и адаптирована к конкретным условиям Китая.

Понятие авторского права в законодательстве КНР появилось в «Общих положениях гражданского права» от 1986 г., где в главе 3 статье 94 записано: «Авторское (издательское) право, которым обладают граждане и юридические лица, согласно закону включает право на имя, на выпуск произведения в свет, на получение вознаграждения и другие права» [Общие, с. 19—44].

А первый специальный закон «Об авторском праве» появляется в КНР позже — он принят в сентябре 1990 г., введен в действие с 1-го июня 1991 года. В мае 1992 г. принят дополняющий закон «Регламент реализации авторского права» [Чжуцзуо], опубликованный Госсоветом КНР; он содержит 38 статей. В 2002 г. был принят обновленный «Регламент», действующий и ныне, он содержит также 38 статей. В 1994 г. в КНР было опубликовано «Постановление о наказаниях за посягательство на авторское право».

Закон «Об авторском праве» претерпевал изменения. 27 октября 2001 г. Постоянный комитет ВСНП КНР принял новую редакцию закона. Подробный анализ Закона той редакции был осуществлен в российской литературе д.ю.н. Е.Г. Пашенко [Пашенко Е.Г., с. 325—366].

Закон увеличился в объеме, вместо 56 прежних статей теперь он содержал 60 статей. Из них пересмотру подверглось 42 статьи. В целом Закон был направлен на большую детализацию правовых норм и тем самым большее приближение к практическим потребностям развивающейся экономики Китая.

Согласно данной редакции Закона, в КНР регулированию подлежат авторские и так называемые смежные права («связанные»), охране подлежат произведения письменные и устные, произведения музыкальные, театральные, эстрадные, хореографические, художественные, произведения в сфере фотоискусства, кинематографии, телевидения, видеозаписей,

чертежи строительных проектов и объяснения к ним, географические карты и схемы. Кроме того, в сферу защиты авторского права включается программное обеспечение для компьютеров, этот аспект регулируется обнародованными еще в 1991 г. Положениями о защите программного обеспечения компьютеров.

Еще одна редакция Закона об авторском праве состоялась 26 февраля 2010 г.

Наконец, последняя, третья редакция Закона Постоянным комитетом ВСНП состоялась 11 ноября 2020 г., она вступила в силу с 1 июня 2021 г.

В настоящий момент авторское право КНР опирается на три основных закона: это закон «Авторское право» [Чжуцзуо], ревизованный 23-й сессией Постоянного комитета ВСНП от 11 ноября 2020 года. Закон содержит 6 глав, 67 статей. «Регламент реализации авторского права» [Чжуцзуо], опубликованный Госсоветом КНР еще 8-го августа 2002 г., он содержит 38 статей. И «Комментарии некоторых правовых проблем в гражданско-правовых спорах при рассмотрении авторского права» [Гуаньюй], принятые Верховным народным судом 12 октября 2002 г. Дополнительно, следует заодно принимать во внимание и «Регламент менеджмента коллективных копирайтов» [Copyrights] от 2005 г., он имеет немалое практическое значение.

В совокупности данные нормативные акты определяют объекты и субъекты авторского права, его содержание, сроки охраны авторских прав, а также, смежные права и требования по их охране.

В нормативной базе регулирования копирайтов необходимо учитывать и шесть наиболее важных административных указов, принятых Госсоветом:

— Правила применения международных договоров об авторском праве (Provisions on the Implementation of International Copyright Treaties);

— Правила/ Регламент относительно защиты компьютерного программного обеспечения (Regulations Concerning The Protection of Computer Software);

— Правила/Регламент применения закона об авторском праве КНР (Implementing Regulations of Copyright Law of The PRC);

— Правила/ Регламент относительно коллективного управления авторскими правами (Regulations Concerning the Collective Management for Copyright);

— Правила/Регламент относительно защиты прав передачи информационных сетей и временные меры об оплате вознаграждения за записи продуктов радио и ТВ-станций (Regulations Concerning the Protection of Information Network Transmission Right and Interim Measures Concerning the Payment of Remuneration for Recording Products of Radio Stations and TV Stations).

Китай также активно присоединялся к международным соглашениям и исполняет международные обязательства в данной сфере. После 1992 г. Китай присоединился к ряду важных документов:

— Международная Конвенция о копирайтах (Universal copyright Convention);

— Бернская конвенция о защите литературных и художественных работ (Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works);

— Конвенция о защите производителей фонограмм против несанкционированного дублирования фонограмм (Convention for the Protection of Phonograms against Unauthorised Duplication of their Phonograms);

— Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TRIPS) (Agreement on Trade-related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS));

— Договор о копирайтах Всемирной Организации Интеллектуальной собственности (The WIPO Copyright Treaty (WCT));

— Договор ВОИС о представлениях и фонограммах (The WIPO Performances and Phonograms Treaty (WPPT)).

Китай *ратифицировал* Пекинский договор об аудиовизуальных представлениях (Beijing Treaty on Audiovisual Performances)

Китай стал подписантом Марракешского договора о содействии доступу к опубликованным работам для лиц с трудностями восприятия печатного текста, в Марокко (Marrakesh Treaty to facilitate Access to Published Works for Persons Who Are Blind, Visually Impaired, or Otherwise Print Disabled in Marocco).

Таким образом, китайская система авторского права интегрирована с международным правом.

Власти Китая, опираясь на разветвленную организацию и богатый правовой инструментарий, ведут большую практическую созидательную и организационную работу по внедрению в жизнь и развитию авторской интеллектуальной собственности в стране, ее упрочению.

Деятельность государства, связанная с копирайтами, пронизывает все основные сферы, а именно, — властное/государственное обслуживание копирайтов, общественное обслуживание копирайтов, рыночное обслуживание их.

В КНР широко используется программный софт с защищенным правом собственности. С 2001 г. Генеральный офис Госсовета использует софт с защищенными авторскими правами, и его использование постоянно расширяется от центра к местным властям и предприятиям.

С февраля 2007 г. с одобрения Госсовета НАКК совместно с Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством торговли и другими семью органами административной власти учредили «Систему межминистерской объединенной конференции для

содействия использованию легального программного обеспечения в предприятиях». Позже к ним присоединилось еще до 15 административных органов.

Данная политика стимулировала в стране стандартизацию программ, унификацию рынка софта, и дала толчок разработке своего софта: разработка своего софта поднялась в стоимостном выражении с 59,3 млрд юаней в 2000 г. до 4,3 трлн юаней в 2015 г.

Индустрия копирайтов, их использования демонстрировала активное развитие. Индустрия копирайтов (в произведениях литературы и искусства, прессе и публикациях, радио, фильмах, на телевидении, культуре и развлечениях, искусствах и ремеслах, программировании и информационных сетях) превратилась в точку роста и новый движитель национальной экономики, стала опорой новой экономики.

Вклад индустрии копирайтов в национальную экономику, по данным НАКК, с 2006 г. по 2014 г. вырос с 1,35 трлн юаней до 4,63 трлн. , рост составлял в среднем по 17 % в год. Ее вклад в ВВП страны вырос с 6,39 % до 7,28 %.

Правительство постоянно уделяет внимание распространению знаний в сфере авторского права — образованию и тренингам. Ежегодно в стране проводится ряд тренингов в данной сфере.

Развивался и международный обмен, торговля копирайтами. Как выше говорилось, в 1980 г. Китай присоединился к ВОИС. В 2014 г. Офис ВОИС был открыт в Пекине. В декабре 2015 г. НАКК и ВОИС подписали Меморандум взаимопонимания о дальнейшем усилении двухстороннего сотрудничества между ВОИС и НАКК.

Важным аспектом развития авторской интеллектуальной собственности в стране является защита авторского исключительного права на произведение.

Главной формой защиты авторских прав является юрисдикционная — обращение в суд. При этом допускается ходатайство о мерах по обеспечению авторских прав до возбуждения иска. Споры могут быть урегулированы и в арбитражном (третейском) суде при наличии письменного соглашения сторон.

В КНР предусмотрены и возможности защиты прав ИС посредством *гражданско-правовых тяжб*. Обычно предметом рассмотрения становятся такие нарушения, как продажа, предложение на продажу, использование, производство, экспорт контрафактных товаров. Однако гражданско-правовые тяжбы, возбуждаемые по заявлению истца, пока не являются эффективным инструментом борьбы с нарушением прав ИС. Истец должен сам подтверждать свои иски, при этом улики истца должен заверить публичный нотариус. Обычно рассмотрение дела от подачи жалобы до приговора в среднем занимает шесть месяцев.

Для разбирательства дел о нарушениях прав ИС на уровне некоторых городов и провинций созданы специальные суды по проблемам ИС. На уровне Высшего Народного суда (Higher People's Court) в городах Пекин, Шанхай, Гуандун, Фуцзянь, Хайнань. Суды по правам ИС отделены от экономических отделений. В Пекине, Шанхае, Тяньцзине также учреждены суды по правам ИС внутри посреднических Народных судов (Intermediate). Еще в 1992 г. было создано Отделение по правам ИС в Верховном народном суде (Supreme).

Также закон устанавливает *административную* и уголовную ответственность за нарушение авторских прав. Меры административной ответственности заключаются в уплате штрафа, конфискации противозаконных доходов, конфискации либо уничтожении контрафактных экземпляров; с учетом отягчающих обстоятельств допускается конфискация используемых основных материалов, оборудования. Примечательно, что по смыслу Закона эти меры могут применяться «административным органом, занимающимся вопросами авторского права» без санкции суда.

Административные органы призваны выявлять и документировать факты нарушения авторских прав, изготовления и продажи пиратских копий, контрафактной продукции. Они должны распространять правовую грамотность среди населения в вопросах соблюдения прав ИС. Серьезные и систематические нарушения прав ИС (рецидивы, умышленная контрафакция) должны передаваться ими на рассмотрение суда.

В их обязанности входит: совершать рейды и облавы против офисов подозреваемых, захватывать и уничтожать контрафактные товары; налагать санкции, принуждающее нарушителей прекратить их противоправную деятельность; налагать штрафы на нарушителей за нарушение копирайтов и подделку патентных сертификатов.

Китай с 2004 г. осуществляет целостную системную реформу культурного рынка, в том числе авторского права. С 2005 года Национальная администрация копирайтов Китая (NCAC) начала сотрудничать с Министерством промышленности информационных технологий, Министерством общественной безопасности, Офисом государственной интернет информации, и другими административными органами в проведении специальной кампании против нарушений и пиратства «Меч и Сеть». В ноябре 2011 г. Госсовет учредил «Офис ведущей группы против нарушений интеллектуальной собственности, производства и продажи контрафактной и поддельной продукции». В 2014 г. Китай учредил специальные суды по интеллектуальной собственности. С 2016 г. организаторы кампании рассматривают административные дела, административные штрафы, направляют отдельные дела судебным властям, закрывают веб-сайты по стране. Цель ее — пресечение незаконного распространения в сети литературы, новостей, фильмов и телепрограмм.

Что касается *уголовной* ответственности, то она подлежит установлению в соответствии с Уголовным кодексом КНР. Кодекс (ст. 217) исходит из того, что подобного рода ответственность (лишение свободы на срок до трех лет, арест, крупный штраф) возникает при причинении автору (правообладателю) крупного ущерба при копировании и распространении разного рода произведений без разрешения правообладателя, незаконном издании книжной продукции, изготовлении и сбыте произведений изящных искусств с поддельной подписью и т. д.

Обычно есть три способа возбуждения уголовного дела по обвинению в контрафакции. Во-первых, собственник прав ИС делает соответствующее заявление в Бюро общественной безопасности (Public Security Bureau). Во-вторых, орган административного управления, установив, что ущерб от нарушения прав ИС достаточно значителен, передает дело в органы управления уголовными делами. В-третьих, собственник торговой марки может лично обратиться напрямую в суд и возбудить уголовное дело. Но при этом он должен лично собрать необходимые доказательства (что затруднительно, поскольку для сбора доказательств, как правило, требуются властные полномочия).

Предполагается, что китайские власти будут постепенно снижать порог нормы денежной суммы, от которой зависит отнесение дела к разряду уголовных и возбуждение судебного процесса.

Одним из способов охраны ИС является *таможенная охрана*.

Еще в 1995 г. были приняты Положения о таможенной защите прав интеллектуальной собственности (The Regulations on Customs Protection of Intellectual Property Rights).

В соответствии с позднее принятыми правилами TRIPS, все государства-члены соглашения должны обеспечить такой порядок, при котором владельцы прав ИС при обоснованном подозрении о возможности импорта контрафактной продукции могли подать в органы юстиции или административным властям письменную просьбу о таможенном запрете ввоза этих товаров и поступления их в оборот. Китайские таможенные власти призывают и побуждают регистрировать торговые марки у них. Однако они не делают этого в отношении патентов и копирайтов. Поэтому владельцы патентов и копирайтов должны, чтобы пресечь нарушения, сами предоставлять необходимую информацию таможенному персоналу с точными деталями, вплоть до номера контейнера отгрузки. На практике такая информация может быть получена только с помощью частных детективов, что весьма усложняет таможенный контроль за ввозом контрафактной продукции.

Немаловажным аспектом защиты интеллектуальной собственности является и *борьба со злоупотреблениями, направленными на ограничение конкуренции в данной сфере*.

Еще в 1993 г. был принят «Закон против нечестной конкуренции в КНР» (The Law Against Unfair Competition of the PRC), Закон поставил под запрет подделку зарегистрированных торговых марок, нарушение коммерческих секретов, незаконное использование известных наименований товаров и имен людей, и прочие обманные мошеннические действия.

В 1994 г. одобрен и введен Закон о рекламе (The Advertising Law of the PRC), воспрещающий нечестную, вводящую в заблуждение рекламу в сфере обращения патентов и рекламе в целом.

Соглашения TRIPS предусмотрели уже обязательство государств осуществлять контроль и проводить друг с другом консультации по проблемам действий, ограничивающих конкуренцию. КНР не стоит в стороне от проблем решения этой важной задачи.

Очевидно, что в КНР создана масштабная организация всей работы по защите прав интеллектуальной собственности, в частности, авторских и смежных прав.

В деле обеспечения защиты прав ИС в стране наблюдаются трудности, проблемы как субъективного, так и объективного порядка.

Система административных органов громоздка и не всегда эффективна: вовлечено более десяти агентств, но координация между ними не достаточна, поэтому не редки факты конкуренции, межведомственных конфликтов. Деятельность нарушителей законодательства отличается тем, что они рассредоточивают свои объекты по всей территории страны и мобильно меняют дислокацию при необходимости, а административным органам такой централизации, координации, мобильности не хватает.

Препятствием являются и трудности взаимодействия центра и регионов, местничество. Центр вынужденно делегирует часть функций на места в регионы. Но местные чиновники могут игнорировать политику центра, злоупотреблять своими полномочиями.

Недостаточно независимости у судебной власти страны. Поскольку законодательство не всегда ясно и однозначно, создаются предпосылки для вмешательства чиновников в работу судов. Назначение и выдвижение судей также зависит от местных властей. Местные власти управляют и финансовыми аспектами деятельности судов. Неизбежно происходит трансформация судов из независимой ветви власти в агентов администрации.

Среди судейского корпуса и работников судов наблюдается и даже растет коррупция. К примеру, в 2008 г. было выявлено 712 работников, вовлеченных в коррупционные дела, а в 2012 г. — 1548.

Судьи и судебный персонал не всегда достаточно компетентны. В 2008 г. в КНР было 196 тысяч судей (это 56 % всего судебного персонала). Но среди них только 10 тысяч имели степень магистра или доктора. Ка-

чество подготовки юристов в многочисленных учебных заведениях низкое. Связь юридического образования с академической наукой слабая. В Китае бывает, что на пост судьи назначают людей вообще без высшего юридического образования (по протекции местных и партийных властей).

В Китае в настоящее время осуществляются реформы судебной власти. Предполагается, что перечисленные проблемы будут решены. Но пока они тормозят работу по обеспечению и защите прав интеллектуальной собственности.

Перечисленные проблемы — несовершенство административного аппарата и законодательства, местничество и коррупция, слабость и зависимость судебной системы — могут характеризоваться как имеющие субъективную природу, поскольку решение и преодоление этих проблем находится в сфере возможностей руководства КНР. И, надо думать, со временем власти КНР способны успешно решить эти проблемы.

Но есть и ряд проблем, имеющих объективную природу, возникающих независимо от людской воли, имеющих всемирное распространение, и решение их представляет собой крайне сложную задачу, если вообще такое решение в реальном мире найти возможно.

Знание, результаты духовного творчества, информация разных видов становятся все более объемной и растущей частью современной культуры, богатства общества. Благодаря развитию информационных технологий человечество получает все более широкий и удобный доступ к этим информационным благам, нематериальным ценностям. Книги, музыка, фотоизображения и фильмы, компьютерные программы, новые образцы продукции биотехнологий, растений, химии меняют жизнь людей. Но этот прогресс, с одной стороны, формирует растущий спрос и предложение на информационные богатства, а, с другой стороны, создает условия для их незаконного получения, нарушения прав интеллектуальной собственности.

И в рамках традиционного права для защиты интеллектуальной собственности существовали трудноразрешимые проблемы. Например, авторское право защищает лишь конкретную форму произведения, но не способно охранять общие идеи, изложенные в произведении. По сути, самая весомая часть духовных открытий и свершений оставалась и остается вне правовой защиты.

Современный стремительный прогресс копировальной и множительной техники сделал любые произведения легкодоступными для всех, легко копируемыми. Книжки, фотоизображения, аудио и видеозаписи, программы — все это легко копируется, сохраняется, мгновенно транспортируется на любые расстояния. При этом, массово нарушаются авторские права. Сам научно-технический прогресс одновременно и создает духовные ценности, и подрывает институт интеллектуальной собственности.

Институт интеллектуальной собственности разрушается и функционированием его в рамках рыночной экономики. Защита авторского права, с одной стороны, стимулирует авторов, исследователей, исследователей, конструкторов, изобретателей, всех первооткрывателей к духовному творчеству, но с другой стороны, оплата их труда неизбежно приводит к удорожанию товаров, при этом в то же время современные технологии облегчают подделку товаров. В итоге, законно произведенный товар проигрывает на рынке в ценовой конкуренции контрафактному товару. Поскольку контрафактный товар не включает в себя стоимость разработки товара, он оказывается более дешевым, и потому побеждает на свободном рынке законопослушного производителя и его товар. Возникает конфликт интересов творцов и общества.

Да и государственная власть часто встает на сторону публичного интереса: государство ограничивает сферу защиты авторских прав, оно ограничивает перечень защищаемых интеллектуальных объектов, сроки защиты, может создавать различные исключения и изъятия в защите авторских прав, прав интеллектуальной собственности в целом.

Масштаб и сложность объективных трудностей в деле защиты прав интеллектуальной собственности таковы, что проблема перерастает рамки узкой экономической или гражданско-правовой сферы и становится кардинальной проблемой для определения характера общественного строя в целом. Уместно напомнить в этой связи, что еще в средние века знание считалось «божественным даром» и потому распространяться должно было бесплатно, многие университеты поэтому не брали со студентов плату за обучение [Книга]. И в современном атеистическом мире очевидно, что именно в сфере исключительных прав на интеллектуальные ценности сбывается марксистский прогноз об отмирании частной собственности.

Поэтому реальное положение с защитой прав интеллектуальной собственности весьма сложно и противоречиво, проблема более глубока и сложна, нежели примитивно понимаемые правоохранные и полицейские задачи. Всякий прогресс идет параллельно и с нарастанием трудностей.

И китайскому руководству неизбежно придется решать весьма многообразные, сложные и новаторские проблемы в деле обеспечения и защиты исключительных прав интеллектуальной собственности.

Резюмируя в целом. Таким образом, КНР за несколько десятилетний курса «реформ и открытости» смогла осуществить масштабную модернизацию страны в сфере формирования и охраны авторского права как части прав интеллектуальной собственности. Тем самым создана основа для раскрепощения творческого потенциала китайского народа, налаживания широкого международного сотрудничества, привлечения инвестиций в экономику Китая.

Библиографический список

Книга как подарок в XVI веке и традиция нанесения экслибриса. Книга как подарок в XVI веке I tradiciya naneseniya exlibrisa [A book as a present during XVI th century and Tradition of application of exlibris]. URL: <http://blog.tvoyapechat.ru/tag/ekslibrisy/page/4> (In Russian).

Общие положения гражданского права КНР (Приняты в 1986 г.). *Obschie polozheniya grazhdanskogo prava KNR (prinyati v 1986 g.)*. [General Provisions of Civil law of the People's Republic of China (Adopted in 1986)] //Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит. М.: 1997. С. 19—44. (In Russian).

Пащенко Е.Г. Гражданское право. // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 гг. *Paschenko E.G. Grazhdanskoe pravo // Politicheskaya sistema I pravo KNR v processe reform 1978—2005 gg.* [*Paschenko E.G. Civil law // The Political system and Law of the People's Republic of China in the process of reforms 1978—2005.*] М.: 2007. С. 325—366. (In Russian).

Chen Lu. The Evolution of Intellectual Property Protection in China. 2015, 7. www.scrip.org/journal/ib

Copyrights Registrations of China: Facts and Figures 2021. URL: en.ncac.gov.cn/copyrights/contents/10361/443897.shtml

Гуаньюй шенли чжуцзуо цюань минши цюофен анциан шиюн фалюй жуоган венту дэ цзешуи (Комментарии некоторых правовых проблем в гражданско-правовых спорах при рассмотрении авторского права) *Guanyu shenli zhuzuo quan minshi jiufen anjian shiyong falü ruogan wenti de jieshi* (Interpretation of several issues on the Applicable law in the Trial of Copyright civil disputes). (In Chinese)

Чжуцзуо цюаньфа. (Авторское право) *Zhuzuo quanfa* (Copyright Law). (In Chinese)

Чжуцзуо цюаньфа шиши тиаоли (Регламент реализации авторского права) *Zhuzuo quanfa shishi tiaoli* (Regulations for the implementation of copyrights) (In Chinese)

References

Книга как подарок в XVI веке I tradiciya naneseniya exlibrisa [A book as a present during XVI th century and Tradition of application of exlibris] // <http://blog.tvoyapechat.ru/tag/ekslibrisy/page/4> (In Russian)

Obschie polozheniya grazhdanskogo prava KNR (prinyati v 1986 g.). [General Provisions of Civil law of the People's Republic of China (Adopted in 1986)] //Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит. М.: 1997. С. 19—44. (In Russian).

Paschenko E.G. *Grazhdanskoe pravo //Politicheskaya sistema I pravo KNR v processe reform 1978—2005 gg.* [*Paschenko E.G. Civil law // The Political system and Law of the People's Republic of China in the process of reforms 1978—2005.*] М.: 2007. С. 325—366. (In Russian).

Chen Lu. The Evolution of Intellectual Property Protection in China. 2015, 7.
www.scirp.org/journal/ib

Copyrights Registrations of China: Facts and Figures 2021. URL: en.ncac.gov.cn/copyrights/contents/10361/443897.shtml

Guanyu shenli zhuzuo quan minshi jiu fen anjian shiyong falü ruogan wenti de jieshi (Interpretation of several issues on the Applicable law in the Trial of Copyright civil disputes). (In Chinese).

Zhuzuo quanfa (Copyright Law). (In Chinese).

Zhuzuo quanfa shishi tiaoli (Regulations for the implementation of copyrights) (In Chinese).

А.В. Семенов

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СЧАСТЬЯ В КИТАЕ

Аннотация. Успехи в экономической жизни Китая привели к изменениям в социальной жизни страны. Решение проблемы питания и одежды и переход к более высоким стандартам жизни нашли отражение в духовной жизни китайцев. В обществе был поставлен вопрос о счастье как о духовном ориентире жизни народа. В статье рассматриваются традиционные и современные взгляды китайских философов на счастье. Анализируется дискуссия на тему о счастье известных в Китае специалистов по этике.

Ключевые слова: традиционные ценности, культурный код, проблема счастья, современный Китай

Автор: Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент заведующий кафедрой восточных языков Дипломатической академии Министерства иностранных дел России. E-mail: legatus@bk.ru

A.V. Semenov

THE PROBLEM OF HAPPINESS IN CHINA

Abstract: Success in economic development of China led to changes in the social life of the country. The solution of food and clothing problem and the transition to higher living standards were reflected in the spiritual life of the Chinese. The concept of happiness as a spiritual guide for the life of the people was proposed in the Chinese society. The article discusses the traditional and modern views of Chinese philosophers on happiness. The discussion on the topic of happiness of well-known ethicists in China is analyzed.

Keywords: traditional values, cultural code, problem of happiness, modern China.

Author: Semenov Alexander, PhD in history, Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages in Diplomatic Academy of Ministry for Foreign Affairs of Russia. E-mail: legatus@bk.ru

Вступление Китая во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в 2001 г. обозначило новый этап социально-экономического развития страны. Политика открытости перешла с национального на глобальный уровень. Мировой рынок открылся перед Китаем, и страна успешно воспользовалась этой возможностью.

Темпы развития экономики ускорились. Триумфом подъема Китая стала Пекинская Олимпиада 2008 года на фоне нарастающего финансового кризиса на Западе. В 2010 г. по объему экономики (номинальному ВВП) Китай перегнал Японию и занял второе место в мире после США. Мировым признанием успехов Китая стало приглашение страны в состав 20-ки для решения глобальных мировых проблем.

Изменение места и роли Китая в мире отражали и коренные перемены, которые произошли в стране. Китайские города превратились в современные мегаполисы с развитой инфраструктурой. Обозначился рост среднего класса в КНР. Если в 2000 г. средний класс в Китае составлял всего 3 % населения, то к 2018 г. это показатель охватил 50 % всего населения, то есть 707 млн человек [How Well-off]. Повышение уровня жизни китайцев приводило к расширению их потребностей, изменению их социальной психологии.

На повестку дня вышел вопрос о качестве жизни. Именно тема счастья стала центральной в китайском обществе с 2010-х гг. как комплексный ответ о степени материального благосостояния и психологического удовлетворения жизнью современного китайца.

Поставил проблему счастья в современном китайском обществе известный телевизионный ведущий Бай Яньсун в своей книге «Вы счастливы?» (Синфу лэ ма), которая вышла в издательстве «Чанцзян вэньи чубаньшэ» в 2010 г. Книга основана на биографии автора и его раздумьях об изменениях в китайском обществе после 2000 года.

Тема счастья впервые вышла на телеэкраны страны перед XVIII съездом КПК. В октябре 2012 года, в период празднования дня рождения КНР Центральное телевидение Китая показало новую программу «Идти в народ и слушать голос народа» (Цзоу цзицэн байсин синьшэн), в которой впервые в режиме реального времени телекорреспондентами проводился опрос простых людей на тему: «Счастливы ли Вы? Что такое счастье». В телерепортаже были показаны обычные люди и их рассуждения о современной жизни в Китае. В целом, программа продемонстрировала важность вопроса о счастье в Китае сегодня.

На XVIII съезде КПК было заявлено, что социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху. В чем коренное отличие нового этапа китайского социализма от предыдущего этапа? Ответ на этот вопрос содержался в материалах съезда, в которых целью борьбы правящей партии страны провозглашалась реализация стремления людей к прекрасной

жизни. В китайских СМИ прекрасная жизнь интерпретировалась как счастье, и подчеркивалось внимание к надеждам и чаяниям простых людей. Таким образом, прекрасная жизнь стала важной темой новой эпохи, а счастье ее ключевым словом и прямым выражением прекрасной жизни [Цао Дунбо].

Особый интерес к теме счастья в Китае совпал с появлением в 2012 году в мире под эгидой ООН Международного индекса счастья (Happy Planet Index) и утверждением 20 марта Международным днем счастья.

В связи с бурным развитием развивающихся стран и стран с формирующимися рынками имеющиеся макроэкономические показатели развития экономики стран, как ВВП (GDP) — валовый внутренний продукт, а в большей степени — ППС (PPP) — паритет покупательной способности — уже перестали демонстрировать абсолютное превосходство развитых стран Запада.

Для удержания виртуально-экономического превосходства западные страны стали вводить новые интегральные индексы, которые базировались на таких объективных показателях, как экологическое положение в стране (которое у них заведомо были выше, чем у развивающихся стран вследствие переноса производства в страны Азии); и на субъективных показателях, составленных в соответствии со шкалой западных ценностей.

Таким показателем и стал предложенный в 2006 году Британским Фондом новой экономики (New Economics Foundation) Международный индекс счастья, который должен отражать благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах. Такую же цель преследовали Индекс качества жизни (Quality-of-life index), предложенный подразделением Британской «Экономист Групп» (Economist Group) — «Economist Intelligence Unit» в 2013 году. Результаты ежегодных исследований и подсчетов на основе вышеуказанных показателей становились ориентирами в научных изданиях и материалах СМИ по проблемам уровня жизни и благосостояния населения в разных странах мира.

Эти показатели использовали и западные журналисты, которые приняли активное участие в развернувшейся дискуссии по теме счастья в Китае.

Корреспондент канадской газеты «Глоуб энд мэйл» (The Globe and Mail) Натан Ван дер Клипп (Nathan Van der Klipp) задается вопросом: «Почему, несмотря на экономические успехи страны, китайский народ чувствует себя несчастным?» В качестве аргумента он приводит рост ВВП Китая с 2013 года по 2022 год почти на 50 %, а по индексу счастья КНР в 2013 году занимала 93 место, а в 2020 году оказалась на 94 месте, чем даже ухудшила свое положение.

Новостной сайт радиостанции «Немецкая волна» 3 марта 2019 года опубликовала материал «Китайцы все более и более несчастны» (Чжунго

жэнь юэ лай юэ бу синфу ле?), в котором на основании данных о динамике изменений индекса счастья КНР за период с 2017 по 2019 г., когда Китай занимал позиции: 79 место, 86 место и 93 место соответственно. На этом основании авторы делали вывод о падении благосостояния народа и проблемах на пути политики реформ.

Кэ Лун, обозреватель китайского сайта японской газеты «Нихон кейдзай симбун» — «Никкей» также выступил с материалом «Китайцы, вы счастливы?» (Чжунго жэнь, ни синфу ма?). Автор считает, что залогом счастья является нормальная спокойная жизнь, а проведение реформ приводит к дисбалансу жизненного процесса и в конечном итоге является причиной неудовлетворенности населения своим существованием. Кэ Лун критикует Мо Яня, лауреата Нобелевской премии по литературе, когда последний на вопрос корреспондента, счастлив ли он (после получения премии), ответил: «Не знаю. Никогда не думал об этом». По мнению Кэ Луна, счастье — это интуитивное чувство, которое проявляется инстинктивно, и это не вопрос знания [Ke Long].

Однако именно ответ писателя Мо Яня отражает сложное отношение китайцев к самому понятию «счастья».

Традиционное объяснение «счастья» заключено в следующих иероглифах:

1) 幸福 состоит из двух частей — 幸: 幸运 — счастливый случай; и 福: 福命 — счастливая судьба. Фактически, 幸福 включает два смысла: краткосрочного и долгосрочного счастья, то есть удачи и судьбы;

2) 吉祥 — счастливое предзнаменование, знак счастливой судьбы;

3) 双喜 — счастье как радость вдвоем — пожелание по случаю свадьбы;

4) в трактате «Шуцзин» главе Хунфань (IX—X вв. до н.э.) приводится определение полного счастья, букв. пяти проявлений счастья (У фу), которое охватывает практически все стороны субъективного удовлетворения жизнью: « первое [проявление счастья] — долголетие, второе — богатство, третье — здоровье [тела] и спокойствие [духа], четвертое — любовь к целомудрию, пятое — спокойная кончина, завершающая жизнь» [Шу Цзин, с. 111].

Общие воззрение на счастье у китайцев близки к пониманию счастья на Западе. Польский исследователь понятия «счастье» В. Татаркевич предлагал рассмотреть четыре ракурса счастья. По его мнению, счастливым является тот, кто

во-первых, обладает счастливой судьбой;

во-вторых, познал самые сильные радости в жизни;

в-третьих, обладал наивысшими благами, или, во всяком случае, положительным балансом жизни;

в-четвертых, доволен своей жизнью [Татаркевич, с. 37].

Тем не менее, при наличии общих с западной концепцией «счастья» компонентов китайский взгляд имеет особенности, которые опираются на иную культурно-философскую основу.

а) в основе китайского миропонимания лежит принцип «Великого Предела» (太极), предполагающий взаимопроникновение противоположностей [Малявин, с.11].

Отношению к счастью можно выразить словами великого Лао-цзы: «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства» [Дао Дэ Цзин, с. 132].

В соответствии с китайским мышлением проблему счастья нельзя отделить от понятия «несчастья». Эти две противоположности сосуществуют друг с другом, проникают друг в друга, и главное поддерживать их правильный баланс, что зависит непосредственно от человека.

В «Шаншу. главе Хунфань» приводятся 6 несчастливых крайностей (Лю Цзи), которые коррелируют с понятием 5 проявлений счастья: первая — сокращенная бедствиями жизнь, вторая — болезнь, третья — горе, четвертая — нищета, пятая — уродство [тела], шестая — слабость [ума] [Дао Дэ Цзин, с. 111].

Поэтому в состав понятия счастья входят счастливые предзнаменования, талисманы, обереги, которые подсказывают человеку правильный путь к счастью и помогают удержать счастье в своих руках.

б) философские системы древности, распространенные в Китае, как конфуцианство, даосизм и буддизм, — закладывали культурный код счастья, отличный от западного.

Западные философы, начиная с древних греков, средневековых схоластов и до позитивистов нового времени, акцентировали внимание на отдельном индивиде и удовлетворении им чувственных наслаждений или интеллектуального познания, или духовного стремления к богу. Западный индивидуалист активен, экстравертен, настойчив в достижении своей цели. Наконец, он готов осчастливить весь мир.

Восточные философские учения воспитывали человека быть в гармонии с обществом (конфуцианство), природой (даосизм) и самим собой (буддизм). Человек в китайской цивилизации социально-ориентирован, интравертен, настойчив в самосовершенствовании, склонен к активному духовному недеянию (увэй). Счастье для китайца всегда заключалось в адаптации к изменчивому потоку жизни, в ходе которой он путем упорного труда и самосовершенствования добивался благосостояния для своего узкого социума — семейного клана.

в) китайцам присущ холистический взгляд на мир [Малявин, с. 17—18]. Их отличает целостный подход к ситуации. Им важно мнение окружающих, мнение со стороны. Именно поэтому писатель Мо Янь на во-

прос журналиста о счастье ответил: «Не знаю». Кстати, далее он пояснил: «Счастье — это когда ни о чем не думаешь, можешь отложить все дела, чувствуешь себя здоровым и не испытываешь психологического давления, только тогда ты счастлив. А сейчас я весь на нервах, постоянно волнуясь, могу ли я быть счастлив? Но если я скажу, что я несчастлив, вы скажете, что это слишком претенциозно: получить Нобелевскую премию — и быть несчастным!» [Лу Гочэн] В этих словах известного писателя заключается китайский взгляд на счастье. Этот взгляд противоречив: с одной стороны, получить Нобелевскую премию — это достижение счастья — великой цели мирового признания, а с другой — психологическое давление и эмоциональные переживания не позволяют в полной мере ощутить полноту счастья.

* * *

С начала политики реформ и открытости экономика Китая получила бурное развитие. В течение жизни одного поколения произошла глубокая модернизация социально-экономической жизни страны. Состоялся переход от доиндустриального уклада к индустриальному и далее к информационному. Экономическая модель экстенсивного роста с массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами стала трансформироваться в модель высококачественного развития с акцентом на эффективность, сбалансированность и устойчивость.

В социальной жизни также произошли коренные изменения. Ускоренными темпами стал решаться вопрос «благосостояния народа» (миньшэн), о котором мечтал еще великий китайский революционер Сунь Ятсен. Руководство Китая в течение короткого исторического периода обеспечило народ едой и одеждой (вэньбао), тем самым гарантировало первичные потребности людей. На следующем этапе было реализовано повышение благосостояния народа до уровня зажиточной жизни (фуюй шэнхо). Далее на повестку дня была выдвинута цель — построение прекрасной и счастливой жизни (синфу мэйхао дэ шэнхо). Если на предыдущих двух этапах приходилось решать количественные задачи экономического порядка, то на третьем этапе — тема счастья оказалась комплексной проблемой качества жизни, которая включала политическую, экономическую, социальную, культурную и экологическую составляющие. Исторической основой темы счастья был китайский культурный код, который был заложен в древности, отражался в китайской иероглифической письменности и проявился в национальном менталитете китайцев.

Первые подходы к изучению проблемы счастья и способам его изменения были осуществлены в начале 2000 г., в период руководства страной председателя Ху Цзиньтао. Предложенная в ходе его правления концепция счастья как «гармоничного общества» (хэсе шэхуэй) и «ориенти-

рованности на человека» (и жэнь вэй бэнь) предполагала дальнейшую интеграцию в глобальный мир, конвергенцию в форме «гармоничного мира» и акцентирование внимания на интересах индивида. Такая постановка вопроса означала не столько отход от традиционного китайского культурного кода, сколько поиск и изучение тех западных смыслов, которые можно было перенять и гармонизировать в рамках своей цивилизационной модели.

Именно в период Ху Цзиньтао китайские ученые и эксперты проводили глубокое изучение западных теорий о счастье и вслед за западными коллегами разрабатывали, главным образом, количественные показатели — индексы счастья.

В феврале 2005 года Пекинское статистическое бюро опубликовало «Обследование гармоничного общества в Пекине», в котором было выделено 7 основных показателей ощущения счастья жителей столицы Китая, в том числе состояние здоровья, миролюбие в семье, удовлетворенность работой и т. д. [Ма Шилун, Дань Чжихуэй, с. 15—16].

В 2006 г. Академия общественных наук в Шэньчжэне в ходе социологического исследования «Гармоничный Шэньчжэнь» провели два опроса горожан на темы: «Гармония в обществе» и «Личное счастье». Социологический опрос о счастье включал три категории показателей: когнитивный, психологический и коммуникативный [Лэ Чжэн].

В 2008 г. Директор Академии общественных наук провинции Цзянсу и города Нанкина Е Нанькэ и его заместитель Чэнь Жу разработали и опубликовали сложную систему индекса счастья для жителей Нанкина. Данная система состояла из трех уровней.

Первый уровень делился на две категории — социальной и индивидуальной жизни.

На втором уровне эти две категории подразделялись на 4 фактора (социальной жизни): экономический, политический, социальный и культурный — и 3 фактора индивидуальной жизни: экономический, межличностный и индивидуальный.

На третьем уровне были представлены 19 индикаторов, связанных с социальной и индивидуальной жизнью [Е Нанькэ, Чэнь Жу, с. 87—95].

Данная система была ориентирована на всестороннее выявление удовлетворенности жизнью и отношения к счастью простых жителей Нанкина.

В 2007 г. по инициативе журнала «Ляован дунфан чжоукань» агентства Синьхуа был проведен конкурс «Самый счастливый город Китая». При опросе была использована система оценки счастья профессора Кристофера К. Хси (Christopher K. Hsee) из Бизнес школы Чикагского университета, которая включала 12 конкретных показателей, таких как природная среда, условия дорожного движения, скорость развития,

уровень цивилизации, возможность зарабатывать деньги, уровень медицинского обслуживания и здравоохранения, уровень образования, цены на жилье, человеческие отношения (дружелюбие), общественная безопасность, условия занятости и удобство жизни [2008 Чжунго]. В дальнейшем именно этот показатель благополучия населения городов остался единственным всекитайским индексом счастья, который был поддержан властями и который существует и по сей день. В 2021 году самыми счастливыми городами Китая были признаны Чэнду, Нинбо, Ухань, Циндао, Синин, Ханчжоу, Чанша, Нанкин, Гуйян и Харбин [2021 Чжунго].

Бурный экономический рост Китая в первое 10-летие XXI века способствовал приоритету экономических показателей. Тогда казалось, что чем выше ВВП, в том числе и на душу населения, тем выше должен быть индекс счастья. Впоследствии оказалось, что прямая зависимость между показателями ВВП и счастья присутствует в определенный период развития и до определенного уровня доходов.

Именно об этом и говорил парадокс Истерлина (Richard A. Easterlin) (happiness—income paradox): уровень счастья увеличивается у бедных людей, но эта зависимость не работает для среднего класса и богатых людей, которым повышение дохода после определенного уровня уже не приносит удовлетворения.

Впервые Истерлин выдвинул эту закономерность в 1974 г., а в 2010 г. подтвердил ее справедливость. Декан факультета психологии Университета Цинхуа Пэн Кайпин также считает, что счастье не обязательно зависит от экономического развития. Исследования показали, что ни Пекин, ни Шанхай не вошли в 50 самых счастливых городов Китая. Пэн Кайпин полагает, что в бедных регионах и городах индекс счастья растет вместе с экономическим развитием, но существует точка перелома — это 3000 долларов США на душу населения. После того, как ВВП на душу населения превышает эту сумму, экономический рост уже не влияет на индекс счастья. В этом случае для улучшения жизни людей следует рассматривать другие факторы [Цзинь Хаотянь].

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. парадигма развития политической и социально-экономической жизни изменилась. Китай вышел на второе место в мире по ВВП и вступил на путь прямой конкуренции с США. КНР стала более открыто и настойчиво претендовать на место в глобальном управлении, расширяя свое влияние в МВФ и углубляя свои позиции в ВТО. Китай как глобальная держава выдвинул крупномасштабные проекты мирового уровня: экономическую инициативу «Один пояс, один путь» (и дай и лу) и политическую концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» (жэньлэй минъюнь гунтунти). Осознавая повышение роли Китая в мире, США и другие западные страны сначала с

помощью экономических и политических санкций стремились к сдерживанию КНР, а затем при президенте Д. Трампе даже начали торговую войну.

Сложная международная обстановка, снижение темпов экономического роста внутри страны, с одной стороны, и необходимость оздоровления политической жизни (борьба с коррупцией) и выполнения стратегической задачи — построения общества средней зажиточности (сяокан шэхуэй) — с другой, привели к корректировке ряда показателей качества жизни, в том числе индекса счастья.

Идеологические ориентиры «гармоничного общества» и «ориентированности на человека» не соответствовали духу времени. О какой гармонии можно было говорить в ситуации, когда стали усложняться отношения с западными странами, а внутри страны разрасталась коррупция, увеличивалось неравенство между людьми и не была решена проблема нищеты.

Призыв XIX съезда КПК «не забывать о первоначальных намерениях...» (бу ванцзи чусинь...) относился не только к коммунистам, которые должны были следовать моральным нормам Устава КПК, но и ко всему китайскому народу в том смысле, что в глобальном мире нельзя забывать свой культурный код. Индекс счастья был переориентирован с индивидуального человека (и жэнь вэй бэнь), на весь народ (и жэньминь вэй чжунсинь). «Служить народу» (вэй жэньминь фу ву) — этот лозунг первого поколения китайских руководителей снова оказался востребованным в политическом дискурсе нового руководства КНР. Он стал доминантой социально-экономической политики Председателя Китая Си Цзиньпина. Добиваться счастья для китайского народа (цаофу жэньминь) — это выполнить программу ликвидации бедности, не забыть ни одного человека и всем вместе вступить в этап среднезажиточного общества.

Произошли изменения в исследованиях на тему «счастья». Работы по количественному измерению счастья — разработка разнообразных показателей и индексов стали уступать философско-этическому осмыслению проблемы. Как сказал профессор философии университета Цинхуа Вань Цзюньжэнь, «в каком-то смысле экономисты всегда стоят рядом с богатыми, а ученые по этике — всегда на стороне бедных» [Вань Цзюньжэнь]. Первые исследуют богатство, а вторые — справедливость. Таким образом, курс государства на ликвидацию бедности способствовал развитию в Китае этического подхода к вопросу «счастья».

В январе 2017 г. в газете «Гуанмин жибао» прошла дискуссия на тему: «Какая концепция счастья требуется современному человеку». В ней участвовали известные в Китае философы, специалисты по этическим проблемам: Цзян Чан — профессор Колледжа философии Хубэйского университета, Ли Итянь — профессор Центра исследований нравственного

обучения в высших учебных заведениях Университета Цинхуа и Чжань Шию — профессор Колледжа гуманитарных наук Наньчанского университета. Вел дискуссию Вань Цзюньжэнь — профессор Университета Цинхуа, председатель Общества этики Китая¹.

Основные вопросы, которые были поставлены на обсуждение: должно ли общество достичь консенсуса по проблеме счастья? Может ли оно добиться взаимопонимания по данному вопросу? Какая концепция счастья нужна Китаю?

Участники дискуссии — известные ученые КНР в области этики положительно ответили на центральный вопрос о возможности достижения консенсуса в китайском обществе по вопросу счастья. Однако достичь взаимопонимания по этому сложному и многогранному вопросу непросто.

Все авторы критикуют бытующие в обществе одномерные подходы к проблеме счастья: стремление получить все больше и больше социальных ресурсов или удовлетворение чувственных и материальных желаний. Эти подходы сугубо индивидуальны, субъективны. Они дают временное ощущение счастья как приобретения и не могут служить общей основой для общества.

Консенсус в обществе китайские ученые видят в понимании проблемы счастья как сложного многомерного явления, взятого в совокупности внешних и внутренних факторов, объективного и субъективного измерений, и предусматривающего постоянное динамическое развитие.

Отличие подходов китайских философов состоит в том, что, рассматривая концепцию счастья в многостороннем единстве, Цзян Чан понимает счастье в большей степени как динамический процесс — всестороннего и полного развития личности с постоянным движением к прекрасной жизни. Чжань Шию обращает внимание на объективное измерение концепции счастья, при котором решающую роль играет социальный фактор. Важен еще и фактор удачи, но и он во много зависит от общественных отношений индивида. Ли Итянь также рассматривает проблему счастья в динамике, но он полагает, что достижение счастья в большей степени зависит от личных внутренних субъективных качеств человека — от его добродетели. Чувство меры и добродетель помогут сдерживать увеличение внутренних потребностей. Внешние условия также зависят от субъективного фактора: чем более добродетельным будет субъект действия, тем лучше и эффективнее будут его социальные результаты.

* * *

Тема счастья в Китае актуализировалась с переходом страны к информационному обществу. Вступление в глобальный мир способствовало

¹ Подробнее о дискуссии см. [Семенов, с. 132—146].

бурному экономическому росту, повышению благосостояния народа и изменению социально-психологической атмосферы в обществе.

Достижение материального благополучия большей части китайского народа выдвинуло новые социальные проблемы, в том числе и проблему счастья.

Традиционный взгляд на счастье стал симбиозом идей мощных философских систем — конфуцианства, даосизма и буддизма, а также обыденных представлений древних китайцев.

Современное отношение китайцев к счастью является как отражением концепций западной науки и стереотипов западной жизни, так и научных разработок китайских ученых и воспитательной работы государства. Присутствует также влияние традиционного китайского культурного кода.

Политика китайского руководства по проблеме счастья предусматривает поддержку положительных национальных прототипов, ориентацию на социалистические духовные ценности и активную деятельность на благо всего народа.

Библиографический список

Дао Дэ Цзин. Пер. Ян Хин-шуна / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1972. С. 132.

Малявин Владимир. Китай Управляемый. Старый добрый менеджмент. Серия: «Формы правления». М.: «Европа», 2007. 304 с.

Семенов А.В. Дискуссия по проблеме счастья в современном Китае. Восточный альманах. сб.науч.ст. Вып. IV / Под общ. ред. М.Г. Троянского; науч. ред. Т.А.Закаурцева; ред.кол. / А.Т. Мозлов, О.А. Добринская, А.К. Галимзянова. М.: Дипломатическая академия: Квант Медиа. 2020. С. 132—146.

Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. Составление и перевод с польского Л.В.Коноваловой. Издательство «Прогресс». М.,1981. С. 37

Шу Цзин. Пер. С. Кучеры / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль». 1972. С. 111.

Вань Цзюжэнь тань: Шэммо цзяо синфу, цзэньян чуанцзао, чжуйцюхэ фэнсян синфу (Беседа с Ван Цюньжэнем: что такое счастье? Как создавать счастье, стремиться к нему и делиться счастьем). *Тяньцзинь жибао*. 08.08.2011.

Е Нанькэ, Чэнь Жу и др. Хэсе шэхуэй дэ чжугути дунли, чжунци мубяо юй шэньцэн чжаньлюэ — Сяньдай чэнши цзюйминь дэ синфугань пингу юй тишэн луцзин (Главная движущая сила, конечная цель и многоуровневая стратегия гармоничного общества — Оценка ощущения счастья современных горожан и пути его повышения)// *Наньцзин шэхуэй кэсюэ*. 2008. № 1. С. 87—95.

Кэ Лун. Чжунго жэнь, ни синфу ма? (Китайцы. Вы счастливы?). *Нихон кейд-сай симбун*. Никкей. Чжунвэнь ван. 13.04.2017.

Лу Гочэн. Мо Янь — Ни Синфу ма? (Мо Янь, вы счастливы?) // *Ибао*. 15.02.2013.

Лэ Чжэн. Синфу чжишу дэ гоучэн хэ инсян иньсу (Состав и факторы, влияющие на индекс счастья) // *Наньфан жибао*. 22.06.2006.

Ма Шилун, Дань Чжисхуэй. Бэйцзин сяньсин шисуань гоминь синфу чжишу (Первый пробный расчет национального индекса счастья в Пекине) // *Шуцзюй*. 2006 № 8. С.15—16.

Цао Дунбо. Си Цзиньпин сань гэ юэ нэй сань ти «Синфу», и вэйчже шэммо (Синь Цзиньпин в течение трех месяцев три раза упомянул слово «счастье», что это означает) // *Шангуань синвэнь*. 29.03.2018.

Цзинь Хаотянь. Цинхуа Синфу Чжунго чжишу гунбу — Чжунго жэнь синцилю цзуй куайлэ (Объявлен конкурс Университете Цинхуа: Индекс счастливого Китая — самый счастливый день недели у китайцев — это суббота). *Гуанмин жибао*. 24.03.2014.

2008 Чжунго цзуй цзюй синфугань чэнши баогао (Отчет 2008 года о самом счастливом городе Китая). 30.12.2008 / URL: <http://www.lwdf.cn/oriental/cover-story/20081230161419147.htm> (дата обращения: 04.05.2022).

2021 Чжунго цзуй цзюй синфугань чэнши бандань цзесяо: Чэнду, Ханчжоу, Нинбо дэн жу сюань (Объявлен список самых счастливых городов Китая на 2021 год: Чэнду, Ханчжоу, Нинбо и др.). *Пэнпай синвэнь*. 31.12.2021.

How Well-off is China's Middle Class // *China Power*. URL: <https://chinaprower.csis.org/china-middle-class/> (дата обращения: 03.05.2022 года).

References

Dao De Jing. Translated by Yang Hing-shun / Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes. T.1. M.: Publishing house of socio-economic literature “Thought”. 1972. p. 132. (In Russian).

Malyavin Vladimir. China Managed. Good old management. Series: “Forms of government”. M.: “Europe”. 2007. P. 11. (In Russian).

Semenov A.V. Discussion on the problem of happiness in contemporary China. Eastern almanac. collection of scientific articles Issue IV / Under the general. ed. M.G. Trojan; scientific ed. T.A. Zakaurtseva; editorial team / A.T. Mozloev, O.A. Dobrinskaya, A.K. Galimzyanova. M.: Diplomatic Academy; Kvant Media. 2020. P.132—146. (In Russian).

Tatarkevich V. About happiness and perfection of man. Compiled and translated from Polish by L.V. Konovalova. Progress Publishing House. M., 1981. P. 37. (In Russian).

Shu Jing. Translated by S.Kuchera // Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes. T.1. M.: Publishing house of socio-economic literature “Thought”, 1972. P. 111. (In Russian).

Wan Junren tan: shenmo jiao xingfu, zenyang chuangzao, zhuiqiu he fengxiang xingfu (Wan Junren talks: what is happiness, how to create, pursue and share happiness). *Tianjin ribao*. 08.08.2011. (In Chinese).

Ye Nanke, Chen Ru, etc. Hexie shehui de zhuti dongli, zhongji mubiao yu shenceng zhanlue — Xiandai chengshi jumin de xingfugan pinggu yu tisheng lujing (The Main Power, Ultimate Goal and Deep Strategy of a Harmonious Society: The Evaluation and Improvement Path of Modern Urban Residents' Happiness)// *Nanjing Social Sciences*, 2008. No 1. P. 87—95. (In Chinese).

Ke Long. Zhongguo ren, ni xingfu ma? (Are you happy, Chinese?)// *Nihon Keizai Shimbun*. Nikkei. Zhongwen wang. 13.04.2017. (In Chinese).

Le Zheng. Xingfu zhishu de goucheng he yingxiang yinsu (The Composition and Influencing Factors of Happiness Index)// *Nanfang ribao*. 22.06.2006. (In Chinese).

Lu Guocheng. Mo Yan — Ni Xingfu ma? (Mo Yan, are you happy?) // *Ibao*. 02.15.2013. (In Chinese).

Ma Shilong and Dan Zhihui. Beijing xianxing shisuan guomin xingfu zhishu (Beijing First Attempt of Calculation of National Happiness Index)// *Shuju*. 2006. No. 8. P.15—16. (In Chinese).

Cao Dongbo. Xi Jinping san ge yue nei san ti “Xingfu”, yi weizhe shenmo [Xin Jinping mentioned the word “happiness” three times in three months, what does it mean]// *Shangguan xinwen*. 29.03.2018. (In Chinese).

Jin Haotian. Qinhua Xinfu Zhongguo zhishu gongbu: Zhongguo ren xingqiliu zui kuaile (“Tsinghua Happy China Index” Announced — Chinese People the happiest day is Saturday). *Guangming Daily*. 24.03.2014. (In Chinese).

2008 Zhongguo zui ju xingfugan chengshi baogao (2008 China's Happiest Cities Report). 30.12.2008. URL: <http://www.lwdf.cn/oriental/cover-story/20081230161419147.htm> (Accessed: 04.05.2022). (In Chinese).

2021 Zhongguo zui ju xingfugan chengshi bangdan jiexiao: Chengdu, Hangzhou, Ninbo deng ru xuan (2021 list of the happiest cities in China announced: Chengdu, Hangzhou, Ningbo, etc) . *Pengpai xinwen*. 30.12.2021. (In Chinese).

How Well-off is China's Middle Class // China Power. URL: <https://chinapower.csis.org/china-middle-class/> (accessed: 03 May, 2022 года).

Г.И. Саркисова

РАПОРТЫ СЕЛЕНГИНСКОГО КОМЕНДАНТА В.В. ЯКОБИ В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-е ГОДЫ XVIII В.

Аннотация. В статье рассматривается состояние дел на границе между Российской и Цинской империями в 60-е гг. XVIII в. по данным рапортов селенгинского коменданта В.В. Якоби в Коллегию иностранных дел. В отечественной историографии эти документы не исследованы в должной мере. Вместе с тем, рапорты В.В. Якоби наполнены самой разнообразной информацией, полученной, с одной стороны, из переписки с монгольскими пограничными управителями, а с другой — от российских толмачей, доставлявших корреспонденцию, от перебежчиков на российскую территорию и от пограничных комиссаров.

Благодаря сообщениям селенгинского коменданта Коллегия иностранных дел в 60-е годы XVIII в. была информирована как о его предложениях монгольским пограничным управителям по решению ялинских дел, урегулированию конфликтов и обмену пленными, так и о предупреждении им пограничных управителей о неприемлемости проявлений враждебности и грубости в дипломатической переписке.

Представленные в рапортах сведения перебежчиков о намерениях китайской стороны, ее военной подготовленности, настроениях среди местного населения, о приблизительном географическом расположении населенных пунктов от границы учитывались Коллегией иностранных дел при формировании отношений с Китаем.

Сведения о различных способах нарушения границы (во время охоты, рыбной ловли, угона скота) также представляли интерес для выработки договорно-правовых норм и, вероятно, не были оставлены без внимания при принятии на российско-китайских пограничных переговорах дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату о режиме на русско-китайской границе

(18 октября 1768 г.), подписанной с российской стороны полномочным комиссаром И.И. Кропотковым.

Ключевые слова: селенгинский комендант, В.В. Якоби, рапорты, Коллегия иностранных дел, монгольские пограничные управители.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

REPORTS OF THE SELENGA COMMANDANT V.V. YACOBI TO THE COLLEGIUM OF FOREIGN AFFAIRS AS A SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION ON RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE SIXTIES OF THE 18th CENTURY

Abstract: The article examines the state of affairs on the border between the Russian and Qing empires in the sixties of the 18th century according to the reports of the Selenga commandant V.V. Yacobi to the Collegium of Foreign Affairs. In Russian historiography these documents have not been duely studied. At the same time, the reports of V.V. Yacobi contain a wide variety of information, obtained, on the one hand, from correspondence with the Mongolian border administrators, and, on the other hand, from Russian interpreters who delivered correspondence, from defectors to Russian territory and from border commissars.

In the sixties of the 18th century the reports of the Selenga commandant informed the Collegium of Foreign Affairs on his proposals to the Mongolian border stewards with regards to the Yali matters, on conflicts resolution and exchange of prisoners, as well as about his warnings to the border stewards about unacceptability of hostility and rudeness in diplomatic correspondence.

The information presented in the reports of the defectors about the intentions of the Chinese side, its military preparedness, the mood among the local population, the approximate distance of the settlements from the border, was taken into account by the Collegium of Foreign Affairs for forging relationships with Chine.

Information about various ways of border violation (during hunting, fishing, cattle rustling) was also of interest for the development of contractual and legal norms and, probably, was not ignored when an additional article to the Kyakhta treaty on the regime of operations was adopted at the Russian-Chinese border negotiations (October 18, 1768), signed on the Russian side by the plenipotentiary commissioner I.I. Kropotov

Keywords: Selenga commandant, V.V. Yakobi, reports, Collegium of Foreign Affairs, Mongolian border guards.

Author: Sarkisova Galina I., Ph.D (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Обострившиеся проблемы в отношениях России и Китая в 60-е годы XVIII в. требовали урегулирования. Недовольство китайской стороны вызывали надолбы, установленные российской стороной на границе для пресечения ее нарушений, пошлины, взимавшиеся с русских купцов в Кяхтинской таможне и влиявшие на повышение цен на русские товары для китайских купцов, нерешенные ялинские дела, связанные с уплатой пени за угон скота из заграницы. Действенным способом давления на Россию в стремлении добиться от нее необходимых для Китая решений этих проблем было прекращение торговых отношений. В 1762 г. китайцы на 6 лет приостановили торговлю (на самом деле имевшую не менее важное значение и для китайских купцов) в приграничной Кяхте¹. Лишь в 1768 г. полномочный комиссар полковник И.И. Кропотов, подписав на российско-китайских пограничных переговорах соглашение, предусматривавшее снесение надолбов, отмену пошлин с русских товаров и предание бывших старых дел «молчанию» [Русско-китайские..., док. № 9, с. 53], добился возобновления кяхтинской торговли. Привлечение неизвестных архивных материалов к исследованию истории русско-китайских отношений в 60-е гг. XVIII в. позволяет расширить совокупность обстоятельств и факторов, формировавших эти отношения.

Одним из ценных источников, содержащих сведения о состоянии дел на границе между Российской и Цинской империями в 60-е гг. XVIII в., являются хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) рапорты селенгинского коменданта генерал-майора В.В. Якоби в Коллегию иностранных дел. В отечественной историографии они не исследованы в должной мере. Так, в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского, Г.А. Сычевского, А.П. Васильева и ряда других исследователей встречаются лишь отдельные ссылки на рапорты селенгинского коменданта при упоминании о нем и освещении истории русско-китайских отношений в 50—60 гг. XVIII в., в то время как эти документы заслуживают более пристального внимания.

Варфоломей Валентинович Якоби (1693—1769) внес значительный вклад в укрепление русско-китайской границы и в организацию пограничной службы. С 1740 г. он был селенгинским комендантом и генеральным пограничным управителем, возглавлял Канцелярию пограничных дел. Основное значение деятельности генеральных пограничных управителей в соответствии с инструкцией С.Л. Владиславича-Рагузинского² состояло в том, «дабы двору китайскому не дать причины к разорванию мира, нарушению корреспонденции и остановке коммерции, к испровер-

¹ Торговая слобода на р. Кяхте.

² В 1725—1728 гг. С.Л. Владиславич-Рагузинский (1668—1738) возглавил русское посольство в Китае и принял участие в разработке и подписании Буринского и Кяхтинского договоров (1727 г.).

жению границы, которая в сем деле главнейшая» [Сычевский, с. 57]. Под контролем В.В. Якоби находились как охрана границы, так и обеспечение безопасности направлявшихся в Пекин торговых караванов. Ему приходилось не только вести переписку с монгольскими пограничными управителями, но и нередко участвовать в переговорах с ними по урегулированию пограничных проблем. Занимавший жесткую позицию в отстаивании интересов России В.В. Якоби вызывал недовольство китайской стороны, которая неоднократно выражала его в своих листах в Правительствующий сенат. В 1764 г. генерал-поручик И.И. Шпрингер сменил В.В. Якоби на посту главного пограничного управителя.

Однако в обязанности генерал-майора В.В. Якоби по-прежнему входили постоянные контакты с монгольскими пограничными управителями. Его рапорты в Коллегию иностранных дел наполнены самой разнообразной информацией, полученной как из переписки с китайской стороной, так и от российских толмачей, доставлявших корреспонденцию и имевших беседы с начальниками монгольских караулов, и от перебежчиков в российскую сторону, и от пограничных комиссаров. Кроме того, и местная сибирская администрация оповещала селенгинского коменданта обо всех происшествиях на подвластной ей территории. Так, в промемории, полученной генерал-майором В.В. Якоби 2 октября 1766 г. из Канцелярии нерчинского горного начальства³, сообщались на основании рапорта Аргунской приказной избы сведения из допроса крестьянина Ивана Доставалова. Суть их состояла в том, что «на устье Аргуни-реки были в бегах из Аргунского ж острогу⁴ крестьяне Осип Доставалов, Филип Филипов да с ними ж третьей ссыльной, а как зовут и прозвания, не знает». Эти люди были пойманы и увезены китайцами в город Ангун⁵ [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/2, 1766—1769, д. 15, л. 112]. Та же информация, полученная уже из другого источника — от китайца по имени Жульбинга — была подтверждена в сообщениях селенгинскому коменданту от главного командира сереброплавильных заводов Суворова и из Цурухайтуевского форпоста. Кроме того, китаец объявил следующее: «Имеетца де российских людей вниз по Амуру на усть речки Албазихи немалое число, а именами Василей Бурдуков з братом Афанасьем и новокрещеной

³ Канцелярия Нерчинского горного начальства была учреждена в 1757 г. для управления Нерчинским заводом.

⁴ Аргунский острог был заложен на правом берегу р. Аргунь в 1681 г., но в 1690 г. был перенесен на левый берег согласно Нерчинскому договору (1689).

⁵ «Ангунт, Ангун, Ангунь, Айгун — прежние названия современного китайского города Хэйхэ в провинции Хэйлуцзян, находящегося напротив российского города Благовещенска Амурской области. Расстояние между городами через Амур менее одного километра». URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-263-0/978-5-88431-263-0_03.pdf

Иван Завулягин с юртами, з женами и з детьми, да при них же де еще Ларион Заулягин, крестьянин Тимофей Аикин, ссыльной Алексей Веснин, а протчих-де он, китаец Жульбинга, не знает» [АВПРИ, л. 112—112 об.]. Также, по словам китайца, вниз по реке Амур проживал еще один российский подданный: челдон⁶, «которому дано от китайских начальников немалое число китайских людей якобы для промыслу рыбы на тех китайских начальников» [АВПРИ, л. 115 об.] На основании полученных сведений генерал-майор В.В. Якоби обратился к монгольским пограничным управителям с письмами о поимке и отдаче всех этих людей в российскую сторону «по силе мирного трактата и по продолжающейся между обоими государствами соседственной дружбе» [АВПРИ, л. 115 об.]. Причем возвращение на российскую территорию людей, живших по Амуру, генерал-майор В.В. Якоби предложил осуществить общими усилиями находившихся на нерчинской границе монгольских начальников и российского капитана на Цурухайту⁷ с их подчиненными. Он заверил китайскую сторону в том, что перебежчики «за переход за границу без наказания оставлены не будут» [АВПРИ, л. 116]. По всей видимости, не очень надеясь на успешное принятие китайской стороной его предложения, селенгинский комендант в заключении письма написал следующее: «Ежели же, паче чаяния, на сие мое требование зачем-либо согласитца не изволисте, то уже в таком случае дружески ж прошу хотя одним своим людям приказать, переловя, отдать по тому ж в нашу сторону, то ж и по прежнему моему письму увезенных анбаном трех человек приказать же отдать в нашу сторону» [АВПРИ, л. 116]. Копии с этих писем [АВПРИ, л. 114—116] вместе с рапортом были отправлены селенгинским комендантом в Коллегию иностранных дел.

Однако китайская сторона не только не выразила готовность вернуть российских подданных, но и не торопилась с ответом на письмо генерал-майора Якоби. Такая позиция была откликом на приостановленную Правительствующим сенатом переписку с Лифаньюанем⁸ из-за ее грубого, недружественного характера со стороны последнего [АВПРИ, л. 137]. Решение многих пограничных вопросов китайская сторона откладывала в связи с отсутствием ответа российского Сената на листы из Лифаньюаня. Ее действия не изменились несмотря на предупреждение селенгинского коменданта о трудностях, которые могут возникнуть при рассмотрении накопив-

⁶ Челдон (чалдон) — коренной сибиряк, из первых русских поселенцев Сибири и их потомков.

⁷ Капитан с «капральством солдат» на Цурухайту отвечал за содержание постов, защиту купечества и решение возникавших пограничных споров [Сычевский, с. 82].

⁸ Лифаньюань (*кит.*) (Палата, Трибунал внешних сношений, Трибунал по делам «зависимых» территорий, Мунгальский приказ) — центральное учреждение Цинской империи.

шихся пограничных дел [АВПРИ, л. 162]. В ответ на его предложение о проведении встречи на Кяхте представителей двух сторон для «разводу и решению показанных дел» монгольские пограничные управители ответили отказом (полученным 26 июля 1767 г.). Он был обоснован тем, что более важное дело, то есть возобновление переписки между Сенатом и Лифаньюанем, остается нерешенным, поэтому «и не для чего ялинских начальников нарочно определять» [АВПРИ, л. 164]. Несмотря на то, что китайская сторона задолжала российской по ялинским делам «знатную сумму», Россия была готова ее не взыскивать. В своем рапорте в Коллегию иностранных дел от 26 марта 1767 г. генерал-майор В.В. Якоби объяснил это следующим образом: «когда благополучно торг против прежняго по таковому решению дел на Кяхте отворен будет, то тот убыток чрез собрание в казну Ея императорскаго величества пошлин чрез год наградитца может, к тому ж и Государственная коллегия иностранных дел в указе от 6 июля 1764 году предписывала требуемые на обе стороны заплаты уничтожить без великого здешним подданным людям убытка и тем настоящие с китайцами споры и ссоры миновать» [АВПРИ, л. 133 об.—134]. И хотя по имевшимся сведениям, со слов В.В. Якоби, не было заметно, «чтоб китайская сторона имела против России какое намерение к нападению», он, тем не менее, для предотвращения его возможности обратился в Коллегию иностранных дел за разрешением «Селенгинской пехотной полк содержать всегда по военному времени, которой ныне заблаговременно и укомплектован быть может» [АВПРИ, л. 134—134 об.].

В свете прекращения переписки Правительствующего сената с Лифаньюанем китайской стороне все остальные проблемы представлялись как «малые дела». По этой причине она не стала рассматривать просьбу российской стороны об отправке денежного жалованья через китайских подданных находившимся в Пекине членам 5-й Российской духовной миссии (1755—1771) под началом иеромонаха Амвросия (Юматова) (1717—1771). А генерал-майор В.В. Якоби не смог «переслать скрытно, чрез кого возможно из знакомых китайских купцов или мунгальцов», необходимую сумму денег, предоставив следующее объяснение: «Государственная коллегия иностранных дел известна, что по выгнати⁹ из Наимачин⁹ купцов никого в приезде и поныне нету, а мунгальцы, хотя около Наимачин в карауле и находятца, и то уже самые бедные. Да хотя бы такой человек ис тех мунгал к приему того жалованья и к отвозу в Пекин и взялся, однако такую большую сумму, которой тем священникам — 764, на другую половину на 765, 766 и на нынешней 767 годы — следует на пять тысяч на девятьсот на пятьдесят рублев вверить, по их степному

⁹ Маймайчэн (Наимачин) — торговая слобода на монгольской территории у самой границы.

обыкновенно, сумнительно, потому что не захватили бы его в Урге или, паче чаяния, и он то всю утратит, то о взыскании и в претензию вступить будет невозможно» [АВПРИ, л.132—132 об.].

Предметом внимания селенгинского коменданта в его рапорте в Коллегию иностранных дел стал и вопрос об имевших место нарушениях границы российскими людьми во время звериного промысла. Сведения о таких проступках поступили к генерал-майору В.В. Якоби из Охотской и Иркутской канцелярий на основании полученных ими писем от китайского подданного тунгусского «князца» Леводы, который взял эти письма¹⁰ «у своих командиров для отдачи их в присутственное место в жалобу на российских людей» [АВПРИ, л. 138]. Это обстоятельство потребовало, по заключению селенгинского коменданта в рапорте в Коллегию иностранных дел от 28 марта 1767 г., «о тамошних всех пограничных местах, сколько сыскальца могло, справки», причем особое внимание он предложил уделить опросу «тутошних старожилов, русских или иноверцев, во всем с полным и подробным объяснением» [АВПРИ, л. 139]. Полученные сведения должны были стать хорошим дополнением и уточнением и к ландкарт¹¹ о реке Уде. Она была отправлена генерал-майором В.В. Якоби при рапорте в Коллегию иностранных дел.

Однако среди эпизодов нарушения границы во время охотничьего промысла в 60-е годы XVIII в., бывших предметом пристального внимания и обсуждения двух сторон, выделялся инцидент с российским Улхунским пограничным караулом. В сентябре 1767 г. один из улхунских казаков — Григорий Анбуев — с тремя лошадьми ожидавший двух своих товарищей, ушедших на Шихуйский хребет для зверованья [АВПРИ, л. 215 об.], был застигнут не на своей территории и увезен монгольскими караульными [АВПРИ, л. 216]. В ответ на это российские караульные захватили двух монголов, которые случайно, по словам задержанных, заехали в российскую сторону [АВПРИ, л. 185], по сведениям же китайской стороны, они находились в собственных пределах [АВПРИ, л. 216]. Из-за неприятия сторонами фактов нарушения границы их подданными [АВПРИ, л. 214, 215 об., 216, 219, 220, 220 об.] конфликт не был урегулирован в самом своем начале путем обмена задержанными, перерос в вооруженное нападение китайцев на российский Улхунский пограничный караул с захватом 12 человек (10 ноября 1767 г.) [АВПРИ, л. 224] и потребовал довольно длительного разбирательства. Состоявшийся в феврале 1768 г. в Кяхте съезд не решил вопрос о судьбе улхунских караульных, заслуга в их возвращении в Россию принадлежит полковнику И.И. Кропотову [АВПРИ, оп. 62/1, 1768, д. 2, л. 57 об.], который был на-

¹⁰ Письма были взяты зимой 1762 г. и путем передачи с оказией лишь в мае 1764 г. были отправлены в Коллегию иностранных дел.

¹¹ Ландкарта была составлена в 1761 г. геодезии прапорщиком Чемесовым.

правлен на китайскую границу полномочным комиссаром и с июля по октябрь 1768 г. провел переговоры с китайской стороной.

Ценным источником о состоянии Цинской империи и ее подданных для Коллегии иностранных дел были рапорты селенгинского коменданта о допросах перебежчиков с китайской стороны. Они содержали сведения как о настроениях в китайском обществе, так и о его военной подготовленности. Допрошенный 20 июня 1766 г. в Канцелярии правления пограничных дел перешедший границу 33-летний бухарец Смайл Хожим Кулиев родился в Зенгорском владении¹² на реке Иля¹³ и кочевал со своим отцом и другими улусными людьми до 1755 г., когда Зенгорское владение было разгромлено китайскими войсками. В числе других зенгорцев с их ханом Дабачи¹⁴ он и его отец были взяты в плен, а по пути в Китайскую землю его отец умер. Претерпев большие трудности, Смайл Хожим Кулиев принял решение перейти в российское подданство, «слыша между мунгальцами, что в российской стороне жить весьма хорошо: и в пропитании, и в одежде никакой нужды не имеют, нежели как в Мунгалии» [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/2, 1766—1769, д. 15, л. 150—150 об.]. Перебежчик сообщил, что во время его пребывания в Монголии «собрание мунгальских и других народов войск или б воинского какого собрания и намерения итти в российские границы для военного предприятия не точию он, Смайл, сам не видал, но и ни от кого не слыхал, и состоит всю тихо» [АВПРИ, л. 150 об.]. Подтверждением этого, по его мнению, было и неизменное количество (20) юрт в монгольских пограничных караулах.

Вместе с тем, о настроении среди монголов свидетельствовали пересказанные бухарцем разговоры «между мунгальцами, хорошими людьми», «что ежели-де по остановлении с их стороны торгу китайские купцы в Кяхту для купечества не пропустятца, и что российская сторона на китайскую поступит военною рукою, то де они, мунгальцы, все намерены тогда совсем вытти в подданство в российскую сторону, ибо-де им тамо в Китаях со скотом и табунами быть не для чего и не желают, а ныне говорят, что-де уповают в Кяхте торгу быть по-прежнему» [АВПРИ, л. 150 об.].

Будучи подданным Зенгории, Смайл Хожим Кулиев, по заключению генерал-майора В.В. Якоби в его рапорте в Коллегию иностранных дел (16 июля 1767 г.), не подлежал выдаче в китайскую сторону. Учтя пожелание бухарца, селенгинский комендант отправил его в Тобольск, где

¹² Зенгорское владение или Джунгарское ханство — ойрат-монгольское государство на территории Центральной Азии в XVII—XVIII вв.

¹³ Иля — река в Забайкалье, левый приток реки Онон.

¹⁴ Дабачи (Дабачи, Даваци) — джунгарский тайджа и один из претендентов на ханский трон, в борьбе за который он победил в 1753 г. с помощью ойратского нойона Амурсаны.

находились «свойственники» Смайла Кулиева, и обратился к тобольскому губернатору Д.И. Чичерину с просьбой об его определении, «куда надлежит, по своему рассмотрению» [АВПРИ, л. 148].

Относительно же другого перебежчика (в марте 1767 г.), солон¹⁵ Шелдинча Тукду 22 лет, селенгинский комендант в силу обстоятельств принял другое решение, обосновав его в своем рапорте в Коллегию иностранных дел (16 июля 1767 г.) следующим образом: «дабы он здесь близ почти самой границы не шатался, да и китайская сторона или и мунгалцы об нем дознатца не могли, отослан от меня в Ыркуцкую губернскую канцелярию при промемории с таковым требованием, чтоб она благоволила отослать его под присмотр тамошним старшинам по своему рассмотрению и приказать тем старшинам накрепко, дабы он куда утечки, а особливо и сюда к переходу обратно за границу учинить не мог, иметь крепкое смотрение, и что он заграничной, в улусах отнюдь не разглашать» [АВПРИ, л. 152—152 об.].

Допрошенный дважды (в Канцелярии нерчинского горного начальства и селенгинским комендантом) солон Шелдинча сообщил, что жил в Китайском государстве в улусе с другими солонами на реке Имень, куда ехать, по его словам, три дня и три ночи. Принять российское подданство и христианскую веру («потому что Россия и закон ее у них в славе» [АВПРИ, л. 155]) он намеревался с еще пятью солонами его же возраста, но они были задержаны другими солонами, узнавшими об этом [АВПРИ, л.154]. Сам же Шелдинча ночью тайно уехал один. Он выразил уверенность в том, что его товарищи не сообщат властям о его бегстве в Россию из-за боязни собственного наказания [АВПРИ, л. 156].

В месте проживания солон располагалось, по его словам, юрт «со сто», и «хлеба всякого у них, также и скота всякого ж и лошадей довольно» [АВПРИ, л.154]. Но особо примечательным был тот факт, что рядом с ними «войска собрано немало, при коем четыре китайских начальника, да к тому еще вдобавок собираетца того войска немало ж, а сколько всего числом, не знает. И все то войско, также везде других людей и малых ребят обучают стрельбе в колья, чтоб в них попадать из ружья и из луков стрелами на лошадях со всего розбегу. Многое ж число войска китайского собрано при реке Аун, и несколько уже ушли в поход¹⁶, а достальныя остановлены в том месте, а куда и когда пойдут, не знает» [АВПРИ, л.154—154 об.]. Вместе с тем, Шелдинча ни от кого не слышал о намерении вторжения в Россию, более того он сообщил о том, что около их жи-

¹⁵ Солонны — ветвь тунгусского племени. Жили в бассейне реки Нонни по правому и, частично, по левому берегу Амура.

¹⁶ На допросе у селенгинского коменданта Шелдинча уточнил: «войско отправлено на контайшинскую (монгольскую — Г.С.) границу для определения на пограничные караулы» [АВПРИ, л. 156].

лиц по реке Имень строится город, место расположения которого удобно «для остережения от российских людей, ибо-де в Китайской земле россиян весьма опасаютца» [АВПРИ, л. 154 об.]. Сообщил солон и сведения о видах фортификационных укреплений строившегося города. Они сводились к установлению городских стен из деревянного тына¹⁷, окруженного земляным валом, в который вкладывались кирпичи, и, наконец, вырытым каналом [АВПРИ, л. 154 об.].

Заслуживал внимания и другой город — Наун. Он был большой и богатый, по словам солон, и находился в четырех днях езды от места его пребывания [АВПРИ, л. 154 об.]. Упоминание об этом городе¹⁸ встречается и в «Записках о русском посольстве в Китай (1692—1695)» Избранта Идеса и Адама Бранда, указавших на его более точные географические ориентиры: нахождение на реке Наун, протекавшей примерно в четверти мили от пограничного города Цицикар. По их описанию, Наун был «окружен земляными стенами, обшитыми снаружи крепкими бревнами», а его жители «живут в хороших домах с чистыми комнатами, занимаются земледелием, разведением табака, огородничеством и т. д.» [Идес, Бранд, 1967: с. 65, 67]. Солон же в 1767 г. среди горожан Науна увидел «салдатства довольно, и все в отменном от других людей платье». Привлекли его внимание и пушки, большие и малые, бывшие в том городе, по его словам, «сызтари» [АВПРИ, л. 154 об.]. Кроме того, Шелдинча отметил, что военные люди «посылаютца ныне для укрепления города Алтая, которой состоит ближе российской границы»¹⁹. А поскольку и в этом городе опасались российских людей, здесь была организована сменяемая каждые три года караульная служба из 200 монголов и 300 солон. Сам Шелдинча был назначен в такой караул, однако заявил на допросе о своем нежелании служить в тех местах, которые имеют славу «худых и трудных» [АВПРИ, л. 154 об.]. Рассказав о виденных им оборонительных действиях китайской стороны, солон тем не менее заверил на допросе о том, что не слышал разговоров о намерении России напасть на Китай, «перешол самопроизвольно, а не подослан ни от кого, и в ту сторону обратно ни для чего не хочет» [АВПРИ, л. 156 об.].

Разнообразные сведения о состоянии дел на границе селенгинскому коменданту доставляли и его подчиненные: толмачи и пограничные ко-

¹⁷ Деревянный тын — частокол из бревен или изгородь из вертикально установленных жердей.

¹⁸ В «Записках...» этот город называется Наункотон — монгольское название китайского поселка XVII в. Нун вблизи Цицикара; русские называли его Наун» [Идес, Бранд, 1967: с. 65]

¹⁹ В настоящее время город Алтай расположен в южных предгорьях Алтайских гор близ границы с Монголией в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на северо-западе Китая.

миссары. Полученные из разных источников эти сведения нередко совпадали, что было одним из свидетельств их достоверности. Так, и толмач Степной (Степнов), и толмач Самойлов сообщали о том, что не видели каких-либо военных приготовлений на китайской стороне и не слышали о них ни от кого [АВПРИ, л. 186 об.]. Эта информация сходилась и с показаниями перебежчиков.

Вместе с тем, известия о захваченных китайцами русских, которые не удалось получить толмачу Самойлову [АВПРИ, л. 185 об.], раздобыл толмач Степной. Генерал-майор В.В. Якоби сообщил в Коллегию иностранных дел об этом следующее: знакомый монгол объявил Степному «секретным образом о заводских крестьянх Федоре Исакове и Максиме Дементьеве, да о увезенном с пограничного Улхунского караула казаке Григорье Анбуеве, что оныя находятца в Урге, а тунгус Дагапча в Урге ль находятца, или куда увезен, не знает» [АВПРИ, л. 186 об.].

Толмач Самойлов в свою очередь оповестил генерал-майора В.В. Якоби о состоянии дел в приграничной торговле, узнав из разговоров с монголами, что возобновление коммерции «не пропуститца пока от российского Сената в их Трибунал ответствие получитца». По этой причине ургинские управители запечатывали китайским купцам товары, предназначенные для торговли с русской стороной, и никуда их не пропускали в отличие от товаров для монгольской стороны. Продвижение китайских купцов с товаром к российской границе пресекалось [АВПРИ, л. 186].

Довольно необычную информацию селенгинскому коменданту привез вернувшийся с осмотра границы, пограничных караулов и маяков пограничный комиссар Григорий Игумнов. Секретными сведениями поделился с ним монгольский зангин²⁰. Заверив Г. Игумнова «под клятвою» в намерении монгольского народа принять российское подданство в случае нападения России на их сторону [АВПРИ, л. 341—341 об.], он также рассказал о набегах незнакомых для них людей на отстроенный на реке Иля город и ближайшие к нему улусы. В количестве до 50 человек эти люди неизвестно откуда напали и отгоняли табуны лошадей. В описании внешности этих людей зангин отметил такие характерные черты как большие бороды, а вооружены они были ружьями и саблями. «А ежелиде мунгальцы за ними погонятца и станут стрелять, — особо отметил монгол, — то де не берет оных ни стрела, ни пуля, а сами-де оныя не стреляют, а ежель мунгальцы блиско к ним наедут, то они разговору мунгальского не знают и не говорят, а больше саблями рубят». [АВПРИ, л. 341]. В заключение монгольский зангин выразил опасение о том, что подобные набеги могут довести местных жителей до крайнего разорения [АВПРИ, л. 341]. На основании полученных известий генерал-майор

²⁰ Зангин — начальник пограничного караула у монголов и бурят.

В.В. Якоби предположил, что угонщиками лошадей могли быть донские казаки, находившиеся на службе на Иртышской и Кузнецкой пограничных линиях²¹. Поэтому сведения о подобных нарушениях границы он отправил 15 сентября 1768 г. как в Коллегию иностранных дел, так и командиру войск Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру

В 1769 г. В.В. Якоби в чине генерал-поручика вышел в отставку, закончив свою трудную и многогранную деятельность, потребовавшую от него военных, дипломатических и организационных способностей. Благодаря сообщениям селенгинского коменданта Коллегия иностранных дел в 60-е годы XVIII в. была информирована как о его предложениях монгольским пограничным управителям по решению ялинских дел, урегулированию конфликтов и обмену пленными, так и о предупреждении им пограничных управителей о неприемлемости проявлений враждебности и грубости в дипломатической переписке.

Представленные в рапортах сведения перебежчиков о намерениях китайской стороны, ее военной подготовленности, настроениях среди местного населения, о прилизительном географическом расположении населенных пунктов от границы учитывались Коллегией иностранных дел при формировании отношений с Китаем.

Сведения о различных способах нарушения границы (во время охоты, рыбной ловли, угона скота) также представляли интерес для выработки договорно-правовых норм и, вероятно, не были оставлены без внимания при принятии на российско-китайских пограничных переговорах дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату о режиме на русско-китайской границе (18 октября 1768 г.), подписанной с российской стороны полномочным комиссаром И.И. Кропотковым.

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1766—1769. Д. 15. Л. 112—116, 132—139, 148, 150—156 об., 162, 164, 185 об., 186 об., 214, 215 об., 216, 219, 220, 220 об., 341, 341 об. Оп. 62/1. 1768. Д. 2. Л. 57 об.

Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. 565 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 2. 267 с.

²¹ Российские укрепленные линии на юге Западной Сибири, возведенные в XVIII—XIX вв. для защиты южных границ от набегов кочевников. В состав Сибирских линий входили построенные в разные годы Иртышская (1745—1752), Колывано-Кузнецкая (1747—1768) и Тобольско-Ишимская (1752—1755).

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М.: Наука, 1967. 404 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты. (1689—1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. Док. № 9.

Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М., 1875. 292 с.

References

Arhiv vneshney polititsi Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*, Op. (Inventory) 62/2, 1766—1769, D. (File) 15, L. (p.) 112—116, 132—139, 148, 150—156 ob. (with reverse side), 162, 164, 185 ob. (with reverse side), 186 ob. (with reverse side), 214, 215 ob. (with reverse side), 216, 219, 220, 220 ob. (with reverse side), 341, 341 ob. (with reverse side). Op. (Inventory) 62/1, 1768, D. (File) 2, L. (p.) 57 ob. (with reverse side)

Bantysh-Kamenskiy, N. (1882). *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim i Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792 god* [Bantysh-Kamensky N.N. Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792], Kazan. 565 p. (In Russian).

Vasilev, A. (1916). *Zabaikalskie kazaki. Istoricheskiy ocherk* [Transbaikal Cossacks. Historical essay], Chita, Vol. 2. 267 p. (In Russian).

Ides I., Brand A. (1967). *Zapiski o russkom posol'stve v Kitaj (1692—1695)*. [Notes on the Russian embassy to China (1692—1695)]. Moscow: Nauka. 404 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye акты. 1689—1916. М.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, Dok. № 9 [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2004, Doc. № 9. (In Russian).

Sychevskiy, G. (1875). *Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlennaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogranichnogo upravleniya Sychevskim v 1846 godu* [Historical note on the Chinese border, compiled in 1846 by Mr. Sychevskii, an adviser of the Troitsko-Savskii border department], Moscow. 292 p. (In Russian).

Т.Г. Герасимова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ (1949—2021) НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЯ «КНР: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА»

Аннотация. В статье рассматривается внешнеполитическое развитие Китая 1949—2021 гг. на основании материалов Ежегодника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура»¹ — продолжающегося информационно-аналитического издания Института Дальнего Востока, своего рода летописи, как внешнеполитической жизни, так и внутреннего развития КНР. Издание дает представление также о развитии КНР на современном этапе: изменениях во внутренней и внешней политике страны, в социально-экономическом развитии, в том числе в законодательстве, военной и демографической политике, коротко говоря, о проблемах и вызовах сегодняшнего дня.

Внешняя политика Китая является важным объектом исследований для широкого круга ученых и аналитиков и привлекает своей актуальностью. Ее современные направления напрямую связаны с развитием внешнеполитических концепций с образования КНР в 1949 г. до настоящего времени. Страна с многовековой историей покончила с полуколониальным прошлым, годами унижительного вмешательства и агрессии со стороны других великих держав, твердо встала на путь независимого и самостоятельного развития, построения мощного современного государства. Выяснение всех ее исторических аспектов очень важно для прогнозирования будущей внешней политики КНР.

С первых дней издания информация по внешней политике Китая подробно анализировалась специалистами ИДВ РАН и публиковалась в блоке «Внешняя политика КНР и международные отношения». В освещении российских исследователей — авторов ежегодника — внешняя политика Китая, как и его внутреннее раз-

¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. См. Ежегодник. 1973—2021.

витие, прошла определенные этапы. Согласно исследованиям, внешняя политика Пекина 1949—1965 гг. определялась задачами укрепления международных позиций КНР в условиях жесткого давления на нее со стороны враждебных империалистических сил, возглавляемых США. В период 1966—1976 гг. она претерпела влияние «культурной революции». С 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) во внешней политике начинается переход к принципиально новому курсу.

Тщательное изучение материалов Ежегодника КНР показывает, что авторам, как правило, профессионалам в своей области, удалось достоверно представить оценки и содержание этапов развития внешней политики КНР, включая советско/российско-китайские отношения, и достаточно адекватно отобразить картину приоритетов в современной внешней политике КНР.

Сочетание масштабной конкретной информации с глубоким анализом событий применительно к каждому году существования КНР придает материалам издания уникальный характер. Можно сказать, что издание носит черты энциклопедии и является прекрасным источником для экономистов, историков и историографов КНР.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, ежегодник «КНР: политика, экономика, культура», историография.

Автор: Герасимова Татьяна Григорьевна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва).

E-mail: gerta48@mail.ru

T.G. Gerasimova

FOREIGN POLICY OF CHINA (1949—2021) ON PAGES OF “PRC: POLITICS, ECONOMY, CULTURE”

Abstract: The article deals with the foreign policy development of China in 1949—2018 based on the materials of the Yearbook “The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture”² — an ongoing information and analytical publication of the Institute of the Far East, which is a kind of “chronicle” of both the foreign policy life and the internal development of the PRC. The publication also gives an idea of the PRC’s development at the present stage: changes in the country's domestic and foreign policy, in socio-economic development, including legislation, military and demographic policy, in short, about the problems and challenges of today.

The foreign policy of China is an important object of research for a wide range of scientists and analysts and attracts with its relevance. Its modern directions are directly related to the development of foreign policy concepts from the formation of the PRC in 1949 to the present. A country with a centuries-old history has put an end to the semi-colonial past, years of humiliating interference and

² Chinese People's Republic: politics, economics, culture. See Yearbook. 1973—2021.

aggression from other great powers, and has firmly embarked on the path of independent and self-sufficient development, building a powerful modern state. The elucidation of all its historical aspects is very important for predicting the future foreign policy of the PRC.

From the first days of the Yearbook publication, information on China's foreign policy was analyzed in detail by the specialists of the IFES RAS and published in the block "Foreign Policy of the PRC and International Relations". In the coverage of Russian researchers — the authors of the yearbook — China's foreign policy, as well as its internal development, has gone through certain stages. According to studies, Beijing's foreign policy in 1949—1965 was determined by the tasks of strengthening the international positions of the PRC in the face of severe pressure on it from the hostile imperialist forces led by the United States. In the period 1966—1976 it underwent the influence of the "cultural revolution", after which, there was a transition to a fundamentally new course takes place, and from the 3rd plenum of the CCP Central Committee in 1978, a transition begins in foreign policy that required the development of fundamentally new doctrines.

A careful study of the materials of the Yearbook of the PRC shows that the authors, as a rule, professionals in their field, managed to reliably present the assessments and content of the stages in the development of PRC foreign policy, including Soviet/Russian-Chinese relations, and quite adequately display the picture of priorities in modern PRC foreign policy.

The combination of large-scale specific information with analysis applied, in fact, to each year of the existence of the PRC gives the materials of the publication a unique character. We can say that the Yearbook bears the features of an encyclopedia and is an excellent source for economists, historians, and historiographers of the PRC.

Keywords: China, foreign policy, yearbook "PRC: politics, economy, culture", historiography.

Author: Gerasimova Tat'yana G., Senior Researcher, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).

E-mail: gerta48@mail.ru

Российская историография Китая нового и новейшего времени как масштабное и востребованное направление в китаеведении в конце первого и в течение второго десятилетия XXI века представила ряд фундаментальных исследований, которые получили международное признание. Это — энциклопедия «Духовная культура Китая» в 6 т. (гл. ред. акад. М.Л. Титаренко, 2006—2010)³, «Основные направления и проблемы рос-

³ Уникальная энциклопедия под редакцией М.Л. Титаренко, созданная коллективом отечественных синологов, отмечена Государственной премией РФ за 2010 г. Это самое подробное из существующих на русском языке энциклопедических изданий, посвященных китайской цивилизации.

сийского китаеведения» (отв. ред. д.и.н. Н.Л. Мамаева, 2014)⁴, «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» в 10 т. (гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский, 2013—2018)⁵, многотомная серия публикаций источников «Русско-китайские отношения в XVII—XX веках» (рук. проекта, отв. ред. С.Л. Тихвинский; начало издания — 1969 г.). Эти знаменательные труды укрепили, а по многим направлениям создали, научную и методологическую базу для исследований проблем новой и новейшей истории Китая, в том числе по внешнеполитической проблематике, включая советско/российско-китайские отношения. Деятельность многих российских историков в значительной степени развивается под влиянием выше-названных трудов, демонстрируя эффективное развитие исторического и историко-политологического направлений в китаеведении.

Вместе с тем в российском китаеведении, что неоднократно подтверждалось результатами научной деятельности, не менее востребованным, традиционным и значимым, чем фундаментальные исследования, является малоисследованное продолжающееся с 1975 г. серийное русскоязычное информационно-аналитическое издание Института Дальнего Востока «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура»⁶. В нем представлены практически все сферы жизни Китая начиная с 1949 г. по сегодняшний день. Информационно-аналитическое издание дает представление также о развитии КНР на современном этапе: изменениях во внутренней и внешней политике страны, в социально-экономическом развитии, в том числе в законодательстве, военной и демографической политике, выявляет проблемы и вызовы сегодняшнего дня.

⁴ Авторами исследования являются сотрудники Института Дальнего Востока РАН. Это панорамное освещение отечественного китаеведения в новых условиях постсоветского времени начиная с 1990-х годов до наших дней. Книга переведена на китайский язык.

⁵ В этот фундаментальный труд, который вызвал немалый интерес у российской общественности, внесли лепту многие учёные академических институтов и университетов России — Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета. В настоящее время издание находится в процессе перевода на китайский язык. Авторы, ответственные редакторы томов и члены Главной редколлегии, понимая всю сложность поставленной задачи вместить многотысячелетнюю историю китайской цивилизации в пределы десяти томов, попытались отразить основные события истории Китая — от палеолитических стоянок и первых неолитических поселений до современной жизни КНР с её общепризнанным международным авторитетом.

⁶ Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г. М.: Наука, 1975. 439 с. Это — первое открытое издание Ежегодника КНР. До этого времени (с 1969 г.) ежегодники Института Дальнего Востока выходили под грифом «Для служебного пользования».

Сочетание масштабной конкретной информации с анализом применительно, фактически, к каждому году существования КНР придает серии уникальный характер. Можно сказать, что это издание носит черты энциклопедии и является прекрасным источником для экономистов, историков и историографов КНР.

Традиционно одно из ведущих мест в этом издании занимает блок внешней политики, включая советско/российско-китайские отношения. Информация по внешней политике подробно анализировалась специалистами Института Дальнего Востока под руководством д.и.н., проф. А.Г. Яковлева (1973—2002 гг.), д.и.н. Б.Т. Кулика (2003—2004 гг.), д.э.н. В.Я. Портякова (с 2005 г.). По итогам анализа публиковались статьи в разделе ежегодника «Внешняя политика и международные отношения». Авторами являлись ведущие китаеведы — историки, экономисты, политологи, филологи, юристы и др. С 1985 г. по 2015 г. главным редактором и постоянным автором ежегодника был директор ИДВ РАН, акад. М.Л. Титаренко.

Внешнеполитический блок все больше обогащается аналитическими обзорами с появлением рубрик «Анализ итогов развития», «Точка зрения», «Российско-китайские отношения». На страницах ежегодника среди современных авторов, освещающих вопросы внешней политики, включая российско-китайские отношения, — д.и.н. С.Г. Лузянин, д.э.н. В.Я. Портяков, д.полит.н. В.Е. Петровский, к.и.н. В.И. Трифонов, к.и.н. С.В. Уянаев и др.

Внешняя политика Китая является важным объектом исследований для широкого круга ученых и аналитиков. Ее современные направления напрямую связаны с развитием внешнеполитических концепций Китая, формирующихся под влиянием исторических событий, происходящих в стране и в мире. Знание этих аспектов очень важно для прогнозирования будущей внешней политики КНР.

В освещении российских исследователей — авторов издания ежегодника — внешняя политика Китая, как и его внутреннее развитие, подразделяется на ряд этапов.

Первый этап охватывает 1949—1965 гг.: внешняя политика Пекина определялась задачами укрепления международных позиций КНР в условиях жесткого давления на нее со стороны враждебных империалистических сил, возглавляемых США. Главной, и фактически единственной, эффективной опорой Пекина в противодействии этому давлению был тогда Советский Союз. В 1940—1950-е годы в Китае говорили: «идти по пути русских», «СССР сегодня — наше завтра». Он же являлся основным источником внешней помощи в решении задач внутреннего развития КНР. Оба эти обстоятельства, умноженные на единство идеологических позиций правящих партий двух стран — КПК и КПСС, обусловили курс

на сплоченность и сотрудничество с СССР как генеральную линию внешней политики китайского руководства. Это было закреплено в принятой в 1954 г. первой Конституции КНР⁷.

Второй этап — 1966—1976 гг. приходится на период «культурной революции» и на период (1976—1978 гг.), переходный к принципиально новому курсу. В эти годы в результате возникших между Москвой и Пекином глубоких разногласий о путях социалистического строительства и по коренным международным проблемам руководство КПК вступило в непримиримое идеологическое противоборство с КПСС, в соперничество с нею за лидерство в социалистическом лагере и мировом коммунистическом движении, за влияние в «третьем мире». Все эти обстоятельства привели к резкому обострению межгосударственных советско-китайских отношений вплоть до возникновения вооруженных пограничных конфликтов. Вместе с тем в эти годы в основном сохранялась острота антиимпериалистического, прежде всего антиамериканского курса Пекина.

Как отмечали в своих статьях советские исследователи (В.И. Глунин, Д.М. Поспелов, А.Г. Яковлев), внешняя политика периода «культурной революции» ввергла КНР в состояние глубокой изоляции на международной арене. Осознавая ее пагубность, в начале 1970-х годов китайское руководство предприняло меры по выходу из создавшегося положения. Этому послужил выдвинутый X съездом КПК (24—28 августа 1973 г.) тезис о возможности и оправданности «необходимых компромиссов революционных стран с империалистическими государствами» [X Всекитайский, с. 30]. На исходе «культурной революции» КНР установила дипломатические отношения с десятками стран Запада и «третьего мира», в том числе с Италией, Японией, ФРГ. В октябре 1972 г. Пекин добился восстановления прав КНР в ООН. Однако все это не меняло существа внешней политики Пекина. Неизменной оставалась ее концептуальная основа, продолжали действовать прежние идеологические установки [Китайская... в 1973 г., с. 2, 97, 256], которые получили освещение в материалах последующих ежегодников⁸.

Указанные этапы, по мнению китаеведов К.В. Кукушкина, Б.Т. Кулика, В.И. Трифонова, составляют предысторию современной внешней политики КНР, начало которой положил состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. Пленум открыл продолжающуюся и ныне эпоху глубоких всеохватывающих социально-экономических реформ и

⁷ Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 гг. М., 1983. С. 34. После провозглашения КНР в 1949 г. было издано четыре редакции конституции: 1954, 1975, 1978 и 1982 гг. В последующие 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг. в неё вносились изменения.

⁸ См. ежегодники, изданные в 1980 и 1981 гг., соответственно «КНР в 1978», с. 3—4, и «КНР в 1979», с. 5—22, 67—70.

преобразований в стране. Характеристики этого периода еще не были вполне сформировавшимися и четкими, поскольку новая политика в КНР находилась в начале своего пути и, естественно, в полном объеме еще не могла адекватно восприниматься в научной среде; оценки ему даются в поздних выпусках издания. Поставленная пленумом задача сосредоточения всех усилий на осуществлении программы модернизации Китая, согласно точке зрения Б.Т. Кулика и других ученых, потребовала перехода к адекватной внешней политике. Она должна была быть целиком и полностью подчинена одному — обеспечению максимально благоприятных международных условий для достижения намеченной цели [Китайская... в 1987 г., с. 3—6; КНР 55 лет, с. 248—252].

Российские историки отмечали, что вначале новое китайское руководство, которое возглавил Дэн Сяопин, попыталось поставить на службу модернизации прежний внешнеполитический курс без его кардинальной перестройки, всего лишь посредством сближения с США, сотрудничество с которыми сулило колоссальные экономические выгоды на почве борьбы против так называемых притязаний Москвы на доминирование в мире. 3 апреля 1979 г. китайская сторона объявила, что не намерена пролонгировать заключенный в 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР, 30-летний срок действия которого истекал в апреле 1980 г. Вскоре в Пекине приходят к выводу, что таким путем, при сохранении в целом старого багажа внешнеполитических концепций и установок, в том числе при продолжении конфронтации с СССР, невозможно добиться создания международных условий, в широком плане отвечающих потребностям модернизации Китая.

Начинается новый этап: переход к адекватной внешней политике, потребовавший выработки принципиально новых доктрин. Решительный шаг в этом направлении, как отмечалось в ежегоднике «Китайская Народная Республика в 1982 г.: политика, экономика, идеология», сделал XII съезд КПК (сентябрь 1982 г.). Съезд, «узаконивший» решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, получил достаточно адекватные оценки российских ученых (Р.М. Асланов, Л.М. Гудошников). В ежегоднике подчеркивалось, что реализация решений съезда непосредственно была связана с необходимостью восстановления авторитета КПК, утраченного в результате «культурной революции», укрепления ее руководящей роли в стране [Китайская... в 1982 г., с. 9—14, 34—38].

Во вступительной речи на съезде Дэн Сяопин провозгласил формулу, согласно которой исходной позицией внешней политики КНР становились три главных принципа — «независимость, самостоятельность и опора на собственные силы». Конкретное содержание этих принципов тогда не раскрывалось. Дэн Сяопин выделил лишь один наиболее актуальный на том этапе момент, а именно то, что Китай не станет придатком ника-

ких иностранных государств, не пойдет покорно на ущемление своих интересов. Основной внешнеполитической задачей, стоящей перед китайским народом в 1980-е годы, была названа «борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире» [XII Всекитайский, с. 4—5].

Для понимания глубины последующей эволюции внешнеполитических позиций Пекина важно отметить, что в отчетном докладе ЦК КПК, с которым на съезде выступил Ху Яобан, еще явственно звучали отголоски прежних внешнеполитических установок. Это нашло свое отражение в заявлениях о том, что самостоятельная и независимая политика КНР «находится в единстве с высоким интернациональным долгом в деле сохранения мира и содействия прогрессу человечества», «базируется на научной теории марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и исходит из коренных интересов китайского народа и народов всего мира». Подчеркивалось, что КПК «твердо стоит за развитие отношений с коммунистическими и всеми другими партиями рабочего класса разных стран на основе марксизма-ленинизма». И хотя с СССР уже был снят ярлык «социалимпериализма», Советский Союз по-прежнему характеризовался как проводник гегемонистской политики, как страна, которая создает «серьезную угрозу миру в Азии и безопасности Китая». В докладе также утверждалось, что «опасность мировой войны все более углубляется из-за схватки между сверхдержавами» [XII Всекитайский, с. 61—62].

Несмотря на рецидивы старых подходов, формула Дэн Сяопина определила генеральное направление дальнейшей разработки новой внешнеполитической стратегии Пекина. Важным ориентиром стали два принципиальных положения, содержащиеся в докладе Ху Яобана. Во-первых, у Китая и многих западных стран имеются «общее стремление к сохранению мира во всем мире, общие интересы и огромные возможности в области развития экономического и культурного сотрудничества», во-вторых, «революцию нельзя экспортировать», в силу чего КНР придерживается пяти принципов мирного сосуществования [XII Всекитайский, с. 63—69].

По мнению исследователей, весьма существенным моментом в пересмотре прежних идеологических основ явился не декларируемый, но принятый в качестве безоговорочной руководящей установки в практической деятельности отход от классовых позиций в международных делах [КНР 55 лет, с. 248—256]. Тем самым было покончено с идеологическим постулатом, который Мао Цзэдун неизменно ставил во главу угла всей внутренней и внешней политики КНР. На практике это выразилось в деидеологизации внешнеполитического курса Пекина, в придании ему сугубо прагматического характера. Руководство КНР склонялось к отказу от борьбы за лидерство, поскольку оно могло возложить на КНР такие обязанности, которые способны были осложнить международное положение

КНР, отвлечь силы от решения выдвинутых на первый план задач внутреннего развития⁹.

В конечном итоге оно отказалось от претензий на лидерство, которого добивалось в течение нескольких десятилетий в ожесточенной борьбе с КПСС. Началось некоторое оживление советско-китайских отношений, как отмечалось в статьях ежегодника (А.М. Ледовский, Д.М. Поспелов), в частности, возобновились советско-китайские консультации по вопросам межгосударственных отношений двух стран [Китайская... в 1982, с. 4, 191—200].

Объективные характеристики положения в Китае продемонстрировал ежегодник «Китайская Народная Республика в 1987 г.: политика, экономика, культура». Важная роль отводилась XIII съезду КПК (25 октября — 1 ноября 1987 г.), занявшему в истории партии особое место. Прежде всего, отметим внимание авторов ежегодника к формированию в КНР концепции «начальной стадии социализма в Китае», провозглашенной на этом съезде. Подчеркивалось, что предметом специального обсуждения на XIII съезде являлись вопросы политической реформы. Был принят развернутый план реформы политической системы, не потерявший, по мнению современных исследователей, своего значения вплоть до сегодняшнего дня. На переднем плане внешней политики, обращают внимание Е.А. Григорьева, А.Г. Ларин и др., оставались задачи защиты мира и содействия развитию, которые рассматривались как «главные проблемы современного мира» [Китайская... в 1987 г., с. 5, 10—16, 151—155].

Ежегодник «Китайская Народная Республика в 1992 г.: политика, экономика, культура» характеризует курс на построение социалистической рыночной экономики, принятый на XIV съезде КПК (12—18 октября 1992 г.). Оценка съезда в материалах К.В. Кукушкина представлена под углом зрения преодоления состояния нестабильности, идейно-политических шатаний и неуверенности, вызванных трагическими событиями в Китае весны-лета 1989 г. Съезд подтвердил курс на сохранение КПК в качестве руководящей и цементирующей силы общества. Партия четко обозначила свою приверженность теории Дэн Сяопина, подтвердила курс политики реформ и открытости, поставила задачу построения “социализма с китайской спецификой” и ускорения процесса экономических реформ. В новой международной обстановке Китай демонстрирует неизменность своих внешнеполитических принципов и подходов к основным проблемам разоружения, решительно выступая против гонки вооружений в любых ее формах [Китайская... в 1992, с. 4].

⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 41; URL: https://books.google.ru/books/about/%D0%9A%D0%9D%D0%A0_55_%D0%BB%D0%B5%D1%82.html?id=MxHfAAAACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 27.04.2022).

Авторский коллектив Ежегодника КНР чутко реагировал на все события внутреннего и внешнеполитического характера, рассматривая их в тесном единстве.

Суровым испытаниям, по мнению исследователей, подверглась взятая реформаторами внешнеполитическая линия в результате тяньаньмэньских событий. Прозападные силы внутри страны, поощряемые из-за рубежа, попытались использовать возможности, появившиеся в ходе проведения политики открытости, для навязывания так называемой «буржуазной либерализации», что было, по мнению ученых, чревато опасностью изменения общественного строя КНР. Давление Запада ясно показало руководителям КНР, что их оценка ситуации в мире является слишком благой, что далеко не утратил своего значения фактор подхода западных стран к КНР как к социалистической стране.

На XIV съезде Компартии Китая Пекин вносит ряд весьма важных положений в свою внешнеполитическую доктрину. Провозглашается тезис, согласно которому «народ той или иной страны вправе выбирать ту социальную систему и тот путь развития, которые соответствуют конкретному положению в данной стране». Тезис дополняется и подкрепляется положением о том, что «для мира характерно многообразие, между отдельными государствами существуют многочисленные различия». Постоянный акцент делается на недопустимости вмешательства одних государств во внутренние дела других [Китайская... в 1992, с. 28—36].

В ежегодниках тщательно отслеживалась ситуация выхода Китая из кризисного состояния, связанного с событиями весны-лета 1989 г. [Китайская... в 1989, с. 154—183]. Отмечалось, что КНР успешно справилась с внешнеполитическими трудностями, возникшими в результате тяньаньмэньских событий, чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, фокус мировой политики сместился тогда на Советский Союз, где развернулась так называемая перестройка. Это отвлекло внимание от КНР враждебных ей сил на мировой арене. Во-вторых, Запад в целом устраивала позиция, занятая Пекином в связи с кризисом мирового социализма. В-третьих, деловые связи западных стран с КНР к тому моменту приобрели настолько крупные масштабы, что стали играть самостоятельную сдерживающую роль при возникновении противоречий во взаимоотношениях двух сторон. В-четвертых, китайское руководство проявило необходимую твердость, как перед давлением Запада, так и в деле продолжения своего внешнеполитического курса, не отступив от его новаций. Важность этих обстоятельств до сих пор в значительной мере определяет устойчивость междунароных позиций КНР. К 1992 г. западные страны отменили экономические санкции в отношении КНР.

Важную роль в формировании современной внешнеполитической стратегии КНР, как подчеркивают российские ученые (А.Г. Ларин, Е.Н.

Маркина, А.Г. Яковлев), сыграла нормализация в 1989 г. китайско-советских отношений. Достигнутая в условиях осуществления Пекином нового курса, она подтвердила его результативность и, укрепив международные позиции КНР, создала еще более благоприятные условия для его продолжения [Китайская... в 1992, с. 190—194].

Во всем своем своеобразии новая внешнеполитическая стратегия Пекина предстала в связи с крушением социалистического строя в СССР и распадом Советского Союза. По оценкам, представленным в ежегодниках, руководство КНР заняло позицию отстраненности от этих событий. В результате анализа глобальной международной ситуации, сложившейся после распада СССР и крушения мировой социалистической системы, руководство КПК пришло к фундаментальному выводу: существовавшая до тех пор биполярность закончилась и мировая структура движется в направлении многополярности [Китайская... в 1992, с. 4]. При этом сохранился тезис о том, что мир и развитие по-прежнему остаются лейтмотивом современной эпохи и в относительно длительной перспективе Китай сможет обеспечить себе благоприятный мирный международный климат и такое же ближайшее окружение. Была подтверждена действенность в новых условиях всех внешнеполитических установок, выдвинутых с начала реформ [Доклад].

Ежегодник «Китайская Народная Республика в 1997 г.: политика, экономика, культура» подробно освещает изменения в развитии политики реформ и открытости (статья Н.Л. Мамаевой), зафиксированные итогами XV съезда КПК (12—18 сентября 1997 г.). Съезд единогласно утвердил теорию Дэн Сяопина в качестве руководящей идеологии КПК. Творцы новой внешнеполитической доктрины, как отмечалось в ежегоднике, отбросили постулат о неизбежности мировой войны и выступили с концепцией, согласно которой доминирующими тенденциями в современном мире являются мир и развитие. Эта концепция в развернутом виде прозвучала на съезде [Китайская... в 1997 г., с. 18—28, 135—136].

Целостная внешнеполитическая доктрина Пекина получила закрепление на XVI съезде КПК (18—14 ноября 2002 г.), что отражено в ежегоднике «Китайская Народная Республика КНР в 2002 г.: политика, экономика, культура». Решения съезда, по оценке того же автора, стали квинтэссенцией новых подходов в трех сферах — экономике, политике и культуре. В резолюции подчеркивалось: «необходимо неизменно держаться независимой и самостоятельной мирной внешней политики, совместно с народами стран мира охранять общие интересы всего человечества, активно стимулировать мультиполяризацию мира, выступать против всех форм гегемонизма и силовой политики и сообща продвигать вперед благородное дело мира и развития во всем мире».

В отчетном докладе ЦК партии на съезде дается взвешенная характеристика современной международной обстановки. Наряду с тезисом о лейтмотиве мира и развития в нем отмечается: «несправедливый и неразумный старый международный политический и экономический порядок не изменился в корне», «нарастают непредсказуемые факторы, которые оказывают влияние на мир и развитие», «возникли новые формы проявления гегемонизма и политики силы», «возросла разница в уровнях развития Юга и Севера». В целом делается заключение, что «человечество стоит перед лицом многообразных суровых вызовов». Съезд следующим образом расставил приоритеты внешней политики КНР: развитые страны, соседние страны, страны третьего мира [Китайская... в 2002 г., с. 3—13, 145—147].

В ежегодниках дается адекватная оценка развития внешнеполитической доктрины Китая, которая, как отмечается исследователями, определяет и позиции Китая по конкретным международным проблемам. Исходя из концепции построения многополярного мира, она осуждает линию на установление однополярной мировой системы, последовательно выступает против гегемонистских притязаний одной сверхдержавы, добивается того, чтобы главенствующую роль в международных делах играла Организация Объединенных Наций.

Проблемы глобализации также находятся в фокусе статей авторов ежегодников (А.Г. Ларин, В.Я. Портяков, А.Г. Яковлев и др.). Так, показано, что руководство КНР тщательно разработало свой подход к явлениям глобализации современного мира. Его позиция заключается в том, что активное участие в экономической глобализации является стратегическим выбором Китая. В целях минимизации отрицательных последствий и оптимизации выгод от нее все страны должны не избегать глобализационных процессов, но включаться в них на условиях, отвечающих своим национальным политическим и экономическим интересам.

В оценке современной внешнеполитической стратегии китайского руководства авторы ежегодников весьма убедительны. Точка зрения на ее плодотворность обосновывается реальными фактами. Обращается внимание на то, что Пекин сумел добиться бесконфликтного возвращения в КНР последних отторгнутых от Китая территорий — Гонконга (1997 г.) и Макао (1999 г.). Успешно урегулированы пограничные вопросы Китая с соседними странами. В конце 2001 г. состоялось вступление КНР во Всемирную торговую организацию.

В поле зрения авторов книги «Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура» (статьи Д.А. Смирнова, М.Л. Титаренко) — формирование новой модели модернизации: построение «социалистического гармоничного общества». Цели и задачи стратегии по-

строения такого общества обозначены в решении 6-го пленума ЦК 16-го созыва (8—11 октября 2006 г.) [Китайская... в 2006 г., с. 25—29].

Внешнеполитическая стратегия китайского руководства, начиная с Дэн Сяопина, нацелена в глобальном и региональном масштабах на обеспечение условий для поступательного мирного развития Китая. В российско-китайских отношениях основой, прежде всего, является взаимная заинтересованность «в поступательном развитии долговременного и масштабного стратегического партнерства, благоприятствующего решению каждой из стран своих национальных задач». Выступив инициатором подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве России и Китая (2001), руководители Китая провозгласили лозунг: «Всегда друзья и никогда враги» [Китайская... в 2006 г., с. 14—15].

XVII съезд КПК (15—21 октября 2007 г.), которому отведено значительное место в материалах ежегодника «Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура», неизменно подчеркивает приверженность Китая делу мира и стабильности. Российские ученые, анализируя документы съезда, отмечают убежденность и уверенность КПК в своей способности с помощью «мягкой силы» решить грандиозные задачи модернизации страны, построения общества средней зажиточности, мирного объединения Родины и создания гармоничных отношений со всеми странами в мире [Китайская... в 2007 г.]. В докладе генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао провозглашает, что страна будет «твердо держаться основной установки своей внешней политики на защиту мира во всем мире и содействие совместному развитию» [Основные].

С трибуны съезда Ху Цзиньтао призвал «усиленно вооружать всю партию новейшими достижениями китаизированного марксизма». Эта задача китаизации сводится к внешнеполитической концепции мирного развития Китая и гармонизации мира. Вместе с этой идеей выдвигается не менее важная задача — продвижение вовеки достижений китайской культуры и поддержание позитивного цивилизованного образа Китая, которая становится частью политики открытости, выхода Китая на внешнюю арену, курса на гармонизацию международных отношений и мира в целом. Авторами ежегодника отмечается, что в последние годы китайские руководители стали обращать особое внимание на пропаганду современных достижений китайской культуры и популяризацию китайского языка. Повсюду в России создаются институты Конфуция, в том числе более десятка таких институтов организовано при вузах. Эти институты становятся центрами изучения китайского языка, пропаганды богатых традиций китайской истории, ознакомления с принципами внешней политики КНР [Китайская... в 2007 г., с. 360]. Выдвинутая Ху Цзиньтао

идея «создания гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием» подается как в глобальном, так и в региональных аспектах.

Российские ученые обращают внимание, что если подойти к рассмотрению вопроса о мирном развитии Китая объективно, без всяких фобий и предвзятостей, с точки зрения интересов России, то станет очевидным, что такое развитие Китая ставит своей главной целью создание благоприятных международных условий и благоприятного добрососедского окружения. Укрепление отношений стратегического партнерства с большинством соседних стран, сотрудничество ради совместного процветания — все это отвечает именно интересам мирного развития не только Китая, но и соседних стран, а также всего мира [Китайская... в 2007 г., с. 320].

Во внешнеполитическом разделе доклада Ху Цзиньтао сделан акцент на стратегическом выборе Китаем пути мирного развития, на отказе его от политики гегемонизма и от участия в гонке вооружений. В докладе звучит призыв к строительству гармоничного мира, к проведению в жизнь стратегии открытости, приносящей выгоду всем сторонам, и к развитию дружбы и сотрудничества со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования. При этом Ху Цзиньтао подчеркнул, что как «развитие Китая неотделимо от всего мира», так и «процветание и стабильность всего мира также неотделимы от Китая» [Китайская... в 2007 г., с. 21].

В ежегоднике «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР» исследуются важнейшие события внутренней жизни и внешней политики страны за 2008—2009 гг., подводятся итоги более чем 30-летней политики реформ и открытости. За три десятилетия реформ, как отмечают наши эксперты (М.Л. Титаренко, В.И. Трифонов), Китай уверенно выходит на позиции одной из главных мировых держав. Глубокие поступательные изменения происходят не только в силу заметного роста его экономической мощи, но и проводимой им взвешенной политики в международных делах, роста геополитического влияния, конструктивной линии в решении региональных и глобальных проблем. Китай — крупнейший центр приложения иностранных инвестиций (свыше 700 млрд долл. за годы реформ). Объем ВВП с 1978 г. увеличился примерно в 16,5 раза, составив в 2008 г., по данным китайской статистики, более 30 трлн юаней (более 4 трлн долл.), объем внешней торговли — 2,56 трлн долл. [Китайская... К 60-летию, с. 7—8, 474—475].

На переднем плане опять выстраиваются важные задачи XVII съезда КПК, в том числе проблема «китаизации», которая имеет внутреннюю и международную направленность. По мнению М.Л. Титаренко, во внутреннем плане «китаизация» означает укрепление культурной идентичности, укоренение политики реформ в национальную почву Китая, и с точ-

ки зрения ведения внешних дел эта идея сводится к концепции мирного развития Китая, которая, говоря словами Ху Цзиньтао, дополняется призывом к «гармонизации мира и международных отношений». В ежегоднике еще раз подчеркивается, что продвижение вовне достижений китайской культуры и поддержание позитивного цивилизованного образа Китая становятся частью политики открытости, «мирного» выхода Китая на внешнюю арену, курса на гармонизацию международных отношений и мира в целом [Китайская... К 60-летию, с. 17—19].

Внешнеполитическая доктрина — неуклонно идти по пути мирного развития. Этот стратегический выбор сделан китайским правительством и народом с учетом тенденций развития эпохи и собственных коренных интересов. По словам Ху Цзиньтао, китайская нация — это нация, которая горячо любит мир, а Китай все время был и остается надежным защитником мира во всем мире. Китай прилагает усилия для решения международных споров и «горячих» проблем мирным путем, стимулирует международное и региональное сотрудничество по безопасности, выступает против терроризма во всех его формах. Он проводит оборонительную политику национальной обороны и не участвует в гонке вооружений, не составляет военную угрозу другим странам. Китай выступает против всех форм гегемонизма и силовой политики. «Китай никогда не будет претендовать на гегемонию, никогда не будет заниматься экспансией», «вмешиваться во внутренние дела других стран, навязывать им свою волю». Как подчеркнул в выступлении на съезде председатель КНР, «мы выступаем за то, чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием» [Основные]. Особенно важным является акцент, что «Китай будет стремиться к «совместному развитию» и «совместному процветанию». Именно эти идеи лежат в основе подходов, отражающих «трехмерное» внешнеполитическое видение китайских аналитиков — развитые страны, соседние страны и развивающиеся страны.

Ежегодник реагирует на то, что в документах съезда впервые четко обозначена концепция «экологической культуры», что отражает озабоченность лидеров КПК состоянием дел в этой чрезвычайно важной сфере. Ученые Института Дальнего Востока, как подчеркивается, постоянно обращают самое серьезное внимание китайской и международной научной общественности на важность совместного изучения этого вопроса, поскольку существующая проблема касается не только Китая. Важно иметь в виду наличие проблем в сфере экологии в сибирских (проблема Иртыша) и дальневосточных районах России и других государств, граничащих с Китаем.

Авторами выпуска (М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова и др.) ставились закономерные вопросы о природе и цене достижений КНР, дальнейших

путях развития, перспективах российско-китайских отношений. Ответы на них представляли не только познавательную, научную, но и прямую практическую значимость. Говоря о российско-китайских отношениях, следует подчеркнуть, что они объективно основываются на факторе географической близости и взаимодополняемости экономик Китая и России, на традициях добрососедства и дружбы между народами. Их скрепляет взаимная заинтересованность в поступательном развитии долговременного и масштабного стратегического партнерства, которое благоприятствует решению каждой из стран своих национальных задач. Ключевое значение для дальнейшего углубления и совершенствования российско-китайского стратегического партнерства, полагают авторы ежегодника, имеет укрепление взаимного доверия между странами на уровне руководства, корпоративного и экспертного сообществ, широкой общественности [Китайская... К 60-летию, с. 8—9, 288—287, с. 301—302].

В целом, как отмечалось, за годы реформ наблюдается тенденция на повышение фона положительного развития российско-китайских отношений. Но вместе с тем эти отношения до сих пор испытывают на себе негативное остаточное влияние непростых коллизий прошлого, да и реалии повседневной жизни постоянно ставят перед российско-китайским взаимодействием новые проблемы, требующие подчас непростых решений. В завершение итогов констатируется, что только последовательными целенаправленными усилиями можно преодолеть предвзятость или неверные представления о стране-партнере и ее народе, все еще достаточно глубоко укорененные и в России, и в Китае. Показательно, что завершение демаркации российско-китайской границы на островах у Хабаровска сопровождалось всплеском сетований в обеих странах по поводу будто бы утраченных ими территорий. В то же время быстрая и масштабная помощь жертвам землетрясения в Сычуани и активная поддержка Пекинской Олимпиады 2008 г. заметно улучшили отношение к России в Китае.

История эволюции внешней политики и ее принципы с 1949 г., а также современные внешнеполитические концепции Китая подробно анализируются в этом издании российским исследователем В.И. Грифоновым. Характеризуя современные внешнеполитические концепции Китая, он отметил, что к 2008—2009 гг. внешнеполитическая доктрина КНР уже была сформирована; определились основные цели и ориентиры внешней политики КНР, а также видение Пекином нынешнего мироустройства и места в нем Китая. Произошла заметная деидеологизация внешнеполитического курса Китая.

Характерной чертой внешней политики Пекина, по определению автора, является ее многовекторность, линия на сотрудничество и партнерство со всеми странами, отказ от вступления в какие-либо военные блоки

и объединения, направленные против третьих стран. Китай позиционирует себя в качестве независимого центра силы в мировых делах. Являясь постоянным членом СБ ООН, КНР стремится играть активную роль в ООН, в других международных организациях, выступает с многочисленными инициативами. Активные связи поддерживает Пекин с ЕС, демонстрирует растущий интерес к развитию взаимодействия по линии Россия—Индия—Китай (РИК) и Бразилия—Россия—Индия—Китай (БРИК).

Достаточную устойчивость своей экономической системы серьезно продемонстрировал Китай в условиях охватившего мир финансового кризиса. Принята масштабная антикризисная программа: согласно разработанному Госсоветом КНР плану на поддержку китайской экономики на период до 2010 г. выделено 586 млрд долл. При этом неуклонно растет военный потенциал Китая. Осуществляется последовательный курс на создание современных вооруженных сил, оснащенных высококачественным оружием, выход китайских ВМС в мировой океан, на укрепление ракетно-ядерного потенциала с тем, чтобы постепенно достигнуть сопоставимого уровня с ракетно-ядерными силами США и России. Одновременно элементы нестабильности вносят продолжающаяся политика с позиции силы США и Запада, линия на дальнейшее расширение военных блоков, вмешательство со стороны западных стран во внутренние дела других государств [Китайская... К 60-летию, с. 473—485].

Одной из актуальных тем в китайских научных кругах, как отмечалось, имеет место полемика вокруг выдвинутого в начале 1990-х годов известного тезиса Дэн Сяопина. Тезис гласит, что в условиях сложной международной ситуации и ограниченных возможностей Китая ему следует «хладнокровно наблюдать за обстановкой, укреплять собственные позиции, проявлять сдержанность, не торопиться, полностью отдаться работе, хорошенько делать свои дела» [Дэн Сяопин, с. 404].

Вместе с тем российские китаеведы обратили внимание, что китайскими лидерами уже не упоминается концепция «мирного возвышения» Китая, очевидно вследствие имевшей место трактовки этой концепции многими политологами как подтверждение претензий Китая на завоевание лидирующих позиций в мировых делах. На смену пришли идеи «мягкой силы», стремление продемонстрировать миру ныне конструктивный ненасильственный характер политики КНР, создать привлекательный образ Китая.

Следующая книга «КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011»¹⁰ продемонстрировала одну из важных вех в истории российско-

¹⁰ В 2010 г. появились новые реалии в облике традиционного издания «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура»; новизна заключается в том, что информация по итогам развития Китая предоставляется в издании не ежегодно, а за два года. — Т.Г.

китайских отношений: 10-летний юбилей подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (16 июля 2001 г.). Директор ИДВ РАН, акад. М.Л. Титаренко подчеркнул в статье, что в 400-летней истории отношений России с Китаем «есть ряд двусторонних документов, которые стали эпохальными вехами в наших добрососедских отношениях. К числу таких документов относится подписанный 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Договор закрепил произошедшие в отношениях между Россией и Китаем с начала 90-х годов XX века важнейшие позитивные изменения и заложил прочную правовую основу для их дальнейшего развития в интересах мира и процветания наших стран». Суть этого знаменательного события нашла яркое выражение в прозвучавших при подписании Договора словах: «Навеки друзья и никогда враги» [Китайская... 2010—2011, с. 6—20].

Отмечая 10-ю годовщину Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, общественность России четко осознает практическую значимость внешних условий для модернизации страны, осознает необходимость обеспечить устойчивые отношения с великим соседом и, укрепляя доверие, решительно встать на путь экономического соразвития с КНР. Очень важно, как подчеркивает Титаренко, что активную роль в распространении объективных знаний о Китае, его истории и цивилизационном опыте, разработке рекомендаций, направленных на упрочение российско-китайских связей, неизменно играет Институт Дальнего Востока РАН и целый ряд других научных и университетских центров по изучению Китая. Подготовленные учеными этих институтов и центров комплексные исследования истории и состояния российско-китайских отношений, прогнозы их дальнейшего развития содержат общий четкий вывод: стратегия добрососедства, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами альтернативы не имеет [Китайская... К 65-летию, с. 30—40].

В итогах этого периода была отмечена еще одна знаменательная дата 2011 г. — 10-летие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), активное участие в работе которой принимают Россия и Китай. Крупнейшая заслуга ШОС — оздоровление обстановки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепление доверия между странами региона (статья С.В. Уянаева). По словам автора, важным направлением международного взаимодействия России и Китая является также сотрудничество в многосторонних международных форматах. В их числе — функционирующая уже без малого десятилетие структура РИК (Россия—Индия—Китай) [Китайская... 2010—2011, с. 204—211].

Неизменность политики строительства социализма с китайской спецификой, продолжение курса реформ и мирного развития, принятого

XVIII съездом КПК (8—15 ноября 2012 г.), подтверждается материалами ежегодника «КНР: политика, экономика, культура. 2012—2013». На его страницах (статья М.Л. Титаренко), дается непредвзятая оценка этому съезду, анализируется суть “китайской специфики”. Приводятся размышления о трудностях понимания «китайской специфики» политическими сообществами, принадлежащими к другим традициям и культурам. Ключевые приоритеты развития Китая, с точки зрения анализа, раскрыты в названии самого доклада ЦК КПК, а именно, «Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой, бороться за полное построение общества среднего достатка» [Китайская... 2012—2013., с. 30].

На XVIII съезде КПК декларируется линия на укрепление духа равноправия и взаимодоверия. В соответствии с этим общим видением выстраивается и конкретная внешнеполитическая линия КНР, определяется место Китая на международной арене. Выступая на съезде в ноябре 2012 г., председатель КНР Ху Цзиньтао еще раз подчеркнул, что «Китай будет твердо проводить независимую и самостоятельную внешнюю политику, охранять суверенитет и безопасность государства», что «интересы его развития никогда не будут подчиняться какому-либо давлению извне».

Как отмечали российские ученые (В.Е. Петровский, С.В. Уянаев, В.И. Трифонов, С.Г. Лузянин), в своей внешнеполитической стратегии в 2012 г. Китай продолжал придерживаться выработанных за последние годы установок и направлений. Среди них — дальнейшее укрепление позиций КНР как одной из ведущих мировых держав, обеспечение благоприятных внешних условий для осуществления политических и экономических преобразований, программы модернизации страны. Большое значение по итогам уделялось вопросам взаимного стратегического партнерства между КНР и РФ. По оценке, в 2011 — первой половине 2013 г. российско-китайские отношения отличались небывалой активностью по всем ключевым направлениям и сферам сотрудничества [Китайская... 2012—2013, с. 215—229].

Во время визита российского президента в КНР (5—6 июня 2012 г.) председателем КНР Ху Цзиньтао и президентом РФ В.В. Путиным подписано совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении китайско-российских отношений всеобъемлющего, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Как отмечалось, особое значение для Китая имеют отношения с Россией в силу непосредственного соседства двух стран, общности их национальных интересов и близости позиций по основным международным проблемам [Китайская... 2012—2013, с. 260—276].

Обе страны придали своим отношениям приоритетный статус в своей дипломатической работе и внешней политике. Знаменательно, что свой первый официальный визит за рубеж после занятия поста председателя КНР Си Цзиньпин совершил 22—24 марта 2013 г. именно в Россию. В своем интервью 19 марта — перед поездкой в Россию — Си Цзиньпин подчеркнул, что «Китай и Россия являются друг для друга самыми главными и самыми важными партнерами стратегического взаимодействия».

Российскими китаеоведами отмечалось, что на первое место среди внешнеполитических приоритетов Китая выдвигаются задачи дальнейшего укрепления политических позиций на мировой арене. Проблемы глобального характера находятся в фокусе статей ежегодника, в поле зрения — внешнеполитические интересы Пекина:

— Пекин активно участвует в международных мероприятиях глобального характера, например, в Организации Объединенных Наций, Китай занял лидирующие позиции в ведущих региональных организациях АТР, также значительно укрепилось его влияние среди развивающихся стран, на африканском и латиноамериканском континентах.

— Пекин придает особое значение укреплению и расширению сотрудничества в рамках новых по своему характеру и содержанию организаций, как ШОС, БРИКС, РИК. При этом особое внимание всех ведущих мировых держав сосредоточено на постоянных усилиях Китая по укреплению военной мощи. Китайский военный бюджет вырос с 2000 по 2012 г. в 7,3 раза, достигнув в 2012 г. 106,7 млрд долл. (западные источники дают еще большую цифру). На 2013 г. планировалось увеличение военных расходов КНР еще на 10,7 %. На XVIII съезде КПК было заявлено о наличии планов превращения КНР в «мощную морскую державу», укреплялись и создавались военные базы вдоль восточного и южного побережья Китая, были усилены службы береговой охраны.

— Пекин существенно потеснил в Азиатско-Тихоокеанском регионе Соединенные Штаты и Японию. Укрепились позиции Китая в ключевых региональных организациях — АТЭС, АРФ, АСЕАН, ВАС. Ситуация в АТР осложнялась ростом напряженности на Корейском полуострове. Безусловно, приоритетными во внешней политике Китая являются отношения с США.

— В целом, XVIII съезд КПК дал импульс наращиванию активности Китая на мировой арене, включая в первую очередь отношения с США и включая непростую ситуацию по Тайваньскому вопросу [Китайская... 2012—2013, с. 270—276].

— Одним из приоритетных направлений ежегодника являются отношения КНР с Японией, серьезно осложнившиеся в последнее время из-за обострившегося территориального спора вокруг островов Дяоюйдао (Сэнкаку). Помимо огромного ущерба отношениям двух стран, конфликт

начинает приносить все более ощутимый урон в экономической сфере. Серьезное беспокойство Пекина вызывает возросшая напряженность на Корейском полуострове, особенно в связи с проведенными Северной Кореей ядерными испытаниями.

Не остается без внимания российских экспертов также неравнодушное отношение КНР к важным сферам жизни человека. К примеру, Китай дает решительный отпор нападкам в вопросе прав человека, и занимает здесь даже наступательную позицию, примером чего является регулярно публикуемый в КНР доклад «О ситуации с правами человека в США», где приводятся многочисленные факты неблагоприятного положения в этой сфере в самих Соединенных Штатах. Далее Китай подвергает резкой критике иницируемые Западом так называемые «цветные революции», трактуемые в КНР как прямое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, попытки насадить удобные Западу, контролируемые им режимы [Китайская... 2012—2013, с. 270—275].

Ежегодник «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР» демонстрирует позитивность действий китайского руководства во внешней политике в период 2013—2014 гг., констатируя факт успешного развития российско-китайских отношений. Издание посвящено 65-летию образования КНР, 65-летию китайско-российских дипломатических отношений и 65-й годовщине Общества Китайско-Российской дружбы. Бывший посол КНР в РФ, почетный доктор ИДВ РАН Лю Гучан, в частности, сделал памятную надпись на первых страницах о том, что данный спецвыпуск «является ценным подарком и путеводной звездой, указывающей путь дальнейшего развития китайско-российской дружбы» [Китайская... К 65-летию, с. 16].

По оценке российских ученых (М.Л. Титаренко, В.И. Трифонов, С.В. Уянаев), отношения РФ и КНР сохраняют преемственность основных принципов внешней политики китайского руководства. Исходя из практики последних десятилетий, это означает сохранение добрых отношений с РФ в числе основных международных приоритетов Китая. На переднем плане внешней политики остаются задачи защиты мира и содействия развитию, которые в недавнем прошлом были заявлены как «главные проблемы современного мира» [Китайская... К 65-летию, с. 30—40].

Как следует из материалов XVIII съезда КПК (8—15 ноября 2012 г.) и 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (5—13 марта 2014 г.), лидеры двух стран неоднократно подчеркивали, что отношения между РФ и КНР «беспрецедентно высокого уровня», имеют «подлинно доверительный и всеобъемлющий характер сотрудничества», находятся в тесном стратегическом взаимодействии¹¹.

¹¹ URL: <http://www.kremlin.ru/news/18347>

XVIII съездом положено начало широкой пропаганде концепции «китайской мечты», ставшей образным символом формируемой всеми поколениями руководства КПК единой общенациональной идеи, которая призвана сплотить китайскую нацию на основе общего для всех её слоёв идеала «возрождения» Китая. «Китайская мечта», как отмечает А.В. Ломанов в своей статье, выступает в качестве общей концепции, указывающей на основные приоритеты руководства Си Цзиньпина, соединяет планы «национального возрождения» со среднесрочными и долгосрочными целями развития страны. Лозунг осуществления «китайской мечты» (чжунго мэнь) китайское руководство, пришедшее к власти в 2012 г., превратило в ключевую характеристику своей политики [Китайская... К 65-летию, с. 40—56].

В Уставе партии, принятом на XVIII съезде КПК, впервые записано положение о том, что в Китае «установлен социалистический строй с китайской спецификой», выражается намерение твёрдо приложить усилия по защите мира во всем мире и содействию общему развитию.

Постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) провозглашает политику всестороннего построения общества малого благосостояния, достижения новых побед социализма с китайской спецификой, осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Включение «китайской мечты» в текст постановления пленума, по мнению специалистов, подсказывает, что новый лозунг будет присутствовать в официальных документах как минимум до начала следующего десятилетия, то есть до срока реализации ключевых решений пленума [Китайская... К 65-летию, с. 42, 45].

Внимание авторов выпуска, посвященного 65-летию КНР, акцентируется в значительной степени на исторических истоках развития Китая, на преэминентности ценностных ориентиров китайского общества. Согласно Постановлению, во внешней политике Пекин руководствуется следующим положением:

— «когда Китай становится развитым и сильным, это несет миру еще больше шансов, а не какую-то угрозу»,

— «китайская мечта» принесет счастье не только китайскому народу, но и народам всех стран.

В очередном выпуске ежегодника «КНР: политика, экономика, культура. 2017—2018» конкретизируются новые идеи и ориентиры, зафиксированные в решении XIX съезда КПК (18—24 октября 2017 г.). В соответствии с формулировками и стратегиями, касающимися внешней политики, по мнению российских ученых, Китай будет стремиться в перспективе к «великому возрождению китайской нации», «сообществу единой судьбы человечества», реализации проекта «один пояс, один путь», к

непосредственному участию в создании нового миропорядка и архитектуры международной безопасности.

Китай все более успешно интегрируется, как отмечают авторы статей (С.Г. Лузянин, В.Е. Петровский и С.В. Уянаев), в современную мирохозяйственную систему. Принципиально новых тезисов на XIX съезде на этот счет не прозвучало, однако не менее важным и показательным является то, что прежние положения подтверждены, развиты и дополнены новыми акцентами. На XIX съезде достаточно жестко подтвержден тезис предыдущего съезда, что «Китай... ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов», не потерпит ни от кого «горьких плодов ущемления», Китай намерен непреклонно и всемерно отстаивать свое видение положения мировых и региональных вопросов. Вероятнее всего это касается и территориальных споров в ЮКМ, ВКМ и Южной Азии, и вопросов, связанных с внешними препятствиями «возвращению Тайваня в лоно Родины» [Лузянин, с. 10—17].

На съезде делаются новые добавления, а также конкретизируются прежние тезисы развития внешнеполитической концепции. В докладе Си Цзиньпина говорится, что КНР, чья «национальная оборона носит оборонительный характер», «не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства». В ежегоднике российскими учеными, вместе с тем, отмечается отсутствовавшее ранее упоминание «оборонительного характера» доктрины на фоне все более активных действий Китая в военной области [Петровский, Уянаев, с. 277—284].

Во внешней политике Пекина наблюдается сложная картина переплетения различных тенденций, новое акцентирование политики развития в рамках внешнеполитического курса. В этой связи обратим внимание на один из выводов относительно внешнеполитических ориентиров, а именно: как отмечалось на съезде, «ни одна страна не может в одиночку справиться с разнообразными вызовами, стоящими перед человечеством, и ни одна страна не может вернуться обратно на закрытый изолированный остров». На съезде прозвучал призыв к «народам всех стран общими усилиями строить «сообщество единой судьбы человечества», политика стимулирования международного сотрудничества провозглашалась в конкретных рамках инициативы «один пояс, один путь» [Виноградов, с. 16—28].

Меняется видение Китаем своей роли в современном мире. Си Цзиньпин провозгласил применимость китайской модели за рубежом. По его мнению, она может стать для развивающихся стран «способом достичь процветания, сохранить суверенитет». Положение о «сообществе единой судьбы» и инициатива «один пояс, один путь» внесены в документы съезда, в Устав партии — это первая в новых исторических усло-

виях внешнеполитическая стратегия, реализация которой потребует серьезных изменений во внешней политике [Виноградов, с. 23—24]

По итогам 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва (5—20 марта 2018 г.) Си Цзиньпин был переизбран на пост председателя КНР, Ли Кэцян вновь возглавил Госсовет. В докладе правительства, посвященном в основном вопросам экономики, нашли отражение и основные внешнеполитические установки, выдвинутые XIX съездом КПК. Приоритеты китайской дипломатии нынешнее руководство видит, как подчеркивается в материалах ежегодника, в содействии формированию нового типа международных отношений, предусматривающих активное участие КНР в реформировании и совершенствовании системы глобального управления [Китайская... 2017—2018, с. 10—13].

На сессии приняты поправки к Конституции, в том числе о снятии ограничения на сроки пребывания на посту председателя КНР. Таким образом предусматривается возможность переизбрания Си Цзиньпина на новый, третий срок. Как отмечают исследователи (С.Г. Лузянин и др.), есть основания утверждать, что идеи Си Цзиньпина будут определять развитие Китая не только в начавшемся пятилетнем политическом цикле, но и на более далекую перспективу [Китайская... 2017—2018, с. 14—16].

Идея и, можно сказать, формирующееся учение Си Цзиньпина о «великом возрождении китайской нации» предполагает рост международного влияния Китая и отражает его новую глобальную роль в стратегии взаимовыгодного сотрудничества. По его словам, XIX съезд КПК является чрезвычайно важным съездом, созданным в решающий момент полного построения общества сяокан и в ключевой момент вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

Сохраняет также актуальность идея соотношения «китайского социализма» и китайской цивилизации, встроенная за 68 лет (1949—2018) в многотысячелетнюю китайскую цивилизацию. В 2000-е годы эта идея в России была сформулирована акад. М.Л. Титаренко. Как отмечалось в статьях ежегодника, она является великой политической новацией, открывшей путь к модернизации Китая. Но как показала практика, попытка соединить идеологическую работу внутри страны с внешней политикой не получила дальнейшего развития [Китайская... 2017—2018, с. 13].

Применительно к современным российско-китайским отношениям с высокой долей вероятности можно говорить, что курс на развитие с РФ отношений всеобъемлющего стратегического партнерства Китай планирует сохранить в числе своих основных международных приоритетов [Петровский, Уянаев]. По утверждению авторов, в 2016—2017 гг. отношения всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и КНР развивались в традиционном для последних двух десятилетий русле на-

ращивания взаимодействия во множестве областей — от политики и экономики до обороны и гуманитарных связей. И, несмотря на неизбежные отдельные трудности, руководство обеих стран называло нынешний период лучшим за всю историю российско-китайских отношений.

Как и предыдущие семь лет, отмечает Уянаев, Китай оставался крупнейшим внешнеторговым партнером РФ. По итогам 2017 г. торговля между Россией и Китаем выросла уже на 20,8 %, составив цифру 84,07 млрд долл. — цифру, близкую к рекордным показателям 2013—2014 гг.; развивались также контакты по партийной линии, в научно-технической сфере, в разнообразных культурно-гуманитарных и других областях [Китайская... 2017—2018, с. 244—252].

Вышедшее в 2022 г. издание «КНР: политика, экономика, культура. 2019—2021»¹² подробно освещает основные внешнеполитические установки, определяемые ныне как «внешняя политика и дипломатическая доктрина Си Цзиньпина».

По случаю 100-летия Коммунистической партии Китая в 2021 г. значительное место отведено КПК, ее роли во внешней политике КНР. Идеино-теоретическая платформа КПК в исторической ретроспективе находится в фокусе исследований Д.А. Смирнова. В развитие партийной идеологии оба предшественника Си Цзиньпина на посту лидера партии внесли свой вклад в идейно-теоретическую платформу КПК. Идеи Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина символизировали поворотные точки в развитии теории, и поэтому рассматривались как результат соединения основных положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции, с реалиями современного Китая и особенностями эпохи. Основы идейно-теоретической платформы, по словам автора, прописаны в Уставе партии, обновляемом в соответствии с изменениями в стратегии развития страны, требующими корректировки или обновления этой платформы. На состоявшемся 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва в ходе подготовки к предстоящему в 2022 г. XX съезду КПК, было принято «Решение ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии», по которому Си Цзиньпин дал свои пояснения (Китайская... 2019—2021, с. 11—18).

Основная идея, выдвигаемая нашими учеными (В.Я. Портяков, С.В. Уянаев и др.), заключается в том, что внешнеполитическая идентичность и поведение Китая, а также вся конструкция его внешней активности осуществляется и развивается под воздействием исторического прошлого. С момента провозглашения КНР в 1949 г. китайская внешняя политика претерпела существенные трансформации под воздействием

¹² С 2017 г. в Институте Дальнего Востока издание выходит как коллективная монография «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», — это регулярное издание, подводящее итоги развития КНР каждые два года.

внешних и внутренних факторов. В рамках этой трансформации внешнеполитическая ориентация и подходы Китая также подверглись неоднократному пересмотру. Как правило, внешняя политика рассматривается на фоне внутривнутриполитического развития, и в силу этого внешнее выстраивается в соответствии с внутренним, исходя из их единства.

Внешнеполитический курс КНР 2020—2021 гг. охарактеризован в русле концептуальных установок, которые сформулированы в партийных и государственных документах последних лет («державная политика с китайской спецификой», «сообщество единой судьбы человечества», инициатива «один пояс, один путь»). Проведен анализ итогов развития внешней политики КНР 2020—2021 гг. (статья С.В. Уянаева). В частности, подчеркивается, что современный внешнеполитический курс реализовывался в необычных условиях, связанных с пандемией. На внешней арене курс испытал явное воздействие вызовов пандемии коронавируса, связанное как с сузившимися формами дипломатической работы, так и с необходимостью отвечать на дополнительное внешнее давление, прежде всего со стороны стран Запада, выдвинувших обвинительный тезис о «китайском происхождении» COVID-19. Вместе с тем все эти обстоятельства не затронули, согласно официальному мнению, реестр принятых в документах внешнеполитических приоритетов Пекина¹³. Традиционным вниманием по-прежнему пользовались все три главных направления — отношения с крупными игроками, с соседними, а также с развивающимися странами. Неизменно активной (пусть и в новом «он-лайн» формате) оставалась и деятельность в международных организациях и структурах [Китайская... 2019—2021, с. 222—223].

В рамках «лидерской дипломатии» тон был задан онлайн выступлением Си Цзиньпина на Давосском форуме. Китайский лидер вновь представил основные подходы Китая к международной политике, подчеркнул важность «глобального реагирования, глобального сотрудничества и поддержания мультилатерализма, заявил о готовности КНР «предпринять все необходимые действия, если речь пойдет об интересах всего человечества», а также о неприятии «игр с нулевой суммой» и концепции «победитель забирает все». Председатель КНР подчеркнул, что Китай твердо проводит «независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику; он стремится устранять разногласия посредством диалога, разрешать споры путем переговоров, активно развивать отношения дружбы и сотрудничества с другими странами на основе взаимоуважения, равенства и

¹³ Первые выводы относительно текущих задач и вызовов, с которыми столкнулась дипломатия КНР в новых, «пандемийных» условиях содержались в выступлении министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции в ходе состоявшихся в мае 2020 г. сессий ВСНП и ВК НПКК. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0524/c31521-9693787.html>

взаимной выгоды»¹⁴. Многие из этих тезисов китайский руководитель озвучил через три месяца (20 апреля) в речи в рамках Давосского азиатского форума [Китайская... 2019—2021, с. 225].

Международные постулаты КНР были представлены 1 июля 2021 г. во внешнеполитической части речи председателя КНР на торжественном заседании в Пекине по случаю 100-летнего юбилея Компартии Китая. Си Цзиньпин акцентировал внимание на задаче «прилагать неустанные усилия к формированию сообщества единой судьбы человечества», подчеркнул, что «мир, согласие и гармония — это концепции, которые китайская нация, не имеющая в своей крови генов захватчиков и гегемонов, наследует на протяжении более чем пяти тысячелетий». Он призвал противостоять «политике силы и односторонних действий». Китайский руководитель указал на то, что Китай продолжит поддерживать принципы Устава ООН, выступать за решение международных дел путем консультаций, а также способствовать развитию мирового порядка в более рациональном направлении. По словам Си Цзиньпина, Китай не будет стремиться к экспансии, гегемонии или расширению сфер влияния¹⁵.

Согласно выводу С.В. Уянаева, в новых обстоятельствах, продиктованных вызовами пандемии, дипломатия КНР продолжала развивать утвердившиеся к началу 2020 г. основные внешнеполитические установки, определяемые ныне как «внешняя политика и дипломатическая доктрина Си Цзиньпина». Узловыми тезисами служили тезисы создания сообщества человечества с единой судьбой, продвижения мультилатерализма и отсутствия у КНР гегемонистских намерений.

В ежегоднике (статья В.Е. Петровского) дана оценка российско-китайским отношениям с точки зрения серьезных сдерживающих факторов, вызванных пандемией коронавируса, которые привели к необходимости проведения многих международных встреч и мероприятий в онлайн-формате. Однако практика показала, что «переговоры по защищенным линиям связи позволяют обсуждать самые конфиденциальные вопросы российско-китайских отношений без необходимости личных встреч».

В 2020—2021 гг. активно функционировал механизм российско-китайских межправительственных контактов. В июле 2021 г. стороны отметили 20-летний юбилей подписания главами России и Китая в Москве двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, ставшего исторической вехой в отношениях между двумя странами. Россия и Китай договорились об автоматическом продлении на очередной пятилетний срок этого Договора [Китайская... 2019—2021, с. 292—298].

¹⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0126/c31521-9812772.html>

¹⁵ URL: <https://iz.ru/1189393/2021-07-20/tczinpin-prizval-politike-sily-odnostoronni-kh-deistvii>

За этот период наши страны, пишет В.Е. Петровский, координировали позиции по ключевым проблемам глобальной и региональной повестки дня, слаженно работали в международных организациях, в том числе в ООН, БРИКС, ШОС, что способствовало обеспечению эффективности российско-китайского внешнеполитического взаимодействия и формированию более справедливого и устойчивого полицентричного миропорядка.

Автор делает вывод, что российско-китайские отношения развивались в 2020—2021 гг. последовательно и поступательно, однако это не означает, что они были безоблачными. Проблемы в отношениях между столь крупными и независимыми державами неизбежны, поскольку их национальные интересы и соответствующая мотивация поведения в разных сферах не могут полностью совпадать.

Политика закрытости Китая от внешнего мира привела к тому, что разрешение на въезд можно получить лишь для деловых целей и только представителям 23 стран, в число которых Россия не входит. Жесткие карантинные требования привели к невозможности доставки дипломатической почты в российские дипломатические и консульские учреждения в КНР. Тем не менее, существующие проблемы и вопросы в российско-китайских отношениях, по мнению автора, всегда могут быть разрешены путем компромисса, доброй воли и надежного механизма консультаций и координации политики [Китайская... 2019—2021, с. 300].

Общество российско-китайской дружбы (ОРКД) по праву считается важной силой в деле упрочения и развития китайско-российских отношений. Как отмечалось в статье Г.В. Куликовой, первого заместителя председателя ОРКД, межгосударственные отношения находятся на новом историческом старте и обретают новые шансы для дальнейшего развития. Для этого необходимо более активное участие общественности двух стран в работе Общества.

25 декабря 2020 г. в Москве состоялась IX Отчетно-выборная конференция ОРКД — правопреемника созданного в Москве 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы. В статье Г.В. Куликовой отражены мероприятия, которые были проведены в Москве и на местах по случаю юбилейных дат из жизни ОРКД. За отчетный период только в Москве было проведено 350 различных мероприятий, посвященных Китаю и российско-китайским отношениям. 29 октября 2022 г. ОРКД исполняется 65 лет. К этому знаменательному юбилею «ОРКД идет с новым Уставом, задачами и кадрами, чтобы вписать новые страницы в золотую летопись дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами» [Китайская... 2019—2021, с. 300—321].

Таким образом, мы видим, как в течение более чем 70-летней истории менялась и развивалась внешняя политика КНР. При этом стоит под-

черкнуть, что во внешней политике КНР наблюдаются преемственность и взаимодополняемость внешнеполитических концепций, доктрин и принципов, что заметно обогащает внешнеполитические установки, корректирует их и делает более универсальными, направленными на рост благосостояния и устойчивого развития, как самого Китая, так и мирового сообщества.

В завершение статьи можно сделать вывод, что изучение материалов продолжающегося информационно-аналитического издания — Ежегодника КНР — показывает, что авторам, как правило, профессионалам своего дела, удалось достоверно представить оценки этапов и содержания развития внешнеполитической доктрины КНР, включая советско/российско-китайские отношения. Несмотря на ограничение объемов статей по различным темам, присущее изданиям подобного рода, можно сказать, что его авторы создали “летопись” формирования и развития внешнеполитической доктрины КНР, которая может служить информационной основой для углубленных исследований.

Блок внешней политики КНР дается на фоне внутривосточного развития, формирования законодательной сферы, культуры, науки, и в силу этого внешняя политика представлена как продолжение внутренней, исходя из их единства. Обратим внимание, что такой подход усиливает достоверность и объективность представленных в серии оценок.

Характерной чертой этого уникального информационно-аналитического издания является адекватно быстрое реагирование на внешние и внутривосточные события, позволяющее исследователям, в том числе и молодым ученым Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) — новое название ИДВ РАН с июля 2022 г., всегда быть в курсе происходящих процессов в КНР и своевременно давать им экспертную оценку.

Библиографический список

X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1973. С. 30.

XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1982. С. 4—5, 60—69.

Виноградов А.В. XIX съезд Коммунистической партии Китая // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 436 с. С. 16—28.

Герасимова Т.Г. Основные принципы внешней политики КНР, 1949—2007 гг. (по материалам продолжающегося издания «КНР: политика, экономика, культура») // Дандай Чжунго ши яньцзю (Исследования современной истории Китая), 2010. Июль. Т. 17. № 4. С. 112—113. На кит. яз.

Доклад Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК 12 октября 1992 г. // *Жэньминь жибао*. 21.10.1992. — URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7970288.html>

Дэн Сяопин. Избранное Т. III. Пекин, 1994. С. 404.

Китайская Народная Республика в 1982 г.: политика, экономика, идеология. М.: Наука, 1986. С. 4, 9—14, 34—38, 191—200.

Китайская Народная Республика в 1987 г.: политика, экономика, культура. М.: Наука, 1989. 360 с. С. 3—65, 151—155.; КНР 55 лет. М., 2004. 552 с.

Китайская Народная Республика в 1989 г.: политика, экономика, культура. М.: Наука, 1991. С. 154—183.

Китайская Народная Республика в 1992 г.: политика, экономика, культура. М.: Наука, 1994. С. 4, 28—36, 190—194.

Китайская Народная Республика в 1997 г.: политика, экономика, культура. М.: Наука, 1999. 230 с.

Китайская Народная Республика в 2002 г.: политика, экономика, культура. М.: Наука, 2003. С. 3—13, 145—147.

Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. М., 2007. С. 14—15, 25—29.

Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура. М., 2008. С. 21, 320.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010—2011. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 448 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. М.: ИД «ФОРУМ», 2013. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», М., 2014. 480 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 436 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021: монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. 354 с.

Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г. М.: Наука, 1975. 439 с.

КНР 55 лет. М.: ИДВ РАН, 2004. 494 с.

Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15 октября 2007 г.). URL: http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnyye_polozenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_se_zde_kommunisticheskij_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html#comment (дата обращения: 15.04.2022).

Петровский В.Е., Уянаев С.В. XIX съезд КПК о внешней политике КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 436 с. С. 277—284.

Портяков В.Я. Роль Коммунистической партии Китая во внешней политике Китайской Народной Республики // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021: монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. 354 с. С. 213—222.

References

X Vsekitayskiy s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya (Dokumenty) [Tenth National Congress of the Communist Party of China (Documents)]. Beijing, 1973. P. 30. (In Russian).

XII Vsekitayskiy s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya (Dokumenty) [XII National Congress of the Communist Party of China (Documents)]. Beijing, 1982. P. 4—5, 60—69. (In Russian).

Vinogradov A.V. XIX s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya [*Vinogradov A.V.* XIX Congress of the Communist Party of China] // People's Republic of China: politics, economics, culture. 2017—2018: monograph. Moscow: ID "FORUM", 2018. 436 p. P. 16—28. (In Russian).

Gerasimova T.G. Osnovnyye printsipy vneshney politiki KNR, 1949—2007 gg. (po materialam prodolzhayushchegosya izdaniya «KNR: politika, ekonomika, kul'tura») [*Gerasimova T.G.* Main Principles of PRC Foreign Policy, 1949—2007 (Based on the materials of the ongoing publication "China: Politics, Economics, Culture")] // *Dandai Zhongguo shi yanjiu* (Studies in Modern Chinese History), 2010. July. Vol. 17. № 4. P. 112—113. (In Chinese).

Doklad TSzyan TSzeminya na XIV s"yezde KПК 12 oktyabrya 1992 g. [Report of Jiang Zemin at the XIV Congress of the Communist Party of China on October 12, 1992] // *Zhen'min' zhibao*. 21.10.1992. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7970288.html>

Den Syaopin. Izbrannoye T. III [Deng Xiaoping. Selected Vol. III]. Beijing, 1994, p. 404. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1982 g.: politika, ekonomika, ideologiya [People's Republic of China in 1982: politics, economics, ideology]. Moscow: Science, 1986. P. 4, 9—14, 34—38, 191—200. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1987 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 1987: politics, economy, culture]. Moscow: Science, 1989. 360 p. P. 3—65, 151—155; KNR 55 let. M., 2004. 552 s. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1989 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 1989: politics, economy, culture]. Moscow: Science, 1991. P. 154—183. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1992 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 1992: politics, economy, culture]. Moscow: Science, 1994. P. 4, 28—36, 190—194. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1997 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 1997: politics, economy, culture]. Moscow, 1999. 230 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 2002 g.: politika, ekonomika, kul'tura. [People's Republic of China in 2002: politics, economy, culture]. Moscow: Science, 2003. P. 3—13, 145—147. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 2006 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 2006: politics, economy, culture]. Moscow, 2007. P. 14—15, 25—29. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika v 2007 g.: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China in 2007: politics, economy, culture]. Moscow, 2008. P. 21, 320. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 60-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 60th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», 2009. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2010—2011 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2010—2011]. Moscow: ID «FORUM», 2011. 448 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2012—2013 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2012—2013]. Moscow: ID «FORUM», 2013. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 65th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», M., 2014. 480 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2017—2018: monografiya. [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2017—2018: monograph]. Moscow: ID «FORUM», 2018. 436 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2019—2021: monografiya / Ros. akad. nauk; In-t Dal'nego Vostoka [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2019—2021: monograph / Ros. acad. sciences; Institute of the Far East]. Moscow: IDV RAN, 2022. 354 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politicheskoye i ekonomicheskoye razvitiye v 1973 g. [People's Republic of China: political and economic development in 1973]. Moscow: Science, 2019, 1975. 439 p. (In Russian).

KNR 55 let [PRC 55 years old]. M.: IDV RAN, 2004. 494 p. (In Russian).

Osnovnyye polozheniya doklada Khu TSzin'tao na XVII Vsekitayskom s"yezde Kommunisti-cheskoy partii Kitaya (15 oktyabrya 2007 g.) [The main provisions of the report of Hu Jintao at the XVII National Congress of the Communist Party of China

(October 15, 2007)]. URL: http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_sezde_kommunisticheskoy_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html#comment (accessed 04/15/2022).

Petrovskiy V.Ye., Uyanayev S.V. XIX s"yezd KPK o vneshney politike KNR [*Petrovsky V.E., Uyanaev S.V.* 19th Congress of the CCP on the Foreign Policy of the People's Republic of China] // People's Republic of China: politics, economics, culture. 2017—2018: monograph. Moscow: ID «FORUM», 2018. 436 p. P. 277—284. (In Russian).

Portyakov V.Ya. Rol' Kommunisticheskoy partii Kitaya vo vneshney politike Kitayskoy Narodnoy Respubliki [*Portyakov V.Ya.* The role of the Communist Party of China in the foreign policy of the People's Republic of China] // People's Republic of China: politics, economics, culture. 2019—2021: monograph / Ros. acad. sciences; Institute of the Far East. Moscow: IDV RAN, 2022. 354 p. P. 213—222 (In Russian).

Е.Н. Степанова

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ТАЙВАНЯ НА ФОНЕ НЕДАВНИХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается состояние и развитие основных социальных институтов Тайваня на фоне происходящих на острове политических изменений. Отмечается, что произошедшая в 2016 г. смена власти на Тайване в пользу ДПП, сохранившей свои позиции и на выборах 2020 года, как представляется, привела к радикальному изменению в политике правительства и администрации острова, что, в свою очередь, привело и к очередному пересмотру принятого на острове политического мифа, связанного с разной интерпретацией понятия «Один Китай». Современная политическая борьба сопровождается и борьбой в сфере политической мифологии, поэтому, во избежание кардинального пересмотра всей сложившейся идеологии, на которую в той или иной мере опирается сложившееся на острове де-факто государственное образование, необходим консенсус, основанный на «существовании всех политических сил», представленных всем спектром политических партий, помимо основных — Гоминьдана и ДПП. Здесь важную роль играет также личность президента Китайской Республики на Тайване.

В статье рассматривается функционирование основных социальных институтов — семьи, церкви, систем образования и здравоохранения в контексте происходящих на острове политических изменений и под углом зрения роли этих институтов в национальном строительстве, построении нации (nation-building) и формировании элиты. При этом отмечается необходимость учета такого относительно нового фактора как происходящий в последние десятилетия процесс постепенного расширения доли иммигрантов из материкового Китая и стран Юго-Восточной Азии в тайваньском социуме, как и подъема настроений, поддерживаемого правительством ДПП, среди коренного тайваньского населения в пользу усиления своей тайваньской идентичности.

Ключевые слова: Тайвань, социальные институты, ГМД, ДПП, национальная идентичность, образование, церковь, здравоохранение.

Автор: Степанова Елена Николаевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: helenstepanova@bk.ru

E.N. Stepanova

TAIWAN SOCIAL INSTITUTIONS AT THE BACKGROUND OF THE RECENT INTERNAL POLITICAL CHANGES

Abstract. The article considers current state and development of the main social institutions at the background of political transformations taking place on the island. It is observed that party at power change occurred in Taiwan in 2016 in favor of the DPP which also preserved its positions at the 2020 elections, as it seems, led to the radical changes in the island administration policy and to the next in turn reconsideration of the adopted on the island political myth connected with variety of the interpretations of “One China” concept. Modern political struggle is accompanied by the struggle in the sphere of the political mythology, that’s why to avoid cardinal reconsideration of all formed ideology, which the state entity formed de facto on the island is to some extent guided by, it seems necessary to achieve consensus based on “the coexistence of all political forces” represented by all the spectrum of political parties, besides main ones — the Guomindang and the DPP. The personality of the President of the RC in Taiwan is also of great importance.

Also, in the article, there is considered functioning of the main social intuitions: the family, the Church, the systems of education and health care in the context of the current political changes on the island and from the point of view of these institutions role in the national building and “nation-building” and in the elite forming. Herewith it is noted the necessity of taking into consideration of such a relatively new factor as recently occurred process of the gradual growth of the immigrants share in Taiwan society from Continental China and the South-East Asian countries, as well as the growth of moods in favor of Taiwan identity intensity supported by the DPP government among the Taiwanese locals (bentu).

Keywords: Taiwan, social institutions, the Guomindang, the DPP, national identity, education, the Church, public health care.

The author: Stepanova Elena Nickolaevna, Ph.D in political science, the leading researcher of the Research Center on Modern History of China and History of Chinese-Russian relations of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: helenstepanova@bk.ru

Каждая эпоха формирует институт государства именно таким, какое необходимо для решения поставленных обществом задач. Поэтому государство каждый раз должно соответствовать задачам, стоящим перед ним, промедление или опоздание опасно.

Государство нового типа на основе полиэтнического (многонациональное государство) культурного синтеза, где нация — понятие культурное, а не этническое, обеспечивает три однородных пространства: социально-экономическое (с настоящим капиталом — «длинными деньгами»), социально-культурное и правовое. В условиях современного концептуального вакуума пока не существует модели государства, претендующего на универсальность, поэтому необходимо иметь несколько ориентиров, чтобы найти какой-либо идеологический компромисс, хотя бы временный.

Для этого и нужна обслуживающая процесс государственного строительства идеология, причем такая, чтобы она была созвучна с представлениями людей, была прозрачной и читаемой. Идеология с определенными функциями, так как она ориентирует людей на определенные цели, мобилизует массы («враг у ворот»), объединяет народ, претендует на тотальную значимость, предлагает определенные действия в рамках *нормы*, плавного эволюционного развития, позволяющего избежать столкновения идеологий (конфликта), разрушительных социальных конфликтов и т. д.

Вместе с тем средний человек ориентируется на иррациональное, поэтому он выбирает не идеологию, а политический миф (прямой и ясный путь к росту благосостояния, но и к неравенству). Если его нет, то надо удачно придумать этот миф. Тайваньцам важно, что они тайваньцы, живущие на Тайване (местность становится здесь основным элементом в определении культуры и общности, формируется культурная общность «тайваньский народ», основа гражданского общества¹). Современный миф может объяснить реальность и даже создать новую реальность, организовать массовое социальное поведение, придать смысл существованию с целью избежать аномии², вовлечения народа в политику в нужном направлении, удержания у власти правящих политических сил, отражения

¹ Jui-Hua Chen Ph.D. candidate in Sociology EHESS, Paris, France Paper presented at the 4th Conference of the European Association of Taiwan Studies, 20-21-22 April 2007, Stockholm, Sweden. <http://www.soas.ac.uk/taiwanstudies/eats/eats2007/file38459.pdf>

² Социальная болезнь, которую не удается избежать Тайваню в переходный период. Общее число эмоционально лабильных людей старше 15 лет — 6,1 %, что составляет 1,23 млн человек, среди которых с суицидальными наклонностями — 42,7 % (520 тыс. человек). Очевидно, что причина не только во влиянии жаркого климата на состояние здоровья пожилых людей. Она может скрываться и в состоянии экономики острова, значительном разрыве в доходах между бедными и богатыми, невозможности достижения молодыми людьми желаемых целей (или часто вовсе отсутствие таких целей) в отсутствие карьерных перспектив и материальных средств. Taipei Times. Center says only one-third seek aid with suicide issues. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2016/09/05/2003654539> (дата обращения: 05.09.2016).

для массового сознания сущности политических сил в особые переломные моменты.

Произошедшая в 2016 г. смена власти на Тайване в пользу ДПП, сохранившей свои позиции и на выборах 2020 года, как представляется, привела к радикальному изменению в политике правительства острова, что, в свою очередь, привело и к смене политического мифа³. Современная политическая борьба — борьба мифологий, но, чтобы избежать кардинального пересмотра всего того, что было выработано до сих пор, необходим консенсус, основанный на «сосуществовании всех политических сил»⁴. При этом функция (место) института президентства может быть четко определена как инструмента в проекте национального строительства⁵, а не только функция «эго» (харизма Цай Инвэнь в обществе вызывает неоднозначную реакцию, речь заходит даже о культе личности), как когда-то свою функцию выполнила личность Ли Куан Ю в построении сингапурской нации [*Michael D. Barr*, p. 34—35]. Очевидно, что низменным политическим предрассудкам «легитимизованной толпы» [*Том Плейт*, с. 76] трудно будет конкурировать с управленческой элитой, обладающей «высокой квалификацией, абсолютной чистоплотностью и преданностью своему делу». Едва ли кто-либо из талантливых управленцев сможет всерьез сказать про себя: «я не знаю никого, кто был бы похож на меня» (Ли Куан Ю о себе)[*Том Плейт*, с. 85].

Для того, чтобы парламент работал в государстве, как в эффективно действующем механизме управления обществом, должно быть разделение властей, нужна политическая система, где партии отражают интересы определенных сил, а за каждой партией стоит своя социальная группа с соответствующей идеологией и задачами, выражающая интересы социальных и родовых групп (кланов) с различными интересами и задачами.

³ Имеется в виду: “*One China, different interpretations*”. Chen Fang-ming (The director of the Graduate Institute of Taiwanese Literature at National Chengchi University). ‘1992 consensus’: Trick or treat? Taipei Times. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2016/09/23/2003655734/2> (дата обращения: 23.09.2016).

⁴ Эту функцию могут выполнять парламентские партии (2016 г.), например, Партия Близости к Народу [親民黨], председателю которой, компромиссной политической фигуре Джеймсу Суну [宋楚瑜], была поручена миссия посланника Тайваня на саммите АПЕС 20 ноября 2016 г. China Post. James Soong to attend APEC meeting in Peru: reports. URL: <http://www.chinapost.com.tw/taiwan/business/2016/09/07/477761/James-Soong.htm>; ‘China ‘blocked Soong from envoy role’ URL: <http://www.chinapost.com.tw/taiwan/intl-community/2016/09/08/477862/p1/China-'blocked'.htm> (дата обращения 8 сентября 2016); Taipei Times. NPP denies involvement in Kaohsiung land fight. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2016/08/07/2003652629> (дата обращения: 07.08.2016).

⁵ Taipei Times. Tsai faces challenge of nation-building. <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2017/01/07/2003662652/2> (дата обращения: 07.01.2017).

При этом, несмотря на общую тенденцию «коммунализации» [The Kerala Model, p. 78] политики, ни одна партия не рискнет выставить кандидата от слабого клана, который «в меньшинстве» в избирательном округе.

По причине наступления тотального либерализма (с негативным отношением к экономическим и социальным функциям государства), для которого характерна первичность индивида, реальные потребности которого важнее коллективных прав и интересов, любая власть сталкивается с усложнением проблемы урегулирования противоположных интересов. Поэтому нужна система «сдержек и противовесов» («третья сила») для поддержания постоянного социально-политического баланса ⁶ с невозможностью для «третьей силы» занять *над*-институциональное положение, в противном случае она превращается в карательный орган над законодательной властью. Гипотетически такое может случиться в определенных обстоятельствах и благодаря решимости и желанию молодежи перемен, отвечающих задачам мобилизационного пути развития острова (и создания политических неэкономических союзов с дружественными Тайваню государствами).

Когда индивид сам создает законы и устанавливает ценности (что не устраивает церковь, так как происходит десаκραлизация всего святого — матери, дочери, жены), приходится апеллировать к глубинным пластам опыта людей, традиции, религии (в данном случае к буддизму⁷). Все общество пронизано устоявшимися методами социального контроля, где истины и нормы обязательны к выполнению, или община изгоняет. В традиционном обществе человеку хорошо, так как он его понимает (когда сеять, когда убирать урожай), поэтому религиозная, и одновременно

⁶ Речь идет о вновь образованной в 2015 г. Партии Новой Силы [時代力量], принимающей вместе с другими малыми партиями активное участие в решении социально-экономических вопросов, в частности, решении вопросов землепользования. А также в вопросах, касающихся проведения реформы судебной системы и возможности для представителей общественности принимать участие в решениях судов, в решении вопросов, касающихся чистоты финансовых средств партий, статуса Тайваня, участия Тайваня в Транс-Тихоокеанском Партнерстве и др. Это участие Партии Новой Силы необходимо для повышения эффективности работы парламента, *так как неэффективный парламент свидетельствует о слабости демократии в стране*. Taipei Times. NPP pushes judicial amendments. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2016/09/13/2003655053>; US should reconsider its ‘one China’ policy: NPP. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2016/09/11/2003654924> (дата обращения: 13.09.2016).

⁷ Не исключена особая роль христианских (миссионерских) религий, католицизма, протестантизма как основы для сближения двух берегов Тайваньского пролива. См.: The Yomiuri Shimbun. Pope unveils travel plans for 2017. URL: <http://the-japan-news.com/news/article/0003256764> (дата обращения: 15.11.2016); см.: 4, с. 147—156; 5, с. 153—165.

семейная, традиция закладываются в основу институциональной конструкции⁸.

Характерно, что в основу государственного устройства «сингапурского чуда» бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю положил тот факт, что мужчины и женщины готовы на самопожертвование ради собственного блага и блага своей семьи, и лишь потом готовы поделиться с обездоленным ближним [*Том Плейт*, р. 52].

С миграцией населения в города в период индустриализации на Тайване произошло отторжение значительной части населения острова от традиционной аграрной общины. По определенным причинам возвращение бывших крестьян в деревню для существования на тех же условиях уже невозможно, но и городской социум в городе его не принимает. Ощущение своей ненужности в городе порождает у человека мысль о том, что он ничем не обязан этому другому, новому для него социуму. В результате человек выпадает из привычной для него системы ценностей, все больше атомизируясь, при этом семейные отношения разрушаются.

Религия и семья неотделимы друг от друга, религиозные традиции на Тайване, обычаи почитания предков и соблюдение определенных ритуалов, касающихся смерти (как и в Японии), например, могут служить связующим звеном между церковью и семьей. Таким образом, связь двух институтов — церкви и семьи — осуществляется через традицию, которая передается, как указывают исследователи, старыми женщинами⁹.

Проблема религии двойственна, хотя религия и церковь снабжают культуру базисными ценностями, конкретизируя ответственность [*Смирнов, Степанова*]. Что касается образования, то оно может быть в ведении только одного института: государства или церкви. Тогда как система здравоохранения может работать, включая благотворительную работу храмов, помогающим бедным, слабым и больным, экономя средства правительства (как когда-то при Чан Кайши) на поддержание благосостояния населения [*Richard Madsen*, р. 15—16] с целью увеличения инвестиций в экономический рост и проведение ре-индустриализации¹⁰.

⁸ Описано в работе Takako Sasaki. Revival of tradition in a Taiwanese Aborigines' Community by means of a community development process — from a perspective of agent/agency. URL: <http://rural.kais.kyoto-u.ac.jp/assets/files/gyoseki/ICHSS2014%20Sasaki%20.pdf>

⁹ По мнению профессора-антрополога Кожина П.М. Российская Академия Наук, Институт Дальнего Востока, Москва, 2013 г.

¹⁰ Правительство Цай Инвэнь принимает одно из ключевых социальных решений (установило новую трехуровневую программу сетевого обслуживания по долгосрочному попечению (уходу) на местном уровне для различных групп населения), направленного на обеспечение продолжения социально-политического развития Тайваня в условиях демографического кризиса. Программа, рассчитанная на следующие 10 лет

Таким образом социальное поведение людей определяется ценностями и традицией, а также всеобщей персональной ответственностью, поскольку без этих базисных ценностей ни демократия, ни рыночная экономика невозможны. Либерализм снимает чувство ответственности (любые попытки конкретизировать ответственность), и упирается в права, однако, чем ниже уровень персональной ответственности, тем сложнее поддерживать эффективную рыночную экономику и демократию.

В качестве метода (ретроспективного) анализа в данной работе для адекватности, достоверности и в качестве точки отсчета автор выбрал опыт стран (и их взаимное влияние), успешно справляющихся (справившихся, на первый взгляд) с наиболее важными задачами создания основания конструкта, на котором держится все институциональное построение, механизма взаимодействия образовательных, медицинских институтов, института семьи и церкви стран АТР, включая опыт Индии.

При анализе правильности функционирования системы образования и образовательных институтов необходимо учитывать и оценивать способность данной системы и институтов участвовать в национальном строительстве, построении нации (nation-building) и формировании элиты, в дальнейшей селекции элиты через призму этничности и в определенных социально-экономических условиях.

Данная задача осложняется тем, что тайваньское общество, как и сингапурское, общество мульти-национальное, где присутствуют материковые китайцы, этнические тайваньцы (bentu), аборигенные меньшинства, ассимилировавшиеся иммигранты из Юго-Восточной Азии, количество которых поддерживается приблизительно неизменным — 500 тыс. человек (принимая во внимание ежегодные цифры прибывших и убывших). Поддержание этого процесса в таком виде неизбежно, несмотря на то, что

охватывает 738 тыс. человек (для сравнения, прежняя программа охватывала 170 тыс. человек): уровень А — общие центры услуг, уровень В — центры по ежедневному уходу (попечению), уровень С — местные пункты обслуживания. Taipei Times. Cabinet passes long-term care program. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2016/09/30/2003656211> (дата обращения: 30.09.2016). Ранее с 1991 г. подобная практика попечительства и ухода за престарелыми и больными применялась религиозной ассоциацией Чжу Чи в материковом Китае. (См. *Mark O'Neill*, p. 80).

Вторым ключевым решением, без которого невозможно движение вперед экономики любого социального государства (а также в целях обретения правительством гарантированной поддержки населения), как предполагается, станет честная «народная» пенсионная реформа. Taipei Times Editorial.: Path to pension reform full of pitfalls. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2017/01/04/2003662464/2> (дата обращения: 07.01.2017).

Тайвань готовится принять поток беженцев с материка¹¹ по причине ограниченности пространства и ресурсов острова, прежде всего водных и энергетических, а также состояния экологии суши и морской акватории вокруг островов, находящихся под юрисдикцией Тайваня.

В связи с этим, можно предположить, что существует, тем не менее, четкая этно-иерархия, хотя без ярко выраженного этнического шовинизма (как, например, в Сингапуре до создания независимого государства в 1965 г.).

С 2000-х годов, в силу трансформации межбереговых отношений с тенденцией к охлаждению, в период нахождения у власти ДПП, а затем с момента студенческих волнений движения Подсолнухов и муниципальных выборов на Тайване 2014 г., акцент делается на тайваньскую этничность (*bentu*), оставляя за скобками вновь придуманную мифологическую идентичность (*sandwich identity*), преимущественно для удобства западных научных исследований и в интересах большинства прибывших иммигрантов (не только этнических китайцев из диаспор) из Юго-Восточной Азии и материкового Китая. Приходится только догадываться об отношении самих прибывших иммигрантов к подобному определению их этничности и места в тайваньском обществе, весьма чувствительном к вопросам подобного рода, например, накануне президентских и парламентских выборов.

Самыми чувствительными вопросами для Тайваня остаются диспуты, касающиеся этих этнических вопросов и вопросов культуры, в частности, сохранения традиционных диалектов Хакка, Хокло, изучения *gwoyn* и иностранных языков. Как представляется, повышается интерес молодежи к занятиям тайваньской оперой и искусством. В этой сфере происходит увеличение общего числа студентов в возрасте от 14 до 22 лет, но большинство все-таки в возрасте 17—18 лет. Хотя, с увеличением возраста женщин-студенток наблюдается уменьшение их количества, очевидно, по причине замужества или невозможности продолжения учебы из-за отсутствия достаточных средств для продолжения образования дочерей в семье. Часто средства таким образом перераспределялись в пользу образования младших сыновей, что традиционно свойственно как тайваньским, так и китайским семьям¹². Повышенный интерес вызывает также изучение языка и культуры Хакка, традиций и кухни коренных народностей Тайваня и участия детских и молодежных коллективов в местных и зарубежных творческих турне (до 2020 — пандемийного года, например, в

¹¹ Taipei Times. China violations make refugee bills urgent: advocate. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2016/08/10/2003652827> (дата обращения: 10.08.2016).

¹² Mark O'Neill. Tzu Chi. Serving with compassion//Wiley. John Wley & Sons (Asia) Pte.Ltd. 2010. С. 91.

Бразилию, где проживает большая тайваньская диаспора), что связано с остро стоящей для Тайваня проблемой национальной идентичности. Следует отметить, что *угроза национальной идентичности*, если таковая в действительности существует (и подобные рассуждения не демагогия), имеет три составляющие: наличие высшей степени экономической зависимости социума, невозможность использовать родной язык и достижения культуры в повседневной жизни, присутствие угрозы физического истребления.

Поэтому представляется важным сохранение статуса-кво не только в межбереговых отношениях, но и в языковой политике¹³, в сферах образования и управления этническими процессами (этническими группами). Как отмечают некоторые исследователи, одним из важных преимуществ политики статуса-кво является отстаивание самоценности тайваньского социума и уверенности тайваньцев в самих себе¹⁴.

На Тайване по-прежнему существует определенная проблема в изучении языков, особенно для детей ассимилировавшихся иммигрантов, аборигенов и жителей отдаленных сельских районов по причине нехватки квалифицированных преподавателей (а также и врачей, особенно в условиях пандемии; терапевтов, инфекционистов и пульмонологов¹⁵), которые не справляются с преподаванием двух и более языков. В этих условиях жители отдаленных районов не могут совершенствоваться и развивать язык своих предков (*mother tongue*). В послевоенной Японии (в 1946—1949 гг.) этот вопрос для корейской общины решался при помощи создания корейских школ с обучением на корейском языке по настоянию партии Тёрен¹⁶.

В настоящее время правительство Тайваня, следуя прагматичному подходу, меняет стратегию своего экономического партнерства со странами АСЕАН, ориентируясь на развитие двухсторонних отношений с каждой из стран — членов АСЕАН (с долгосрочной целью укрепления

¹³ Стоит отметить, что службы религиозной ассоциации Чжу Чи (Ci Ji) на самом Тайване ведутся на тайваньском диалекте, тогда как сама Ее Преподобие Учитель Чжэн Янь (уроженка Тайваня), например, предпочитает, исходя из целесообразности, говорить и писать свои книги на китайском языке с целью «укоренить» Чжу Чи в материковом Китае и сделать данное религиозное движение всемирным. Mark O'Neill. Tzu Chi. Serving with compassion//Wiley. John Wley & Sons (Asia) Pte.Ltd. 2010. С. 81.

¹⁴ Michael D.Barr and Zlatko Skrbis. Constructing Singapore. Elitism and the Nation Building Project//Nias press (Nordic Institute of Asian Studies), Copenhagen S, Denmark, 2008. P. 33.

¹⁵ PTS English News on-line. 2022.05.30. (дата обращения: 2022.06.01).

¹⁶ Cit по: Далекий сосед. Японо-корейский лабиринт. Корейская диаспора в Японии. Кёдо цусинся. Токио. 2004. С.49. В.Гринюк. Корейская диаспора в Японии после Второй мировой войны (1945—1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 128.

всесторонних связей с ними, в том числе, по возможности, и в политической сфере). Этот подход включает использование профессиональных навыков и квалификацию прибывающих на Тайвань иммигрантов с детьми из этих стран, знание их родного языка для привлечения туристов из этих стран и обучения тайваньцев¹⁷ (надо отметить, что ситуация менялась по причине подъемов и спадов эпидемии COVID-19, отражавшихся соответствующим образом на социально-экономической ситуации на острове).

Таким образом Тайванем достигается несколько целей в *win-win* стратегии: спасение своей экономики в целом и индустрии туризма и услуг¹⁸ в частности (занятость в этой индустрии упала еще в период до COVID-19 — как в туристической сфере, так и в имеющей отношение к туризму сфере услуг — рестораны, прачечные и т. д. в туристический сезон, и резко усугубилась во время эпидемии COVID-19¹⁹). Прибывающие на Тайвань иммигранты способствуют интеграции со странами АСЕАН, в том числе, в долгосрочной перспективе, а также продвижению положительного образа Тайваня во всем мире (и *нефактивного* членства Тайваня в ООН, если в действительности такая цель поставлена).

Трудность у детей вновь прибывших на Тайвань материковых китайцев, для которых тайваньский не является *mother-tongue*, а диалектом, состоит фактически в изучении устного диалекта. Хотя по определению Ли Куан Ю, «талант» является невидимой сущностью, человек либо талантлив во всем, либо годится для малого»²⁰. При строительстве экокпоселения в Тяньцзине в начале в 2000-х годов, например, во время обучения и подготовки кадров для этого в Сингапуре на курсах мэров и официальных лиц, сначала детей вновь прибывших на Тайвань материковых ки-

¹⁷ Есть попытки упорядочить изучение вьетнамского языка на Тайване (в Zhong Xing High School), так как среди трудовых мигрантов — это преимущественно няни и сиделки, рыбаки, разнорабочие — вьетнамская диаспора представляет собой внушительное число — около 100 тыс. человек на 2013 г. (в 2016 уже 200 тыс.). Для сравнения, индонезийская диаспора до некоторого времени составляла около 170 тыс. человек, филиппинская — около 85 тыс. человек. Inside Taiwan. Новости он-лайн (9 сентября 2016).

¹⁸ Taipei Times. Cabinet approves NT\$30bn tourism industry loans. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/front/archives/2016/09/10/2003654845> (дата обращения: 10.09.).

¹⁹ В целом за год уменьшилось число занятых в туристическом секторе в целом на 60 % с 21 тыс. до 8 тыс. человек соответственно, преимущественно, согласно СМИ Тайваня, из-за смены предпочтений туристов из КНР. Taipei Times. Cabinet lays out 'southbound' plan. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/front/archives/2016/09/06/2003654576> (дата обращения: 09.09.2016).

²⁰ Cit: Michael D. Barr and Zlatko Skrbis. Constructing Singapore. Elitism and the Nation Building Project// Nias press (Nordic Institute of Asian Studies), Copenhagen S, Denmark, 2008. P. 115.

тайцев обучали *правильному* китайскому языку, лишь только потом городскому управлению и общественной работе²¹.

Что касается изучения английского языка, то знание английского рассматривается как ключ к мировому успеху, молодежь на Тайване именно так сориентирована, и администрацией острова в последние годы взят курс на внедрение двуязычия — китайского и английского языков, поэтому английский широко распространен. Хотя, стоит заметить, что после выхода Сингапура из состава Малайзии (после 18 беспокойных месяцев в ее составе в 1965 г.), распространение английского языка стало угрожать малайским и китайским школам трудностями в наборе учеников, преподавателей, ухудшением качества обучения и недостатком средств обучения (книг для чтения). Незнание английского (немногие изучали английский в средней школе до конца 1960-х годов) ограничивало возможности в устройстве на гражданскую службу и в английские фирмы, так как эти места были монополизированы выпускниками элитных английских средних школ²².

Первичная функция содержания школьных учебников на Тайване заключается в поддержании существования тайваньского социума (нации) в личном и общественном воображении, в сохранении и развитии политической реальности нации/государства — «Китайской республики» на Тайване. В связи с этим стоит упомянуть тот факт, что в 1950—1956 гг. в странах Юго-Восточной Азии, Африке, Латинской Америке, Южной Корее, Японии существовало соперничество между Тайванем (гоминьдановской властью) и материковым Китаем за контроль над китайскими школами и по вопросам просвещения и культуры китайских иммигрантов, для образования и просвещения которых с Тайваня посылались в основном бесплатные учебники: в 1950—1953 гг. около 3 млн экземпляров, в 1956 г. свыше 1300 тыс. учебников кроме пропагандистской и художественной литературы. В результате, если оценивать, чье влияние в то время было сильнее за пределами Китая, то у специалистов существует адекватное мнение, что позиции гоминьдановской власти оказались сильнее в странах, поддерживавших с гоминьдановским режимом дипломатические отношения. При этом содержание учебников может быть инструментом власти правительства, инструментом социальной коммуникации при условии, что *существует активная связь между политическим режимом и жизнью государства*.

В связи с этим надо отметить нестандартность подхода Тайваня к решению проблемы децентрализации программ и улучшения качества

²¹ Том Плейт. Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации. М.: Олимп—Бизнес, 2015. С. 57.

²² Michael D. Barr and Zlatko Skrbis. Constructing Singapore. Elitism and the Nation Building Project/Nias press (Nordic Institute of Asian Studies), Copenhagen S, Denmark, 2008. P. 118.

образования среди молодежи для повышения ее конкурентоспособности, как на самом Тайване, так и на международном рынке труда за счет ресурсного объединения.

В данном случае речь не идет о дефиците студентов в вузах в связи с по-прежнему низкими показателями рождаемости (и высокой смертности²³) на Тайване за последнее время, а об объединении по конкретным направлениям:

— внутри системы образования информационного интеллектуального продукта разного рода (библиотек и компьютерных баз как, например, в библиотеке Тайчжуна);

— об объединении различных предметов, преподающихся в разных университетах, в один индивидуальный учебный план по выбору самого студента/студентки с возможностью посещать лекции и семинары (учиться одновременно) во всех университетах, объединенных в Университетскую Систему по нескольку университетов по всему Тайваню. В Тайбэе, например, это — Государственный Тайваньский Университет, Государственный Педагогический Университет и Государственный Университет Науки и Технологии²⁴. То есть каждая такая университетская система под собственной маркой, и так по всему Тайваню;

— не только Тайваньский Государственный университет и Академия Синика (известные школы подготовки элит), могут претендовать на уникальность подготовки кадров (*Taiwan zuode*) и имеют возможность войти в рейтинг самых успешных университетов в мире. Хотя в последнее время все-таки случаются закрытия университетов ввиду нехватки студентов.

Что касается проблемы социального расслоения тайваньского общества, то процесс обнищания большинства и обогащения меньшинства может, конечно, в определенной мере стать обратимым с использованием стратегии (посредством развития образования и науки) наделения людей полномочиями на уровне низовой демократии («корней травы»), укрепления правительств на местах с предоставлением возможности для простых людей обрести уверенность в себе, полагаясь на самих себя, обучаясь умениям и навыкам²⁵. Таким образом, вовлечение масс в работу по

²³ В настоящее время Тайвань констатирует 1,79 млн подтвержденных случаев заболевания COVID-19 на острове, включая детскую смертность, и 1203 смертельных случая за первую квартал текущего 2022 года. PTS English News on-line. 2022.05.30. (дата обращения: 2022.06.01).

²⁴ Inside Taiwan. Новости он-лайн (12.09.2016).

²⁵ По мнению Ли Куан Ю, смягчение существующих порядков, делегирование власти на уровень городов и провинций с тем, чтобы опереться на власть, растущую из «корней травы», дает материковому Китаю шансы на успех. Учитывая при этом, что народ, обладая новыми знаниями (и мобильными телефонами) перестает, в конце

развитию в таких областях как здравоохранение, образование, энергетика, ирригация, управление землепользованием и водными ресурсами объективно противодействует дальнейшему нарастанию социального расслоения, чему также, безусловно, может способствовать формирование планов развития региона посредством участия людей в планировании на микроуровне и распределении ресурсов. На Тайване есть вероятность, что подобное движение на каком-то этапе может слиться с религиозными ассоциациями типа Чжу Чи (Ciji) [慈濟功德會] и партией Зеленых.

Что касается лекарственного обеспечения на Тайване, то, по данным Всемирной Организации Здравоохранения, административный список Системы Государственного Страхования Здоровья включал до недавнего времени почти тысячу наименований необходимых лекарств, при этом на острове действует несколько десятков фармацевтических компаний, среди которых (или помимо них) присутствуют зарубежные компании из Великобритании, Германии, США, Таиланда, Японии и, во всяком случае, до недавнего времени, материкового Китая с монополией на лечение травами и традиционную китайскую медицину.

Следуя примеру колониальных властей в Гонконге (предпринятым своевременным карантинным мерам по блокированию цепи распространения инфекции), примеру политической медицины²⁶ Японии, когда специально подготовленные тайваньские врачи выполняли свою просветительскую миссию среди населения в области биомедицины в качестве посредников (связующего звена) между правительством метрополии (Японии) и населением Тайваня, предстоит организовать профилактику болезней на Тайване, что осуществляется, включая вакцинацию в целях профилактики случаев рака и т.п. Между тем, у населения острова по-прежнему сохраняются опасения относительно поступления на Тайвань продуктов питания из радиоактивно зараженных районов Японии.

Среди основных заболеваний населения Тайваня отмечаются кишечные инфекции, паразиты, разновидности рака, болезни сердца, гепатиты и туберкулез, а также COVID-19 в различных формах. В связи с этим чрезвычайно важным представляется осуществление иммунизации, оказание первой помощи (особенно скорой помощи детям), организация питания и

концов, быть таким покорным. Том Плейт. Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации. М.: Олимп — Бизнес, 2015. С. 62—63.

²⁶ Стоит упомянуть пример «политической медицины» также в истории Китая. К 1958 г. вопрос контроля шистосомии (schistosomiasis, тропическое паразитарное заболевание, источник заражения — попадание паразитов через кожу в водной среде) был включен Мао Цзэдуном в программу Большого Скачка. Контроль не был практически реализован, так как борьба с шистосомией противоречила интересам местной кооперации. Terminology and the translational ambiguities of public health/ IAS. International Institute for Asian Studies. The Newsletter #62. Winter 2012. P. 38.

оральной регидротерапии (при холере, воспалении легких, диарее), специальная иммунизация беременных женщин и детей до 5 лет, обеспечение сдачи крови (особенно молодежью), организация людей в «комитеты бдительности» для формирования здоровых привычек (по примеру, как когда-то, HanDong art performance в борьбе с употреблением наркотиков в школах по всему Тайваню²⁷), осуществление различных способов санитарного просвещения (постеры на улицах, организация лекций, организации «медицинских парламентов» и т. д.), долгосрочного медицинского ухода за престарелыми и больными (при недостатке подготовленных для этой цели специалистов)²⁸.

Традиционно развитая на Тайване индустрия информационных технологий привлекает значительную часть молодого населения Тайваня, как и сферы путешествий, спорта, массовой коммуникации и сервисной индустрии. Сфера образования выглядит самой малопривлекательной для молодых тайваньцев (как и везде) по причине невысоких заработков преподавателей в целом и наличия проблем, вызванных неудачной попыткой реформировать образовательную систему Тайваня.

Обращает на себя внимание тот факт, что главным критерием привлекательности для молодежи остается уровень зарплаты и дальнейшее развитие. Эти приоритеты расставлены примерно поровну. Получить дополнительные преимущества и блага желает большинство молодых людей. Очевидно, что в «обществе потребления» молодежь в большей степени карьерно ориентирована, и чем выше зарплата, тем больше возможностей реализации индивидуальных планов²⁹.

Однако на Тайване все сводится к политически нерешенному вопросу о статусе Тайваня. Вероятно, система образования Тайваня претерпит серьезную трансформацию. Как пишут тайваньские СМИ, изменения в школьной программе являются прямым нарушением справедливости процедуры и результатом решения непрофессионалов. Концентрация внимания на истории материкового Китая (“China Centric historical view”)³⁰ и на принципе «одно государство-две системы» [一國兩區]³¹,

²⁷ Inside Taiwan. Новости он-лайн. 21.09.2016.

²⁸ Среди самых престижных клиник (около 15) Тайваня выделяются три самых известных: Mackay Memorial Hospital [馬偕紀念醫院] (1880 г.о.), National Taiwan University Hospital [國立台灣大學醫學院] (1895 г.о.), Taipei Veterans General Hospital [臺北榮民總醫院] (New Taipei City, 1958 г.о.).

²⁹ Taipei Times. Young people seek jobs over more degrees: poll. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/taiwan/archives/2014/06/08/2003592267> (дата обращения: 06.08.2014).

³⁰ Taipei Times. Groups defend curriculum convener. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/taiwan/archives/2016/07/29/2003652026> (дата обращения: 29.07.2016).

³¹ Taipei Times. Curriculum academic sparks fury. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/front/archives/2015/08/02/2003624442> (дата обращения: 02.08.2015).

а также публикации учебников по японской оккупации и тайваньской истории Textbooks on Japanese occupation and Taiwanese history [日據與台灣史教科書]³², практически исключали до некоторого времени информацию о важных в истории Тайваня событиях.

Министерству образования пришлось считаться с общественным мнением Тайваня по причине все нарастающей силы противодействия синоцентричной идеологии и де-тайванизации Тайваня. Доказательством серьезности подхода к данному вопросу может служить активное участие созданных на острове альянсов преподавателей колледжей, учителей старших классов средней школы и нескольких гражданских групп, а также альянсов, объединяющих родителей студентов и учеников (“the Northern Taiwan Anti-Curriculum Changes Alliance”, “The K-12 Parents’ Alliance” с У Фу-пинем (Wu Fu-pin) во главе, участвующих в открытых демонстрациях 31 июля 2015 г. и в память погибшего студента Дай Линя, члена «Альянса против изменения школьной программы» [林冠華].

Преыдыущее — гоминьдановское — правительство Тайваня недооценило возможность самостоятельного мышления современного молодого поколения Тайваня и его способность к самоорганизации. Одновременно велика вероятность серьезной деполитизации тайваньской молодежи по причине (по-прежнему) дуализма природы современной политической системы и политической культуры Тайваня.

Библиографический список

Mark O'Neill. Tzu Chi. Serving with compassion // Wiley. John Wley & Sons (Asia) Pte. Ltd. 2010.

Michael D.Barr and Zlatko Skrbis. Constructing Singapore. Elitism and the Nation Building Project // Nias press (Nordic Institute of Asian Studies), Copenhagen S, Denmark, 2008.

Richard Madsen. Religious Renaissance and the growth of civil society in Greater China, 2014.

Смирнов Д.А., Степанова Е.Н. Христианская община на Тайване и в Большом Китае на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1—2.

The Kerala Model of Development. A Debate (Part 2). K.K. George. Historical Roots of Kerala Model and its Present Crisis // Bulletin of Concerned Asian Scholars. Vol. 30, № 4 (1998).

Том Плейт. Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапур, или как создают нации. М.: Олимп—Бизнес, 2015.

³² URL: news.ltn.com.tw/news/focus/breakingnews/1398096?fb (дата обращения: 02.08.2015).

References

Mark O'Neill. Tzu Chi. Serving with compassion//Wiley. John Wley & Sons (Asia) Pte.Ltd.2010.

*Michael D.Barr and Zlatko Skrbis.*Constructing Singapore. Elitism and the Nation Building Project // Nias press (Nordic Institute of Asian Studies), Copenhagen S, Denmark, 2008.

Richard Madsen. Religious Renaissance and the growth of civil society in Greater China, 2014.

Smirnov D.A., Stepanova E.N. Hristianskaya obschina na Taivane i v Bolshom Kitae na sovremennom etape [Dmitry Smirnov, Elena Stepanova. The Christian Community in Taiwan and in Great China on the Modern Stage] // Problemy Dalnego Vostoka, 2021, № 1—2.

The Kerala Model of Development.A Debate (Part 2). K.K. George.Historical Roots of Kerala Model and its Present Crisis // Bulletin of Concerned Asian Scholars.Vol.30, № 4 (1998).

Tom Plate. Besedy s Lee Kuan Yew. Grazhdanin Singapur, ili kak sozdayut nacii. Per. s angl. [Tom Plate. Conversation with Lee Kuan Yew. Citizen Singapore: How to Build a Nation. Translated from English]. M.: Olimp-Biznes, 2015.

А.В. Волошина

КПК И ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССОЕДИНЕНИЯ: «ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС»

Аннотация. С 1949 г. воссоединение Тайваня с материком остается одной из главных задач Коммунистической партии Китая (КПК). Когда весь мир впервые услышал голос Китайской Народной Республики (КНР) в ООН в 1950 г., это был голос китайского дипломата У Сюцюаня, провозгласившего, что «Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая». Однако более чем семидесятилетняя история существования «тайваньского вопроса» продемонстрировала всю сложность реализации поставленной руководством КНР цели. Из-за тесной вовлеченности в межбереговые отношения третьего игрока — Соединенных Штатов Америки — урегулирование ситуации в зоне Тайваньского пролива никогда не было делом только Пекина и Тайбэя. Из-за различных интересов и стратегий трех сторон в их отношениях всегда присутствовал конфликтный потенциал, грозивший превратить пролив в зону боевых действий. В данной статье освещается история возникновения тайваньского вопроса и прослеживается его эволюция с выделением «поворотных» моментов в трансформации статус-кво в зоне пролива: периода с конца 1960-х до середины 1980-х гг. и событий, связанных с третьим кризисом в Тайваньском проливе 1995—1996 гг. Автор делает вывод: сегодня треугольник КНР—Тайвань—США вновь входит в турбулентный период. Выделяя движущие силы, разрушающие сложившийся статус-кво, автор утверждает, что они носят структурный характер и не исчезнут в ближайшее время. Новые реалии значительно сужают пространство для маневра каждого игрока, увеличивая вероятность неверных шагов, которые могут привести к вспышке вооруженного конфликта.

Ключевые слова: КНР, тайваньский вопрос, межбереговые отношения, США, Тайвань, Си Цзиньпин, мирное объединение, кризис.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, младший научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (Москва). E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

A.V. Voloshina

THE CCP AND THE GOAL OF NATIONAL REUNIFICATION: THE “TAIWAN ISSUE”

Abstract: Since 1949, Taiwan’s reunification with the mainland has remained one of the main goals of the Chinese Communist Party (CCP). When the whole world first heard the voice of the People’s Republic of China (PRC) at the UN session in 1950, it was the voice of the Chinese diplomat Wu Xiuquan, who proclaimed that “Taiwan is an integral part of the territory of China.” However, more than seventy years of the “Taiwan issue” existence have proved the difficulty of achieving the goal set by the PRC’s leaders. Due to the active involvement of the third party in the cross-strait affairs — the United States of America — the resolution of the cross-strait issues has never been confined to Beijing and Taipei only. Different interest and strategies of the three players determined the conflict dynamics in their relations, threatening to plunge the Taiwan Strait into a war. The article examines the origins of the Taiwan issue and traces its evolution, highlighting the subsequent “turning points” in the transformation of the status quo in the Taiwan Strait area: namely, the period of the late 1960s to the mid-1980s, as well as the events related to the third Taiwan Strait crisis of 1995—1996. The author draws a conclusion that now the PRC-Taiwan-US triangle is again entering a turbulent period. Identifying the driving forces that are eroding the status quo, she argues that they are of a structural nature and will not disappear any time soon. The new realities significantly narrow the room for maneuver for each side and increase the risks and missteps that could escalate into an armed conflict.

Keywords: PRC, Taiwan issue, cross-strait relations, USA, Taiwan, Xi Jinping, peaceful reunification, crisis.

Author: Anna V. Voloshina, Junior Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).

E-mail: anna-voloshina136a@yandex.ru

Национальное воссоединение и возвращение Тайваня в лоно родины — одна из приоритетных задач, стоящих перед руководством КНР. Как подчеркнул председатель Си Цзиньпин в речи 2 января 2019 г., посвященной сорокалетию обнародования «Обращения к тайваньским соотечественникам»: «Родина должна быть единой, и она непременно будет единой. Это исторический вывод семидесятилетнего развития межбереговых отношений, и это также обязательное требование для великого возрождения китайской нации в новую эпоху» [Си Цзиньпин].

В данной статье ставится задача исследования истории возникновения тайваньского вопроса и его последующей эволюции. В качестве «поворотных» моментов в трансформации статус-кво в Тайваньском проливе предлагается выделить период с конца 1960-х до второй половины 1980-х гг., связанный со стратегическим «примирением» США и КНР и перехо-

дом к курсу на мирное объединение в межбереговых отношениях; а также период кризисных событий 1995—1996 гг. За конечную «поворотную» точку будет принят 2016 г. — с этого момента ситуация в Тайваньском проливе вновь входит в состояние турбулентности.

1. Тайвань в эпицентре борьбы великих держав за влияние в Азии в XIX—XX вв. Возникновение «тайваньского вопроса»

Возникновение тайваньского вопроса обусловлено целой чередой событий, через которые прошел Китай в XIX—XX вв., оказавшись в эпицентре структурных изменений в региональной подсистеме международных отношений в Азии.

Тайвань [далее в текстах исторических документов «Формоза» — *А.В.*] был официально включен в состав Цин-ской империи еще в 1684 г. благодаря деятельности военачальника Ши Лана, который, в частности, обратил внимание императора на значимое положение острова в деле защиты китайского побережья от иностранного вторжения и на его экономический потенциал.

В полной мере осознали стратегическую ценность Тайваня для проецирования своего влияния в регионе великие державы, включившиеся в борьбу за господство в Азии в XIX—XX вв. Так, остров был объектом особого интереса для Японии, начавшей военные действия у берегов Китая в июле 1894 г. — по мере развертывания в Корее военных действий между цинскими и японскими войсками в японской прессе появлялись материалы о большом стратегическом значении Тайваня для господства на Тихом океане. Японо-китайская война завершилась 17 апреля 1895 г. подписанием Симоносекского мирного договора, ст. 2 (б) которого обуславливала передачу Японии, в числе прочих территорий, «навсегда и в полное верховенство» Тайваня со всеми принадлежащими ему островами. С этого момента Тайвань оказывается на пятьдесят лет (с 1895 по 1945 гг.) под японским управлением.

Политическая карта Азии вновь перекраивается в преддверии и во время Второй мировой войны. В эти годы Китай и другие союзные державы обнародовали ряд важных документов, касавшихся статуса Тайваня. 9 декабря 1941 г. китайское правительство в Декларации о войне против Японии заявляет об аннулировании «всех договоров, соглашений и контрактов, касающихся китайско-японских отношений» (следовательно, и Симоносекского договора — *А.В.*) [Декларация...]. Затем, Каирская декларация от 1 декабря 1943 г., обобщившая итоги совещания Ф. Рузвельта, Чан Кайши и У. Черчилля, зафиксировала, что целью союзников в войне является то, «чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были воз-

вращены Китайской Республике» [Сборник, с. 7]. Пункт 8 Потсдамской декларации, подписанной 26 июля 1945 г. Китаем, США и Англией, и к которой впоследствии присоединился Советский Союз, подтверждал, что «условия Каирской Декларации будут выполнены» [Сборник, с. 24]. Наконец, в Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. Токио провозгласил: «...Принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме [,] ...[и] даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять [её] условия» [Сборник, с. 36]. 25 октября 1945 г. китайские войска приняли капитуляцию японской армии на Тайване, и этим актом, согласно позиции, разделяемой как Китайской Республикой (КР), так и впоследствии КНР, был восстановлен его статус как китайской территории.

Послевоенные годы, однако, продемонстрировали, что тайваньский вопрос далек от разрешения. На этот раз остров оказывается в фокусе внимания Соединенных Штатов. После завершения Второй мировой войны Америка находилась в процессе переосмысления своего стратегического позиционирования в Тихоокеанском регионе. Как заявил генерал Д. Макартур в 1950—1951 гг., по итогам Второй мировой войны «стратегическая граница» США, прежде проходившая по «прибрежной линии Северной и Южной Америки с выступающим островным клином ... до Филиппин», стала охватывать «весь Тихий океан, который превратился в обширный крепостной ров для защиты [Соединенных Штатов]». Ни одно нападение из континентальной Азии не было бы успешно, пока Америка и ее союзники удерживали контроль над островной цепью от Алеутских до Марианских островов, так как с помощью военно-морской и воздушной мощи Соединенные Штаты могли обеспечить «господство над всеми азиатскими портами от Владивостока до Сингапура» [MacArthur]. Ключевым элементом в этой цепи островов генерал считал Тайвань. Ни при каких обстоятельствах он не должен попасть под контроль недружественной США державы, полагал Д. Макартур, так как остров превратится во «вражеский клин» в центре американского оборонного периметра, «непотопляемый авианосец и плавучую базу для подводных лодок, идеально расположенные для того, чтобы реализовать наступательную стратегию и, в то же время, «поставить мат» оборонительным или контр наступательным операциям дружественных сил, базирующихся на Окинаве и Филиппинах» [Draft Report]. Потеря Тайваня могла сместить будущую зону боевых действий на пять тысяч миль на восток к побережью Калифорнии, Орегона и Вашингтона, предупреждал он.

Заявления генерала противоречили данным ранее утверждениям президента США Гарри Трумэна о том, что у Америки нет захватнических планов касательно Формозы или другой китайской территории и нет желания получить особые права, привилегии или создавать там военные

базы. Однако, рассмотрев заявления вашингтонского истеблишмента в тот период и реальные шаги американского правительства, мы найдем подтверждения тому, что именно соображения Д. Макартура соответствовали направлению, в котором эволюционировала стратегическая концепция США. В самом начале 1950 г. на первой полосе газеты «New York Times» выходит письмо бывшего президента США Джона Гувера, где он доказывает, что Америке необходимо иметь «стену против коммунизма» на Тихом океане; а Тайвань, Пескадорские острова и остров Хайнань должны быть взяты под защиту военно-морского флота США. В январе 1950 г. госсекретарь США Д. Ачесон рассуждал о «тихоокеанском оборонном периметре» США, который простирается вдоль Алеутских островов, Японии и Рюкю до Филиппинских островов [Excerpts...]. В статье 1952 г. в журнале «Foreign Affairs» служивший в то время специальным советником президента Трумэна Дж. Даллес писал о «решимости обезопасить прибрежную цепь островов, которая тянется на юг через Японию, Рюкю, Филиппины, Австралию и Новую Зеландию» и представляет «грозное препятствие господству коммунистического империализма на Тихом океане» и, в этой связи, не допустить «изменения статуса Формозы силой» [Dulles, p. 181]. Уже при администрации Д. Эйзенхауэра, в 1954 г., на совещании Совета по национальной безопасности председатель Объединённого комитета начальников штабов адмирал А. Рэдфорд подчеркивал, что США «должны сохранить Японию и прибрежную цепь островов, частью которой, конечно же, является Формоза» и откровенно признавал, что «позиция по удержанию Формозы не альтруистическая, а основывается на интересах безопасности Соединенных Штатов» [Memorandum...]. На том же совещании Д. Эйзенхауэр подтвердил, что потеря Тайваня «поставила бы под угрозу всю военную позицию США на Дальнем Востоке», хотя и отметил, что считает потерю Тайваня не столь серьезной, как потерю Японии или Филиппин.

Вызывал интерес американцев и экономический потенциал острова. В телеграмме госсекретарю США 17 августа 1947 г. генерал А. Вегемейер, побывавший с исследовательской миссией на Тайване, писал: «Остров чрезвычайно богат углем, рисом, сахаром, цементом, фруктами и чаем. На нем имеются в изобилии как гидроэнергетические, так и топливные ресурсы. Японцы эффективно электрифицировали даже отдаленные районы и построили также прекрасные железные и шоссейные дороги. Восемьдесят процентов населения грамотны, умеют читать и писать, что является прямой противоположностью положению, преобладающему на основной территории Китая» [Telegram...].

На фоне растущей американской заинтересованности в Тайване в послевоенные годы ряд официальных лиц США заявляют о том, что до тех пор, пока не подписан мирный договор с Японией, статус Тайваня все

еще не «определен», начинается изучение возможности для передачи острова под американскую опеку или опеку ООН. Кроме этого, США предпринимают целый ряд шагов для укрепления своего присутствия на Тайване. С 1946 г. правительство Чан Кайши предоставляет Вашингтону право фактического контроля над важными портами Тайваня и на постройку военных объектов. На постоянную работу на Тайване была направлена группа офицеров США; Соединенные Штаты создали воздушные базы, радиостанции связи и другие сооружения на аэродроме Суншань в Тайбэе и на аэродромах в Тайчжуне, Тайнани и Синьчжу; самолеты американской 13-й воздушной армии на Тихом океане были отправлены для топографических аэрофотосъемок Тайваня и для проведения метеорологических наблюдений [Лю, с. 303]. Более того, с 1946 г. Америка получает право на «свободное учреждение различных предприятий» на Тайване, восстановление и строительство гидроэлектростанций и на «превращение портов Цзилун и Гаосюн в свободные международные порты». В феврале 1948 г. Соединенные Штаты и гоминьдановское правительство подписывают соглашение о «совместном развитии» Тайваня, что фактически поставило под контроль Америки экономическую жизнь острова [Лю, с. 304].

Победа Коммунистической партии Китая в проходившей на материке гражданской войне привела к бегству правительства Чан Кайши на Тайвань в декабре 1949 г. В условиях разгоравшейся Холодной войны и вспыхнувшего конфликта на Корейском полуострове Америка не могла допустить захват Тайваня силами КПК. Г. Трумэн решает на прямое вмешательство в гражданскую войну в Китае. 27 июня 1950 г. он выступает с заявлением, что «оккупация Формозы коммунистическими силами представляла бы прямую угрозу безопасности Тихоокеанского региона и силам Соединенных Штатов, выполняющим свои законные и необходимые функции в этом районе» и направляет 7-й флот в Тайваньский пролив для предотвращения нападения на Формозу. Войска Чан Кайши были переданы под командование Д. Макартура в целях «совместной обороны» Тайваня. Также, в одностороннем порядке американский президент заявляет, что «определение будущего статуса Формозы должно быть отложено до восстановления безопасности в Тихом океане, мирного урегулирования с Японией или рассмотрения вопроса Организацией Объединенных Наций» [Statement...].

Эти события предопределили последующую судьбу Тайваня. Вследствие активной вовлеченности США в межбереговые отношения решение тайваньского вопроса не стало делом двустороннего урегулирования между Пекином и Тайбэем, а расхождения интересов и стратегий участников сложившегося треугольника КНР-Тайвань-США задали долгосрочную конфликтную динамику в районе Тайваньского пролива. Так, КНР

исходила из того, что как победитель в гражданской войне она является государством-продолжателем Китайской Республики и единственным легитимным правительством, представляющим весь Китай. 28 ноября 1950 г. представитель КНР У Сююань, выступая на заседании Совета Безопасности ООН с официальным обвинением против правительства США в агрессии, подчеркнул, что «статус Тайваня давно определен». «Тайвань был частью территории Китая еще до того, как Соединенные Штаты стали независимыми...Каирская и Потсдамская декларации предусматривают, что Тайвань должен быть возвращен Китаю. После поражения Японии китайское правительство приняло капитуляцию японских войск на Тайване, что означает восстановление Тайваня не только де-юре, но и де-факто в качестве неотъемлемой части территории Китая», — заявил У Сююань [Чжунго...].

Гоминьдановское правительство было солидарно в том, что Тайвань является неотъемлемой территорией Китая, однако, занимало радикально отличную от КНР позицию, что следует считать «Китаем». Китайская Республика отказывалась признать себя правительством в изгнании, утверждая, что именно она является суверенным правительством всего Китая и именно к ней относятся все соглашения военного времени. Чан Кайши рассматривал Тайвань как базу для продолжения гражданской войны с «коммунистическими мятежниками» и последующего возвращения на материк. Он исходил из того, что межбереговой конфликт — внутреннее дело, которое нужно разрешить военными средствами, либо путем военного вторжения на материк с Тайваня, либо в рамках более широкого противостояния с мировым коммунизмом. Эта позиция, соответственно, исключала любые отношения с материком, будь то торговля или официальные переговоры [Goldstein, p. 25].

Соединенным Штатам с помощью вмешательства в гражданскую войну в Китае удалось удержать Тайвань в зоне своего влияния. Развивавшиеся отношения с КР привели к подписанию Договора о взаимной обороне в 1954 г., что включило Тайвань в систему тихоокеанских военных союзов США, ставших «костяком» американского доминирования в регионе. Благодаря поддержке Вашингтона, Тайбэю удалось сохранять свой международный статус и членство в ООН в качестве представителя Китая, включая место постоянного члена Совета Безопасности (до 1971 г.). С другой стороны, в то время как США признавали КР в качестве законного представителя Китая, Америка не стала менять позицию «неопределенности» по поводу статуса самого Тайваня. Статья 2 (b) Сан-Францисского мирного договора 1951 г. не дает пояснений в пользу какого государства Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова. Те же формулировки практически повторил Двусторонний договор между КР и Японией 1952 г. Вплоть до 1971 г., излагая позицию по

Тайваню, представители Государственного департамента США заявляли, что «суверенитет над Тайванем является «нерешенным вопросом, подлежащим международному урегулированию в будущем» [Киссинджер, с. 257]. Как отмечает профессор Колледжа Смита С. Голдштейн, американцы заняли «парадоксальную» позицию, признав, что «КР является [законным] правительством всего Китая, чьи столица и правительственные здания располагались в месте, которое Вашингтон юридически не считал частью Китая» [Goldstein, p. 22].

Результатом этих процессов стало то, что тайваньский вопрос превратился в один из опасных конфликтных узлов в регионе, а также в самую центральную и болезненную проблему в отношениях между Вашингтоном и Пекином. Более того, военные столкновения материка и Тайваня по поводу островных групп Цзиньмэнь, Мацзу и Дачэнь в 1954—55 и 1958 гг. продемонстрировали реальную опасность вовлечения Вашингтона в конфликт с КНР.

2. Стратегическое «примирение» США и КНР и трансформация статус-кво в Тайваньском проливе

Однако, с конца 1960-х на фоне существенного ухудшения советско-китайских отношений в связях одной из сторон треугольника — США и КНР — начинают происходить коренные изменения. Поиск Америкой пути выхода из войны во Вьетнаме, ухудшение стратегической обстановки вокруг Китая в Азии, наличие общей цели сдерживания СССР сблизило позиции двух стран.

Новая страница в их отношениях была открыта состоявшимся 9—11 июля 1971 г. тайным визитом советника президента США по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера в Китай. Последовавшая дипломатия подготовила почву для визита Р. Никсона в КНР в 1972 г. и сделала возможным установление официальных дипломатических отношений между Вашингтоном и Пекином в 1979 г.

В ходе двусторонних переговоров 1971—1972 гг. стало очевидно: несмотря на желание американской стороны обойти чувствительный вопрос своих отношений с Тайванем, именно он станет главным предметом для дискуссий и камнем преткновения на пути прогресса в отношениях. На переговорах с американской делегацией премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай выдвинул следующие требования: США должны признать КНР в качестве единственного законного правительства Китая, а провинцию Тайвань неотъемлемой частью китайской территории; вывести все свои вооруженные силы и демонтировать все свои военные объекты на Тайване и в Тайваньском проливе в течение ограниченного периода времени. Чжоу Эньлай подчеркнул незаконность Договора о взаимной обороне

1954 г. и заявил о его непризнании. Во время поездки в Китай в феврале 1972 г. президент Р. Никсон сделал заявление, что «есть один Китай, и Тайвань является частью Китая». «Больше не будет делаться заявлений — если я смогу контролировать нашу бюрократию — о том, что статус Тайваня не определен», — обещал Р. Никсон. Также президент объявил, что США не будут поддерживать движение за независимость Тайваня и выступают за любое мирное решение тайваньского вопроса.

Однако эти откровенные заявления остались лишь устными обещаниями. Соединённым Штатам удалось проявить «чудеса» дипломатической эквилибристики при формулировании текстов документов, образовавших политический фундамент для регулирования китайско-американских отношений по тайваньскому вопросу. Во всех трех ключевых двусторонних документах — коммюнике от 27 февраля 1972 г. («Шанхайское коммюнике»), коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США от 15 декабря 1978 г., коммюнике о продажах Соединенными Штатами оружия Тайваню от 17 августа 1982 г. — Вашингтон прибегнул к двусмысленным формулировкам, не конкретизируя свою собственную позицию по вопросу о суверенитете Тайваня. Так, в коммюнике 1972 г. американская сторона вместо однозначного глагола «recognize» («признавать») использовала глагол «acknowledge» (среди значений которого — «сознавать», «отмечать»), который дал возможность трактовать текст следующим образом: «США осознают [или отмечают — *A.B.*], что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива признают, что существует только один Китай и что Тайвань — часть Китая. Правительство Соединенных Штатов не ставит эту позицию под сомнение. Оно подтверждает свою заинтересованность в мирном урегулировании тайваньского вопроса самими китайцами» [Joint Statement]. Коммюнике от 15 декабря 1978 г. гласило, что с 1 января 1979 г. США «признают правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством Китая. В этом контексте народ Соединенных Штатов будет поддерживать культурные, торговые и другие неофициальные отношения с народом Тайваня». С одной стороны, это означало разрыв дипломатических связей с Тайванем и запускаяло процесс аннуляции договора об обороне 1954 г. С другой стороны, и в этом документе, упоминая о статусе Тайваня, Вашингтон использует двусмысленное «acknow-ledge»: «Правительство Соединенных Штатов Америки осознает китайскую позицию, что существует только один Китай, а Тайвань является частью Китая» [Carter]. Коммюнике 1982 г. повторяло аналогичный текст.

Америка также официально не признала конфронтацию между материком и Тайванем гражданской войной — это вывело её из-под действия статьи 2 (7) Устава ООН (принцип невмешательства во внутренние дела государства) и обеспечивало возможность не соблюдать принцип

нейтралитета и запрет на поставки оружия повстанческой группе в гражданской войне в иностранном государстве в рамках международно-правовых правил войны [Sheng, p. 13].

Таким образом, политика «одного Китая», которая до сих пор официально определяет внешнеполитический курс США, не аналогична принципу «одного Китая», как его понимает Пекин (есть только один Китай (КНР), а Тайвань — его неотъемлемая часть). Соединенные Штаты, действительно, признали, что КНР является единственным законным правительством Китая, но, низводя правительство Тайваня до уровня субъекта, не имеющего суверенного статуса, они не постулировали однозначную принадлежность территории острова материке и оставили для себя право обращаться с Тайбэем как с самостоятельным актором международной системы. Это включает не только поддержание торговых, культурных и «других отношений» с Тайванем, но и законодательное закрепление возможности вмешательства в межбереговые отношения. В принятом в 1979 г. Законе об отношениях с Тайванем Вашингтон заявил, что «любые попытки определить будущее Тайваня не мирными средствами, ... рассматриваются как угроза миру и безопасности в западной части Тихого океана и вызывают серьезную озабоченность Соединенных Штатов». В связи с этим «Соединенные Штаты должны предоставить Тайваню оружие оборонительного характера и поддерживать способность ... противостоять любому применению силы или другим формам принуждения, которые могут поставить под угрозу безопасность или социальную или экономическую систему народа Тайваня» [Taiwan Relations Act]. При наличии подобных угроз закон предписывал президенту США незамедлительно проинформировать конгресс и совместно определить соответствующие ответные действия. США не стали брать на себя однозначных военных обязательств по защите территории Тайваня, и эта «стратегическая неопределенность» стала важным элементом американской политики в деле сдерживания материка и Тайваня от изменения статус-кво

Руководство КНР рассматривало принятие Закона об отношениях с Тайванем и продажи оружия острову как прямое вмешательство в дела Китая, нарушение его суверенитета и вызов достигнутому в 1978 г. соглашению о нормализации отношений. Решить вопрос продаж оружия было призвано коммюнике 1982 г., но и там Вашингтон ограничился неопределенными заявлениями без четких обязательств. Объявленное намерение сокращать поставки вооружений не содержало никаких пояснений относительно процедуры таких сокращений и не устанавливало конкретных сроков, к которым продажи должны быть прекращены. Более того, в период подготовки этого коммюнике президенту КР Цзян Цзинго передают так называемые «шесть гарантий» президента Рональда Рейгана: США давали обязательство не устанавливать дату прекращения продаж оружия Тайваню;

не проводить предварительные консультации с КНР в отношении этих продаж; не играть роль посредника между КНР и Тайванем; не пересматривать Закон об отношениях с Тайванем; не менять свою позицию в отношении суверенитета над Тайванем; а также не оказывать давление на Тайвань по вступлению в переговоры с КНР. Эти гарантии стали, наравне с тремя американо-китайскими коммюнике и Законом об отношениях с Тайванем, «краеугольным камнем» политики США в отношении Тайваня и еще одним поводом для разногласий с Пекином, настаивающего на том, что в разрешении тайваньского вопроса США и КНР должны руководствоваться только тремя двусторонними коммюнике.

Таким образом, несмотря на стремительную трансформацию американо-китайских отношений, стороны оказались неспособны достигнуть какого-либо компромисса по вопросу Тайваня.

Серьезные подвижки в этот период происходили и в межбереговых связях. В конце 1978 г. с приходом к власти руководства во главе с Дэн Сяопином Пекин радикальным образом меняет стратегию по преодолению фактической разделённости страны и формулирует новый курс на «мирное объединение». 1 января 1979 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) публикует «Обращение к тайваньским соотечественникам» с предложением об объединении страны мирным путём и начале переговоров между Компартией и Гоминьданом.

Разъяснения относительно модели воссоединения с Тайванем в рамках нового курса были сначала озвучены председателем Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньином 30 сентября 1981 г., затем Дэн Сяопином 26 июня 1983 г. 22 февраля 1984 г. Дэн оформляет их в виде формулы «одна страна — две системы». В соответствии с ней Тайвань после объединения сохранил бы высокую степень самоуправления как особый административный район КНР — свой экономический строй, независимую административную, законодательную и судебную системы. Предполагалось, что Тайвань будет иметь свои вооруженные силы и его экономические и культурные связи с зарубежными странами останутся без изменений. В то же время в международных делах представлять Китай будет вправе только КНР. Для реализации выдвинутых Тайваню предложений в новую Конституцию КНР 1982 г. было добавлено специальное положение (статья 31), позволявшее государству в случае необходимости создавать особые административные районы. Для того, чтобы запустить процесс мирного объединения, Дэн призвал к началу равных переговоров между КПК и Гоминьданом.

Еще одной инициативой материка был запуск «трех каналов связи» между берегами Тайваньского пролива (торговля, почтово-телеграфное, авиа- и морское сообщение) и «четырёх обменов» (межбереговые визиты

родственников и туристические поездки, а также научные, культурные и спортивные обмены). Разочаровавшись в позиции США по вопросу объединения, Китай надеялся, что эти предложения вкупе с обещанием частичной автономии в рамках формулы «одна страна — две системы» создадут благоприятные условия для того, чтобы Тайвань сел за стол переговоров. Однако военный путь в случае отказа Тайваня от объединения не отбрасывался.

В этот период происходят изменения и в курсе правительства КР по отношению к матерiku. Сын Чан Кайши Цзян Цзинго запускает серию модернизационных реформ в экономической, а затем и политической сферах жизни острова. Не ставя под сомнение единство материка и острова, Цзян Цзинго переосмысливает подход к реализации объединения. Фокус с вооруженного возвращения на материк (становившегося все более нереалистичным) смещается на повышение привлекательности политической и экономической модели развития Тайваня для материка, что в своем роде также означало переход к курсу на «мирное объединение».

В результате двух шагов как материка, так и острова с середины 1980-х гг. в отношениях двух берегов наметилась «оттепель». В 1987 г. Цзян Цзинго снимает запрет на поездки на материк для посещения родственников. Это положило начало стремительному росту экономических и гуманитарных обменов между КНР и Китайской республикой. Кроме этого, согласно утверждениям бывшего председателя Постоянного комитета ВСНП Цяо Ши, в 1980-е гг. Цзян Цзинго и китайское руководство по секретным каналам начинают переговоры по вопросу воссоединения [Sheng, p. 91—92]. Однако, смерть тайваньского президента в январе 1988 г. внесла существенные коррективы в межбереговые отношения. В 1990-е гг. треугольник КНР—Тайвань—США неумолимо движется к крупному кризису.

3. Треугольник КНР—Тайвань—США и третий кризис в Тайваньском проливе

Предлогом для дестабилизации ситуации в зоне Тайваньского пролива стала проходившая с 7 по 11 июня 1995 г. поездка в Америку Ли Дэньхуэя, занявшего после смерти Цзян Цзинго пост президента КР. Этот визит являлся беспрецедентным нарушением протокола, учитывая разрыв официальных отношений между США и КР в 1979 г. Факт выдачи американской стороной этой визы, а также организованное в рамках этой поездки выступление Ли Дэньхуэя в Корнелльском университете, где он заявил о решимости Тайваня вырваться из дипломатической изоляции и играть активную роль на международной арене в качестве «дружественного и способного партнера» стран на пути к прогрессу, были расценены Пе-

кином как прямой вызов принципу «одного Китая». Ответом материка стала серия ракетных испытаний и военных учений вблизи Тайваня. Самые широкомасштабные военные учения прошли непосредственно перед выборами в законодательные органы острова в декабре 1995 г. и в преддверии первых прямых и всеобщих тайваньских президентских выборов в марте 1996 г. Мартовские учения предполагали три этапа, включавшие ракетные испытания вблизи Цзилуна и Гаосюна, двух важнейших морских портов Тайваня, отработку действий военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил с имитацией десантного вторжения.

Как позже вспоминал Уоррен Кристофер, который в то время занимал пост госсекретаря США: «Хотя ни мы, ни тайваньское руководство не верили, что эти действия были предвестниками вторжения, они были опасно провокационными. В напряженной обстановке взаимной враждебности и глубокого недоверия администрация была обеспокоена тем, что простой просчет или неверный шаг могут привести к непреднамеренной войне» [Christopher, p. 427]. В декабре 1995 г. Вашингтон направил авианосец «Нимиц» и четыре корабля сопровождения через Тайваньский пролив. В марте 1996 г. президент У. Клинтон приказал отправить две боевые группы авианосцев в район близ Тайваня для наблюдения за китайскими учениями. В общей сложности у Тайваня было развернуто четырнадцать кораблей ВМС США и три атомные ударные подводные лодки, что стало крупнейшей демонстрацией силы в проливе с 1950-х годов.

Несмотря на напряженную ситуацию, президентские выборы на Тайване состоялись, приведя к победе Ли Дэнхуэя, набравшего 54 % голосов избирателей. Два дня спустя материк завершил военные учения, и конфронтация начала ослабевать.

Кризис миновал, но силы, вызвавшие его к жизни, не исчезли. События 1995—1996 гг. стали лишь кульминацией процесса становления нового статус-кво, запущенного в первой половине 1990-х годов.

В сложившемся треугольнике Тайбэй стал самым активным игроком, бросившим вызов существовавшему положению вещей. Разворачивавшиеся с конца 1980-х гг. процессы демократизации изменили лицо острова. Возможности для участия в политической жизни местного населения непрерывно увеличивались: в 90-е гг. тайваньцы получили право избрания представителей в законодательные органы и право на прямое участие в выборах президента. На политической сцене острова возникали новые партии, отражавшие интересы самых разнообразных групп населения. Все более влиятельной силой становилась Демократическая прогрессивная партия (ДПП), выступавшая за независимость Тайваня. Основанная в 1986 г. и легализованная в 1989 г., она превратилась в главную оппозиционную силу для Гоминьдана. Менялся и сам Гоминьдан: если в 1952 г. уроженцы Тайваня составляли 26.1 % от общего числа членов партии, то

в 1993 г. — уже 69.2 %, причем среди членов Центрального постоянного комитета партии это соотношение увеличилось с 0 до 57.1 % соответственно [Goldstein, p. 72]. Символом происходивших на острове перемен стал Ли Дэнхуэй, первый президент-уроженец Тайваня.

Именно при нем Тайвань стал пересматривать свой статус и подход к вопросу объединения с материком. Принципиальной позицией Чай Кайши и Цзян Цзинго было то, что КР является единственным правительством всего Китая, а материковая часть страны временно оккупирована коммунистическими мятежниками. При Ли Дэнхуэе это понимание вытесняется утверждением, что следует признать «реальное положение вещей», заключающееся в том, что юрисдикция Китайской Республики ограничивается территорией, включающей остров Тайвань, архипелаг Пэнху и острова Цзиньмэнь и Мацзу, и не распространяется на материковый Китай. В 1991 г. КР прекращает действие «Временных правил на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа», а в 1992 г. принимает «Правила, регламентирующие отношения между жителями Тайваня и континентальной части Китая», где фиксируется, что под территорией Тайваня понимаются «Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь, Мацзу и другие районы, находящиеся под юрисдикцией правительства» КР, при этом материковой частью называется часть «территории Китайской Республики, кроме территории Тайваня» [Тайвань дицзюй]. Не оспаривая управление всем Китаем де-юре, правительство КР заявило о де-факто отсутствии контроля над материком, что фактически стало разрывать политическую «пуповину» между Тайбэем и Пекином. Сохранность принципа «одного Китая» де-юре позволила родиться так называемому «консенсусу 1992 г.» («один Китай, разные интерпретации» — обмен представителей неправительственных организаций материка и Тайваня устными заявлениями о своих позициях, что является Китаем, в октябре 1992 г.) который Пекин стал рассматривать как основу для отношений через пролив. С другой стороны, утверждение о фактической разделённости материка и Тайваня позволило Ли Дэнхуэю выдвинуть такие, сменявшие друг друга конструкты как: «один Китай, два правительства», «один Китай, два образования», «один Китай, два равных образования», «один Китай, два равных политических образования», «один Китай, два законных образования на международной арене», затем «два равных политических образования» уже без упоминания «одного Китая». В 1999 г. Ли озвучил еще более радикальную концепцию связей через пролив как «особых межгосударственных отношений». Эти изменения в позиции руководства КР и выдвинутые ими в 1991 г. нереалистичные условия для объединения, включавшие предварительную политическую демократизацию и экономические реформы в КНР, говорили, с точки зрения Пекина, о том, что Тайвань вступил на путь к объявлению независимости.

Роль США в дестабилизации ситуации была также значительной. После инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и распада СССР, что привело к исчезновению общей стратегической угрозы для Вашингтона и Пекина, отношения между США и КНР быстро ухудшились. Решение о выдаче визы Ли Дэнхуэю было всего лишь эпизодом в уже запущенном процессе пересмотра США своей политики в отношении Китая и Тайваня. Его ярким примером стала продажа Тайваню администрацией Дж. Буша-старшего 150 истребителей F-16 и некоторого другого оборудования на общую сумму 6,5 млрд долл. в 1992 г. Китай видел в этом количественном и качественном увеличении продаж вооружений нарушение Америкой данного в коммюнике 1982 г. обещания сократить объем продаж оружия Тайваню.

Более того, в 1994 г. администрация У. Клинтона инициировала пересмотр политики в отношении Тайваня — первая инициатива подобного рода с 1979 г. Изменения давали разрешение на визиты высокопоставленных должностных лиц из экономических и технических ведомств США на Тайвань; визиты официальных лиц из Тайваня (кроме президента, вице-президента, премьер-министра и вице-преьера) в США; и встречи в официальной обстановке. Также была согласована смена названия неофициального представительства Тайбэя в Вашингтоне с «Координационного совета по делам Северной Америки» на более конкретное «Тайбэйское экономическое и культурное представительство».

Демонстрация материком военной мощи в 1995—1996 гг. была призвана остановить неблагоприятные для него подвижки в политических курсах как Тайбэя, так и Вашингтона и избежать эффекта «домино» в разрушении принципа «одного Китая» в международном сообществе — другие страны могли бы последовать примеру США и пересмотреть свою политику в отношении КР. Правительство Ли Дэнхуэя уже активно занималось «практической дипломатией», а с 1993 г. начало ежегодно подавать заявки на получение членства в ООН.

Проблемы, вызвавшие этот кризис к жизни, так и не были решены. После 1996 г. КНР, Тайвань и США оказались в ситуации «структурного тупика» — статус-кво, который будет определять последующие два десятилетия развития отношений в рамках этого треугольника. Пекину так и не удалось заставить Тайбэй пересмотреть его новое видение своего статуса и перспектив объединения, в пользу позиций, которых придерживались Чан Кайши и Цзян Цзинго. Китаю пришлось иметь дело с изменившимся, демократизированным Тайванем. Решая задачи ускоренной модернизации страны, Пекин сосредотачивается не на реализации немедленного объединения, а недопущении дальнейшего дрейфа Тайваня в сторону объявления независимости. Отправной точкой для выстраивания отношений с островом становится согласие руководства последнего с

«консенсусом 1992 г.». В зависимости от позиции, принятой тайваньскими властями, Пекин будет в последние два десятилетия балансировать между двумя тактиками: отказом от поддержания каких-либо официальных контактов и сдерживания с помощью силового давления (Закон о противодействии расколу страны 2005 г. зафиксировал право КНР на использование «немирных средств и других необходимых мер для защиты суверенитета, и территориальной целостности Китая»), ограничения международного пространства острова как делалось в отношении администрации президента от ДПП Чэнь Шуйбяня (2000—2008), взявшего на вооружение тактику «ползучего сепаратизма»; и шагами, нацеленными на развитие политического диалога, торговых, гуманитарных связей между берегами пролива и способствованию интеграции материка и острова, как это происходило в годы правления президента Ма Инцзю — представителя Гоминьдана, инициировавшего нормализацию отношений с КНР на базе «консенсуса 1992 г.»).

Кризис 1995—1996 гг. продемонстрировал становление Тайваня как равноценного игрока треугольника КНР-КР-США. Теперь стабильность в Тайваньском проливе зависела во многом от позиции, которую занимала администрация КР. Несмотря на крепнувшее ощущение своей национальной идентичности и желание играть более активную роль на международной арене, кризис и посткризисный период выявили мощные «сдержки» на пути движения Тайваня к независимости и расширению международного пространства. Подобная политика (хотя и находившая отклик у части населения острова) встречала противодействие большинства тайваньцев, заинтересованных в сохранении статус-кво. Так случилось с администрацией Чэнь Шуйбяня, одной из причин падения популярности которой и поражения ДПП на парламентских и президентских выборах 2008 г. стала неспособность наладить конструктивное взаимодействие с материком. Двойное сдерживание Тайбэя Китаем и, что важно, Америкой, которая не желала быть втянутой в конфликт с Пекином, также стало драйвером возвращения статус-кво на «исходные позиции». С другой стороны, и курс тайваньской администрации, нацеленный на продвижение диалога с материком (при всех его выгодах для бизнес-сообщества острова, положительном влиянии на межбереговые отношения и на ситуацию в сфере безопасности в регионе) вызывал обеспокоенность населения по поводу углубляющейся зависимости острова от Китая, грозящей «поглощением» Тайваня. Ярким примером стало «Движение подсолнухов» 2014 г. Протестное движение, состоявшее главным образом из представителей молодёжи Тайваня, выступило против ратификации подписанного в 2013 г. межберегового Соглашения о торговле услугами, грозившего увеличить взаимозависимость острова и материка.

После 1996 г. и Америке пришлось искать баланс между двумя противоречивыми целями в своей политике. С одной стороны, на фоне уже обозначившейся трещины в отношениях с КНР Вашингтон, чтобы удержать остров в орбите своего влияния, продолжал оказывать ему поддержку: после 1996 г. Пентагон расширяет военные связи с Тайванем до беспрецедентного с 1979 г. уровня — это касается не только увеличения объемов продаж оружия, но и запуска более широких двусторонних обменов в военной сфере, включающих консультации по вопросам стратегии, обучения, материально-технического обеспечения, командования и контроля.

С другой стороны, бурный рост китайской экономики и сопряженные с этим выгоды, увеличивающийся политический вес Пекина обусловили заинтересованность США в выстраивании с КНР конструктивных отношений. Эта позиция стала ясна, когда во время визита в Китай в 1998 г. У. Клинтон озвучил принцип «трех нет»: США не поддерживают независимость Тайваня; не поддерживают формулы «один Китай, один Тайвань» или «два Китая»; не поддерживают членство Тайваня в каких-либо международных организациях, где требуется суверенный статус. Еще одной демонстрацией такого подхода Вашингтона стала его политика сдерживания администрации Чэнь Шуйбяня от рискованных шагов, которые могли бы спровоцировать конфликт в Тайваньском проливе.

Двойственность политик каждого игрока в треугольнике КНР—Тайвань—США и наличие у них противоречивых целей служили своеобразной системой «сдержек и противовесов», которая поддерживала существование хрупкого статус-кво на протяжении двух десятилетий с 1996 г.

4. «Тайваньский вопрос» в условиях обострившегося американо-китайского соперничества

С 2016 г. ситуация в Тайваньском проливе вновь вступила в зону турбулентности. Если в своей инаугурационной речи 2016 г. новый президент КР от ДПП Цай Инвэнь придерживалась некоторой неясности, в 2019 г. она заявила об отказе признать «консенсус 1992 г.» и принять модель «одна страна — две системы». Непризнание принадлежности материка и острова к «одному Китаю» привело к остановке всех переговоров Пекина с Тайбэем. В 2019 г. Цай Инвэнь выдвинула четыре требования для развития межбереговых отношений: Китай должен признать факт существования Тайваня (КР); он должен уважать приверженность населения острова свободе и демократии; межбереговые разногласия должны быть урегулированы мирно и на основе равенства; переговоры должны вестись правительствами либо уполномоченными правительствами государственными структурами.

Избегая откровенного пересечения «красных линий» Пекина, администрация ДПП пытается использовать с выгодой для себя углубляющееся соперничество между США и КНР, надеясь заручиться дипломатической и военной поддержкой Вашингтона и его союзников. В 2021 г. в статье в «Foreign Affairs» Цай заявила о «ключевой позиции» Тайваня в Индо-Тихоокеанском регионе и напомнила о роли, которую он играет в сохранении выстроенного Америкой регионального порядка. «Если Тайвань падет, последствия ... будут катастрофичны, — пишет Цай Инвэнь. — [Он] расположен вдоль первой цепи островов, которая тянется от севера Японии до Борнео; если эта линия будет разрушена силой, последствия подорвут международную торговлю и дестабилизируют всю западную часть Тихого океана. Другими словами, неспособность защитить Тайвань ... перевернет архитектуру безопасности, которая обеспечивала мир и экстраординарное экономическое развитие в регионе на протяжении семи десятилетий» [Tsai, p. 75—76].

Вашингтон также важный партнер тайваньского руководства в деле диверсификации торговых связей, завязанных на КНР (в 2021 г. объем межбереговой торговли составил 273,1 млрд долл., т. е. 33 % от общего объема внешней торговли Тайваня, и на долю материка и Гонконга пришлось 42,3 % всего экспорта Тайваня [Цзинь...]). Вопросы укрепления экономических связей, снижения зависимости Вашингтона и Тайбэя от цепочек поставок с КНР, сотрудничество в технологической сфере обсуждаются в рамках встреч по обсуждению Рамочного соглашения о торговле и инвестициях, запущенного в 2020 г. Диалога по вопросам партнерства в области экономического процветания и нового Механизма тайваньско-американского торгового и инвестиционного сотрудничества в сфере науки и технологии. На фоне китайско-американского технологического соперничества важным аспектом отношений США и Тайваня становится участие последнего в принимаемых Вашингтоном мерах экспортного контроля в отношении Пекина. Китайский исследователь Тан Цзыхань указывает, что прежде межбереговые отношения характеризовались выражением «холодно в политике, жарко в экономике», но экономическая политика ДПП может создать ситуацию, когда «холодно в политике и холодно в экономике» [Тан, с. 38].

На этом фоне важную роль для судьбы межбереговых отношений играет тайваньское общественное мнение. По данным социологических опросов, в 2020 г. лишь 2,4 % островитян идентифицировали себя как «китайцы» (17,6 % в 1996 г.), в то же время число людей, идентифицирующих себя как «тайваньцы» увеличилось до 67 % (24,1 % в 1996 г.). Хотя большинство населения выступает так или иначе в поддержку сохранения статус-кво, обращает на себя внимание увеличение процента людей, поддержавших идею «статус-кво сейчас, движение к независимо-

сти позже» — с 9,5 % в 1996 г. до 25,8 % в 2020 г. [Zhuniao]. Возникает вопрос, какое влияние такие настроения окажут в перспективе на платформы политических партий острова. Нагнетание антикитайских настроений принесло дивиденды ДПП, выигравшей с большим преимуществом президентские и парламентские выборы 2020 г. Внутрипартийные события Гоминьдана показали наличие разногласий относительно направлений развития партии у ее членов. Так, в 2020 г., реагируя на настроения избирателей, молодое крыло Гоминьдана, представленное Цзян Цичэнем (на тот момент — председатель партии), призвало к переосмыслению позиции касательно межбереговых отношений и «консенсуса 1992 г.», определив его как «историческое описание взаимодействия между берегами пролива в прошлом». Стоит отметить, что это предложение подверглось критике «старой гвардии» партии и в политической платформе Гоминьдана 2021 г. была подтверждена приверженность поддержке «консенсуса 1992 г.» и осуждены призывы сторонников ДПП к независимости Тайваня, однако оно отражает тенденцию, которую нужно принять во внимание.

Реагируя на политику тайваньских властей, Китай усилил методы давления в экономической (одним из последних громких эпизодов стал запрет на импорт тайваньских ананасов в 2021 г.), военной и дипломатической сферах. Увеличилось число учений возле Тайваня, а пересечение «срединной линии» пролива военной авиацией КНР стало новой нормальностью. В 2021 г. Пекин ввел персональные санкции против премьер-министра, министра иностранных дел и председателя Законодательного юаня Тайваня за «разжигание вражды» между берегами пролива. Предпринимаются шаги для сокращения международного пространства острова: с 2016 г. 8 стран разорвали дипломатические отношения с КР в пользу признания КНР, пострадало участие Тайваня в международных организациях.

В то же время Пекин удваивает меры, призванные способствовать межбереговой экономической и социальной интеграции: расширены возможности для ведения бизнеса, получения образования, трудоустройства тайваньцев на материке, при этом особое внимание уделяется активизации молодежной политики и увеличению обменов между молодежью. Среди запущенных мер — принятый в 2018 г. Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня пакет из 31 инициативы (еще 26 добавлены в 2019 г.), включающий предоставление тайваньским компаниям права на участие в программе «Сделано в Китае 2025», в тендерах на инфраструктурные проекты КНР, на получение налоговых льгот и нацеленный на привлечение тайваньских специалистов и выпускников вузов для работы на материке. В марте 2021 г. в ходе визита в провинцию Фуцзянь Си

Цзиньпин поставил задачу дальнейшего поиска новых путей для межбереговой интеграции и совместного экономического развития.

Несмотря на усиливающееся давление КНР на тайваньское руководство, нет четких доказательств того, что Пекин сейчас отказался от курса на мирное развитие межбереговых отношений и коренным образом пересмотрел свою стратегию. Можно согласиться с утверждением одного из самых серьезных американских исследователей по Китаю М. Суэйна, что «сдерживающие факторы политического, экономического, военного плана и неопределенность, связанная с нападением Китая на Тайвань, какого бы рода оно ни было, все еще чрезвычайно велики». Китаю предстоит создать достаточный флот для десантного вторжения, а арсенал баллистических ракет малой дальности напротив Тайваня в последние годы сократился, что, как утверждает Суэйн, может сигнализировать о том, что «Пекин в настоящее время не наращивает свои силы для внезапного захвата острова» [Swaine]. Главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН В.Я. Портяков считает, что КНР не будет предпринимать резких шагов в отношении Тайваня, осознавая свою зависимость от ряда иностранных технологий и от сбыта на внешнем рынке [Китаист...].

Важным фактором дестабилизации ситуации в Тайваньском проливе стала переориентация США на все большую поддержку острова и меньшее принятие во внимание «красных линий» Пекина по тайваньскому вопросу. Это тревожащий тренд: как отмечалось выше, с середины 1990-х гг. балансирование Америки между Пекином и Тайбэем было одним из главных условий поддержания статус-кво, а давление со стороны Вашингтона сдерживало власти КР от рискованных шагов. США демонстрируют поддержку острову через отмену ограничений на контакты между официальными лицами двух правительств; поддержку участия Тайваня в международных организациях, в частности в системе ООН; интернационализацию «тайваньского вопроса» — очевидны попытки США привлечь союзников и партнеров к давлению на Пекин. Практически ежемесячным стал проход американских военно-морских судов через Тайваньский пролив — для сравнения, при президенте Б. Обаме такие прохождения случались от одного до трех раз в год. Укрепляются военные контакты, поставки вооружений острову бьют рекорды — при администрации Д. Трампа США авторизовали продажу Тайваню оружия на сумму более 18 млрд долл. Продажи оружия стали носить ежегодный характер и включают чувствительные для Пекина наименования. Так, в 2020 г была завершена покупка Тайванем 66 истребителей F-16, что ознаменовало первую продажу Америкой современных истребителей Тайбэю с 1992 г. Осенью того же года было объявлено о продаже 135 крылатых ракет AGM-84H с радиусом поражения более 270 км, 11 реактивных систем залпового огня и 64 тактических ракет, кото-

рые могут поражать цели на расстоянии 300 км. Это первая с 1979 г. продажа систем вооружений, которые могут быть использованы для наступательных целей.

В последние годы Вашингтон значительно расширил законодательную базу, касающуюся отношений с Тайванем: согласно Закону о поездках на Тайвань (2018) США и Тайвань могут официально посылать друг к другу высокопоставленных должностных лиц; Закон об инициативе по поддержке Азии (2018) подтверждает приверженность США обязательствам перед Тайванем и призывает к укреплению отношений с островом в сферах политики, экономики и безопасности; Закон об инициативе по международной защите и поддержке союзников Тайваня (2019) призывает государства Индо-Тихоокеанского региона укреплять и расширять отношения с Тайванем и предлагает Вашингтону калибровать связи со странами в зависимости от их политики по отношению к Тайваню.

Усилившаяся поддержка Тайваня обусловлена переориентацией стратегии США на всеобъемлющее соперничество с КНР и их стремлением укрепить позиции в Тихоокеанском регионе. Сохранение Тайбэя в орбите влияния США предстает одним из ключевых элементов регионального порядка, который обеспечивал доминирующую роль Америки в Азии на протяжении семидесяти лет. Значимость острова усиливается тем, что он является мировым центром производства высокотехнологичной электроники. Индо-Тихоокеанские стратегии США 2019 и 2022 гг. закрепляют стратегическую роль Тайваня для Вашингтона. Это признание опровергает прежние утверждения Вашингтона о поддержке мирного разрешения тайваньского вопроса и фактически означает, что объединение Тайваня с КНР, вне зависимости от того, будет ли оно мирным или нет, противоречит интересам США.

Вкупе с обозначенными выше процессами внутри острова и растущими способностями КНР по защите своих интересов военными средствами ситуация, в которой оказались три стороны, начинает напоминать формирование «идеального шторма». Научный сотрудник Тайваньского института Китайской академии общественных наук Пэн Вэйсюэ считает, что, увлекшись разыгрыванием «тайваньской карты», США могут послать неверный сигнал силам «независимости Тайваня». Сейчас соперничество Вашингтона с Пекином только набирает обороты, критического уровня риски в их отношениях достигнут в период с 2030 по 2049 г. [Пэн, с. 2—3]. Профессор Национального университета Тайваня Чжан Ячжун полагает, что американские стратеги могут создать стратегическую ловушку для Китая, подстрекая остров к противостоянию с материком, и «превратить Тайвань в еще один Афганистан». [Reunification]. Пэн Вэйсюэ обозначает следующие возможные поводы для кризиса: военное сотрудничество США и Тайваня перейдет «красную черту» Пекина; США и Тайбэй будут продвигать на-

именование «Тайвань» на международной арене, вступление Тайваня в систему ООН и разрушать принцип «одного Китая» на международном уровне; будущая администрация ДПП возьмет на вооружение новую «теорию двух государств» или будет действовать в рамках «квазиправовой» независимости Тайваня; Тайвань будет участвовать в «альянсах демократий», расширять возможности для достижения независимости и усиливать идеологические нападки на материк.

Проведенный анализ эволюции тайваньского вопроса показал, что статус-кво в районе Тайваньского пролива — динамичное явление. Сейчас треугольник КНР—Тайвань—США вновь входит в турбулентный период — набирают силу факторы, разрушающие систему «сдержек и противовесов», которая обеспечивала хрупкий баланс между тремя игроками на протяжении двух десятилетий после кризиса 1995—1996 гг. Эти факторы носят структурный характер и не исчезнут в ближайшее время. Новые реалии сужают пространство для маневра каждой из сторон, увеличивая вероятность неверных шагов, которые могут привести к вспышке вооруженного конфликта. Эта ситуация как никогда требует, чтобы три стороны точно определили свои стратегические цели и думали об издержках принимаемых ими решений.

Библиографический список

Декларация правительства Китая с объявлением войны Японии, а также Германии и Италии. 9 декабря 1941 г. URL: <https://clck.ru/gkj7k> (дата обращения: 25.04.2022).

Киссинджер, Г. О Китае. М.: Издательство АСТ, 2015. 635 с.

Китаист оценил вероятность резких действий КНР в отношении Тайваня. Известия. URL: <https://clck.ru/gkxhB> (дата обращения: 01.05.2022).

Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. 334 с.

Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943—1946 гг. / М-во иностр. дел СССР. М.: Б. и., 1947. 80 с.

Carter, J. Establishing Diplomatic Relations with China. Dec. 15, 1978. URL: <https://clck.ru/gkxiG> (дата обращения: 01.05.2022).

Christopher, W. In the Stream of History: Shaping Foreign Policy for a New Era. Stanford: Stanford University Press, 1998. 608 p.

Draft Report Regarding General MacArthur's Message on Formosa. Secretary of State File. URL: <https://clck.ru/gkj8R> (дата обращения: 01.05.2022).

Dulles, J. Security in the Pacific // Foreign Affairs, 1952, № 2. P. 175—187.

Excerpts from Acheson's Speech to The National Press Club. January 12, 1950. URL: <https://clck.ru/gkj8u> (дата обращения: 09.04.2022).

Goldstein, S. China and Taiwan. Cambridge: Polity Press, 2015. 228 p.

Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China, February 27, 1972, Shanghai. URL: <https://clck.ru/gkxr4> (дата обращения: 20.04.2022).

MacArthur, D. Farewell Address to Congress delivered 19 April 1951, Washington, D.C. URL: <https://clck.ru/gkj8H> (дата обращения: 01.05.2022).

Memorandum of Discussion at the 221st Meeting of the National Security Council, Washington, November 2, 1954. URL: <https://clck.ru/gkj9g> (дата обращения: 22.04.2022).

Reunification only acceptable option for Taiwan question: experts. URL: <https://clck.ru/gkxu5> (дата обращения: 09.04.2022).

Sheng Lijun. China's Dilemma: The Taiwan Issue. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. 239 p.

Statement by the President, Truman on Korea. June 27, 1950. URL: <https://clck.ru/gkj9x> (дата обращения: 06.04.2022).

Swaine, M. Warnings of an imminent Chinese invasion of Taiwan miss the mark. URL: <https://clck.ru/gkxyD> (дата обращения: 01.05.2022).

Taiwan Relations Act, 1979. URL: <https://clck.ru/gky3Y> (дата обращения: 01.05.2022).

Telegram. General Wedemeyer to the Secretary of State. August 17, 1947. URL: <https://clck.ru/gkj9p> (дата обращения: 24.04.2022)

Tsai Ing-wen. Taiwan and the Fight for Democracy // "Foreign Affairs", 2021, № 6, p. 74—84.

Пэн Вэйсюэ. Ши лунь Чжун Мэй бои чжаньлюэ сянци цзедуань дэ гоцзя туньи синь гэцзю [О новой модели национального объединения на этапе стратегического тупика между Китаем и США] // «Тай хай яньцзю», 2021, № 4. С. 1—10.

Си Цзиньпин чуси «Гао Тайвань тунбао шу» фабяо 40 чжоунянь цзинянь хуэй бин фабяо чжуньяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в торжественном собрании, посвященном 40-летию «Обращения к тайваньским соотечественникам», и выступил с важной речью]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-01/02/content_5354209.htm (дата обращения: 21.04.2022).

Тайвань дицзюй юй далу дицзюй женьминь гуаньси тяоли [Правила, регламентирующие отношения между жителями Тайваня и континентальной части Китая]. URL: <https://clck.ru/gky65> (дата обращения: 15.04.2022).

Тан Цзыхань. Чжун Мэй маоци цзиньчжэн бэйцзин ся Тайвань данцзю лянъянь чжэньцэ цзоюсян [Тенденции межбереговой политики тайваньских властей на фоне китайско-американской торгового соперничества] // «Туньи луньтань», 2021, № 6. С. 37—39.

Цзинь маоци чукоу тунци [Статистика экспорта и импорта]. URL: <https://clck.ru/gkyAB> (дата обращения: 15.04.2022).

Чжунго цзай лянхэго кунсу «Мэйго циньлюэ Тайвань ань» шимо [История вопроса о выступлении Китая с обвинением в «агрессии США против Тайваня» в Организации Объединенных Наций]. URL: <https://clck.ru/gkjA9> (дата обращения: 24.04.2022).

Чжуняо чжэнчжи тайду фэнбу цуйши ту [Графики, демонстрирующие распределение взглядов по значительным политическим вопросам] // Голи Чжэнчжи дасюэ сюаньцзюй яньцзю чжунсинь. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc?fid=7803> (дата обращения: 06.04.2022).

References

Deklaratsiya pravitelstva Kitaya s obyavleniyem voyny Yaponii, a takzhe Germanii i Italii. 9 dekabrya 1941 g. [Chinese Government's Declaration of War Against Japan, Germany and Italy. December 9, 1941] URL: <https://clck.ru/gkj7k> (accessed: 25 April, 2022). (In Russian).

Kissinger, H. O Kitaye [On China]. Moscow: AST Publishing house, 2015. 635 p. (In Russian).

Kitaist otsenil veroyatnost rezkikh deystviy KNR v otnoshenii Tayvanya. [The sinologist assessed the likelihood of the PRC's harsh steps against Taiwan] *Izvestiya*. URL: <https://clck.ru/gkxhB> (accessed: 1 May, 2022).

Liu Da-nian. Istoriya amerikanskoy agressii v Kitaye [History of American aggression in China]. M.: Publishing house of foreign literature, 1953. 334 p.

Sbornik dokumentov (Kairskaya deklaratsiya, Krymskoye soglasheniye, Potsdamskaya deklaratsiya, resheniye Moskovskogo soveshchaniya i drugiye dokumenty, svyazannyye s kapitulyatsiyey Yaponii) 1943—1946 gg. [Collection of documents (Cairo Declaration, Crimean Agreement, Potsdam Declaration, Decision of the Moscow Conference and other documents related to the surrender of Japan) 1943—1946] / M-in foreign affairs of the USSR. M.: B. i., 1947. 80 p. (In Russian).

Carter, J. Establishing Diplomatic Relations with China. Dec. 15, 1978. URL: <https://clck.ru/gkxiG> (accessed: 1 May, 2022).

Christopher, W. In the Stream of History: Shaping Foreign Policy for a New Era. Stanford: Stanford University Press, 1998. 608 p.

Draft Report Regarding General MacArthur's Message on Formosa. Secretary of State File. URL: <https://clck.ru/gkj8R> (accessed: 1 May, 2022).

Dulles, J. Security in the Pacific // *Foreign Affairs*, 1952, № 2. P. 175—187.

Goldstein, S. China and Taiwan. Cambridge: Polity Press, 2015. 228 p.

Excerpts from Acheson's Speech to The National Press Club. January 12, 1950. URL: <https://clck.ru/gkj8u> (accessed: 9 April, 2022).

Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China, February 27, 1972, Shanghai. URL: <https://clck.ru/gkxr4> (accessed: 20 April, 2022).

MacArthur, D. Farewell Address to Congress delivered 19 April 1951, Washington, D.C. URL: <https://clck.ru/gkj8H> (accessed: 1 May, 2022).

Memorandum of Discussion at the 221st Meeting of the National Security Council, Washington, November 2, 1954. URL: <https://clck.ru/gkj9g> (accessed: 22 April, 2022).

Reunification only acceptable option for Taiwan question: experts. URL: <https://clck.ru/gkxu5> (accessed: 9 April, 2022).

Sheng Lijun. China's Dilemma: The Taiwan Issue. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. 239 p.

Statement by the President, Truman on Korea. June 27, 1950. URL: <https://clck.ru/gkj9x> (accessed: 6 April, 2022).

Taiwan Relations Act, 1979. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479> (accessed: 1 May, 2022).

Swaine, M. Warnings of an imminent Chinese invasion of Taiwan miss the mark. URL: <https://clck.ru/gkxyD> (accessed: 1 May, 2022).

Telegram. General Wedemeyer to the Secretary of State. August 17, 1947. URL: <https://clck.ru/gkj9p> (accessed: 24 April, 2022).

Tsai Ing-wen. Taiwan and the Fight for Democracy // "Foreign Affairs", 2021, № 6, p. 74—84.

Jin maoyi chukou tongji [Import and export statistics]. URL: <https://clck.ru/gkyAB> (accessed: 15 April 2022) (In Chinese).

Peng Weixue. Shi lun Zhong Mei boyi zhanlüe xiangchi jieduan de guojia tongyi xin geju [On the New Pattern of National Unification During Stalemate in the China-U.S. Strategic Game] // «Tai hai yanjiu», 2021, № 4. P. 1—10. (In Chinese).

Taiwan diqu yu dalu diqu renmin guanxi tiaoli [Act Governing Relations between the People of the Taiwan Area and the Mainland Area]. URL: <https://clck.ru/gky65> (accessed: 15 April, 2022) (In Chinese).

Tang Zihan. Zhong Mei maoyi jingzheng beijing xia Taiwan dangju liang'an zhengce zouxiang [The Trends of Taiwan Authorities' Cross-Strait Policy Against the Background of Sino-US Trade Competition] // "Tongyi luntan", 2021, № 6. P. 37—39. (In Chinese).

Xi Jinping chuxi "Gao Taiwan tongbao shu" fabiao 40 zhounian jinian hui bing fabiao zhongyao jianghua [Xi Jinping Attends the Commemorative Meeting of the 40th Anniversary of the "Message to Compatriots in Taiwan" and Delivers an Important Speech]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-01/02/content_5354209.htm (accessed: 21 April, 2022) (In Chinese).

Zhongguo zai lianheguo kongsu "Meiguo qinlüe taiwan an" shimo [The whole story of China's complaint at the United Nations over the "US aggression against Taiwan" case]. URL: <https://clck.ru/gkja9> (accessed: 24 April, 2022) (In Chinese).

Zhuniao zhengzhi taidu fenbu quishi tu [Graphs showing the distribution of views on significant political issues] // Guoli Zhengzhi daxue xuanju. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc?fid=7803> (accessed: 6 April, 2022) (In Chinese).

Научное издание

Исторические события в жизни Китая и современность

Выпуск VII

Проблемы новой и новейшей истории Китая

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Редактор *М.А. Кириченко*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 09.12.2022.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 18,0. Усл.-изд. л. 18,8. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

АО «Т8 Издательские технологии»

109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5